

Старое платье королевы

Кира Измайлова

КНИГА КУПЛЕНА В ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИНЕ WWW.FEISOVET.RU

ПОКУПАТЕЛЬ: Yulia (nesterova1596@mail.ru) ЗАКАЗ: #286005265 / 31-июл-2019

КОПИРОВАНИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ТЕКСТА ДАННОЙ КНИГИ В ЛЮБЫХ ЦЕЛЯХ ЗАПРЕЩЕНО!

Интернет-магазин фэнтезийной литературы feisovet.ru

У нас:

сообщество современных и интересных авторов

постоянно пополняемая коллекция электронных книг

самые разные жанры – фэнтези, любовный роман, приключения, юмор, эротика

бонусы в виде бесплатных книг для постоянных покупателей

Приглашаем к сотрудничеству новых авторов <http://feisovet.ru/avtoram>

Оглавление

АННОТАЦИЯ

ГЛАВА 1

ГЛАВА 2

ГЛАВА 3

ГЛАВА 4

ГЛАВА 5

ГЛАВА 6

ГЛАВА 7

ГЛАВА 8

ГЛАВА 9

ГЛАВА 10

ГЛАВА 11

ГЛАВА 12

ГЛАВА 13

ГЛАВА 14

ГЛАВА 15

ГЛАВА 16

ГЛАВА 17

ГЛАВА 18

ГЛАВА 19

ГЛАВА 20

ГЛАВА 21

ГЛАВА 22

ГЛАВА 23

ГЛАВА 24

ГЛАВА 25

ГЛАВА 26

АННОТАЦИЯ

Эвина Увдир – сирота с рождения. Она не знает, кем был ее отец: мать уверяла окружающих, будто офицером, но как проверишь?

Она любит помечтать, но не в ущерб учебе: в пансионе ее держат только по милости пожилой директрисы, учившей ещё мать Эвы. А ещё Эва понимает: до выпуска осталось всего ничего, и вскоре ей придется самой зарабатывать себе на хлеб. Хорошо, если директриса составит протекцию и устроит к знакомым или даже оставит в пансионе, а если нет?..

Но чудеса все-таки случаются, и Эва не может поверить своим ушам: ее отыскал отец и прислал своего поверенного. И ехать нужно немедленно: отец при смерти – старые раны вот-вот сведут его в могилу, а он мечтает увидеть дочь перед смертью.

И почему же Эве чудится подвох в этой истории, так похожей на любимые ею и настрого запрещенные в пансионе романы? Быть может, чудо окажется вовсе не добрым?..

ГЛАВА 1

Время сумерек – особенное. В сказках говорится, что именно в сумерках оживают чудеса. Не ночью, вовсе нет: тогда наступает их законное время, когда они властвуют безраздельно, только люди их не замечают. А вот граница ночи и дня, когда солнце ещё не скрылось за горизонтом, но вечерние тени уже длинны и густы – это те самые минуты, когда можно повстречаться с чудесами лицом к лицу.

Жаль, в нашем пансионе ничего подобного днем с огнем не сыщешь. Нет ни запертых комнат, в которых спят старые пыльные зеркала, отражающие будущее, прошлое и даже иные миры, ни палисадника, где можно заглянуть под куст сирени или в мышиную норку и обнаружить нечто удивительное. Кругом только камень да чахлые городские деревья, заключенные в чугунные решетки, словно арестанты. Время от времени нас, пансионеров, возят на прогулку в ботанический сад или даже за город, но разве можно отлучиться хоть на минуту, когда за тобой коршуном следит классная дама? Да и что это за прогулка: парами, рука об руку, по тропинкам...

Мне порой воображалось, как я убегаю в дремучий лес и брожу там босая по мягким мхам и шелковистым травам, сколько заблагорассудится, собираю душистую землянику и лесную малину, срываю цветы... Конечно, это были лишь мечты. Никаких дремучих лесов в округе давным-давно нет, а в чахлах рощицах, я слышала, ягод и не найдешь: первыми до них добираются деревенские дети, а чужаков, пришедших за их добычей, они могут и побить. И босиком мне доводилось ходить разве что по холодному полу общей спальни, в лесу же я непременно распорол бы ногу о какой-нибудь сучок.

Но мечты есть мечты: в них жили прекрасные олени с добрыми темными глазами и бархатными носами, веселые птицы, забавные белки и зайцы, хитрые лисы и даже суровые хозяева леса – волки и медведи, которые предпочитали держаться подальше от людей, но могли заступиться за несправедливо обиженного...

Я вздохнула и перевернула страницу: оставалось решить две задачи, вот и вся моя повинность на сегодня. Остальные тоже корпели над уроками: слышались тяжелые вздохи и – клянусь, не лгу! – проклятия в адрес учителей.

Домашние девочки – так у нас называли тех, кто каждый день уходил из пансиона, отсидев занятия, – наверняка готовили уроки при уютном теплом свете ламп. Наверно, многим старые служанки или добрые бабушки приносили что-нибудь вкусное – скрасить тяготы учебы. А может, даже помогали, кто их разберет, этих бабушек с дедушками?

Мне не требовалась помощь, но мечты – мечты не оставляли меня, даже когда я выводила в тетради математические формулы и чертила пирамиды с цилиндрами, и воображение уносило далеко-далеко, стоило лишь представить, как сию минуту распахнется крашенная белой краской дверь, кто-нибудь позовет меня с порога, и я устремлюсь на встречу чуду...

Дверь со скрипом отворилась, и горничная окликнула:

– Госпожа Эва! Пожалуйте к госпоже директрисе, и поскорее!

– Но что слу...

– Я слышала, ваш отец нашелся, госпожа Эва, так что поторопитесь! – громким шепотом ответила она, и классная комната загудела, будто разбуженный улей. Даже задремавшие над учебником древней истории девочки встрепенулись, сна как не бывало! Еще бы: все знали, что отец мой погиб на войне!

– Но как такое может быть? – растерянно спросила я.

– Не знаю, но поспешите, поверенный ждет – такой важный... – Мика, великая сплетница, причмокнула от избытка чувств и добавила, явно для остальных: – Похоже, госпожа Эва, отец ваш – знатный господин... Я видела карету...

Мои однокашницы бросились к окнам: если встать на подоконник, то можно рассмотреть что-нибудь за углом, возле подъезда, где останавливаются гости.

- Уже иду, - сказала я и принялась складывать книги, но они валились из рук. - Сию минуту...

- Оставьте, госпожа Эва, велено привести вас как можно скорее, - горничная взяла меня за плечи и развернула к двери. - Не убегут ваши книжки с тетрадками!

Уже в коридоре Мика быстро пригладила мне волосы, поправила воротничок и манжеты, одернула платье и вздохнула, увидев чернильное пятно у меня на ладони.

- Идемте, госпожа, - сказала она. - Этот господин ждать не будет, у него много дел, сразу видно: всё на часы смотрит, наверно, опоздать куда-то боится.

- Мика, но... откуда он взялся? - спросила я, едва поспевая за размашистым шагом рослой горничной. - Так же не бывает!

- Ни у кого не бывает, а у вас, госпожа, одни сказки на уме, вот, наверно, Богиня и сжалилась - сделала одну такую правдой, - скороговоркой ответила она. - Нет, а что такого? Если вас приодеть, причесать как следует - выйдет знатная девица не хуже прочих! И матушка ваша была красивой, я слышала, сама-то не застала...

До кабинета директрисы оставались считанные шаги, и мне не хотелось туда входить. Было страшно.

Однако Мику мои переживания не волновали: она приоткрыла тяжелую дубовую дверь, коротко присела, едва обозначив поклон, - так делали все горничные, - и доложила скороговоркой:

- Госпожа Увве, воспитанница доставлена.

- Хорошо, пока можешь быть свободна, - кивнула ей директриса и поманила меня к себе. - Подойди, дитя моё...

Я подошла, не забыв приветствовать ее и гостя приличествующим случаем реверансом, и замерла в ожидании.

- Вот, господин, это и есть Эва Увдир, - произнесла директриса, взглянув на незнакомца.

Он был небольшого росточка, вряд ли выше меня (хотя сложно судить по человеку, утонувшему в таком кресле), полным, но не толстым, крепко сбитым. Короткие светлые волосы он причесывал на косой пробор. На мягком округлом лице выделялся забавно вздернутый нос, а бровей, мне показалось, у гостя вовсе нет, так, едва заметный намек на них. Зато губы были пухлыми и красными, и он часто облизывал их.

- Фамилия, как я понимаю, не настоящая? - спросил он.

- Я ведь уже сказала вам, господин...

- Полагаю, вас не затруднит повторить? Может быть, девушка внесет какие-то коррективы в вашу историю?

- Как вам угодно, - госпожа Увве выпрямилась, хотя, казалось, сильнее уже некуда, и поджала тонкие губы. - Мать Эвы была воспитанницей нашего пансиона. Сирота, дочь погибшего на войне офицера, как мы полагали.

«Совсем как я», - мелькнуло в голове.

- Вы полагали?

- Да, так утверждала ее мать, и документы были в порядке... на первый взгляд, а проверять никому и в голову не приходило до тех самых пор, покуда эта несчастная женщина исправно платила за обучение и содержание дочери.

- И что потом?

- Случилась вспышка заразной болезни в том местечке, где она жила, и... - госпожа Увве развела руками. - Плата перестала поступать. Моя предшественница навела

справки и выяснила чуть больше, чем следовало бы.

- Вы об этом не упоминали, - заметил толстячок. Он не смотрел на меня прямо, не замечал, словно я была вешалкой или там половичком возле двери, но я все равно ощущала его внимание, обращенное ко мне. Удивительно странное и неприятное чувство. - А я ведь просил быть честным со мною.

- Я была более чем откровенна, - отрезала она. - Но не вдавалась в детали.

- Вы уверены, что девушке следует слышать о подобном?

- Она в курсе, - сказала директриса, взглянув на меня, и я потупилась. Конечно же, я знала правду с самого раннего детства, знала и молчала. - Итак, госпожа Ивде - она была крайне дотошна - выяснила, что мать осиротевшей воспитанницы никогда не была замужем, а бумаги, в том числе брачное свидетельство и свидетельство о рождении девочки - искусная подделка. Очевидно, несчастная женщина потратила всё, что у нее имелось, лишь бы обеспечить дочь документами, с которыми ей была открыта дорога в хороший пансион. Ну а на оплату зарабатывала, как могла...

- Наверно, при девушке говорить о подобном действительно не стоит! - перебил толстячок.

- Вы подумали о каком-то непотребстве? - приподняла бровь госпожа Увве. - Конечно, с точки зрения большинства обывателей работа поденщицей и ночной сиделицей в винной лавке - это дно человеческой жизни, однако...

- Я вовсе не об этом подумал, прошу меня извинить, - поднял он руки.

- Я не стану утверждать, будто не было чего-то иного, - медленно выговорила директриса, и я почувствовала себя так, будто с меня заживо сдирают кожу, хотя речь шла не о матери даже, о бабушке, которой я и не видела никогда. Только на мутном снимке, где даже черты лица не разберешь толком... - Но вряд ли на постоянной основе. Госпожа Ивде видела ее, когда та приезжала проведать дочь: успешные... гм... женщины подобного рода занятий выглядят иначе. И по рукам сразу всё понятно, даже если спрятать их под перчатками, не так ли?

Он молча кивнул.

- Госпожа Ивде была, кроме всего прочего, крайне великодушной женщиной и не считала, что дочь должна отвечать за проступки матери, - продолжила госпожа Увве. - Она поведала обо всем этом только мне, своей преемнице. И то, о чем я сейчас говорю вам, господин...

- Я ведь дал клятву молчания, - перебил он и наконец-то посмотрел на меня в упор. Взгляд его был, словно крапивный ожог.

- Хорошо. Девочка выросла в пансионе - госпоже Ивде всегда удавалось собирать достаточно пожертвований на сирот, - и осталась здесь учить малюток, - устало продолжила госпожа Увве. - Она была очень умна, хорошо находила общий язык с детьми, и я думала: быть может, с годами она заменит меня, как я - свою предшественницу? Но увы...

- Она пошла по стопам матери?

- Да, - обронила директриса. - Когда всё вскрылось, было слишком поздно предпринимать какие-либо меры, если вы понимаете, о чем я. Бедная Илле скончалась вскоре после родов, но имени отца своего ребенка не назвала даже на смертном одре.

- А девочку, по устоявшейся традиции, оставили в пансионе? - усмехнулся толстячок.

Что-то в нем было не так, что-то казалось мне неправильным... Он словно бы натянул чужую маску, вот что. И маска эта была ему не по размеру... Право, не знаю, как лучше сказать.

- Да.

- И свидетельство о рождении у нее поддельное?

- Разумеется, - морщинистая шея госпожи Увве дернулась. - Она родилась в год войны, совсем как ее мать. Много молодых людей... м-м-м... вступали в отношения перед тем, как отправиться на фронт, и Эва стала плодом подобной связи. Ее отец даже зарегистрировал брак с Илле, как она уверяла, а затем пришло известие о его гибели. Увы, мы не нашли в бумагах Илле свидетельства о браке, в книгах брачных записей нашего городка тоже ничего нет... Пришлось...

- И не страшно вам было ввязываться в подобное?

- Это дело рук госпожи Ивде, ныне покойной. Она любила Илле, как родную дочь, поэтому... Неужели родители допустили бы, чтобы их девочки находились рядом с незаконнорожденной?

- Но вы обо всем этом знали, не сомневаюсь, - негромко произнес толстячок, встал и сделал несколько шагов по кабинету. - Раз уж были преемницей, причем как раз такого возраста, в котором могли заниматься подобными поручениями. Не старушка же собственной персоной искала определенного рода умельцев?

Теперь несоответствие его внешности и движений сделалось особенно заметным. Наш учитель математики тоже невысокий и очень полный, но он ведет себя совершенно иначе. Порой видно, что он озабочен тем, как бы не опрокинуть стул, не застрянуть между слишком тесно составленными ученическими столами, когда прохаживается по классу во время самостоятельной работы и подходит заглянуть в чью-нибудь тетрадь... Этот странный господин не замечал препятствий. Удивительно: я была уверена, что он никак не протиснется между креслом и столиком к подоконнику, но ему это удалось, и он даже ничего не уронил!

А ещё учителя мучает одышка, ему всегда жарко, и он носит с собой, по меньшей мере, дюжину носовых платков: любое физическое усилие - даже подъем на один лестничный пролет - заставляет его обильно потеть, и выглядит это не особенно приятно. Несомненно, наш бедный господин Агсон сознает, что предстает в глазах воспитанниц далеко не образцом мужественности, смущается, а от этого всё становится только хуже... Впрочем, я отвлеклась, а ведь лишь хотела сказать, что незнакомец был свеж, как ландыш поутру.

- Если вам обеим так нравилась Илле и впоследствии Эва, если вы не желали отдавать их в сиротский приют, отчего же не взяли их на воспитание, не дали свою фамилию?

- Но мы...

- Увидир? - усмехнулся он. - Дочь Увве? А ее мать, наверно, звали Илле Ивдир? Вы с наставницей полагали, никто не помнит древних языков, а если изучал их в юности, то давно позабыл и ни о чем не догадается?

- Вы правы, - директриса натянуто улыбнулась.

- Это, конечно, красивый жест, но дать имя способен любой бедняк. Но госпожа Ивде была бездетна, если не ошибаюсь, как и вы? Что же помешало вам взять на себя настоящую заботу о девочках? - негромко спросил он, повернувшись к нам спиной. - Впрочем, я догадываюсь. Так не вышло бы использовать деньги попечителей, которые щедрой рукой отсыпали на содержание бедных девочек. Пришлось бы содержать малюток за свой счет, а жалованье у учительницы и даже директрисы пансиона не особенно велико. Я прав?

На щеках госпожи Увве, желтоватых и морщинистых, вспыхнули неровные красные пятна.

- Спишем это на то, что вы радели о благе не только сироток, но и пансиона в целом, - сдержанно улыбнулся толстячок. Я видела его отражение в оконном стекле - эта улыбка тоже принадлежала человеку под маской, которая не слишком-то хорошо слушалась хозяина. - В любом случае, в мои обязанности никак не входит карать вас за подобные прегрешения, госпожа Увве, равно как и сообщать о них в соответствующие инстанции. Главное, девушка отыскалась живой и невредимой.

- Почему вы так уверены, что Эва - та самая? - выговорила директриса.

- Вы полагаете, ваш пансион первый, в который я наведалься? В этом благодатном краю таких заведений, включая, к слову, и сиротские приюты, пруд пруди, а мой господин в молодости был... гхм... любвеобилен.

- И тем не менее? - госпожа Увве взяла себя в руки, румянец на ее щеках поблек, а глаза заблестели. - Вы говорили о внешнем сходстве, о том, как описывал ваш господин покойную Илле, но Эва не слишком-то походит на мать, и я об этом упоминала. Тем не менее, вы уверенно говорите, будто Эва - именно та, которая вам нужна. Да ведь в пансионе найдется не меньше двух десятков девушек схожей наружности!

- Вы полагаете, я собираю девиц со всей округи, чтобы отвезти к моему нанимателю и предъявить их ему - пускай выбирает подходящую? - сощурился толстячок. И снова из-за собравшейся складки личины выглянул кто-то другой, опасный, недобрый. - Разумеется, я езжу по этому поручению не с пустыми руками! Вот, взгляните сами...

Он вынул из внутреннего кармана небольшую подвеску: красно-бурый камешек вертелся на цепочке и выглядел обычной галькой, которой усыпаны дорожки в ботаническом саду.

- Этот амулет зачарован на кровь хозяина, - сказал толстячок, - и он реагирует на близкое присутствие родственников. Если же девушка позволит уколоть ей палец, то мы убедимся наверняка...

- Эва, - кивнула мне директриса, и я покорно протянула руку, хотя это было все равно, что сунуть ее в пасть огнедышащему дракону.

Ничего страшного со мной, впрочем, не произошло, я даже не почувствовала укола, а вот амулет вдруг вспыхнул и сделался похож на большой рубин. Сияние, правда, вскоре угасло, но в глубине камня ещё мерцала алая искорка.

- Вот видите, - сказал толстячок. Он улыбался, но глаза на его лице жили собственной жизнью, и были они очень усталыми, злыми и недобрými. - Что и требовалось доказать. Могу поздравить вас, девушка.

- Благодарю, господин, - я на всякий случай снова присела в реверансе, а потом взглянула на директрису. Она казалась растерянной.

- Я хотел бы забрать Эву немедленно, - произнес он.

- Но... К чему такая спешка? - вскинулась директриса. - Учебный год едва перевалил за середину, так может, девочке лучше...

- Теперь не вам решать, что лучше для неё, - негромко сказал толстячок. - Отец желает видеть дочь немедленно. Он умирает - последствия ранения, видите ли, - и у него мало времени.

Директриса ахнула и прижала пальцы к губам, а я застыла, словно изваяние.

Это... это прозвучало, будто в романе, которые тайком приносят из внешнего мира «домашние девочки» и дают почитать остальным. Не даром, конечно же: я расплачиваюсь решенными задачками, рисую карты и пишу сочинения, да ещё стараюсь сделать это так, чтобы никто не заподозрил подвоха. Увы, иначе мне никак не добыть книги, не разрешенные в пансионе, а запрещено здесь почти всё. Если бы не попустительство директрисы, дозволившей мне рыться в ее собственной библиотеке, я бы не только о любви, а даже и о путешествиях, приключениях и научных открытиях ничего не прочла!

- Не рекомендую возражать, госпожа Увве, - добавил толстячок. - Вы знаете, что полагается за подделку документов, не можете не знать. Не думаю, впрочем, будто вас напугает штраф и тем паче условное наказание - другого вам за давностью лет не назначат. Но лишь представьте себе, с каким позором вас отстранят от занимаемой должности, какие реки грязи изольются на вас и на покойную госпожу Ивде...

- Я... понимаю, господин, - выговорила она после долгой паузы.

Теперь на ее лице не было красных пятен, оно казалось восковым. Госпожа Увве за мгновение словно состарилась на годы.

- Надеюсь, девушка тоже осознает, какая небывалая удача ей выпала?

- Эвина? - директриса поманила меня к себе, и я подошла.

Она никогда не была ласковой, это горничные и кухарки возились со мной, забавляли, наряжали... Госпожа Увве учила меня иному. Порой мне доставались удары линейкой по пальцам, иногда - розги, а когда я стала постарше, она могла наказать и своей неразлучной тростью. Это было не слишком больно, но унижительно, и я изо всех сил старалась не допускать промахов, за которые полагалась порка...

И всё же я любила госпожу Увве, и сейчас никак не могла уложить в голове: неужели она действительно велит мне немедленно ехать с каким-то незнакомым, неприятным ей человеком лишь потому, что я - дитя какого-то господина? А вдруг амулет ошибается? Вдруг тот господин взглянет на меня и скажет, что я вовсе не похожа на маму? Что тогда? Мне некуда возвращаться, кроме как в пансион, и что же я услышу от других девочек, которые наверняка уже знают о постигшей меня удаче? Несомненно, меня станут жалеть, кое-кто будет смеяться за спиной, и это сделает мою жизнь невыносимой...

«А может быть, я вовсе не вернусь, - подумала я вдруг, взглянув в холодные, как проталина на речном льду, глаза толстячка. - Но никто не узнает, что со мной приключилось. Еще много-много лет в пансионе будут рассказывать сказку о сиротке, которую разыскал чудом выживший на войне отец и увез в неведомые края, и осыпал подарками, и оставил богатое наследство...»

- Тебе придется поехать, Эва, - негромко сказала директриса и погладила меня по голове. Такой ласки я не могла упомнить с детских лет, а потому замерла от неожиданности. - Пойми... Такой шанс дается раз в жизни. Если что-то пойдет не так, ты знаешь, кому написать, и...

Она взглянула на толстячка и чуть повысила голос:

- И я надеюсь, если Эва вдруг не придется вашему господину по нраву, он не сочтет за труд вернуть ее в пансион! Что до слухов, мы просто скажем, что он позволил ей закончить обучение в привычном месте. Не так ли?

- Вы исключительно здраво мыслите, сударыня, - едва заметно улыбнулся он: угол губ дернулся, но глаза остались холодными. - Мы можем отправляться?

- Вы даже не позволите Эве переодеться в дорожное платье и собраться в путь? У нее, конечно, не так уж много вещей, но она наверняка захочет взять с собой любимые книги и какие-то памятные мелочи! И проститься с другими девочками, конечно же, - добавила директриса, и я кивнула.

- Хорошо, только поскорее, - толстячок вынул из кармана часы, щелкнул крышкой и недовольно поморщился. - Мы попусту тратим время. Идите, девушка, соберите эти ваши мелочи и книжки, столько, сколько сможете унести без помощи слуг, не более. Вам понятно?

- Да, господин, - шепнула я в ответ и выскользнула за дверь, повинувшись кивку госпожи Увве.

Не успела я прийти в себя, как на меня набросилась Мика.

- Миленькая госпожа Эва, я же говорила, что сказка сбылась! А ещё твердят: вот еще, верить в такую чушь... Вы не беспокойтесь, я сразу же велела Дине собрать ваши вещи - одежду, белье... Может, вам уже приготовили новое, а если нет? Да и все равно не угадают с размером! И в дороге нужно как-то обходиться... А вот книжки и прочее мы не трогаем, вы знаете, так что поторопитесь!

- А если бы этот господин не сказал, что немедленно меня заберет? - я едва сумела вклиниться в поток слов.

- Так долго ли саквояж разобрать? - резонно ответила она. - Скорее, госпожа, скорее, не нужно заставлять таких людей ждать...

- Таких - это каких?

- Важных, - после паузы ответила она, и я не нашлась с возражением. - А что это вы будто и не рады, госпожа Эва? Такое чудо!..

- Чудеса бывают не только хорошие, - ответила я. - Что, если этот человек... мой отец... окажется недобрым? Что мне тогда делать, Мика?

- Вот уж только не реветь мне в передник, - быстро сказала она, затолкала меня за угол и обняла покрепче, - только с утра накрахмалила. Плачьте уж в рукав, не так заметно... Другая бы от счастья козленком скакала, а вы сырость развели, всё вам не так!

- Я боюсь...

- Чего же бояться? А-а-а... - горничная выудила откуда-то из складок юбки большой клетчатый платок и вытерла мне лицо. - Думаете, не придется по нраву папаше своему?

Я молча кивнула. Не говорить же о том, что на самом деле меня пугает вовсе не мифический отец, а вот этот... управляющий или кто он есть. Мика всё равно не поймет, а поймет, так не поверит и снова высмеет.

- Не может такого быть, - уверенно сказала она и снова меня обняла. - Чтобы такая славная девочка, лучшая ученица, красивая и воспитанная, да не понравилась? Не верю!

- Спасибо тебе, Мика, - только и смогла я произнести.

- Давайте-ка, скорее умываться и одеваться! - горничная потащила меня за собой, и я покорилась.

Управляющий вряд ли подбреет, если я замешкаюсь, это мне было понятно. И не думаю, будто он хочет видеть зареванную физиономию...

Я сложила самые дорогие мне книги, тетради... Этот господин сказал взять столько, сколько смогу унести, поэтому пришлось пожертвовать большей частью учебников. Ничего, это же не редкие издания. Может, в новом доме и получше найдутся.

Мика действительно уже собрала большую часть моей одежды - гардероб у меня не то чтобы богатый, - и мне оставалось лишь переодеться в дорожное платье. Я так и сделала, потом умылась, пригладила волосы, посмотрела в зеркало, заставила себя улыбнуться... Вышло не так плохо, как можно было предположить.

С этой улыбкой я и вышла к одноклассникам, которые уже толпились в коридоре - не то что яблоку, желудю некуда было упасть!

- Эва! Вот так чудо! - звучало со всех сторон, и я обнималась с подругами и касалась рук тех девочек, с которыми почти не общалась. - Эва, не забывай нас, пиши! Эва, возьми на память...

Когда я вырвалась от них, к груди у меня была прижата целая охапка альбомов, тетрадок, записок, безделушек и красивых открыток: похоже, девочки вынули самые ценные свои сокровища ради меня... Но куда мне их девать? Не в подол же складывать! Еще и саквояж мешал, путался в ногах...

Выручила меня вездесущая Мика, подкараулившая внизу лестницы, почти у самого выхода.

- Госпожа Эва, вот ваши вещи, - подсунула она мне второй саквояж. - Поднимете, наверно... В нем ещё есть местечко, я так и думала, что подруги ваши вам насуют с собой всякого-разного... А если вдруг что не поместится, оставьте мне, я передам госпоже директрисе, а та уж сбережет для вас, как думаете?

- Как ты хорошо придумала! - искренне сказала я, и мы прямо на лестнице засунули

поверх одежды то, что мне надарили, за исключением сладостей – их я вручила Мике, попросив угоститься вместе с другими горничными. На саквояж пришлось встать коленями, чтобы застегнулся, но ничего...

- А теперь бегите, миленькая госпожа Эва, – сказала мне Мика и расцеловала в обе щеки. Обычно она не позволяла себе таких вольностей, но я не возражала. – Вон, глядите, в зеркало видно: госпожа директриса ждет и господин этот всё на часы смотрит, так что не мешкайте. И не забывайте о нас!

- Ни за что не забуду! – ответила я и, покрепче ухватившись за ручки саквояжей, двинулась навстречу своей судьбе.

ГЛАВА 2

Карета у незнакомца – он так и не представился мне, даже если назвался госпоже Увве, – оказалась огромной, почти как комната горничной. Она была запряжена шестеркой, и громадные вороные кони взяли с места в карьер, едва лишь захлопнулась дверца, а я села на краешек скамьи. Да какая скамья, это был целый диван, едва ли не шире моей кровати! Незнакомец сел напротив, и, право, я не дотянулась бы до него, не вставая с места, даже если бы очень захотела.

Карета мягко покачивалась, за окном мелькали знакомые дома.

«Нельзя же так гнать по городу! Ведь улочки узкие, ещё сшибут кого-нибудь...» – мелькнуло в голове, но я не осмелилась подать голос.

– Располагайтесь, – сказал мне мужчина. – Путь неблизкий.

– Благодарю, господин, – ответила я и села поудобнее, сложив руки на коленях.

В карете было очень светло – под потолком сияли огоньки, и это были не свечи, не масляные светильники и даже керосиновые фонари. Это были колдовские огни, которые я видела лишь два раза в жизни: в день траура и на празднике в честь коронации... Они очень дорогие, я слышала. И если даже в карете устроено такое освещение, выходит, мой отец богат?

Как бы я хотела, чтобы управляющий сказал хоть несколько слов о хозяине! Но нет... Он откинул столик, – тот удивительным образом крепился к дверце, – вынул из выдвижного ящичка стопку бумаг и углубился в чтение. Время от времени он делал какие-то пометки в документах, а обо мне, похоже, и думать забыл.

Вот когда я пожалела о том, что не взяла с собой хотя бы одну книгу, ведь могла же сунуть ее за пояс или зажать под мышкой! Молчаливый кучер забросил мои саквояжи на задок кареты, и до них было не добраться... Не просить же остановиться? Хотя рано или поздно придется, и как это сделать...

Я почувствовала, как глаза наполняются слезами, и изо всех сил постаралась сдержаться. Может, этому человеку не нравится, когда девушки плачут?

– Сударыня, – невыразительно сказал он, подняв на меня глаза, – если вам угодно рыдать, не сдерживайтесь. Надеюсь, у вас найдется чистый носовой платок? Если нет, я дам вам свой. Не переживайте, мне вы не мешаете. Меня не смущают женские слезы, в особенности проистекающие от разлуки с каким-то вшивым пансионом в проклятой глуши.

Клянусь, я так разозлилась на него за эти слова, что мгновенно расхотела плакать. Конечно, наш городок далеко от столицы, но... Это хороший город! И учителя в нашем пансионе замечательные! Еще неизвестно, какие окажутся там, куда определит меня незнакомый отец... Может, вовсе решит обучать на дому? Это будет совсем скверно: мне не удастся быстро найти новых знакомых... Не подруг – те остались позади, но хотя бы приятельниц, с которыми можно перемолвиться словом...

Я прислонилась головой к окошку кареты. Снаружи совсем стемнело, лишь мелькали огоньки, и поди угадай, что это было – чей-то дом, фонари на заставе, железнодорожный переезд? Зато в отражении отлично был виден управляющий. Я опасалась смотреть на него прямо, но вот так... почему нет?

Он всё перебирал и перебирал бумаги, хмурился, шевелил губами, но мне неприятно было его лицо, поэтому я разглядывала руки, и вот тут меня поджидало неожиданное открытие. В отражении мне явилось совсем не то, что я недавно созерцала вблизи!

У управляющего были короткие толстые пальцы, эдакие сосиски в перетяжках, с глубоко вросшими в плоть широкими плоскими ногтями, пускай и аккуратно подстриженными. В стёкле же я видела крупные, но вовсе не грубые кисти, из обшлагов при движении показывались костистые запястья, и чувствовалось, что выше них руки тоже худые и жилистые, вовсе не полные, как у управляющего. Я даже рискнула покоситься на него и удостоверилась – толстые, местами поросшие шерстью, словно

гусеницы волшебных синих бабочек, пальцы на месте.

Как же так? Может, воображение разыгралось? Я немного подвинулась на сиденье: очень хотелось поджать ноги, но я боялась испачкать сиденье, а разуться не рискнула. Да и управляющий вряд ли одобрил бы такое поведение... Но не удобство было целью моего маневра: теперь мне видно было намного больше.

В стекле отражался не управляющий. Вернее... Не могу описать! Я видела его, эти вот короткопалые руки, но они были словно набитые ватой перчатки актера из бродячего театра, играющего толстяка, а сквозь них просвечивала настоящая плоть. То же было и с лицом: я угадала, маска сидела не слишком плотно, складки собирались не так, как это бывает у живых людей, а под ней...

- Перестаньте гаращиться на меня, сударыня, - сказал вдруг управляющий, и я вздрогнула. Ох, не нужно было сличать отражение с истинным обликом! Хотя... какой из них истинный? - Что-нибудь не так? Вы голодны? Хотите пить? Вас укачивает? Вам нужно выйти? Пожалуйста, скажите это вслух: мне предписано делать всё для вашего удобства, но, к моему превеликому сожалению, я не обучен угадывать мысли.

- Нет, нет, ничего такого, господин, - поспешила я сказать.

- И всё же? Почему вам не дает покоя мой облик? И моё отражение?

- Просто любопытство, господин... Мне показалось...

Я прикусила язык, но было поздно: он впился в меня взглядом.

- Что именно вам показалось? Ну же!

- Это просто воображение, господин, - выговорила я. - Мне почудилось, будто в отражении вы выглядите иначе... Наверно, тени так падают, вот и...

- Неужели? - управляющий не двинулся с места, но мне казалось, будто он навис надо мною и впечатал в спинку сиденья каменной рукой. - И каков же мой облик там, за стеклом?

Я открыла рот, чтобы описать, но тут же умолкла и виновато развела руками.

- Слов нет, до чего хорош? - неожиданно улыбнулся управляющий, и выглядело это ужасно до такой степени, что меня передернуло. - В вашем личном деле отмечено, что вы недурно рисуете с натуры. Сможете изобразить то, что увидели?

- Не знаю... попробую, но...

- Держите, - сильно наклонившись вперед, он передал мне твердую папку для бумаг и ручку-самописку, на которой я заметила королевский вензель. - Поосторожнее с нею. Это подарок его величества. Последний, должно быть, в его жизни.

- О... - только и смогла я произнести.

Королевская семья погибла совсем недавно, чуть больше года назад. В газетах писали, это была авария - локомотив сошел с рельсов.

Уцелела только младшая принцесса, - великим чудом, как говорили! - и я боялась представить, какой груз ответственности ей, моей ровеснице, пришлось принять на плечи с коронацией... Но у нее был регент, были надежные советники, хватало родственников, в конце концов! Неужели они позволят ей совершить ошибку?

- Рисуйте, сударыня, - напомнил мне управляющий, и я неуверенно провела первую линию.

Пришлось испортить несколько листов, прежде чем я приноровилась к самописке - это все-таки не грифель и не уголь. Наконец получилось что-то, отдаленно напоминающее отражение в окне, и я робко протянула рисунок управляющему.

- Вот даже как... - негромко произнес он, посмотрев на изображение. - Вы это только теперь увидели?

- Нет, - честно ответила я. - Еще в пансионе... Мне показалось, будто на вас маска, господин. Или даже костюм, набитый соломой: актеры в таких представляют сказочных зверей на осеннем празднике. Только они умеют управляться с лапами и хвостами, а вы как будто не привыкли, и...

- Достаточно, - остановил он, и я испуганно умолкла. - Что ж... Кажется, мне наконец-то улыбнулась удача, и эта поездка не была напрасной.

Привстав, он стукнул в переднюю стенку кареты, и меня вжало в спинку сиденья: казалось, кони помчались ещё быстрее, чем прежде, хотя я не представляла, как это возможно.

- Держитесь, - сказал управляющий, вернувшись на место и сложив столик. - Сейчас будет трясти.

Вовремя он предупредил: я едва успела схватиться за сиденье и ручку на двери: мы словно выехали с ровной мостовой на бездорожье со сплошными ухабами. Подбрасывало так, что несколько раз я едва не ударилась головой о стенку кареты, а потом, когда она заложила особенно крутой поворот, меня бросило вперед с такой силой, что, наверно, я расшиблась бы, если бы не управляющий.

- Посидите-ка лучше рядом со мной, - сказал он, перехватив меня точным движением. Сам он за всё это время с места не сдвинулся, будто тряска была ему привычна. - И не бойтесь. Скоро это закончится.

На ощупь его рука тоже никак не могла принадлежать толстяку, пальцы были жесткими и больно впивались в мое плечо, но я предпочла потерпеть, нежели летать по всей карете, как лягушка в надутом мяче.

Он не солгал, трясло все меньше и меньше, покуда, как мне показалось, карета вновь не покатила по ровной дороге, куда медленнее, чем прежде. Я невольно пожалела лошадей, которым пришлось выдержать этакую скачку по буеракам.

- Прибываем, - сказал управляющий, взглянув на часы. Я всякий раз вздрагивала, когда он звонко щелкал крышкой. - Так. Раз уж вы все равно меня раскусили, сударыня, не вижу смысла в этом маскараде...

Я невольно шарахнулась в сторону, благо места хватало: чужой облик слезал с него ключьями. Истаяли пухлые пальцы, проявился массивный перстень на среднем пальце левой руки, опал живот, исхудали полные плечи... Удивительно, костюм не повис на нем, как на вешалке, наверно, тоже был заколдован.

Изменилось и лицо - оно сделалось таким, какое я рассмотрела в отражении: сухим, скуластым, с резкими складками возле тонкогубого рта. Нос вытянулся и оказался довольно длинным, узким, с едва заметной горбинкой. И брови появились - неожиданно темные при русых волосах, с прихотливым изломом. Только глаза остались прежними - светло-зелеными, ледяными.

Он повернулся, и я увидела его в профиль. И вспомнила наконец, где видела этого человека. Рядом со мной сидел всемогущий канцлер, правая рука покойного короля и регент юной королевы...

Наверно, нужно было упасть в обморок от потрясения, но я настолько опешила, что даже забыла испугаться, а когда вспомнила об этом, дверца кареты уже открылась, и слуга подал мне руку в белой перчатке, чтобы помочь выйти.

Ночь вокруг сияла огнями. Наш маленький городок не светился так даже во время праздников, а здесь не было видно звезд и небо казалось лиловым от обилия огней.

Я повернулась, и вот тут-то у меня подогнулись колени: это здание я много раз видела на картинках и на снимках. До него было не близко, но...

- Зачем я здесь? - только и смогла я выговорить.

- Узнаете, - негромко произнес канцлер и предложил мне руку. Ничего не оставалось, кроме как взяться за его локоть. Сбросив личину, он остался невысоким: я помнила

снимки в газетах, покойный король был на целую голову выше. – Не переживайте, сударыня, ваши сокровища останутся в целости и сохранности.

– Я вовсе не переживаю, ваше превосходительство, – дрогнувшим голосом ответила я. – Неужели ваши слуги позарятся на мои безделушки? Лишь бы не выбросили, как ненужный хлам.

Он едва заметно улыбнулся и увлек меня по дорожке во тьму. Я всё оглядывалась на Королевскую лестницу, и, наверно, канцлер заметил это, поскольку сказал:

– Не смотрите туда, сударыня. Там вам делать нечего.

– Простите, ваше превосходительство, – выговорила я. Бесконечная сверкающая лента Королевской лестницы вилась в темноте, и я не могла вообразить, как же всходили на эту немислимую высоту монархи в полном церемониальном облачении, если оно весит, наверно, как я сама с двумя саквояжами... – Я просто не думала, что она настолько... настолько длинная!

– Вы даже не представляете, насколько, – обронил он после паузы и вновь повлек меня за собой.

Здесь, в ухоженных зарослях прятался вход в небольшой домик. Кажется, подобные назывались охотничьими, ну да какая охота посреди города? А может, это просто флигель или пристройка для слуг, как поймешь?

Но чем бы ни было это строение, внутри оказалось удивительно красиво. Один мозаичный пол чего стоил...

– Нэна, – негромко произнес канцлер, и я вздрогнула, обнаружив рядом с собою рослую женщину в скромном платье. Похожие носили горничные в пансионе, только это было сшито из куда более дорогой ткани. Что там, намного лучшей, чем мое собственное! – Проводи гостью в ее покои и позаботься о ней.

Та молча поклонилась.

– На дворе глухая ночь, – сказал он, обращаясь ко мне, – и вам давно пора спать. Я рассчитывал, что вы вздремнете в карете, а поутру... Впрочем, неважно. Поговорим, когда выспитесь, а покамест отправляйтесь с Нэной, сударыня.

Я кивнула, потом спохватилась, сделала реверанс – канцлер вряд ли увидел его, он уже повернулся спиной – и поплелась за горничной. Та оказалась молчалива: проводила меня в комнату, помогла вымыться с дороги (вот это было удивительно, настоящая ванная комната!), подала стакан теплого молока и булочку, потом принесла ночную одежду и уложила спать... и всё это безмолвно. Я пыталась спрашивать у нее о чем-то, но Нэна лишь сдержанно улыбалась и продолжала делать свое дело. Несколько попыток хватило, чтобы удостовериться: она и слова не скажет, пока ей не прикажет хозяин. А может, она вовсе немая?

Постель оказалась непривычно мягкой, я тонула в подушках, одеяло казалось сугробом, под которым немудрено потеряться... Сна не было ни в одном глазу. Я пыталась считать единорогов, честных чиновников и прочих волшебных существ, но не могла сомкнуть глаз. Скорее бы утро...

Совсем измучившись, я слезла с огромной кровати, надела платье прямо поверх ночной рубашки и выглянула в коридор. Я понимала, что поступать так не следует, что меня за это отругают, накажут или вовсе вышвырнут прочь, но лежать и таращиться в потолок было выше моих сил.

Босые ноги зябли на каменном полу, зато ступали бесшумно, поэтому я, выйдя на лестницу, услышала голоса прежде, чем меня заметили, и присела за балюстрадой, ловя каждое слово.

– Удивительное совпадение, мэтр, – негромко произнес канцлер.

Его голос я хорошо запомнила, а ещё он всегда делал заметную паузу перед тем, как поименовать собеседника, словно сомневался, правильно ли помнит его звание. Или –

достоин ли человек этого самого звания? Наверно, это изрядно пугало придворных.

- Думаете, повезло наконец? - ответил хриловатый старческий голос.

- Она разглядела меня под личиной, мэтр. А если этого мало, то вот вам еще: она увидела Королевскую лестницу. Спросила еще, неужели та в самом деле настолько длинная.

- Однако...

- Завтра... вернее, уже сегодня посмотрите сами на это юное дарование. Если и она не подойдет... Право, нет больше моих сил искать замену!

- Постараемся приспособить эту. Раз уж она способна видеть, то хоть на что-то сгодится, а там, будем надеяться, всё придет в норму, - голос старика помягчел, в нем зазвучали заботливые нотки. - Я понимаю, Одо, насколько тебе тяжело. Я состоял регентом при бабушке нынешней королевы, пусть и недолго, но...

- Именно, - после паузы ответил канцлер. - Недолго. И она...

Он осекся, и всё стихло. Я тоже замерла в своем укрытии, надеясь, что не выдала себя ни шорохом, ни вздохом, но... Тщетно.

- Вам велено было идти спать, сударыня, - сказал канцлер, остановившись передо мной. Я не расслышала его шагов, клянусь! - Что вы делаете в таком месте в такое время? Стараетесь рассердить меня настолько, чтобы я с утра пораньше отправил вас обратно в приют... то есть пансион, конечно же, под крыло почтенной госпожи Увве?

Я не нашлась с ответом. Даже на прогулки во сне нельзя было списать мое появление здесь: я ведь оделась, а лунатики бродят, как есть...

- И Нэна не заметила, что вы вышли из комнаты, - добавил он. - Интересно... Как вам это удалось?

- Просто повернула ручку, а дверь была не заперта...

- Не заперта, в самом деле?.. Не вздумайте заплакать! Я сказал, что женские слезы меня не пугают, но это не значит, будто мне нравится тратить время, дожидаясь, покуда они высохнут.

- Я... я вовсе не... собиралась... - выговорила я, хотя мне было невыразимо страшно. - Простите, ваше превосходительство, мне не спалось, и я...

- Искали библиотеку? - неожиданно улыбнулся канцлер. - Вынужден вас огорчить - здесь ее нет. И встаньте уже, не нужно сидеть на холодном полу.

Он протянул мне руку, и я несмело взялась за его пальцы.

- Вижу, вы любопытны сверх всякой меры, сударыня.

- Я просто хотела узнать, зачем я вам понадобилась, - едва слышно выговорила я, ужасаясь собственной смелости. - Пожалуйста, скажите! Тогда будет не так страшно...

- Даже если я сообщу, что намерен принести вас в жертву дикарским богам?

- Да! - твердо сказала я. - Но только объясните, каким, зачем и почему, и... и...

- Только не плачьте! - в который раз повторил канцлер и потер переносицу.

Забавно, у нашего старого учителя истории был такой же жест, но тот носил пенсне. Когда он снимал его, на переносице оставались красные вдавленные следы, их-то учитель и потирал.

- Подите обуйтесь, сударыня.

- Мне не холодно, право, - шепотом сказала я, живо представив, как вхожу в спальню, ишу ботинки, и в это мгновение дверь захлопывается, проворачивается в замке ключ, и я

слышу удаляющиеся шаги.

- Хотите получить воспаление легких - дело ваше, - согласился он. - Идемте. Здесь недалеко.

По дороге я успела несколько раз проклясть свою несговорчивость: мы вышли во двор, а идти по гравийной дорожке босиком было очень больно. Я терпела, стараясь ступать на пальцах, но мне то и дело подворачивались крупные камни, и я сильнее хваталась за руку канцлера, стараясь только не повисать на ней всей тяжестью. Не сомневаюсь, он прекрасно видел, в чем дело, но не сказал ни слова, предоставив мне справляться самостоятельно.

- Сюда, - произнес он наконец. - Закройте глаза и держитесь за меня крепче, сударыня. Может... гм... встряхнуть.

- Как в карете? - угадала я.

- Хуже, потому что ближе, - непонятно ответил он, потом высвободил руку и крепко взял меня за талию. - Так надежнее. Теперь - шаг вперед...

Я думала, из меня не то что дух, а и все потроха вытряхнет! Какая там лягушка в мяче, этому я даже сравнения придумать не сумела! И хорошо, что ужин был таким легким, иначе я рисковала опозориться.

- Надо же, живы, - любезно произнес канцлер, когда я отдышалась. - Тем лучше. Идемте, сударыня. Ничего не бойтесь и постарайтесь держать язык за зубами. Я отвечу на ваши вопросы в другое время и в другом месте.

- Как прикажете, ваше превосходительство, - шепнула я, сглотнув горькую слюну.

Это был совсем другой особняк: здесь потолки были выше, залы - просторнее, окна - больше, и откуда-то доносился запах цветущего сада, хотя стояла глухая холодная осень.

Никто не попался нам на пути, ни одной живой души, и я поразились: неужели здесь совсем нет слуг? Но так ведь не бывает, если дом не заброшен, а за этим следили со всем тщанием: сложно не заметить свежие цветы в вазах, недавно начищенные перила, сверкающие зеркала...

Но вот, наконец, я увидела людей, и они расступились перед канцлером, отворили двери в опочивальню, и я увидела на огромной кровати спящую девочку... девушку...

Себя.

Нет, в самом деле, у нее были точно такие же темно-каштановые волосы, чуть вздернутый нос, подбородок с ямочкой, левая бровь выше правой, домиком... Глаза вот закрыты, никак не сравнишь, но я была уверена, что у спящей они такие же, как у меня - темно-серые, цвета снежной тучи.

Вернее, у меня - как у нее.

- Всё ещё не страшно? - негромко спросил канцлер, и я покачала головой. - В самом деле? Вы не узнаете ту, что перед вами?

- Нет, ваше превосходительство, - ответила я как можно тише, опасаясь потревожить сон незнакомки.

- Конечно... Вы ведь видели ее только в газетах, на парадных снимках, исправленных и улучшенных. Но у вас цепкая память и хорошее воображение, в чем я уже имел удовольствие убедиться, так что присмотритесь как следует.

Я послушалась и уставилась на больную (или спящую?). Нет, все-таки мы не очень похожи. Если бы я могла оценить мимику, было бы проще, но увы - лицо девушки казалось совершенно неподвижным, а я не знаю, как выгляжу во сне.

Такие огромные круги под глазами у меня появляются, только если я долго и тяжело болею, а ещё тускнеют и перестают виться волосы, трескаются губы... Помню, какая-то

домашняя девочка пришла в пансион с кашлем, сказав, что это всего лишь простуда, а через неделю слегли все пансионерки. Когда я встала после той болезни, то выглядела примерно так же, как эта девушка на королевской кровати, разве что была намного более худой.

На королевской... парадные снимки в газете...

Я невольно отшатнулась, запнулась за какой-то пуфик и неминуемо упала бы, наделав шума, если бы канцлер не удержал меня за плечи.

- Узнали? - негромко спросил он, и я кивнула. - Тогда идите. Не нужно ее беспокоить.

И, противореча собственным словам, канцлер подошел к постели Ее величества, осторожно убрал с ее лба влажную от испарины прядь волос, дотронулся до руки и постоял так недолго.

- Идите, сударыня, - сказал он наконец. - Вы увидели достаточно. Теперь, полагаю, желаете услышать, в какую историю угодили?

ГЛАВА 3

Неподалеку от опочивальни обнаружился небольшой уютный кабинет: я сразу решила, что это собственность ее величества, поскольку он никак не мог принадлежать мужчине. О нет, я не увидела засилья картинок с котятами и щенками, вышитых салфеточек и подушек, чем грешили некоторые мои соседки по пансиону. Кабинет был строг, но при этом уютен, и я подумала: госпоже Увве он бы понравился, да и мне пришелся по душе. Потом я вспомнила, что коронация состоялась совсем недавно, а значит... значит, это кабинет покойной королевы. Вряд ли у юной принцессы имелась необходимость в подобном, ведь она угодила на трон буквально со школьной скамьи!

- Присядьте, - сказал мне канцлер, заняв одно из кресел и кивнув мне на другое. - Можете забраться с ногами. Ее величество тоже так делает, а вы к тому же озябли.

- Но... - я коснулась ладонью шелковистой темно-синей материи с едва заметным серебряным узором, - ведь я испачкаю...

- Ее величество это не заботит, - тонкие губы канцлера тронула едва заметная усмешка, а мне почудилось двойное дно в его словах, только я не сумела уловить, какое именно. - Сядьте, как вам удобно, сударыня. У меня мало времени.

Ноги в самом деле замерзли, и я подобрала их под себя, стараясь подоткнуть юбку так, чтобы не испачкать ступнями чудесную обивку кресла. Кому-то ведь придется ее отчищать...

- Почему вы молчите? - спросил канцлер, когда я кое-как угнездилась на упругом сидении.

- Но вы же ни о чем не спрашиваете, ваше превосходительство, - удивленно ответила я и осмелилась добавить: - Хотя сказали, что объясните, в какую историю я угодила.

- Да. Но сперва я хочу выслушать ваши соображения по этому поводу. Вы, судя по вашему личному делу и отзывам госпожи Увве и прочих учителей, девушка начитанная и сообразительная, поэтому, полагаю, вам не составит труда придумать версию. Начинайте, - он взглянул на часы и щелкнул крышкой. - Я жду.

Я уставилась на полированную резную ручку кресла. Рисунок древесины был таким красивым, что его так и тянуло погладить... Я провела пальцем по блестящей поверхности и тут же отдернула его - остался некрасивый след.

- Я жду, - повторил канцлер.

- Ее величество больна? - выговорила я, собравшись с мыслями. - И кажется, очень тяжело...

- Так.

Это слово напомнило мне звук, с которым передвигается стрелка в огромных часах в холле пансиона.

- Уже очень скоро праздники, - продолжила я. - Траур закончился, и... и будут балы и прочее... И ее величество должна будет там показаться.

- Так.

- Но она не может. То есть, наверно, сумеет присутствовать на параде... помахать из ложи... Но не танцевать и не принимать гостей, так?

- Не передразнивайте меня, сударыня, - неожиданно сказал канцлер.

- Я вовсе не... - испугалась я, и он, кажется, поверил.

- Еще что-нибудь скажете?

- Получается... нужна девушка, похожая на ее величество. Настолько, чтобы их не различили, даже увидев лицом к лицу... - сглотнув ответила я. - И вы искали такую...

Может, ее величество успеет поправиться, но если нет? После той ужасной катастрофы... Она всё, что у нас осталось, и...

- Довольно, - поднял он руку. - Я знаю, чем вас потчуют на уроках. Как ни странно, на сей раз это соответствует истине: осталась лишь одна прямая наследница, и если что-то случится с нею... возможны варианты. У королевской семьи хватает родни, пусть и не близкой, а трон стоит, чтобы за него побороться, как вы полагаете? Кого примет народ: тяжело больную девушку, - что там, ещё девочку! - или взрослого мужчину, поднаторевшего в управлении своим герцогством?

- Второе, конечно, - сказала я и спохватилась: - То есть, я имела в виду, люди любят ее величество, переживают и молятся за нее Богине, но... если она не может править... Кто будет это делать? Нельзя же без королевы... или короля, так?

- Вы издеваетесь? - негромко спросил канцлер, и я отчаянно замотала головой. - И не смотрите на меня испуганными глазами. Будто вы не знаете моего прозвища...

- Откуда бы, ваше превосходительство?

- И правда... Старший брат ее величества, ныне покойный, прозвал меня Так-Таком.

- Это из-за часов, да? - несмело спросила я.

- Не только.

- Простите, ваше превосходительство, я постараюсь больше не говорить так... - я невольно зажала себе рот, а он вдруг улыбнулся, едва заметно, но у меня отлегло от сердца.

- Лучше не старайтесь, будет хуже. Я переживу. А теперь к делу, сударыня... Вы угадали верно: мне - всем нам - нужна девушка, способная временно заменить ее величество. Она очень больна. Порой ей делается лучше, но даже тогда...

Он покачал головой, а я спросила осторожно:

- Даже тогда ее нельзя показывать публике? Потому что... потому что ее величество выглядит скверно? А говорить о ее болезни вы не желаете, так? Ой, простите...

- Не стоит извинений, - желчно ответил канцлер. - Вы не нарочно, я вижу. Бывает - застрянет что-то в голове, никак не отделаешься, вот и вы... Могли бы сказать «верно» или «правильно», но нет!

Я отвела взгляд и крепче взялась за рукоятку кресла, не думая уже о том, какие на ней остаются следы.

- Имей недуг ее величества обычную причину, всё было бы не так плохо, - сказал он, помолчав. - В нашем распоряжении лучшие маги, и рано или поздно они поставили бы ее на ноги, но... Это не болезнь.

- Что же тогда, ваше превосходительство? - шепотом выговорила я.

- Вы помните, каким образом погибла королевская семья?

Я кивнула. Конечно же, я помнила! В тот день отменили занятия, и нас, ничего не понимающих, повели в большой зал, объяснили, что случилось, и мы усердно молились за спасение королевской семьи... Мне хотелось думать, что хоть у кого-то получалось искренне, и только поэтому выжила младшая принцесса.

Потом в газетах написали: она высунулась в окно, чтобы получше рассмотреть старинный замок на холме, и в этот момент поезд сошел с рельсов...

Он был полностью исправен, его тщательно проверили перед отбытием, вот только никто не мог предугадать, что какой-то селянин открутит несколько гаек с железнодорожного полотна. Они на грузила годятся, недоуменно сказал он, когда его судили. Рыба хорошо клюет. И ведь он не все отвинтил, с разумением, всего парочку, и ничего бы составу не сделалось... Наверно обычный тихоходный состав и впрямь ещё

смог бы миновать опасное место, но королевский поезд тянули два огромных локомотива, а накануне прошел сильный дождь, подмывший насыпь. Под совокупной тяжестью разогнавшихся стальных махин железнодорожное полотно не выдержало...

Когда вагоны обрушились под откос, принцессу каким-то чудом выбросило в окно, она сильно поранилась, но выжила... Ее не сразу опознали: на ней было скромное дорожное платье, а в том же поезде ехали особенно отличившиеся воспитанницы Королевского пансиона, одетые почти так же, - эта поездка была их наградой за отличную учебу. А кто увидит разницу, если платье разодрано в клочья, залито кровью и местами обгорело?

«Чудесное спасение принцессы Дагны-Эвлоры при крушении у станции Холмы», - писали в газетах, а со снимков из-под белой шапочки из бинта смотрели большие испуганные глаза нашей ровесницы.

Потом она поправилась, состоялась коронация и все вроде бы шло неплохо - настолько, насколько это возможно, когда вдруг гибнет правитель с наследниками, и на трон восходит юная девушка.

- А почему вас не было в том поезде? - спросила я неожиданно для себя самой.

- Опоздал к отбытию, - холодно ответил канцлер, оценил выражение моего лица и добавил: - Шутка. Я остался в столице: должен же кто-то заниматься делами, покуда их величества изволят отдыхать?

Я подумала, что если бы и он оказался там, то... Принцессу могли бы не найти. Он ведь сказал: есть взрослые родственники, не такие близкие, но что делать, если погибла вся семья? Не оставлять же страну обезглавленной! Кто знает, что случилось бы теперь со всеми нами?

- Но что же случилось с ее величеством? - тихо спросила я.

- Она вылетела из вагона на всем ходу, - сказал канцлер. Сейчас его глаза казались черными, так падали тени. - Угодила в кусты, это ее спасло, но она все равно очень сильно ударилась головой. Рассадила кожу - это ерунда, так все думали. Сознание не путалось, она всё помнила, всех узнавала... На удивление стойко перенесла известие о гибели родных. Я полагал, просто не восприняла это всерьез...

- Потому что так не бывает? - невольно подхватила я. - И они непременно вернуться? Откуда-нибудь из-за границы или с курорта неподалеку...

- Да. Именно так. Но после коронации играть в неведение стало невозможно.

- И что случилось? - я даже забыла прибавить «ваше превосходительство», словно требовала у нашего печника рассказывать сказку дальше, не медлить.

- Ее величество после катастрофы мучилась головными болями, - ответил он. - Когда она упала в обморок во время приема, это не сочли чем-то серьезным: все-таки она впервые выступала в роли королевы, и волнение могло сыграть свою роль... Однако обмороки повторяются все чаще. Хуже того: случаются нервные припадки, во время которых ее величество себя не контролирует. Она может обругать последними словами посла дружественной державы, а впоследствии не помнить об этом. Может заигрывать с кем-то самым непристойным образом. Это... невыносимо.

- Неужели даже маги не могут ее вылечить?! - выпалила я.

- Нет. Пока нет, - поправился канцлер, но выражение его лица явственно говорило: он не слишком-то верит в торжество медицинской магии. - Все сходятся на том, что приступы безумия и беспамятство - последствия удара головой. Но как справиться с этим... Они созывают бесконечные консилиумы и совещания, изводят Эву микстурами, зельями, притираниями и пиявками, часами водят вокруг нее руками, жгут травы, но ей становится всё хуже. Вернее...

Он тяжело вздохнул и потер виски жестом очень усталого человека.

«Эву? - удивилась я. - Ах да, Дагна-Эвлора... Наверно, дома ее звали Эвой, совсем как меня».

- Иногда случаются периоды просветления, - сказал канцлер. - Последний месяц выдался исключительно спокойным, если не считать одного-двух приступов легкой головной боли, которые удалось снять обычными лекарствами.

- Но вы всё равно продолжали искать двойника для ее величества? - осторожно спросила я.

- Да. Не в моих привычках бросать начатое, тем более, проверить оставалось всего нескольких девиц. И, как видите, я был прав, когда не позволил себе поддаться ложной надежде.

- Ее величеству стало хуже?

- «Хуже» - не то слово, сударыня, - на лице его появилась странная злость. Не на меня, нет, скорее уж, на коварный поворот судьбы. - С утра Эва была бодра и весела, провела аудиенцию с посланцем. Вечером ее величество ожидала ещё одна встреча, по счастью, не настолько важная... Буквально за час до нее с Эвой случился припадок, намного сильнее всех, что были прежде. Она вторые сутки не приходит в сознание... вернее, ей этого не позволяют.

- Почему? - не удержалась я.

- Потому что иначе придется привязывать ее к кровати и затыкать рот: не представляю, где Эва набралась подобных выражений, но ругается она похлеще старого солдата. И слышать подобное в свой адрес от юной девушки, почти ребенка, которую знаешь чуть ли не с рождения... Поверьте, не все это выдерживают. Даже мне делается тошно, - неожиданно сознался он. - И меня ничуть не утешает то, что Эва никого не узнает в такие минуты.

- И нельзя, чтобы кто-то узнал об этом? - снова не удержала я язык за зубами. - Если вдруг пойдет слух, что ее величество не просто больна, а...

- Договаривайте, сударыня, - канцлер едва заметно дернул краешком рта. Наверно, это должно было обозначать улыбку. - Если распространится информация о том, что ее величество безумна, предсказать развитие событий не так уж сложно. Ей ни в коем случае нельзя исчезать более, чем на неделю. Двое суток уже прошло.

- Ваше превосходительство... - пробормотала я. - Люди очень ее жалеют, я знаю... Когда в газетах писали, что ее величество снова захворала, многие девочки в нашем пансионе искренне молились о ее выздоровлении... И взрослые тоже: они ведь понимают, как трудно заниматься даже обычным хозяйством, а целая страна - это... это...

- Слишком тяжелый груз для хрупких девичьих плеч? - приподнял бровь канцлер. - Это верно. Тем более, никто и представить не мог, что Эва станет королевой, да ещё и в таком нежном возрасте. Разумеется, она получила... и продолжает получать лучшее образование из возможных, но это спасает лишь отчасти. Ее не воспитывали возможной преемницей отца, а разница мышления у наследника и младшей принцессы, поверьте, колоссальна.

Я кивнула.

- Простые люди действительно ее жалеют, - неожиданно добавил он. - Но другие, сударыня, очень даже не прочь избавить Эву от непосильной ноши и возложить ее на себя, желательно - вместе с короной. Замучился, знаете ли, отгонять таких доброхотов.

- Как только вы всё успеваете! - невольно сорвалось у меня.

- Я не успеваю, - холодно ответил канцлер. - Мне не хватает часов в сутках. Я не отказался бы раздвоиться, но это, к сожалению, невозможно. Во всяком случае, так утверждает мэтр Оллен, и я склонен доверять его мнению.

«Он говорил с каким-то мэтром, - припомнила я. - Наверно, это придворный маг».

- Но от вас, сударыня, мне требуется только одно, - канцлер будто опомнился и заговорил жестче. - Маги рано или поздно вылечат ее величество, но до той поры мне

понадобится девушка, способная заменить королеву на торжественных мероприятиях. Ею станете вы.

- Неужели больше никого...

- Нет, - завершил канцлер. - Ни одна не подошла, и у меня больше нет времени на поиски. Я и без того слишком много потратил его попусту... А в вас, судя по всему, есть капля королевской крови, а как она попала в ваши жилы, не станем уточнять, вы и без того догадываетесь, так?

Я кивнула.

- Мне показалось, вы неглупы, - сказал он. - А потому сумеете осознать простой факт: если вы меня подведете, смерть ваша будет долгой и мучительной. Я лично об этом позабочусь. Вам всё ясно?

- Да, ваше превосходительство...

Я не стала спрашивать, что станет со мной, когда выздоровеет ее величество. Он ведь сказал бы правду, а я не хотела ее слышать. Было слишком страшно, а пока слова не произнесены, их как бы не существует, и пугаться нечего.

«Если справлюсь, меня убьют не больно, - мелькнуло в голове. - Нельзя же, чтобы кто-то узнал о двойнике! Но может, не станут? Возьмут самую страшную колдовскую клятву, вышлют куда-нибудь в глушь... Ну вдруг?!»

- Я буду очень стараться... - смогла я выговорить. - Только, пожалуйста, скажите прямо, чего вы от меня хотите! Что я должна делать и как? Я... я не понимаю, когда говорят обиняками, и всё путаю, и может выйти только хуже!..

- У вас будут четкие инструкции, которым вам придется следовать досконально, - едва заметно улыбнулся канцлер. - Об этом не беспокойтесь.

Повисла неловкая пауза.

- До рассвета ещё несколько часов, - сказал он, снова щелкнув крышкой часов. Я всякий раз вздрагивала, услышав этот негромкий отчетливый звук. - Вам нужно вздремнуть. Утром я вами займусь. Вернее, сначала вами займутся горничные, затем - мэтр Оллен, а затем настанет и мой черед. Учтите, поблажек не будет. Время уходит. Представьте, что скоро экзамен, к которому вы ещё и не начинали готовиться, но от которого зависит ваше будущее, и...

- Я даже о предмете не слышала, - шепотом сказала я, но канцлер услышал.

- В ночь перед экзаменом можно выучить даже иностранный язык. Мэтр Оллен поспособствует тому, чтобы необходимое как можно лучше уложилось у вас в голове, но прочее зависит только от вас. Чем грозит ваш провал, думаю, объяснять не нужно?

- Не нужно, ваше превосходительство, я...

- Имейте в виду: в приватной обстановке Эва называет меня по имени, - перебил он.

Я опять кивнула, а сама с ужасом подумала, что вряд ли сумею обратиться так к этому человеку, чужому, пугающему... Ее величество знала его с детства, поэтому имя слетало с ее губ легко и непринужденно, но я-то увидела канцлера вблизи лишь несколько часов назад, да ещё при подобных обстоятельствах...

- Попробуйте, - сказал канцлер, словно прочитав мои мысли. - Можете считать, что экзамен начался. Представьте, что я глубоко задумался. Окликните меня и спросите о чем-нибудь. О любой глупости, это значения не имеет.

Он демонстративно отвернулся, а я попыталась задавить панику. Я же всегда любила воображать и, читая запрещенные в пансионе романы, представляла себя на месте главной героини, на долю которой выпадали чудовищные испытания, но и невероятное счастье в финале... на что мне рассчитывать не приходилось.

Неважно! Вот я – королева... Нет, лучше пока ещё принцесса, самая младшая, наверняка немного избалованная: такой ничего не стоит вмешаться в разговор отца с канцлером и задать дурацкий вопрос, требующий немедленного ответа. Или даже потребовать помочь решить задачку, потому что первый путешественник никак не может встретиться со вторым, вышедшим ему навстречу, сколько ни бейся!

Но как она обращалась к канцлеру? Только по имени или называла, скажем, дядей, раз уж знала с детства? Вряд ли у них были настолько близкие отношения... Вот если бы канцлеру оказалось за семьдесят, тогда ещё возможно, но не думаю, чтобы в королевской семье позволялись вольности по отношению к посторонним, пусть и очень верным людям.

Тут мысли мои свернули на другую дорожку: у ее величества ведь очень много родственников. Есть дядья и тетки, взрослые кузены и кузины, и прочие, прочие... Почему же регентом стал именно канцлер? Он ведь даже не коренной дагнарец! Такое имя поди выговори: Одо Химмелиц, герцог Мейнард... Его отец выслужился из низов, удостоившись внимания тогдашнего короля, получил в итоге и должность, и титул, сын пошел по его стопам. Правда, он рос бок о бок с покойным королем и, наверно, тот доверял своему канцлеру? И оставил какие-то распоряжения на случай своей непредвиденной гибели? Но как он мог предвидеть, что выживет только Дагна-Эвлора? Или его указания касались любого из детей? Хотя какие же они дети, наследник давно справил совершеннолетие, второй принц готовился к этому, следующие за ними принцессы-двойняшки уже были помолвлены...

С другой стороны, даже наследному принцу нужна поддержка. Конечно, совершеннолетнему регент не нужен, но неужели бы он отказался от помощи опытного канцлера?

«Может, и отказался бы, - невольно подумала я, - если бы решил, что тот пытается влиять на него. Или ему просто не нравился занудный и дотошный чиновник... И что бы возобладало? Желание сделать по-своему или здравый смысл? Погоди, а кто сказал, что все решения канцлера продиктованы здравым смыслом?»

Я поняла, что запуталась, и устала на собеседника. Вернее, со-молчальника. Он взял с журнального столика газету и просматривал ее, не обращая на меня внимания, но мне почему-то мерещилось тиканье часов. Пока лишь секундная стрелка шелестела по циферблату – «тик-тик-тик!», - но еще немного, и подвинется минутная с тяжелым «так...»

Нужно было выполнить его требование. Пускай даже в первый раз выйдет неважно, это всё равно лучше, чем сидеть и молчать. И я спросила первое, что пришло в голову, изо всех сил постаравшись не запнуться на непривычном имени:

- Одо, а мэтр Оллен – волшебник, да?

Он опустил газету и смерил меня таким взглядом, что я сильнее вцепилась в ручки кресла. Потом вдруг едва заметно улыбнулся:

- Вышло лучше, чем я мог предположить. Но вам придется попрактиковаться. Когда мы наедине или в дружеской компании, представляйте, что я ваш любимый дядюшка, к примеру.

- Я ведь сирота, - напомнила я.

- Вы – да, а ее величество до недавнего времени росла в большой семье. И на что вам воображение? Неужели вы никогда не мечтали о подобном?

Я опустила голову. Мечтала, конечно, и ещё как... Правда, иногда слышала рассказы домашних девочек о том, как живется в таких семьях, и думала – по сравнению с некоторыми мне еще повезло. В пансионе меня никто не бил просто так, от дурного настроения, – розги и прочие наказания можно не считать, их ещё нужно ухитриться заслужить, – не оставлял голодной на целый день... Нет, раз-другой я лишалась ужина, но добрая Мика все равно приносила что-нибудь, да и у девочек были припрятаны хоть галеты, хоть сухари на такой случай... Никто не кричал, не обзывал просто потому, что я не вовремя попала на пути, не портил мои вещи (опять же, стычки с другими

воспитанницами – совсем другое дело), не выгонял зимой на улицу в тонком домашнем платье, не запрещал читать... Ну, почти, кое-что я все-таки листала исключительно тайком, но, опять-таки, это совсем другое дело! А еще мне не приходилось хлопотать по хозяйству, присматривать за маленькими братьями и сестрами, топить печь, бегать за покупками, носить воду...

Уроки домоводства в пансионе были вовсе не обременительными и очень интересными. Госпожа Увве понимала, что небогатым девушкам, пусть даже с образованием, открыто не так много дорог: или в гувернантки, в домашние учительницы, или вовсе в горничные, или замуж, а кто же возьмет бесприданницу, да ещё и неумеху?

Мы обязаны были разбираться в продуктах и их качестве, уметь готовить, шить, штопать, стирать и гладить... Нас этому обучали с самого детства. Понятно, домашние девочки такие уроки посещали только по желанию: они или и так все это умели, или их родители были достаточно богаты, чтобы позволить дочерям не утруждаться ни теперь, ни в будущем.

Но в целом, если подумать... Я жила по-королевски.

ГЛАВА 4

- До рассвета еще два часа, - сказал канцлер, взглянув на часы. - Быть может, все-таки вздремнете?

- Я все равно не усну, - покачала я головой. - Зачем же тратить время понапрасну? Вы сказали, оно дорого.

- Именно так. Что ж, в таком случае, познакомлю вас с мэтром Олленом, раз уж вы о нем спросили. Думаю, он еще не спит.

- Еще?..

- Он полуночник, - усмехнулся канцлер. - Ложится с рассветом, встает на закате. Конечно, его можно разбудить пораньше, но он будет очень зол.

- Он хорошо знает ее величество?

- Мэтр Оллен ее принимал, если вы понимаете, о чем я. И теперь старается поддержать, но он не целитель.

- Как же он тогда... ну... - я запнулась.

- Верно, вам неоткуда знать... - канцлер снова потер виски. - Ее величество родилась немного раньше срока, хотя ничто, казалось бы, не предвещало. Рядом оказались только его величество, наследник и мэтр Оллен. Наследника, ясное дело, прогнали прочь, а они вдвоем... Справились, одним словом: покуда явилась помощь, всё уже закончилось.

- А вы? - зачем-то спросила я.

- При чем здесь я? Его величество вполне мог вразумить сына самостоятельно, а уж при поддержке мэтра Оллена - тем более.

- Ох, верно, я не сообразила, что наследник тогда был ещё ребенком...

- Впредь соображайте, - сказал канцлер. - Странно, если вы вдруг позабудете, сколько лет разделяют вас с самым старшим братом.

Наверно, он заметил, как я поежилась, потому что добавил:

— Начинайте натягивать чужую шкуру уже сейчас, сударыня. У вас были родители, двое братьев и две сестры. Вы не имеете права об этом забыть.

- Но как можно забыть о том, чего я не знаю?! - воскликнула я.

- В этом вам поможет мэтр Оллен - он мастерски работает с воспоминаниями. И не повышайте голос - это неприлично. А теперь помолчите, я попробую его дозваться...

Канцлер резко поднялся - я невольно вжалась в спинку кресла, хотя он не сделал даже движения в мою сторону, - шагнул к стене и коснулся какого-то рычажка. С тихим шелестом панель из драгоценного седого дерева отошла в сторону, обнаружив большое, в человеческий рост зеркало. Канцлер подошел к нему вплотную, и я поразились - в стекле не отражался ни он сам, ни комната, оно было темным и пустым, - и коснулся его массивным перстнем, который носил на левой руке. Сперва ничего не происходило, потом вдруг поверхность зеркала пошла едва заметной рябью, засветилась, и я увидела...

Признаюсь, я ожидала встретить волшебника из сказки - умудренного годами седобородого старца, может быть, немного чудаковатого, но невероятно мудрого, с пронзительным взглядом лучистых глаз... В зеркале же оказался не молодой, но и далеко не дряхлый мужчина безо всякой бороды, лысый, как коленка, так что не выходило судить о сего сединах, кроме как по бровям, а те были густы и черны. Резкие черты лица и смуглая кожа выдавали в мэтре Оллене уроженца дальнего запада Дагнары. Но вот взгляд действительно оказался пронзительным. Наверно, отчасти потому, что светлые глаза выглядели удивительно яркими на темном, изборожденном морщинами лице.

- Чего тебе не спится? - спросил он вместо приветствия.

- Угадаете причину с одной попытки, мэтр? - канцлер сделал шаг в сторону.

Я подавила желание вскочить и сделать реверанс, а вместо этого улыбнулась. Наверно, вышла не улыбка, а судорожная гримаса, но я себя со стороны не видела и оценить не могла.

- Все же годится? Позови ее поближе, Одо! В этом проклятом старом стекле ничего не видать!

- Мэтр, я полагаю, вам следует обращаться к ее величеству, как подобает, - негромко ответил канцлер.

- Может, прикажешь поклониться этой сиротке?

- Прикажу, - тем же тоном произнес тот.

Воцарилось долгое, нехорошее какое-то молчание, но наконец мэтр Оллен отвесил в мою сторону не слишком глубокий, не придворный, но все же уважительный поклон. Я в ответ наклонила голову и постаралась улыбнуться ещё более приветливо. Кажется, у меня скулы свело от этой улыбки...

«Я же не выдержу, - мелькнула паническая мысль. - Я на второй день сойду с ума... Или даже на первый! Почему он решил, что я гожусь в двойники?»

- Лицо в самом деле похоже, - говорил тем временем волшебник, рассматривая меня, словно товар в лавке. - Но выражение не то. И неухоженная она, Одо. Скажи служанкам, чтобы отмывали в десяти водах и... ну, они знают все эти дамские штучки...

«Неухоженная? Сказать бы Мике, она бы как треснула его тазом по лысине! - с неожиданной злостью подумала я. - И если они хотят, чтобы я вела себя, как ее величество... Попробую!».

И я сказала:

- Мэтр Оллен, я всё еще здесь, если вы не заметили и продолжаете обсуждать меня так, будто бы меня не было. А если не заметили, так может, вам пора обзавестись очками? На старости лет зрение сдает, это всем известно, не так ли?

Воцарилась тишина. Канцлер не повернулся ко мне, но мне показалось, что спина его выражает сдержанное одобрение. И предостережение тоже - не стоит злить магов.

— Нет, все-таки немного похожа, особенно когда сердится, - без тени раздражения произнес маг и шагнул вперед, чтобы оказаться перед нами. Зеркальная поверхность пошла рябью и вновь успокоилась, сделалась непроницаемо-черной. - Повезло наконец, а, Одо?

- И я так полагаю, - негромко произнес канцлер. - И раз уж вы решили явиться сюда, мэтр, так может, соблаговолите произвести необходимые манипуляции?

- Думаешь, выдержит? - старик уставился мне в глаза, и я лишь огромным усилием воли сумела не отвести взгляда. - Слабенькая девочка. Может, просто выдрессировать, да и сойдет, пока Эва не поправится?

- Нет времени, - коротко сказал тот. - Вы знаете, мэтр, скоро прибывают послы из Иссена. Отменить или перенести встречу нельзя. Зависит от ее результатов многое, поэтому...

- Поэтому ты готов рискнуть? Что ж, будь по-твоему...

Оллен отвернулся и принялся раздеваться. Я не отводила от него взгляда, но канцлер меня отвлек.

— Нет смысла тянуть, - негромко произнес он, придвинув стул и сев напротив, - раз уж никто из нас не спит, займемся делом.

- Но что...

- Сейчас вы увидите воспоминания Эвы, - ещё тише сказал канцлер. - Те, что связаны с семьей, с ближайшим окружением. Я могу натаскать вас, и вы примете послов Иссена так, что они даже не заподозрят обмана, но этого мало. Никто, вообще никто не должен заподозрить, что королева - не та. Или не в себе. Недомагает, устала - возможно, но вы не имеете права не узнать, скажем, старую вдовствующую герцогиню, которая качала вас на коленях, и не одарить ее улыбкой. И вы не сможете запомнить подобных людей за оставшееся время, даже если я стану круглосуточно пытаться вас их досье и портретами.

- А как же... ночь перед экзаменом? - несмело улыбнулась я.

- Это относится к встрече с послами. С ближним кругом всегда сложнее. Я просто не успею пересказать вам, кто и чем известен, как вы связаны... - он болезненно сощурился.
- Поэтому выход только один, сударыня: мэтр Оллен вложит вам в голову то, что сумел считать из разума ее величества.

— Но я не гарантирую, что оно там поместится и тем более приживется, - добавил тот.
- Говорю же, слабенькая девочка. Спасибо, если выживет. У тебя запасной нет, Одо?

- Увы, мэтр Оллен, - со сдержанным бешенством ответил канцлер, - поэтому постарайтесь обходиться с этой юной особой как можно аккуратнее.

— Не злись, я просто стараюсь разрядить обстановку немудреной шуткой, - маг похлопал его по плечу. - И освободи мне место.

Клянусь, я готова была вцепиться в канцлера обеими руками, лишь бы не оказаться лицом к лицу с этим... странным человеком!

- Одо, как обычно, нагнетает обстановку, ему по должности положено, - сказал мне мэтр Оллен, усевшись напротив. Из одежды на нем остались одни выдавшие виды подштанники, и это было настолько нелепо, что я подавила нервный смешок. - Не бойся. Смысла нет бояться: если получится, всё будет хорошо, если нет - ты свихнешься и ни о чем уже не вспомнишь.

- Вы умеете приободрить, мэтр, - выдавила я улыбку.

- В мыслях не держал. Говорю, как есть... - он протянул руку канцлеру. - Давай, Одо. Раз уж решился, что тянуть?

Тот молча вынул из-за пазухи небольшой флакон красного стекла.

- Еле уговорили ее величество, - негромко сказал мэтр Оллег, покачав крохотный сосуд на ладони. - Не хотела, чтобы кто-то видел... всякое. Семейное. А куда деваться? Спасибо, она Одо любит до беспамятства, ему и доверила свою память, а я так, помог: кто же сумеет ее извлечь? Не чужого же звать?

Я лишилась дара речи, перевела взгляд на канцлера, но по его лицу невозможно было что-либо прочесть. А спрашивать, что именно имел в виду мэтр Оллен, я не рискнула.

- Сядь прямо, - велел мне маг, и я повиновалась. Босым ногам сразу стало холодно на полу.

- Заглушки не забудьте, - сказал канцлер. - Чтобы не вышло, как в прошлый раз.

- Кто же знал, что несчастная будет так кричать? Не забуду, не переживай...

О ком они? О моей предшественнице? Что они с ней сделали?..

- Смотри мне в глаза, - мэтр Оллен взял меня за подбородок. - Вдохни поглубже, выдохни, расслабься. Да, вот так... Вдох-выдох, вдох-выдох, вдох...

Я втянула носом вовсе не воздух. Это нечто было плотным, почти как вода - я однажды едва не захлебнулась в ванне, когда была совсем маленькой, и запомнила это ощущение, - однако вещество не перекрывало дыхательные пути. Я не задыхалась, но оно словно втягивалось внутрь, и...

Это было как фейерверк в ночном небе – на праздники их запускают столько, что видно из любого окна пансиона. Помню, мы с девочками бегали от одного подоконника к другому, запрыгивали на них, чтобы лучше видеть яркие огни, и даже сторож, даже дежурная воспитательница нас не ругали...

Мама?.. Да, это мама – красивая, в изысканном наряде, от нее тонко пахнет духами, она обнимает меня и сестер... Братья подходят поцеловать ей руку – они уже совсем взрослые юноши, такие... Такие, что если б я не была их сестрой, то непременно влюбилась бы! И я еще посмотрю, что за принцессу сосватали старшему, может, она мне не понравится...

Отец – высокий, массивный, когда он входит, в покоях сразу становится тесно. Когда я была маленькой, он поднимал меня к самому потолку, к сияющей волшебными огнями люстре, кружил и подбрасывал, а я смеялась...

Сестры и сейчас смеются – обсуждают женихов. Кажется, подумывают о том, как бы поменяться на время – из этого может выйти замечательное приключение! Они ведь так похожи, что их, кажется, только мэтр Оллен способен различить. Даже мама путает, что уж говорить о посторонних! Впрочем, Одо их тоже не путает. У него будто волшебное стекло в глазу, которое позволяет видеть обман: сколько раз я пыталась его провести, но ничего не вышло!

«Смирись, – сказал мне однажды второй брат со смехом, – это невозможно». Но разве я могла отступить?

Одо был всегда, сколько я себя помню. Он маячил тенью рядом с отцом, вроде бы незаметный, но тот прекрасно слышал его голос. Старший Мейнард был такой же, но его я почти не запомнила, знала только, что Одо занял его место, будто всегда там находился. Может, так и было, если отец готовил его к этому едва ли не с рождения. Иностранец, сумевший занять один из ключевых постов в Дагнаре, не мог упустить его даже после смерти...

Отец его любил, уверена. Мама опасалась, но признавала, что настолько верных людей днем с огнем не сыщешь, а потому можно и потерпеть. Старший брат спорил с Одо до хрипоты и почти всегда проигрывал, а если побеждал, то с неизменными уступками. Второй вообще старался с ним не сталкиваться, удирал на охоту или на очередной бал. Сестры считали, что канцлер – мужчина интересный, но настолько замкнутый, что, наверно, и не женится никогда, разве только ему прикажут. Ну или из чувства долга: чтобы воспитать наследника и поставить его на свое место, как сделал Мейнард-старший: тому ведь сосватали нашу очень дальнюю родственницу, то ли внучатую племянницу отца, то ли многоюродную кузину по материнской линии...

А я... Когда-то Одо снял меня с перил, по которым я решила съехать в подражание братьям, – они столько этим хвастались, и я решила, что тоже смогу, но застряла на середине, таким длинным был лестничный пролет и такая бездна разверзлась внизу... И ничего не сказал родителям, не говоря уж о моей прислуге, и предоставил мне самой объяснять, как это я ухитрилась порвать платье... Он действительно помогал мне решать задачки, потому что от объяснений учителя тянуло повеситься, причем у него на глазах, а Одо как-то ухитрялся парой фраз и росчерком пера объяснить то, что никак до меня не доходило. Главное, поймать его до совещания, потому что после он будет слишком зол, а до того – даже рад немного отвлечься и привести мысли в порядок...

Он не поехал с нами. Отец приглашал, но Одо отказался, будто чуял что-то неладное.

И тем вечером... Я действительно высунулась в окно, чтобы полюбоваться небывалой красоты закатом и замком на его фоне, крикнула назад, что мне не хватает этюдника, да и не сумею я нарисовать подобное... Посетовала, что до сих пор не изобрели маленьких фотографических камер, которые можно носить с собой – вот так увидел красоту, щелкнул затвором и получил картинку, причем цветную! Отец пообещал узнать, не представлял ли кто-нибудь проектов подобных изобретений, мама попросила меня закрыть окно, чтобы не дуло, и я хотела вернуться на место, но в этот момент поезд трянуло так, что я едва успела схватиться за раму, чтобы не выпасть. И шляпка слетела – я зачем-то попыталась поймать ее, повернула голову и увидела, как хвост поезда едет себе по рельсам, потом глянула в другую сторону – локомотив неудержимо рушился под откос... Я закричала, кажется, но следующий толчок выбросил меня в окно, и я словно

взлетела на мгновение... Подо мною оказались кусты, тощая пегая корова проводила меня удивленным взглядом, а потом я кубарем покатила по земле, стараясь только сжаться в комок, пригнуть голову к груди и закрыть руками – старший брат говорил, так больше шансов уцелеть, если падаешь с высоты. Не помогло – на моем пути оказался какой-то пенёк, и... больше я ничего не помнила.

Потом было черное, красное и белое. Глухое беспомыслие, нестерпимая боль и облегчение, когда начинали действовать лекарства. А вскоре я услышала голос, он звал меня издали – «Эва! Эва!» И я открыла глаза, а когда смогла разглядеть того, кто наклонился ко мне, разрыдалась и все пыталась протянуть к нему руки, но не хватало сил...

«Это правда она? – едва слышно спросила сестра милосердия, а когда Одо кивнул, как-то странно всхлипнула и ринулась наружу с криком: – Ее высочество! Ее высочество жива! У нас!.. Жива!..»

Тогда я еще не знала, что осталась одна. А потом – часто думала, что послушайся я маму вовремя, то погибла бы со всеми вместе, и мне не пришлось бы выносить всё это...

Я никогда не любила приемы, мне не нравились толпы гостей, мне скучно было говорить с ними о всякой чепухе. Меня хорошо обучили всему этому, я знала, что смогу стать достойной супругой знатного дворянина или даже младшего принца, но в этой роли мне не пришлось бы столько бывать на людях. Во всяком случае, так я считала. Может, ошибалась: случая проверить не представилось.

Теперь всё это было моим: огромный и неожиданно пустой дворец, сады и поместья, а ещё – страна, о которой я так мало знала, а ещё меньше понимала, как ею управлять... И если бы не Одо...

Мне ведь предлагали отречься от престола в пользу старшего кузена, но Одо встал стеной и, помню, не больно, но обидно нахлестал меня по щекам, когда я устроила безобразную истерику: кричала, мол, видеть не желаю корону, провались пропадом эта страна, не хочу ничего решать...

Больше никому, сказал он. Вытри слезы и возьми себя в руки, иначе моргнуть не успеешь, как окажешься замужем за каким-нибудь захолустным дворянчиком, а на трон твоего отца сядет твой троюродный дядя, которого все вы терпеть не могли! Думаешь, люди скажут тебе за это спасибо? Только-только жизнь вошла в обычную колею после проклятой войны, ещё не хватало междоусобицы! Его ведь не примут, и что будет тогда, нужно описывать? Ты ведь хорошо учила историю, так?

И я смирилась, я надела корону и старалась изо всех сил, но с каждым днем королевский венец все сильнее сдавливал мне виски... Казалось, даже тогда, когда его нет на голове, он жжет огнем, и я лишаясь способности рассуждать здраво, да что там – просто думать!

Одо не верил мне, но потом пришел мэтр Оллен, посмотрел внимательно, выругал придворных медиков последними словами и сказал – я больна. Я тяжело больна, и нужно что-то делать, срочно, потому что и так уже случилось чудо – страна удержалась на самом краю, качнулась, но устояла, – вот только эта ноша, похоже, сломала юной королеве спину или, вернее, проломила голову. И если ничего не предпринять, всё станет ещё хуже, чем после той катастрофы...

Было еще много всякого: чужие лица, разговоры, улыбки и жесты, и все это мелькало так быстро, что меня замутило, а потом я не выдержала и взмолилась:

— Не надо! Перестаньте, мэтр! Я не могу... не надо больше, у меня голова разорвется!..

И вдруг все прекратилось.

– Говорил же, слабенькая, – мрачно буркнул мэтр Оллен и принялся одеваться. – Скажи спасибо, что хоть столько выдержала. Повторить не проси – точно свихнется.

– Спасибо... – прошепел канцлер и наклонился ко мне. – Как вы?

– Как будто у меня в голове маслобойка, – честно ответила я, заметила недоумение на

его лице и удивилась, в свою очередь: - Вы никогда не видели?

- Богиня миловала, - сухо ответил он, но тут же спросил другим тоном: - Очень больно?

В голове гудело и стучало, казалось, будто она распухла впятеро против положенного размера, но терпеть было можно. Так я и сказала.

- Ну, может, я и погорячился с выводами... - пробормотал мэтр Оллен. — Но повторять все равно не стану. Держи свое сокровище. А этой... сам знаешь, чего накапать. И сам поспи хоть пару часов, ты уже на мертвые похож. Бывай!

С этими словами он шагнул в зеркало и исчез.

Канцлер спрятал красный флакончик и закрыл потайную панель.

- Что случилось с другими? - спросила я. - С той, которая кричала? Наверно, она не одна была?

— Не выдержали, - коротко ответил канцлер. - Очевидно, чего-то мы не учли. Или, возможно, вас спасла королевская кровь. Ваша предшественница лишилась разума на моменте крушения. Вы продержались удивительно долго.

- И все равно не успела увидеть всего, так? - я снова подобрала под себя озябшие ноги, не заботясь уже об обивке кресла.

- Увидели, просто не успели осознать. Не всё, но большую часть. А оставшееся я в вас вобью. Если потребуется... - он вдруг улыбнулся, горько, улыбка эта напоминала болезненную гримасу. - Если потребуется - оплеухами.

- Вам-то это зачем? - спросила я, поежившись. Рука у него тяжелая, если верить чужим воспоминаниям.

- Представьте, для кого-то клятва верности - не пустой звук, - ответил канцлер. - А теперь идемте. Я отведу вас назад. Сможете выспаться, а увиденное лучше всего уложится во сне. Полсуток сберегли, уже хорошо...

- Вы не спросите, что именно я увидела?

- Непременно. Вас ждет экзамен, забыли? Но прежде, чем выпустить вас к самой строгой комиссии - почтенной публике, я допрошу вас сам.

Я послушно последовала за ним, чуть не лишилась чувств, когда магический переход вывернул меня наизнанку - кажется, это было чересчур после манипуляций мэтра Оллена, - но быстро отдышалась. Хорошо еще канцлер не спешил, вернее, изо всех сил старался соразмерять свой шаг с моим. Получалось неважно, если честно.

Уже на гравийной дорожке я не выдержала:

- Одо, можно, спрошу?

Это были не мои слова, и я почувствовала, как напряглась рука, на которую я опиралась, вернее, за которую цеплялась изо всех сил, чтобы не споткнуться и не отстать. Так говорила ее величество, а я должна была сказать что-то вроде «позвольте задать вопрос» или «разрешите спросить». Но ведь такие мелочи и есть самое важное, верно? Странно будет, если я стану обращаться к старому знакомому не так, как обычно! Конечно, официальная речь может подчеркнуть недовольствие, но зачем нужно, чтобы кто-то решил, будто королева сердита на канцлера?

- Спрашивайте, конечно, - ответил он и явным усилием воли умерил шаг.

Он всегда был таким - не порывистым, но стремительным в движениях, и отец... то есть его величество порой ворчал, что не в состоянии уследить за перемещениями Одо. Вот только что был здесь, подавал бумаги, и уже исчез, и оказался на другом конце зала! Хоть гирию ему к ноге приковывай, как каторжникам в незапамятные времена, чтобы немного замедлить...

- Зачем мэтр Оллен раздевался?

Клянусь, канцлер споткнулся.

- Это всё, что вас заинтересовало?

- Конечно же, нет, но другое... как вы сказали, не улеглось ещё в голове, - призналась я.
- А настоящих магов я никогда не видела, поэтому интересно... Так зачем мэтр Оллен снял одежду?

- Спросите что полегче, - мрачно ответил он. - В прошлые разы он так не поступал. Максимум - сбрасывал свой кошмарный балахон, если являлся при полном параде.

- Может, хотел меня... ну, смутить? Или даже шокировать? У него на коже такие рисунки, что...

- Какие еще рисунки? - канцлер приостановился.

- Он же весь разрисован, - удивленно сказала я. - То есть, наверно, это татуировки, я читала... Он велел мне смотреть ему в глаза, но я успела кое-что рассмотреть до того, как он начал... процедуру.

- И что же у него за изображения на теле?

- Не могу описать, - подумав, ответила я. - Очень сложные узоры, они перетекают один в другой, и если долго смотреть, кажется, словно они шевелятся под кожей. Иногда мерещится чье-то лицо... или морда, цветок или совсем что-то непонятное, но такое... Как бы объяснить... Оно ужасное, отвратительное, тошнотворное, но взгляд отвести невозможно! Как бородатая женщина или самый толстый человек в мире - так описывали девочки, которые бывали в цирке, я-то только афиши видела.

- Гхм... Гениальное сравнение, - поперхнулся канцлер. - А воспроизвести эти рисунки вы в состоянии?

- Вряд ли. И потом... я боюсь, - призналась я. - Они ведь наверняка колдовские? Тем более, вы... вы их не видели, так?

- Не видел. Ну да это ни о чем не говорит.

- Может, мэтр Оллен пытался меня напугать?

- Вполне вероятно. Он как-то обмолвился, что с испуганными людьми проще работать - когда природная защита падает, повышается восприимчивость. Правда, он выбрал крайне странный способ для того, чтобы вас потрясти. Тем более, вы не слишком-то удивились, так?

- Я видела в анатомическом атласе человека совсем без кожи, - сказала я не без гордости. Чего мне стоило добыть эту книгу из шкафа госпожи Увве, а потом незаметно вернуть на место, лучше даже не вспоминать. - Рисунки на коже выглядят получше. А что до прочего, то мэтр Оллен... ну... даже не вовсе разоблачился.

- Вы полагаете, я позволил бы ему раздеться догола в присутствии несовершеннолетней девицы, вверенной моему попечению? - холодно осведомился канцлер.

- Но он ведь волшебник. Что вы можете ему сделать? Приказать? Но он бы отказался со мной работать, вот и всё. Еще раз приказать? А вдруг мэтр Оллен обиделся бы и совсем испортил мне мозги? То есть... - я перевела дыхание, - не знаю, зачем бы ему это понадобилось, но вдруг я ему просто не понравилась? Не понравилась же, так?

Канцлер кивнул.

- Почему? Потому что я... из приюта, как вы сказали? Плохо одета, у меня дурные манеры?

- Все нет, - сказал он после долгой паузы. - Одежду легко сменить, прочее... бывает и хуже. Должен отметить, что госпожа Увве уделяет достаточно внимания этой стороне

воспитания.

- Она всегда говорила, что даже нищая девушка с безупречными манерами легче найдет себе место, нежели неотесанная грубиянка. Если, конечно, она не место прачки ищет, - добавила я справедливости ради.

- Знали бы вы, сударыня, сколько таких нищих и безупречных вылавливают из реки... - непонятно ответил канцлер. - Мы уже пришли. Вы помните, где ваша спальня, не заблудитесь? Тогда идите спать. Мне тоже нужно закрыть глаза хотя бы ненадолго, иначе придется хоронить либо меня, либо кого-то, кто попадет под горячую руку.

Чужое воспоминание мелькнуло в голове: канцлер бывает очень зол, если не выспится. К счастью, ему хватает пары часов, чтобы прийти в себя, и в таком режиме он может существовать очень долго. Но вот беда: иногда и этих часов не находится...

ГЛАВА 5

Мне ничего не снилось. Наверно, причиной тому было снадобье, которое заставил меня выпить канцлер. Будь это пилюли, я сумела бы спрятать их за щекой и выплюнуть. Все мы это умели: в пансионе порой давали средства от паразитов, после которых многие девочки целыми неделями не могли высидеть урок до конца, а потому приходилось выкручиваться. Увы, с каплями такой фокус не вышел бы, тем более, канцлер пристально следил за мной, покуда я не выпила все, что было в стаканчике.

Проснулась я рано, как привыкла: в пансионе будили до рассвета. Некоторые домашние девочки с наслаждением рассказывали, что дома в выходные могут спать или просто лежать в постели хоть до полудня, но пансионеркам такое дозволялось, только если они тяжело болели. Чуть свет приходила горничная, будила всех, и мы, дрожа от холода – в каменных стенах старого здания даже летом было зябко, – принимались одеваться и умываться.

Но на этот раз меня никто не будил. Я открыла глаза, увидела незнакомый потолок, взглянула налево – сквозь легкие шторы пробивался серый утренний свет – и вскочила. Пропала! Уже рассвело!

И тут же вспомнила, где я и что со мной случилось...

Постель по сравнению с привычной была настолько мягкой, одеяло – теплым, что я зарылась головой в подушки и вообразила себя медведем в берлоге, под толстым снежным покрывалом. В пансионе я тоже играла в медведя, когда была помладше, но долго прятаться не выходила: безжалостная Рина, а потом пришедшая ей на смену Мика срывали тонкое одеяло, приходилось вставать.

Не знаю, сколько я так лежала: часов в комнате не было, а осеннее утро, особенно пасмурное, – совсем не то же, что летнее, не угадаешь, сколько прошло времени. Уснуть не удавалось: я не привыкла спать так долго, к тому же очень хотелось есть: у меня во рту ничего не было с прошлого обеда, кроме булочки и стакана молока...

Наконец приотворилась дверь, кто-то вошел. В щелочку я увидела – это Нэна – и наконец услышала ее голос, тихий и мягкий:

- Госпожа, уже утро. Извольте просыпаться.

Я рывком села на кровати, скинув одеяло, и удивилась, до чего же здесь тепло! В наших спальнях осенью и зимой нужно раздеваться и одеваться очень быстро, чтобы не продрогнуть. Еще горничные строго следят за тем, чтобы чулки были сложены на стуле поверх остальной одежды, а тех пансионеров, кто пытается хитрить и спать прямо в них, чтобы было немного теплее, наказывают: так одежда быстро приходит в негодность, не напасешься! У полупансионеров – тех девочек, что уходили домой только на выходные и праздники, и то не всегда, а в остальное время жили с нами, – конечно, были теплые ночные рубашки, но тоже не у всех...

- Что госпожа желает на завтрак? - невозмутимо спросила Нэна, и я растерялась.

Откуда мне знать, что я желаю? Сколько себя помню, завтрак в пансионе был одинаков: жидкая каша с жалкой лужицей растопленного масла, тонкий ломтик хлеба с совершенно прозрачным кусочком сыра и – самое главное! – большая кружка горячего травяного отвара, сдобренного медом. Еще нам полагались фрукты – по сезону, самые недорогие. К середине зимы мы уже видеть не могли яблоки: полежав, они делаются почти безвкусными и какими-то... ватными. Но не портятся, потому на зиму закупают именно этот сорт.

Иногда на каникулах или в праздники госпожа Увве звала меня ко второму завтраку и угощала чем-нибудь вкусным, даже пирожными, но я ведь не могу сейчас потребовать пирожных? Или могу? Или...

- Сначала я хочу умыться, - сказала я, сообразив, что как-то нелепо завтракать в постели, не приведя себя в порядок.

То есть знатные дамы в книгах только так и поступали, но даже домашние девочки

соглашались, что в действительности никто себя не ведет подобным образом. Разве только прикованные к постели, но и тем помогают умыться...

- Как будет угодно госпоже, - невозмутимо отозвалась Нэна. — Но не изволит ли госпожа сначала распорядиться насчет завтрака?

- Ну... пускай будет, как обычно, - сказала я, спуская ноги с кровати, а Нэна кивнула, сделала несколько шагов к двери и что-то приказала неразличимым шепотом.

Ох... Знать бы еще, что обычно ест на завтрак ее величество! Я попыталась выискать это у себя в голове - не зря же мэтр Оллен вкладывал туда разную премудрость, - но тщетно. Наверно, сведения о всяких вдовствующих герцогинях и многоюродных племянниках были намного важнее вкусовых пристрастий настоящей Эвы.

- Извольте, госпожа, - Нэна поманила меня к себе, и я встала. И поразилась - босые ноги едва не по щиколотку утопали в пышном ворсе ковра.

Ночью я как-то не обратила на это внимания. «Какая же мука его чистить, - мелькнуло в голове, - ну, если он не заколдован, конечно».

Я думала, Нэна польет мне из кувшина, но нет: горничная открыла дверь, и я оказалась в другом помещении.

- Может быть, желаете принять ванну, госпожа?

Я уставилась на нечто размерами втрое больше того корыта, в котором мы обычно купались в пансионе, - в нем плавать можно было, не иначе! - и кивнула. Вчера с дороги я только умылась... и тогда Нэна действительно поливала мне из кувшина! Сегодня все заметно изменилось, подумала я и едва не шарахнулась в сторону, когда в блестящую ванну хлынула вода - над ней курился пар.

- Дозвольте помочь, - сказала Нэна и совлекла с меня ночную рубашку.

Мне никто не помогал с мытьем с тех пор, как я выросла настолько, что оказалась в состоянии удержать ведро с горячей водой (хотя бы вдвоем с кем-нибудь) и не ошпариться: водопровода в старинном здании пансиона не было. Мы с девочками друг другу помогали, конечно, - сама себе спину не потрешь, да и волосы сложно как следует промыть, если кто-нибудь не льет на голову.

Нэна, однако, действовала так, будто ухаживать за взрослой девушкой, словно за маленьким ребенком, ей совершенно привычно, и ничего необычного она в этом не видит. Может, так положено? Наши домашние девочки о таком не рассказывали, но ведь они происходили не из самых знатных и богатых семей, и о том, что делается во дворцах, знать не могли...

Я покорила, только попросила добавить холодной воды, не то в ванне свариться можно, и Нэна послушалась. Потом она сушила и расчесывала мои волосы, - наверно, канцлер донес до нее слова мэтра Оллена о том, что меня нужно отмывать в трех водах, - подпиливала ногти, чем-то мазала лицо. Я чувствовала себя куклой, честное слово. А уж когда Нэна взялась меня одевать, сходство сделалось несомненным... Ну неужели я сама не в состоянии натянуть чулки? Хотя... с такими тонкими, наверно, не совладаю - нужна сноровка, а я их просто порву, привыкла ведь к совсем иным. И платье - на нем столько крючков и завязок, и все на спине... самой не справиться. У нас платья застегивались спереди, потом сверху надевался форменный черный фартук для защиты от чернил и прочего, вот и весь туалет. Даже учительницы носили такие платья - кто стал бы им помогать? У горничных и без того забот полон рот, а личная прислуга есть только у госпожи Увве. Но и она одевается крайне скромно: считает, что это должно подавать пример остальным. Конечно, ее наряды намного лучше сшиты, чем у остальных, ткань дороже, но издалека не отличишь.

Тем временем принесли завтрак - его сервировали на маленьком и, на мой взгляд, неустойчивом столике, - и я, признаюсь, потеряла дар речи. Нет, я понимала, что ее величество ест совсем не то же самое, что подают в пансионе, но все-таки удивилась. Мне казалось, что юная королева должна питаться какими-нибудь заморскими фруктами, марципанами и прочими сладостями, но... Под серебряной крышкой исходила

паром яичница с ветчиной и какими-то незнакомыми овощами – Богиня, я пробовала такое всего несколько раз, у госпожи Увве, и то мне полагался маленький кусочек! Золотились поджаристые кусочки хлеба, таяло масло в масленке, заманчиво поблескивало что-то вроде варенья в вазочке, дымился травяной отвар в тонкой фарфоровой чашке...

«Это что, мне одной?» – подумала я, вовремя прикусив язык.

- Отрадно видеть, что к вам возвратился аппетит, госпожа, - сказала Нэна, когда я взялась за еду. Хорошо еще, застольному этикету нас учили преотменно, можно было не опасаться опозориться.

Королева никогда не отвечала на такие реплики, но я по привычке сказала:

- Благодарю, Нэна, очень вкусно.

- Рада слышать, госпожа, - поклонилась она, собирая посуду. - На обед изволите черепаховый суп или что-то иное?

- П... пускай будет суп, - поперхнувшись, выговорила я. Никогда в жизни такого не пробовала, только читала!

- Как прикажете, госпожа. Изволите отдохнуть после завтрака?

«Отдохнуть? Разве я устала?» - озадачилась я. В пансионе меня ждали бы занятия до полудня, потом короткий перерыв, снова занятия, и время до обеда тянулось нескончаемо долго...

- Нет. Кажется, Одо хотел о чем-то переговорить, - имя слетело с моих губ чуточку легче, чем вчера. - Он здесь?

- Его высокопревосходительство ожидает вас внизу, госпожа, - ответила Нэна. - Только...

«Да, верно, нужно переменить утреннее платье на то, в котором можно встречать гостей, - сообразила я. - Только канцлер - не гость, он видел королеву ещё в коротких штанишках, а то и вовсе в пеленках, да и потом она себя не утруждала соблюдением приличий».

- Не желаю тратить время понапрасну, - сказала я как могла более капризно. - Поди скажи - сейчас спущусь.

- Хорошо, госпожа.

Похоже, с Дагной-Эвлорой никто никогда не спорил, кроме, разве что, канцлера, и это меня, признаюсь, пугало. Как я могу представляться ею, если привыкла, что каждый мой шаг ограничен, на любой вопрос может последовать ответ «тебе еще рано об этом знать»?..

- Не так плохо, как я ожидал, - встретил меня канцлер. Судя по всему, ему удалось немного поспать - тени под глазами исчезли. - Но со слугами вы обращаться не умеете, сударыня.

- У меня ведь никогда их не было, ваше превосходительство, - ответила я и села напротив, расправив подол платья и чинно сложив руки на коленях. - И воспоминания, которые вложили мне в голову, не помогают.

- Неужто? Почему? - заинтересовался он. - Мэтру Оллену тоже любопытно будет узнать, что пошло не так... И не забывайте - я не его превосходительство, во всяком случае, пока мы не на официальной церемонии.

- Верно, я забылась, Одо, - почти без запинки выговорила я. - И не вполне понятно выразилась: я теперь знаю, как ее величество ведет себя со слугами, но... но... я так не могу. Правда, не могу! Даже с Нэной - о ней ничего в памяти нет, но все равно... А с

теми, кто знает ее величество с детства и любит, я тем более не сумею... как она.

- Так объясните - почему?

Я беспомощно развела руками.

- Мне... мне стыдно. То есть... если бы меня растили вот так, тогда бы все это я принимала как должное... но я же все время помню, что я не она, а другая! И хоть должна вести себя, как ее величество, не получается... Наверно, с каким-нибудь послем получится, потому что там этикет и протокол, а так... Может, мэтр Оллен сумеет заколдовать меня так, чтобы я не говорила «спасибо» всякий раз, когда прислуга приносит мне стакан воды?

- Не сумеет, - канцлер смотрел на меня в упор. - Ничего. Слуги у Эвы молчаливые. Если и удивятся ее неожиданной доброжелательности, то спишут это на последствия катастрофы. В конце концов, у нее не осталось близких, не считая меня, а кто был с ней дено и ночью все эти годы? Правильно, прислуга. И Эва наконец осознала, что без верных людей не обойтись. Пытается сблизиться с ними, а что выходит неуклюже... Это логично: ее никто не учил общению с простыми людьми, поэтому она неизбежно ошибается. Но все наладится.

- Правда?..

Канцлер едва заметно вздрогнул, а я вспомнила: ее величество иногда задавала вопрос таким же тоном - чуточку недоверчиво и с насмешкой. У меня получилось это не нарочно, клянцусь!

- Правда, - ответил он. - А теперь займемся посольством Иссена.

- Как же экзамен? Вы сказали, что...

- Я совмещу полезное с неприятным. На дипломатической встрече, разумеется, вдовствующих герцогинь не ожидается, но вы можете повстречать знакомых где-то во дворце, и пренебрегать этой вероятностью нельзя. Но для начала расскажите мне все, что знаете об Иссене, сударыня.

У меня похолодела спина, как всегда бывало на экзаменах, и я напрягла память. Иссен - соседнее государство. Правящая династия... площадь... климатические зоны... население... полезные ископаемые... сельское хозяйство... промышленность...

- Довольно! - перебил меня канцлер, и я облизнула пересохшие губы. - Вижу, в этом вашем приюте... простите, пансионе, учат не так уж плохо. Не уверен, будто ее величество помнит такие мелочи. Вы, в свою очередь, не осведомлены о многом другом, но это поправимо. Так... Память у вас, насколько я могу судить, недурная, поэтому слушайте, сударыня, и запоминайте. Потом перескажете, что именно запомнили.

- Хорошо.

Я села прямо и сложила руки на коленях за неимением классной парты.

- Сударыня, Эва никогда так себя не ведет, - тут же сказал он. - Она предпочитает выслушивать важные сведения, в особенности объемные, полулежа и закрыв глаза - это помогает ей сосредоточиться.

- Такого в моей голове нет, - порывшись в памяти, ответила я. - И простите, если я закрою глаза, то усну.

- Вы не выспались?

- Выспалась, но все равно задремлю. Как я могу сосредоточиться на рассказе, если не буду видеть вашего лица? Это получится... все равно что слушать сказку перед сном.

- Хм... Строптивостью вы очень походите на Эву, - сделал комплимент канцлер. - Хорошо. Времени на эксперименты нет, поэтому слушайте, как вам удобно. Главное - запоминайте детали.

Я кивнула и обратилась в слух.

Надо сказать, рассказ у канцлера вышел крайне сухим: господин Агсон намного интереснее повествовал о приключениях параллельных линий и равнобедренных треугольников, нежели герцог Мейнард – о сделке, которую предстоит заключить с Иссеном.

- Ваша очередь, - сказал он наконец. - Изложите вкратце, что вы поняли, в особенности - на что рассчитывает Иссен, а какие выгоды намерены получить мы.

У меня в самом деле очень хорошая память, но одно дело – просто повторить услышанное, и совсем другое – истолковать это. В особенности, если ещё вчера ты была обычной пансионеркой и ровным счетом ничего не понимаешь в этой политике!

Зато Эва понимала – тоже не особенно хорошо, но она все-таки росла при дворе, волей-неволей слышала беседы отца с матерью, с канцлером, знала, что к чему в отношениях с соседями, худо-бедно разбиралась в расстановке сил при дворе, поэтому ей было немного проще. Самую чуточку.

- Если я правильно поняла, - начала я, - то еще до гибели его величества велись переговоры о том, чтобы отдать угольные шахты в разработку иссенским промышленникам. Они почти иссякли, но Иссен убежден, что там еще осталось достаточно топлива. Вероятно, они желают опробовать новые технологии добычи, о которых ничего не известно. Даже шпионы не смогли ничего выяснить на этот счет, а это странно, так? Ой...

Канцлер коротко кивнул, не отреагировав на мой промах.

- Взамен они предлагают... простите, я не знаю – достаточно ли это большая сумма за аренду шахт на двадцать лет?

Что правда, то правда: мне приходилось считать в лучшем случае медные монетки, по доброте госпожи Увве попавшие мне в руки, а на них можно было купить разве что немного сладостей, когда нас вывозили на прогулку. Ну или попросить об этом какую-нибудь домашнюю девочку, только с ней приходилось делиться. Я бы с куда большим удовольствием купила книгу, но понимала, что копить придется несколько лет, а там уже и до окончания обучения недалеко, поэтому нет смысла изобретать сложные пути. Проще подождать, найти работу, а уж с жалованья покупать, что захочется. Конечно, я знала, что вчерашней выпускнице много не заплатят, а ещё придется одеваться и питаться на эти деньги. Но это все равно будет чуточку больше, чем медная монетка. А если госпожа Увве решит, что я могу остаться в пансионе и обучать самых младших девочек, то мне не придется тратиться на съемное жилье, а это очень большая экономия.

- По правде говоря, это не слишком много, - прервал мои воспоминания канцлер. - Поэтому мы торгуемся, повысив плату вдвое. Но на самом деле нас устроит полуторная ставка, и иссенцы явно согласны на это. Остается заключительный штрих.

- Ах вот оно что...

- Продолжайте, сударыня. Пока вы все излагаете верно.

- Еще у короля Иссена есть двое сыновей. Старший уже женат, а второй пока даже не помолвлен. Он на три года старше ее величества... - я постаралась вызвать в памяти лицо этого юноши, ведь Дагна-Эвлора наверняка видела иссенского принца на каком-нибудь балу или приеме, и мне это удалось. - Он довольно симпатичный, но не пришелся ее величеству по нраву.

- Эве вообще мало кто по нраву... - пробормотал канцлер. - Что далее?

- Наверно, эти шахты... ну, как приманка на крючке. Если дело сладится, пускай даже не принесет иссенцам большой прибыли, у них будет повод снова закинуть удочку.

- Сударыня, откуда у вас эти рыболовецкие ассоциации? - не выдержал он.

- Одна девочка из пансиона очень любит рыбалку и в каникулы целыми днями пропадает на реке с отцом, - сконфуженно ответила я. - А потом рассказывает

остальным.

- Ясно... Так что, по-вашему,иссенцы вознамерятся выудить в следующий раз?

- Не знаю. Может, это будет ещё какая-то сделка. А может, они сразу решат посватать ее величество за своего младшего принца.

- Вы как-то слишком хорошо разбираетесь в подобных вещах для девушки, выросшей в стенах приюта... пансионата, прошу прощения.

- Можете не извиняться, - не удержалась я. - Это получается у вас непроизвольно, как и у меня, так?

Канцлер смерил меня тяжелым взглядом, но ничего больше не сказал. Спросил только:

- Как вы до этого додумались? Память Эвы помогла?

- Нет, - сразу ответила я. - Ее величество, говорю же, думала о том, что его высочество ей не нравится и что танцует он неуклюже. И она ни за что не пойдет за него замуж, даже если он предложит, но это вряд ли, потому что она ему тоже не по душе. Наверно, какая-то другая девушка завладела его сердцем...

- Избавьте меня от цитат из дамских книжек! - не выдержал канцлер.

- Но вы же спросили, как я дошла до такого решения, вот и отвечаю... То есть, я хочу сказать, в тех самых романах такое часто встречается, и я подумала, что нет разницы - выдуманные страны или настоящие. Автор ведь живет в настоящей, значит, подглядел что-то в реальности. Немножко приукрасил, переиначил, но суть от этого не сильно поменялась... Я говорю глупости, да? - с тревогой спросила я, глядя, как мрачнеет его лицо.

- Отчего же, вовсе нет. Изложено наивно, но суть, - тут канцлер едва заметно усмехнулся, - как вы и сказали, от этого не поменялась. Что ж, посмотрим, как пойдут переговоры... Вам, сударыня, нужно подготовиться. Вы, конечно, многое выучили... в пансионе, но эти сухие цифры мало чем вам помогут. Я дам вам досье на тех людей, с которыми придется иметь дело, а также на тех, кто так или иначе задействован в сделке, - промышленников, купцов и прочих. Сколько вам потребуется времени на то, что бы ознакомиться с материалом и уложить его в голову?

- Не имею понятия. Я ведь не знаю, какого размера эти досье и сколько их, - растерянно ответила я.

- Прекрасно...

Я взглянула на него с недоумением.

- Я хочу сказать: прекрасно, что вы не бросаетесь пустыми обещаниями, - пояснил канцлер. - Материалов не так много - тех, что я отобрал для ее величества. Несколько часов вам вполне хватит для ознакомления. Ну а память, как я мог убедиться только что, у вас действительно прекрасная, поэтому...

- Одо, - перебила я, изо всех сил вцепившись в складки на подоле. Необходимость называть канцлера по имени ввергала меня не то чтобы в ужас, но по спине всякий раз бежали мурашки. - Не надо то, что вы отобрали.

- Объясните, - нахмурился он.

- Вы же выбирали то, что показалось самым важным вам, взрослому человеку, канцлеру! А ее величество думает не так, я - тем более, поэтому и хочу прочитать все. То есть первым делом я выучу то, что необходимо, но... Вы не беспокойтесь, я очень быстро читаю и не потрачу много времени!

Что правда, то правда: иной раз приходилось читать тайком принесенный домашней девочкой роман ночами, в свете луны или стащенного огарка свечи, чутко прислушиваясь, не идет ли горничная или дежурная воспитательница. Днем я, конечно, изо всех сил старалась не уснуть на занятиях, но оно того стоило.

- Зачем вам это? - он уставился мне в глаза. - Вам нужно всего лишь озвучить роль, которую я для вас напишу. Без отступлений, сударыня, иначе это может плохо закончиться.

- А для ее величества вы тоже... пишете? - дерзко спросила я.

- Разумеется. И не сравнивайте себя с ней. Эва, по крайней мере, выросла во дворце и знает, что допустимо, а что нет.

- Вот именно, - ухватилась я за его слова. - Как я могу хорошо сыграть роль, если не понимаю, что за ней стоит? В пьесах это, может быть, не очень важно: обозначено, что такой-то - старый граф сурового нрава, это - его юная мечтательная дочь, а это - случайно оказавшийся в их краях путешественник. Здесь все просто и понятно!

- Неужели?

- Да, сударь! Мать одной девочки из пансиона - швея, ей часто заказывают костюмы для местного театра, она часто там бывает и иногда берет с собой дочь - та помогает с простой работой. И она слышала, что говорят актеры: есть определенное... как же это...

- Амплуа?

- Точно, именно это слово! Никак не могла вспомнить... Один обычно играет злобных стариков, другой - отважных юношей, третья - прекрасных дев... Но у персонажей нет никакой истории... Я очень путано говорю, да? - опомнилась я.

- Путано, но я, кажется, начинаю улавливать нить вашей мысли, поэтому продолжайте.

- Гм... Словом, у персонажей нет истории. Мы даже не знаем, почему граф злобный: от природы или с ним случилось что-то. Если в пьесе об этом не написано, то мы так и не поймем, почему он прогоняет от дочери женихов или вовсе казнит любого, кто на нее посмотрит. Так и с этими досье: вы напишете, что такой-то господин - промышленник, владеет тем и тем, намерен вложить в шахты такую-то сумму. А почему? Почему именно он, почему именно столько, почему в наши шахты, будто в Иссэне их мало?..

Я с трудом перевела дыхание и закончила:

- Вы, наверно, все это знаете и так. И ее величество знает или хотя бы слышала. И поэтому вы о таком не напишете - это же очевидно! А я стену сидеть и моргать, а если кто-то станет на намекать на нечто такое, что я должна знать ну... по умолчанию, то...

- Вы будете выглядеть дура дурой, - любезно закончил канцлер. - Или хуже: в вашем искреннем неведении послы углядят какой-то намек или даже оскорбление... Надо же, я не смотрел на проблему с этой стороны. Что ж... Будет вам досье. Но, повторяю, своей роли вы должны следовать до последнего слова. Никакой импровизации, это вам понятно?

- Конечно...

- В таком случае, отправляйтесь наверх. Досье я пришлю, а вы покамест примерьте наряды. Фигуры у вас с Эвой немного различаются, нужно будет подогнать.

Наверно, если кто-нибудь когда-нибудь сказал мне, что однажды я буду примерять платье ее величества, я бы только рассмеялась: это ведь невозможно! Ну только если не предположить, что я каким-то образом окажусь при дворе - прислугой, разумеется, - и мне достанется старое платье королевы в качестве награды за усердную службу.

Но эти наряды были совсем новыми: Дагна-Эвлора их еще не надевала - мастерицы шили по хорошо известным меркам, а до финальной примерки дело не дошло.

И вот тут-то всех нас поджидал неприятный сюрприз...

ГЛАВА 6

Прежде всего, я не привыкла к корсету. В пансионе их заставляли носить только тех девочек, которые сильно сутулились или кривились набок, и которым не хватало для вразумления шлепка линейкой между лопаток. Мысль о необходимости тратить время поутру ещё и на шнуровку этого приспособления обычно приводила жертву в такой ужас, что она принималась тщательно следить за осанкой.

В любом случае, те корсеты затягивали не слишком сильно, лишь в той мере, чтобы не позволить ученице сгорбиться за партой. Ничего общего с тем орудием пытки, в которое в четыре руки затянули меня две крепкие горничные, похожие друг на друга, как сестры. А может, они и были сестрами? Или их подбирали по внешности? Обе темноволосяые, темноглазые, довольно рослые...

Я отыскала в памяти Эвы их имена – Эн и Эм, но так и не поняла, настоящие они, или же ее величество попросту звала девушек по первым буквам... не знаю, имени или фамилии.

Швею... то есть, я хочу сказать швейного дела мастерицу первого ранга при дворе ее высочества, дородную женщину примерно одних лет с госпожой Увве, звали госпожой Ланни. Королева, разумеется, фамильярно называла ее просто Ланни, как привыкла с детства.

Все они – в отличие от Нэны – состояли при королеве не первый год, и я поняла, что канцлер решил устроить мне очередной экзамен.

Королева не любила примерки, они ее раздражали, поэтому мое недовольное лицо никого не удивляло, и славно. Но, признаюсь, больше, чем реакция горничных, меня угнетала невозможность вдохнуть полной грудью. Теперь я отлично понимала, почему дамы в романах то и дело падают в обморок: если они вот так же затянуты, то достаточно малейшего усилия или даже сильного волнения, чтобы лишиться сознания от недостатка воздуха. А если дело происходит в жаркий день или в душном помещении, то тем более...

Конечно, горничным я об этом говорить не собиралась, но думала, что нужно собраться с духом и предупредить канцлера. Вряд ли он обрадуется, если мне делается дурно посреди встречи с послами. Я выносливая, конечно, но кто знает, сколько времени это продлится? Хватит ли у меня сил вытерпеть? Не хотелось проверять вот таким образом.

Тем временем дошло дело до самого платья. Очень красивое, по последней моде, с рукавами-фонариками, оно на мне буквально трещало по швам. Во всяком случае, поднять руку я бы не рискнула.

Утреннее платье мне было впору, но его явно готовили для меня. Не знаю, сшили за ночь или подогнали готовое... например, то, что осталось от моей предшественницы.

Но как такое может быть? Канцлер ведь сказал, что у нас с королевой похожие фигуры, а раз так, мы не должны сильно различаться! Как могу я, воспитанница приюта, где нас кормили отнюдь не так сытно, как ее величество, оказаться настолько крупнее? Или дело просто в особенностях сложения? Королева, насколько мне удалось разглядеть, хрупкая, тонкокостная, а я... нет, я тоже не похожа на крестьянку, но явно шире в кости. Так-то в глаза не бросается, если не прикладывать мерную ленту, но в этом туалете...

– Вот так дела, – огорченно произнесла Эм. Она, стоя на коленях, упорно одергивала мой подол, словно надеялась, будто он волшебным образом удлинится. – Как же это вы промахнулись, госпожа Ланни?

За что немедленно и получила подзатыльник.

– Ошибиться я не могла, – прогудела швея, осматривая дело рук своих. – Однако...

– Бывает такое, – вставила Эн, подбирая отлетевшую от моего наряда пуговицу, – дети... ой, прошу прощения, госпожа, молодые люди, когда болеют, иногда быстро растут. Так вот встанет с постели, начнет одеваться, а рукава коротки, подол тоже, хоть плачь...

- Точно-точно, с моим братом именно так и вышло, - вставила Эм, сматывая ленту, и опасливо покосилась в мою сторону. Очевидно, королева не любила пустой болтовни, но я ничего не могла найти на этот счет. - Вот и ходил, как подстреленный, пока другую одежду не справили. Хорошо еще, исхудал, так что хоть налезало на него старое...

«Да ведь со мной тоже такое было! - чуть не воскликнула я, но вовремя схватила себя за язык. - Именно после болезни: оделась, и оказалось, что руки неприлично торчат из рукавов, а подол короток...»

Тогда это не стало большой трагедией: мне всегда шили платья на вырост, поэтому подол и рукава отпустили, и я носила эту одежду еще года полтора, не меньше, покуда она не сделалась совсем тесна. Но то я, а в небогатой семье такой сюрприз наверняка оказался весьма некстати. А если не было отца и старшего брата, у которых можно было временно позаимствовать что-то... Впрочем, о чем я говорю! Даже если имелись брат с отцом, кто сказал, что у них несколько смен одежды? Тут остается или просить по соседям, или ходить, в чем есть, пока не раздобудут хоть поношенное у старьевщика - слышала я и о таком.

- Одним словом, с этим уже ничего не поделаешь, - мрачно сказала госпожа Ланни и тяжело вздохнула. Ее внушительный бюст так натянул атлас платья, что я подумала: не лопнуло бы! Декоративные пуговицы - те точно могли отлететь. - И как быть?

- Если это платье никуда не годится, - подала я наконец голос и постаралась скопировать манеру Дагны-Эвлоры, - сшейте новое. Времени еще предостаточно.

- Госпожа, я же так... в воздух спросила, - зачастила госпожа Ланни. - Неужели неясно: нужно немедленно обновить ваш гардероб! Извольте, сию минуту я сниму мерки, сама сниму, никому не доверю...

- И корсет мне нужен другой, - рискнула я. - Этот явно мал. Я в нем совсем дышать не могу.

- Конечно, госпожа, как изволите... А вы что стоите?..

Эм и Эн мгновенно разоблачили меня до белья, и вокруг образовался будто бы смерч из лилового атласа: для своего сложения госпожа Ланни передвигалась весьма шустро.

- Как быстро меняются девушки, - бормотала она себе под нос, измеряя, кажется, расстояние между моими ребрами. - Конечно, все нужно заменить, но не беспокойтесь, госпожа, я всех засажу за работу, и даже если им придется шить круглые сутки, ваши наряды будут готовы в срок!

Я вспомнила рассказы той девочки о матери-швее, о том, как она набирает побольше заказов. Муж ее умер, других родственников то ли не осталось, то ли они не горели желанием помочь вдове, то ли сами были так же бедны, неважно! Главное, этой женщине приходилось шить днями и ночами, не разгибая спины и не смыкая глаз, чтобы хватало не просто на жизнь, а еще и на оплату пансиона, хорошую еду для дочери, учебники - они ведь недешевы. И та девочка говорила с горечью, что мать понемногу теряет зрение: экономит на освещении, потому что хорошие свечи слишком дороги, керосин тем более, а от простой сальной свечи много ли света? Приходится сильно напрягать глаза, вот и... Девочка надеялась только, что успеет выучиться и найти работу прежде, чем мать окончательно ослепнет, иначе все эти усилия окажутся напрасны.

- Не забудьте заплатить им вдвое за ночную работу, - не удержалась я, и женщины как-то странно переглянулись. Пришлось порыться в памяти Эвы и соорудить неприятную гримаску. - Что вы на меня уставились? Вы не из своего кармана платите, Ланни, так? Вот извольте делать, что велено! Я проверю, учтите.

Как я собиралась это делать - не знаю, не спрашивайте. Главное, мастерица как-то ступевалась и несколько раз кивнула.

- А цвета, госпожа? - произнесла она, суетливо собрав свои записи.

- Этот мне не нравится, - сказала я, потрогав рукав цвета голубинового крыла. - Я выгляжу в нем слишком бледной.

Это было чистой правдой: у меня светлая, совсем не тронутая солнцем кожа, и платье придавало моему лицу синюшный оттенок. Конечно, всем известно, что королева только что оправилась от болезни, но почему она должна походить на умертвие из детской сказки?

- Срок даже и малого траура истек, - добавила я, мысленно подсчитав сроки, - поэтому извольте подыскать цвет, который не превращает меня в покойницу.

- Что вы такое говорите, госпожа... - искренне испугалась госпожа Ланни. - Конечно... Конечно... Как вам будет угодно... Вы ведь сами выражали желание носить траур по возможности долго, а я...

- Я передумала, - перебила я. - Но не потому, что не скорблю больше. Я просто не желаю, что бы посторонние считали, будто я ни о чем больше не могу думать, и не считали меня... легкой добычей. Так понятно?

- Вполне, госпожа.

Мастерица посмотрела на меня будто бы с испугом, потом встряхнулась, вздохнула и велела Эм (или Эн, я их все ещё путала):

- Позови моих девочек с образцами тканей. Может быть, госпожа выберет прямо сейчас?

Я кивнула. В самом деле, что тянуть?

Процесс выбора затянулся надолго, и все это время меня снедали самые нехорошие мысли. Очень о многом нужно было спросить у канцлера... если я осмелюсь, конечно, а он соблаговолит ответить. Вопросов скопилось столько, что впору записывать, но я не рискнула попросить письменный прибор, положила на память. Мало ли, кто прочтет мои заметки?

За этими мыслями я даже не разобрала вкуса удивительного черепахового супа, ела без аппетита и оставила в тарелке намного больше половины: очень уж сытным оказалось это кушанье. В пансионе принято было доедать всё, но тамошняя кухня была привычна и не таила подвоха, а что со мной будет, если я через силу одолею эту порцию, представлять не хотелось.

- Вам не понравилось, госпожа? - спросила Нэна, убирая со стола. - Может быть, недостаточно специй? Но доктор сказал, вам пока не стоит есть острое и пряное.

Я только плечами пожала, потом спросила:

- Бывает же так: вдруг перестает нравиться то, что раньше любила?

- Пожалуй, госпожа, - после паузы ответила она. - В детстве я обожала незрелые кислые яблоки и могла съесть сколько угодно, а теперь взгляну - скулы сводит.

- Вот и со мной, кажется, такое случилось. И доктор прав: мне совсем не хочется острого. Завтрак удался, но...

- Что прикажете подать на ужин? - тут же спросила Нэна. - Ах да, его превосходительство просил осведомиться, не согласитесь ли вы разделить с ним трапезу!

- Конечно... А что подавать... Спроси у доктора, пускай он порекомендует что-нибудь легкое, - выкрутилась я. - А вкусы Одо, полагаю, здесь хорошо известны?

- Да, госпожа.

В дверь постучали, Нэна открыла, что-то спросила, выслушала ответ - я ничего не разобрала, как ни прислушивалась, - потом вернулась.

- Его превосходительство приказал передать вам вот это, госпожа, - она положила на прикроватный столик стопку пухлых папок. - И напомнить, что время не ждет.

- Спасибо, - сказала я, взяла верхнюю и села на кушетку, поджав босые ноги. Наверно,

почти так, как это делала ее величество. – Не беспокойте меня до ужина.

К ужину я спускалась уже в другом платье – тоже пошитом (или подогнанном) по моей фигуре, не королевской. В голове роились сотни вопросов, но с чего начать?

Трапеза началась в молчании – дежурные приветствия я в счет не принимала. Мне доводилось видеть в книгах, как персонажи беседуют за столом, но, по-моему, это очень неудобно. В пансионе вообще запрещалось разговаривать во время еды, можно было только попросить передать соль, хлеб или кувшин с водой, не более того. Иначе как быть? К тебе обращаются, а у тебя во рту непрожеванный кусок, и что делать? Глотать с риском подавиться? Судорожно жевать, мычанием давая понять, что не можешь говорить? Элегантно выплюнуть в салфетку?

К сожалению, в памяти королевы я не нашла ничего о поведении в таких ситуациях. Наверно, мэтр Оллен и это считал чем-то не стоящим внимания и само собой разумеющимся. А зря!

В любом случае, при Нэне – а она прислуживала за столом, – канцлер явно говорить не желал. Пускай она многое знала, но все-таки...

– У вас такое лицо, сударыня, будто вам есть, что мне сказать, – сказал он, когда эта попытка осталась позади.

То есть было вкусно – и Нэна явно последовала моему распоряжению, потому что порции у меня оказались втрое меньше дневных, и там не оказалось ничего острого и жирного. Но все равно – я никогда прежде такого не пробовала, поэтому мне очень понравилось. И опять же: осталось столько, что хватило бы угостить младший класс. Неужели так всегда бывает? Или королева сама справляется? Не похоже...

– Я хотела бы задать вам несколько вопросов, Одо, – с трудом выговорила я, постаравшись скопировать тон Дагны-Эвлоры.

Кажется, получилось, потому что лицо канцлера приобрело напряженное выражение.

– Сначала спрошу я: вы успели прочесть досье?

– Только половину. Там очень много такого, что мне вовсе не понятно, но об этом я хотела поговорить позже.

Я изо всех сил старалась держать лицо, как говорила госпожа Увве, но не знаю, насколько мне это удавалось.

– Тогда спрашивайте. И покороче, будьте любезны.

Вздыхнув поглубже (благо никакой корсет мне не мешал), я начала:

– Скажите, Одо, вся эта прислуга – она знает, что на самом деле я вовсе не ее величество?

– Нет.

– Их заколдовали?

– Нет.

– Тогда я не понимаю.

– Чего именно вы не понимаете?

– Рядом с ее величеством с самого рождения столько людей, что мне даже во сне не приснится! Та же госпожа Ланни наверняка обшивала ее с раннего детства, верно? Эм и Эн... они достаточно молодые, но они тоже помнят ее величество совсем ещё девочкой, уверена.

– И что дальше?

- Они не могут нас перепутать! - не сдержавшись, воскликнула я. - Мы совершенно разные! И даже если со стороны это не очень заметно, то... они же меня переодевали! Неужели горничные не знают, как выглядит хозяйка без одежды? А госпожа Ланни? Будто опытная мастерица не представляет, насколько и как именно может измениться девушка! А я... я...

- Мне уже доложили - платья Эвы вам малы, - мрачно сказал канцлер. - Но вы повели себя именно так, как было нужно: приказали немедленно сшить новые. Я только не понял вашего распоряжения насчет оплаты. Что за чушь?

- Я объясню после, если будет угодно, - злые слезы подступили к горлу, но я сдержалась усилием воли.

- Мне будет угодно. Позже, - согласился он, не отводя от меня взгляда. - Однако, вижу, вы ещё не закончили?

- Не закончила, - я заставила себя выпрямиться, хотя куда еще-то? Вот когда не помешал бы тот самый корсет. - Объясните, почему госпожа Ланни, Эм и Эн не понимают, что перед ними другая девушка, если они не заколдованы? Только не говорите, что им хорошо заплатили: даже за деньги не получится так притворяться!

- Вы уверены? - с насмешкой осведомился канцлер, встал и отошел к окну. - Хорошо. Я вас обманул.

- То есть они все-таки заколдованы?

- Только самую малость. Вы правы: Ланни знает тело Эвы лучше ее личного врача и никогда не спутает ее величество с вами. С горничными проще... в какой-то степени.

- А как же посторонние? - спросила я. - Они ведь тоже заметят, а всех не заколдуешь. Посмотрите сами!

- О чем вы? - он обернулся.

- Взгляните на мои руки, - я положила их на стол. - У ее величества совсем не такая форма пальцев, я заметила. У нее они... очень тонкие и немного сужаются к ногтям. А у меня прямые и... и... не такие изящные, одним словом. Вдруг послы обратят на это внимание? Я ведь буду без перчаток, верно? Это же не бал...

Пауза показалась мне долгой, даже слишком, но наконец канцлер шагнул ко мне и осторожно дотронулся до моей руки - я так и держала их перед собой.

- Вы слишком много думаете, сударыня, о тех вещах, которые вас не касаются, - сказал он. - Но это начинает мне нравиться.

- Не понимаю...

- Мэтру Оллину придется немного постараться и зачаровать для вас какой-нибудь перстень или браслет. А вам нужно будет поменьше выставлять руки на обозрение. Если незначительные изменения в фигуре ее величества способен распознать не всякий мужчина, особенно когда за дело берется Лаңни, то руки - другое дело, они на виду. И даже если, опять-таки, мужчина не заметит разницы, женщина непременно обратит на это внимание.

Я выдохнула с облегчением: моя мысль оказалась не вовсе бесполезной. Однако ответа на вопрос я не получила, а потому продолжила:

- Так что же со слугами? Пускай госпожа Ланни, Эм и Эн немного... м-м-м... одурмацены, но как же Нэна? Она знает, кто я такая на самом деле?

- Да. Вы не первая ее подопечная. На счет Нэны можно не сомневаться - она связана клятвой жизни.

Это прозвучало просто, даже небрежно, но я поежилась: магическая клятва жизни, если верить книгам, убивает преступившего ее мгновенно и страшно. Кто бы мог подумать, что мне придется столкнуться с подобным? И тут меня осенило.

- А почему вы не взяли такую клятву с меня?

- Я даже не был уверен, что вы переживете внедрение памяти Эвы, - честно ответил канцлер. - Так зачем тратить понапрасну время и силы?

- Но я пережила, и она... она...

Я запнулась, не находя нужных слов. Я уже думала об этом днем: если бы мне приказали просто сыграть королеву, я постаралась бы, но у меня вышло бы неубедительно. Но теперь... Мне казалось, порой Дагна-Эвлора берет верх над моим разумом и нашептывает, что сделала бы на моем месте. Я сильнее - во всяком случае, пока, - но как укроешься от этого шепота? Даже уши не зажмешь...

- Она говорит у меня в голове, - сказала я наконец, и канцлер вздрогнул. - Не очень громко. Я слушаюсь, когда нужно распоряжаться слугами, и вроде бы получается... Кажется, они принимают это как должное.

- Горничные ничего не заподозрили, - коротко ответил он. - Ланни... сложно сказать. Сетовала на докторов, которые морят ее величество голодом. Дескать, девушка выросла, но ведь одна кожа да кости... Вы что, малоежка? Хотя о чем я спрашиваю! Будто в вашем пансионе кормят досыта...

- Голодными мы никогда не оставались, - сердито ответила я. - Просто я не привыкла к такой кухне и тем более большим порциям и решила свалить все на доктора. Выздоровливающим ведь нельзя объедаться. Но вы снова ушли от вопроса...

- Которого именно?

- О слугах. Их должно быть намного больше, чем две горничные и Нэна, разве не так? Их всех... м-м-м... обработали?

- Конечно, нет. Для них ее величество отдыхает в загородной резиденции. Там большой штат прислуги ни к чему. При ней лишь врач, его помощники, несколько доверенных лиц и эти две горничные. Этого более чем достаточно.

- Но я видела в том особняке каких-то людей, а они видели и вас, и меня. Неужели все связано клятвой молчания? Никто не проговорится, не пойдут слухи? А если они ничего не знают, но вдруг услышат, что ее величество вела переговоры с посольством Иссэна, только сообразят, что в это самое время она лежала в постели в том особняке, что тогда?

- Вы не только слишком много думаете, но еще и говорите сверх всякой меры, сударыня, - сказал канцлер после паузы и потер переносицу. - Однако задаете разумные вопросы. На часть из них я могу ответить. Да, те люди связаны клятвой молчания. Прочие придворные считают, что я заполучил чрезмерное влияние над ее величеством. Время от времени кто-то даже пытается прорваться в особняк и повидать Эву, но защита там выше всяких похвал.

- А что, если кто-нибудь догадается о двойнике и решит проверить меня? - шепотом спросила я.

- Догадываются многие. На проверку решатся... - он едва заметно усмехнулся, - считанные единицы. Я укажу вам на них. Надо ли объяснять, что в общении с этими людьми вы должны быть ...

- Даже более настоящей, чем истинная королева? - сорвалось у меня.

- Совершенно верно, - был ответ. - Возможно, вам придется повести себя дерзко, капризно и даже грубо - не с послами, разумеется, с придворными. Это характерно для Эвы, как ни прискорбно мне говорить об этом. К счастью, обычно она держит себя в руках, но иногда забывает о том, что давно уже является не младшей принцессой, а королевой.

Канцлер встал, отошел к окну, потом добавил:

- Ее очень баловали в детстве.

Я промолчала. Он мог бы и не говорить: я еще не успела узнать Дагну-Эвлору как следует, но того, что удалось выудить из обрывков ее памяти, вполне хватало, чтобы составить некоторое впечатление о личности королевы.

Скажу честно: я совсем ей не завидовала. И удивлялась, как это она ещё смогла продержаться так долго, пускай даже при поддержке канцлера... В одночасье сделаться из младшей любимой дочери, которой дозволено все и даже чуточку больше, но которая ничего не решает, а своего может добиться только упрямством или лестью, правительницей страны... Нет! Лучше быть обычной сироткой, выросшей в пансионе: да, я жива, здорова и получила образование только благодаря доброте госпожи Увве, но от меня никто и ничто не зависит. Только моя собственная жизнь, а с этим я уж как-нибудь справлюсь...

Вернее, так было до недавнего времени. Теперь моя жизнь мне не принадлежала.

Канцлер очень долго молчал, глядя в темноту за окном... Хотя разве это темнота? Вдалеке светилась Королевская лестница, видны были огни столицы... В книгах любят писать, что в этом городе никогда не наступает ночь. Теперь я убедилась в этом лично.

- Вот что, сударыня, - произнес он наконец. - Вы упомянули о клятве жизни. Я должен взять ее у вас.

- Как скажете, - по спине опять побежали мурашки.

- Должен, но не стану.

- Почему?..

- Потому что не имею ни малейшего понятия о том, что в этот раз сотворит мэтр Оллен, - канцлер развернулся ко мне. - По-моему, даже вы догадались - что-то пошло не так.

- Не понимаю, - честно сказала я. - Он ведь должен был передать мне воспоминания ее величества? Но так и вышло, я могу найти в памяти... ну, почти все, что нужно. О слугах, придворных, советниках... Спросите о чем-нибудь, Одо, я уверена, что сумею ответить!

- Хорошо, попробуем...

Он долго бомбардировал меня вопросами о тех самых придворных делах, старых и совсем недавних, и мне удавалось отвечать правильно, пока не прозвучало:

- Три года тому назад. Двойная помолвка Дагны-Лиоры и Дагны-Ларины. Что вы мне тогда сказали о женихах сестер?

Я встрепенулась: уж на такой-то вопрос ответить несложно! Имена этих самых женихов сразу же всплыли в памяти, причем вместе с язвительной характеристикой, которую дала Дагна-Эвлора этим молодым людям, праздника тоже удалось вспомнить, но вот разговора с канцлером не было, как ни ищи.

Вот воспоминание о том, как Лиора надрала Эве уши за дурацкий стишок, в котором кровь рифмовалась с морковью, оказалось весьма ярким... а что поделывать, если ее жених был ослепительно-рыжим, как все отпрыски великих герцогов Норгеу?

И запущенная Лариной туфля, которая просвистела мимо Эвиного уха и едва не убила комнатную собачку, тоже прекрасно вспоминалась: ей Эва тоже продекламировала стишок, не менее дурацкий, как первый. На этот раз о длинных усах и о том, как они неизбежно окажутся в тарелке: суженый Ларины носил эти самые усы и очень ими гордился - в княжестве Герден это было последним пискom моды.

- Только это и могу отыскать, - растерянно сказала я, пересказав все, что удалось вспомнить. - А с вами ее величество как будто и не разговаривала... Но я помню, как вы снимали ее с перил, когда она была маленькой! И как она просила вас помочь решить задачу или что-то объяснить! Не может же выйти так, что часть воспоминаний потерялась?

- Очевидно, может. И это не следствие травмы: вы можете воспроизвести, о чем

говорилось на последнем заседании кабинета правительства, на котором присутствовала Эва - а это было не так давно, - однако совершенно не помните о том, что происходило три года назад, хотя именно ко мне она прибежала прятаться от взбешенных сестер.

- Ничего не понимаю...

- Вы помните многое, но только то, что не связано со мной. Кстати, проверим... Вы можете отыскать в памяти Эвы что-либо, касающееся коронации?

Это было совсем просто. Правда, Дагна-Эвлора была так напугана и возбуждена предстоящей церемонией, что запомнила не так уж много: то, как на голову ее лег тяжелый венец, потом - бесконечное восхождение по Королевской лестнице, а следом - крики ликующей толпы и огненные цветы фейерверков в ночном небе...

- Как я и думал, - криво усмехнулся канцлер. - Сами догадаетесь, что вытворил мэтр Оллен?

Я задумалась. Воспоминания об Одо не исчезли из памяти Дагны-Эвлоры. Вернее, не совсем исчезли: говорю же, детские впечатления были достаточно яркими. А вот в самых последних канцлера не было или же он присутствовал этакой безмолвной тенью на заднем плане. Ничего не говорил, не наставлял, не поправлял, не журил, не ругал и не утешал - а я уверена, без этого обойтись не могло!

- Он... он как-то выдернул вас из многих воспоминаний ее величества, которые передал мне, - попыталась сформулировать я. - То есть вы там присутствуете, но никак не действуете. Я думала... то есть вы сказали, что пишете для ее величества речи и всё прочее... И вообще, после гибели родных вы остались ее единственным близким человеком! Но этого нет в воспоминаниях, правда!

- Не повышайте голос, - в очередной раз напомнил канцлер. - Я вам верю. В ином случае - если уж вы уверяете, будто Эва нашептывает вам решения, - вы бы вели себя со мной совсем иначе.

- Но зачем мэтр Оллен так поступил? И как вообще такое возможно?..

- Хотел бы я знать!

- А... спросить нельзя?

- С удовольствием бы это проделал, сударыня, но если он не захочет отзываться, то отыскать его не представляется возможным.

- Что же это за придворный маг! - сорвалось у меня. - Вдруг война или что-нибудь похуже, а его и найти нельзя? Почему он позволяет себе такие вольности? Разве он не на службе?..

Я осеклась и зажала рот ладонью.

- Это не я, ваше превосходительство, это...

- Я слышал если не голос Эвы, то ее интонации, - невыразительно произнес канцлер. - Она как-то спрашивала меня о мэтре Оллене почти в тех же выражениях. Что ж... выбора у нас нет, запасного плана - тем более, поэтому будем действовать по обстоятельствам. У меня еще много дел на сегодня, а вы... Вы дочитывайте досье. Завтра днем я загляну к вам и проверю, насколько хорошо вы запомнили материал.

- Как скажете. А... она... как? - с трудом выговорила я.

- По-прежнему, - ответил он, не поворачиваясь. - Спасибо, не хуже. Нужно ждать. Вы поможете тянуть время.

- И вы доверите мне это даже без клятвы?

- А чем вы можете навредить, даже если вдруг приметесь вести себя непотребно? Да, неприятно, но я успею вас скрутить. И заявлю, что ее величеству снова сделалось дурно. Придется отложить встречу, но такое случается.

- Но вдруг меня выкрадут и станут допрашивать? Я ведь уже много узнала о...

Я осеклась - канцлер едва слышно смеялся.

- Вы ещё ничего не узнали, - проговорил он наконец и, клянусь, едва не протянул руку, что бы потрепать меня по голове, но удержался. Я ведь была не той Эвой. - И никто не рискнет выкрасть королеву Дагнары. А теперь идите наверх и читайте. Повторяю - завтра я спрошу ваш урок.

- Как прикажете, - ответила я, встала, но кланяться не стала. От такой дерзости пробирали мурашки, но... Оно того стоило, клянусь!

ГЛАВА 7

- Это лишь формальность, - повторил канцлер, когда я спустилась в гостиную, одетая для выхода. - Перестаньте дрожать .

- Я вовсе не дрожу, - ответила я, посмотрев на свою руку, которую несмело положила на рукав его мундира.

- Хорошо, перестаньте вибрировать . Еще раз, коротко: что вы должны сделать?

- Поприветствовать послов согласно протоколу, несколько минут уделить светской беседе, затем выслушать предложение относительно шахт, дать согласие, подписать бумаги, во время разговора обаятельно улыбаться, - повторила я, не удержалась и добавила: - И не вибрировать.

- Прекрасно.

Он повернулся ко мне, окинул взглядом с головы до ног и сказал:

- Выглядите недурно. Хорошо, что в вашем пансионе девушек так скудно кормят: сложно было бы выдать вас за едва поднявшуюся с одра болезни , если бы у вас оказался румянец во всю щеку и фигура взрослой дамы.

- У одной девочки из старшего класса всегда были румяные щеки, невзирая на нашу скромную пищу, - снова не удержалась я. - Она умерла от чахотки два года назад. Но что правда, то правда: дородной ее назвать было никак нельзя.

- Надеюсь, в беседе с послами вы не станете вспоминать ваших знакомых из пансиона?

- Не могу дать такого обещания, но говорить о них не стану ни в коем случае.

- Искренне на это надеюсь... Идемте, сударыня. Время.

Переход знакомо закружил голову... На этот раз меня не мутило: то ли к такому средству перемещения со временем привыкаешь, то ли я настолько боялась предстоящего, что не обратила внимания на неприятные ощущения.

На этот раз мы оказались в незнакомой просторной, дорого обставленной комнате - я даже не поняла сразу, что это такое, гостиная или нечто подобное? Потом сообразила - личные покои ее величества. И вовсе не гостиная, а малая приемная. Вот та дверь ведет в кабинет, а если миновать его, то можно попасть напрямик в спальню.

Навстречу нам поднялись с диванов и кресел и тут же склонились в глубоких реверансах дамы и девицы. К счастью, никакой вдовствующей герцогини среди них не было, но мне и так хватало впечатлений...

- Ваше величество... - шелестели голоса. - Прекрасно выглядите, ваше величество! Как вам к лицу это платье, ваше величество...

- Ваше превосходительство, - старшая из дам, сухощавая, с тонким и нервным лицом, подошла к канцлеру. На ней было темно-коричневое с едва заметным золотистым отливом вдовье платье. На груди сиял бриллиантами королевский шифр на муаровой ленте. - Вы уверены, что ее величество в состоянии... Простите, она так бледна!

«Ринара Эргин, графиня Ларан, старшая свитская дама», - тут же всплыло в памяти. Очень строгая, даже суровая - Дагне-Эвлоре не раз доставалось от нее за неуместные шалости, - но не злая. Ее не было в том поезде - врач настрого запретил ей подобные поездки в связи с тяжелой беременностью. Уверена, она часто думала о том, что лучше бы разрешил: в крушении погибли ее супруг и сын, а после известия о трагедии графиня потеряла ребенка. Тем не менее, горе не сломило ее: своим долгом она почитала оберегать Дагну-Эвлору... И, признаюсь именно ее я боялась особенно: она ведь знала ее величество если не с рождения, то все равно очень долго и могла заметить неладное.

- Это все потому, что доктор решил уморить меня голодом, - сказала я прежде, чем канцлер открыл рот. Кажется, мне удалось достаточно хорошо скопировать капризный тон Дагны-Эвлоры. - Представьте, милая Рина, он думает, что особая диета пойдет мне

на пользу! Неужели нет: два дня такой пытки, и любой вскочит, что бы раздобыть что-нибудь получше жидкой каши на воде и этих ужасных горьких напитков!..

- Судя по тому, как бойко работает ваш язык, ваше величество, вы действительно недурно себя чувствуете, - произнесла она: такие вольности позволялись в ближнем кругу, не на публике, разумеется.

Свитские девицы негромко засмеялись, а я увидела - у графини отлегло от сердца.

- Да, и почувствую себя еще лучше, если Одо разрешит мне съесть котлету... тайком от доктора, конечно же. Он обещал, - я покосилась на канцлера, - если я буду хорошо себя вести на переговорах.

- Жаль, я раньше не догадался, что ее величество нужно поощрять отбивными, а не сладостями, - невозмутимо произнес он. - Возможно, тогда с нею легче было бы сладить. А теперь - время, сударыни. Сударыня, вы убедились, что с Эвой все в порядке?

- Да, ваше превосходительство, - графиня приблизилась ко мне и осторожно коснулась моей руки. - Но все-таки мне кажется, что ее немного лихорадит...

- Это исключительно от волнения, милая Рина! - воскликнула я и, как обычно делала это настоящая Эва, обняла ее за талию.

От графини исходил приятный легкий аромат - вроде бы ландыши и ещё капелька смолы, наверно, духи такие. Лишь бы она не учуяла, что я пахну совсем не как Эва... Но нет, кажется, обошлось: не зря Нэна долго обрабатывала меня душистым мылом и извела, кажется, целую бочку травяного отвара - промывала им мои волосы, что бы блестели и лежали послушно. Наверно, сейчас от меня пахло чем угодно, только не мной самой, и хорошо.

- Не мните платье, ваше величество, - строго сказала она, но не удержалась, погладила меня по плечу, сделав вид, будто поправляет оборку. - И примите серьезный вид. Не каждый день заключаются такие сделки.

- Я постараюсь, но только ради отбивной, - ответила я, потупив взгляд. - И зачем иссенцам эти дурацкие шахты? Их же сто лет как забросили!

- Эва, мне кажется, или вы позабыли все, о чем я вам говорил? - негромко, но с явной угрозой в голосе произнес канцлер.

- Одо, это же просто фигура речи! Я помню, что к чему, но неужели нельзя было обойтись без меня? Все ведь уже решено!

- Да, но подпись должны поставить вы.

- Вы же регент, вот и расписывались бы, сколько угодно...

- Эва!

Я еще ниже опустила голову и тяжело вздохнула. Кажется, получилось достаточно похоже. Во всяком случае, смешки свитских сделались громче, даже графиня Ларан едва заметно улыбнулась. А вот в голосе канцлера мне послышалась явная угроза. Но не думает же он, будто я настолько глупа, что решу пошалить в такой момент и тем самым поставлю под угрозу все предприятие?

- Время, - в который раз повторил он. - Прошу, ваше величество...

Я шла по бесконечным дворцовым коридорам и только заставляла себя не таращиться по сторонам - когда еще такое увидишь? То есть ... Дагна-Эвлора видела все это не раз и не два, но одно дело - чужие воспоминания, и совсем другое - собственные впечатления. Жаль, нельзя было остановиться и рассмотреть огромный парадный портрет, запечатлевший всю королевскую семью: посередине возвышался его величество, справа от него стояли сыновья, слева сидела ее величество с крохотной Дагной-Эвлорой на руках, а две одинаковые принцессы опирались на материнские колени. Покойная королева показалась мне доброй и кроткой. А ещё почудилось, будто она провожает меня взглядом, но, конечно, это просто разыгралось воображение.

Я узнала перила, с которых снимал маленькую принцессу канцлер, и провела по ним рукой, словно раздумывая, не прокатиться ли ещё разок. Судя по выражению его лица, он тоже прекрасно помнил тот случай, а сейчас думал о том, как сподручнее ловить меня за подол, если Дагна-Эвлора возьмет надо мной верх... Но дальше я шла чинно, как полагается. И даже почти не пугалась, когда раззолоченные лакеи распахивали передо мной тяжелые двери, а расставленные там и тут королевские гвардейцы в ярких мундирах становились во фронт, провожая глазами меня и следующий за мной цветник свитских девиц во главе с графиней Ларан.

«Что, если мэтр Оллен не просто передал мне память Дагны-Эвлоры? – подумала я, минуя очередной коридор. Кажется, осталось совсем немного, и хорошо, потому что от непривычных узких туфель у меня отчаянно болели ноги. – Вдруг он вживил мне часть ее характера? Ее образа мыслей? Что еще могло оказаться в том флакончике? Почему она иногда диктует мне, как себя вести? Со слугами, теперь со свитскими... А канцлер ведь сказал, что с моими предшественницами все было иначе. Если правда, что они не выжили, то действительно – иначе... Может, маг решил усовершенствовать свои методы? Но что получилось в итоге? И чем это может грозить?..»

- Не спите на ходу, - сказал у меня над ухом канцлер, и я поняла, что мы уже на месте.

«И это – малый королевский кабинет? Да он же больше нашей столовой в пансионе! – вот первое, что пришло мне в голову, когда я шагнула через порог. – Здесь в догонялки можно играть! Каков же тогда большой кабинет? Там, наверно, целый полк маршировать может. С оркестром...»

Разумеется, королевская особа встречала послов, расположившись со всеми удобствами. То есть это так канцлер мне сказал, но я никакого удобства не чувствовала, скорее, наоборот. Кресло с высокой спинкой было слишком велико для меня: если сядешь поглубже, то ноги не достают до пола, а о скамеечке почему-то никто не позаботился. А сидеть на краешке – тоже удовольствие невеликое. Вот тут я мысленно сказала спасибо корсету – хотя бы об осанке думать не приходилось, при всем желании не ссутулишься. И все равно, в этом кресле – отцовском, надо полагать, – я наверняка выглядела нелепо...

Наконец пригласили послов, и пытка сделалась стократ изощреннее: я все ждала, когда они наконец перейдут к делу, но какое там! Согласно протоколу, заходить следовало издалека, а послы, похоже, решили соблюсти его от и до. Судя по взгляду канцлера, это даже его немного удивило.

Хотя... что тут странного? Всем известно, что Дагна-Эвлора больна и недавно встала на ноги. Это первое ее появление на публике после долгого отсутствия. Скорее всего, думают послы, она ещё слаба и не чаёт оказаться в своей тихой спальне, а не выслушивать их речи. И вряд ли станет вникать в то, что именно они говорят: для этого ведь существует регент. А он свернет разговор, едва только заметит, что ее величество чувствует себя дурно, тут и думать нечего. Но переносить переговоры – такая морока... Значит, можно получить подпись, буквально взяв королеву измором. Или наоборот, все-таки перенести эти злосчастные переговоры, выиграв время... вот только для чего?

«При мне нет врача, – подумала я вдруг. – Как плохо! Кто же поверит, что ее величество едва оправилась от болезни, если рядом нет личного медика? Пускай бы он подходил, с обеспокоенным видом считал пульс, заглядывал в глаза... Как же это канцлер об этом не подумал? Нет, нет, не мог он забыть о подобном, наверно врач где-то поблизости, просто не на виду. Может, ему ни к чему слушать эти вот разговоры... хотя ничего важного все равно еще не сказали!»

И тут, словно подслушав мои мысли, глава посольства, граф Сантор, рослый седовласый мужчина с орлиным профилем и неожиданно бесцветными глазами, произнес наконец:

- Если ваше величество позволит, мы хотели бы перейти к обсуждению той небольшой авантюры, которая привела нас в благодатную Дагнару...

- Авантюры? Как интересно! Прощу, продолжайте, сударь, - улыбнулась я.

Канцлер покосился на меня, но промолчал. Впрочем, я не выходила из образа Дагны-

Эвлоры, а такой ответ был вполне в ее духе.

- Благодарю, ваше величество, - наклонил благородную голову граф. - Полагаю, вам уже доводилось слышать об этом предприятии от его превосходительства...

- Вполне вероятно, сударь. Не соблаговолите ли уточнить, о чем именно идет речь? Мне приходится выслушивать о состоянии стольких дел, что, право...

Я сделала выразительную паузу и постаралась принять скорбный вид, будто сетуя на то, что девичий мозг не в состоянии вместить всю ту прорву сведений, которыми пичкают юную королеву. То есть, разумеется, я не могла не знать, о чем пойдет речь во время этой встречи, но пускай думают, будто мне вовсе не интересны эти скучные дела.

- Речь о заброшенных шахтах на северо-востоке, ваше величество, - негромко напомнил канцлер, опередив графа. - Мы обсуждали предложение Иссена позавчера.

- Ах да, припоминаю, - улыбнулась я. - Оно показалось нам довольно заманчивым, не так ли?

- Весьма, ваше величество.

Честное слово, граф Сантор просиял. Конечно, он, опытный дипломат, не мог позволить выдать свои эмоции ни словом, ни жестом, но я видела, как вспыхнули его глаза.

«Странно все-таки, - подумалось мне. - Что им так дались именно эти выработки?»

Я уже спрашивала об этом канцлера, но у него имелась только одна версия: иссенцы действительно желают опробовать какие-то новые способы добычи. Почему не на своей территории? Очень просто: у них нет ни единого подходящего объекта. Вмешиваться в налаженную добычу в собственных шахтах... это может выйти слишком накладно. Вдруг нововведения не оправдают себя? Или просто что-то пойдет не так? Вряд ли кто-то захочет рисковать.

В случае же успеха Дагнара получит немалые средства, а Иссен сможет продавать свои разработки другим странам и в итоге покроет свои затраты, а потом и недурно заработает.

Во всяком случае, я поняла эту схему именно так. Возможно, в документах было больше подробностей, но одолеть их мне не удалось - слишком много незнакомых слов. Но уж наверно, канцлер не с бухты-барухты идет на эту сделку? Должны же были горные инженеры и прочие сведущие люди проверить все эти выкладки, прежде чем дать добро? Ведь это так делается, разве нет?

Но что, если...

- Господа, не соблаговолите ли еще раз обрисовать вкратце суть этого предприятия? - попросила я, не обращая внимания на бешеный взгляд канцлера.

Вмешаться, перебив меня, он не мог - это стало бы вопиющим нарушением протокола, на что непременно обратили бы внимание все присутствующие, те же свитские, не говоря уж о самих послах. Но я была уверена - он отыграется на мне потом...

- С удовольствием, ваше величество.

- Только, прошу вас, имейте снисхождение - не нужно специальных терминов! Мне совершенно не хочется знать, как называются все эти... агрегаты и прочие приспособления, тем более, я никогда их не видела и даже вообразить не могу, что это и для чего предназначено.

- Как будет угодно вашему величеству, - сдержанно улыбнулся Сантор. - Итак, угольные шахты на северо-востоке Дагнары. С вашего позволения, вот карта, здесь обозначен этот район...

- Надо же, какая подробная, - вслух удивилась я. - А что означают вот эти черточки? А эти? Ничего не понимаю!

Судя по взгляду канцлера, он тоже чего-то не понимал. И при этом заметно насторожился.

- Это карта геологической разведки, ваше величество, ими пользуются в соответствующих ведомствах, - тон графа показался мне чуточку снисходительным. Вот и отлично, пускай объясняет буквально на пальцах. - Здесь обозначены не просто реки, леса, дороги и населенные пункты, как на обычных картах, а ещё и состав земель и содержимое недр. Вот этот значок обозначает песчаные почвы, а этот - болотистые.

Он обвел жестом довольно большой участок:

- А это, ваше величество, угольный бассейн.

- Какой огромный! Настоящее море! - воскликнула я.

- Это лишь наши предположения, ваше величество. Согласно данным, полученным из дагнарского Управления недрами в рамках проекта взаимопомощи и обмена научной информацией, бассейн занимает вдвое меньшую территорию, - граф указал на прерывистую линию внутри сплошной. - Вероятно, в те годы, когда эти шахты были признаны бесперспективными и закрыты, методы разведки ещё не отличались большой точностью и не позволяли определить, имеется ли у разработки потенциал.

- Надо же, как интересно, сударь! - снова восхитилась я, рассматривая карту. Взгляд мой зацепился за знакомое название реки. Неужели... - Получается, в Иссене придумали способ определять подобное?

- Да, ваше величество. Однако новые методы требуют проверки на практике. Именно поэтому мы обратились к вам: свои выработки мы изучили в достаточной мере, что бы научиться делать определенные выводы, но теоретические выкладки необходимо проверить на практике, у нас же не имеется ни единого подходящего объекта.

«Я почти угадала, - мелькнуло в голове. - Хотя он наверняка о многом умолчал».

- Значит, если ваши новые методы сработают, то вот здесь... - я по примеру посла обвела заштрихованную область рукой, - можно будет добыть ещё очень много угля?

- Именно, ваше величество! Вероятно, первоначальные затраты окажутся немалыми, но это оправданный риск. Полагаю, предприятие окупится со временем. Мы можем предоставить расчеты, и...

- О, прошу вас, с расчетами - к его превосходительству! - в притворном ужасе произнесла я. - Боюсь, я мало что пойму в этой цифири... Тем не менее, мне нравится ваше начинание, сударь. При таких масштабах... сколько появится рабочих мест для бедных людей! Наверно, те шахтеры, что остались не у дел после закрытия шахт, ещё не успели забыть свое ремесло, вдобавок у них подросли дети... Думаю, они с превеликим удовольствием вернуться в родные края!

Посол как-то странно переглянулся со своим секретарем, потом снова уставился на меня. Я же покосилась на канцлера: взгляд его сделался напряженным, даже хищным. Графиня же Ларан смотрела на меня одновременно тревожно и недоуменно.

- Боюсь... боюсь, об этом преждевременно говорить, ваше величество, - выговорил наконец посол. - Прежде, чем возможно будет перейти к разработке, потребуется произвести множество изысканий. К тому же шахты подтоплены, и на то, чтобы откачать воду, также уйдет немало времени.

- Ничего страшного. К слову: полагаю, помощь тех, кто работал там прежде, придется кстати, как вы полагаете? Они ведь изучали эти шахты изнутри, а не только снаружи... и по документам, как вы. Я права, ваше превосходительство?

- Вполне, ваше величество, - сдержанно ответил канцлер.

- Можно отыскать тех людей? Инженеров, старших мастеров или как они называются?

- Разумеется.

- Тогда прикажите заняться этим немедленно. Чем раньше начнется работа, тем скорее обе стороны получат желаемое, не так ли?

- Ваше величество, - посол негромко кашлянул. - Боюсь, мы вынуждены отказаться от вашего, вне всякого сомнения, лестного предложения.

- Не понимаю...

- Видите ли, при работах по откачке воды, а также при дальнейших исследованиях и добыче мы намерены использовать новейшие изобретения наших инженеров. Работать с ними могут только хорошо обученные сотрудники, к тому же...

- Это строго секретно? - улыбнулась я.

- Вы абсолютно правы, ваше величество.

- Значит, вы намерены привезти собственных рабочих?

- Именно так, ваше величество, с вашего дозволения.

Я переглянулась с канцлером. Лицо его было крайне невыразительным, как и обычно, а вот во взгляде читалось явное желание кого-нибудь убить. Для разнообразия - не меня.

Неужели... неужели такие детали не оговаривались? Быть этого не может!

- Боюсь, наши подданные будут весьма недовольны, - протянула я. - Рабочих мест и без того мало, а если их еще и займут приезжие...

- Ваше величество, полагаю, вы прекрасно знаете, как нужно поступать с народным недовольством, буде оно возникнет, - сладко улыбнулся Сантор.

- К счастью, лишь благодаря учебникам истории, сударь: предпочитаю учиться на чужих ошибках, - не осталась я в долгу, благо как раз недавно на уроках мы разбирали причины и следствия иссенского восстания заводских рабочих десятилетней давности.

Видимо, мой намек был достаточно прозрачен: посол поджал губы, однако промолчал.

- Что скажете, ваше превосходительство? - обратилась я к канцлеру. - Я имею в виду этих рабочих.

- В проекте договора значатся лишь высококвалифицированные специалисты, которые понадобятся для обслуживания различных устройств, - обтекаемо ответил канцлер, но я чувствовала, что он в ярости, - и это показалось мне разумным условием. Равно как и условия секретности. Однако о чернорабочих речи не шло, не так ли, ваше превосходительство? Давайте взглянем - бумаги перед нами...

- Я сама посмотрю, позвольте, - я протянула руку и секретарь тут же подал мне экземпляр договора. - В каком разделе искать? Впрочем, не трудитесь отвечать, я пролистаю с самого начала.

Воцарилось молчание, нарушаемое только шелестом страниц.

Витиеватые фразы мелькали перед глазами. Хорошо, что я быстро читаю, а Дагна-Эвлора, пускай и не любила официальный стиль, все-таки умела его разбирать и понимать. Без нее я бы не справилась: застряла бы на середине введения...

- Его превосходительство прав, - сказала я наконец. - Здесь сказано только о некотором количестве специально обученных людей, потребных для обслуживания машин и управления ими. Также упомянуты маги-медики - это мне понятно, в таких непредсказуемых условиях кто-то может покалечиться, заболеть. .. а до ближайшего поселения довольно далеко. Ну а маги прочей квалификации, вероятно, должны будут освещать тоннели и помогать разбирать завалы?

- Совершенно верно, ваше величество, - процедил Сантор.

- О прочих рабочих здесь нет ни слова. Например, о том, что вы привезете, скажем,

поваров с собой или же наймете их из числа местных жителей. Это странно: ведь специалистов много, кто-то должен обеспечивать их быт, так?

- Нам казалось, это само собой подразумевается, ваше ве...

- Сударь! Мне странно, что девушка моих лет должна говорить столь умудренному опыту послу о том, что в подобных документах ничего не может подразумеваться, а всё должно быть отражено четко и ясно!

На этот раз Сантор смолчал.

- Полагаю, - произнес канцлер после долгой паузы, - нам придется доработать этот документ...

- Именно, ваше превосходительство, - улыбнулась я. - Будьте так любезны, отошлите к месту предполагаемых работ надежных специалистов: я хочу, что бы они представили полное заключение по поводу как возможностей, так и опасностей, связанных с данным проектом осушения и дальнейшей разработки этих шахт. Возможно, мы не обладаем столь прогрессивными методами исследования, как Иссен, однако, полагаю, в этом случае и старых проверенных способов будет более чем достаточно.

- Как прикажете, ваше величество.

Кажется, он перестал меня понимать, но я не могла пуститься в объяснения прямо здесь, при всех...

К счастью, встречу быстро свернули. Послы распрощались сухо: заметно было, что им не по нраву пришлось мое поведение. Дежурные заверения в том, что сотрудничество непременно будет продолжено так или иначе, прозвучали фальшиво.

И снова этот бесконечный путь по коридорам и лестницам... Свитские девицы приседают в реверансах, прощаясь со мной, то есть ее величеством: Дагне-Эвлоре предписан покой и морской воздух, и она отбывает из столицы на южное побережье. Вот, значит, где расположен тот особняк...

Графиня Ларан, как и остальные подходит поцеловать руку, пристально вглядывается в мое лицо, но ничего не говорит. Даже если она заподозрила обман, устраивать скандал нельзя. Быть может, позже она свяжется с канцлером, а тот... Не знаю, что он сделает и скажет. Я так устала, что даже думать не могу, но...

Мне придется.

ГЛАВА 8

Признаюсь, покидая дворец, я могла думать только о том, как бы поскорее скинуть туфли и удушающий корсет, но до этого было далеко: я понимала, что канцлер непременно потребует объяснений. Пока он каменно молчал, но мне не хотелось представлять, чем именно может прорваться это молчание. После моего демарша на переговорах...

- Подите переоденьтесь, сударыня, - ровным голосом произнес он, когда мы очутились дома. Надо же, я стала так называть это место... - И поешьте. Одним словом - задержитесь.

- Но...

- Я выслушаю ваши, вне всякого сомнения, веские аргументы, но только после того, как устрою кое-кому разнос.

- О чем вы?

- О том, что вы - вы, несмышленная девчонка, пускай и вооруженная памятью Эвы! - сумели заметить подвох, а никто в соответствующем ведомстве не обратил на него внимания. И я сам проглядел это, - самокритично добавил он.

- Вы же не можете лично проверять все бумаги до последней запятой.

- Не могу, в том-то и беда... - канцлер снова с силой потер переносицу. - Не хватает времени. Верных людей не хватает, а если и те, кому я доверился, предпочли тугие кошельки...

- Вы о тех... из ведомства? Тех, которые должны были изучить договор до последней запятой?

- О них. И о других. Прошу вас, сударыня, не нужно сейчас говорить со мной об этом. Идите наверх и отдохните. А у меня... дела.

- Я все испортила, Одо? - все-таки спросила я.

- Нет, - ответил он. - Без иссенских вложений Дагнара жила прежде и проживет впредь. Зброшенные шахты так и останутся заброшенными, пес с ними, в самом деле. Но вот эта попытка обвести меня вокруг пальца дурно пахнет. И еще скверно то, что я позволил это сделать. .. А я не имею на это права.

- Вы сами сказали - в одиночку со всем не справиться. Только... как же кабинет министров, который был ещё при его величестве? Все остальные? Неужели все... ну... разбежались?

- Пока нет, сударыня, но довериться им я не рискну. Вы ведь понимаете, в каком шатком положении находится трон Эвы?

Я молча кивнула: об этом мы уже беседовали.

- Любой, даже, казалось бы, проверенный человек может подтолкнуть и опрокинуть этот трон, - добавил канцлер. - Причем из самых благих намерений: чтобы уберечь Эву от непосильной ноши, а страну - от впадения в хаос.

- А почему вы не взяли с них магическую клятву?

- С каждого не возьмешь - на это не хватит ни сил, не времени. Присяги обычно достаточно.

- Разве нельзя их проверить? Ну, например, нарочно те сотрудники пропустили тот пункт или по небрежности? Наверно, мэтр Оллен...

- Я же просил подождать с вопросами, - перебил канцлер. - Идите наконец наверх, сударыня. Я вернусь к ужину. Если не вернусь - ложитесь спать, не ждите. Поговорим утром.

- Как скажете...

Он посмотрел на меня сверху вниз и сказал:

- Вы недурно справились . Я опасался, что придется прервать встречу, благо повод к тому был - вы действительно выглядели нездоровой, - но...

- Я прекрасно себя чувствовала, если не считать того, что ужасно боялась.

- Вы не видели себя со стороны. Лихорадочный блеск в глазах, сухие губы, румянец... не чахоточный, но довольно похожий, слишком быстрая речь... Спасибо, руки не дрожали, - завершил он.

- Вы же запретили, - не удержалась я. - А прочее... Я всегда так выгляжу, когда сильно волнуюсь. На экзаменах, например. Меня даже бросает в жар, но это быстро проходит, стоит мне увидеть вопросы и понять, что я знаю ответы. Или у меня есть, откуда списать.

- Учту на будущее. Вы в самом деле заметно успокоились, когда начали допрашивать графа Сантора относительно рабочих. Очевидно, вспомнили о какой-то... хм... шпаргалке?

- Да. Но это долгая история, а вы сказали, что у вас дела... А мне страшно хочется переодеться в домашнее, - созналась я.

- А я в который раз повторяю - идите наверх, - едва заметно улыбнулся канцлер. - Ну же! Или мне отвести вас в ваши покои за руку?

- Спасибо, не стоит...

Я отвернулась, а когда была уже на лестнице, посмотрела назад - канцлера не было. Он умел исчезать совершенно бесшумно, и поди пойми, магия это или врожденная способность?

Но главное - теперь я могла скинуть туфли и идти босиком! Несказанное наслаждение...

«Нужно будет сказать, что туфли мне тоже малы», - подумала я. Со всеми этими хлопотами с платьями я совсем позабыла об обуви. Во время примерки все вроде бы было в порядке, но после нескольких часов носки стало ясно, что эти туфли мне не подходят.

Все-таки мы с королевой сильно различались физически: у меня и руки крупнее, ноги шире и больше... Может, дело в том, что она всю жизнь ходила в легких туфельках и башмачках, сшитых точно по мерке, а я - в ботинках, купленных для сирот, и хорошо, если не слишком маленьких. С большими проще: внутрь можно затолкать скомканые бумажки или тряпку, так даже теплее, а вот разносить слишком тесные не всегда удавалось: намочишь - так они скукожатся, когда высохнут, чем ни набивай, и станут жать еще сильнее. Не представляю, из чьей шкуры шили эти ботинки, но, право, кто-то из девочек однажды сказал в сердцах, что лучше уж деревянные башмаки или сельские плетенки из коры, чем это орудие пытки! Одним словом, везло, если удавалось заполучить уже хорошо поношенные, мягкие, пускай и потертые ботинки в наследство от кого-нибудь из старших девочек или даже учительниц. У меня имелась такая пара - на выход, доставшаяся от молодой госпожи Эвси, которая учила младшие классы математике. У нее была исключительно маленькая нога, чем она весьма гордилась, поэтому ее обувь пришлось мне впору. Я берегла свое сокровище до тех пор, пока могла надеть, а потом передала кому-то еще...

Нэна и горничные встретили меня, без слов помогли раздеться и освежиться.

Облачившись в домашнее платье, я поняла, что чудовищно голодна. Но... надо держать себя в руках, не то, если я начну расти и сделаюсь на голову выше настоящей Дагны-Эвлоры, нас уже точно не спугают! А я ведь и без того крупнее, иначе не пришлось бы обновлять гардероб... Одним словом, я попросила Нэну подать что-нибудь легкое: до ужина было ещё далеко, вряд ли бы я дотерпела. То есть, конечно, дотерпела бы: приходилось голодать и дольше, когда в пансионе в наказание лишали ужина, но тогда все мои мысли были бы о еде, а не о делах. Как ни приучали пансионеров к мысли о том,

что воспитанная девушка должна быть крайне сдержанна и умерена в телесных потребностях, это не очень-то помогало. Взрослым легко говорить о подобном, но мы-то еще росли, и думать о высоком предназначении и своем долге перед родителями и даже страной, когда желудок требует низменной пищи, у нас никак не получалось.

Когда Нэна ушла, я постаралась сосредоточиться и подумать о том, что я стану говорить канцлеру. О, мне было, что сказать, но вдруг он явится в дурном расположении духа и вовсе не станет меня слушать? А может, все обстоит совсем не так, как мне показалось, и иссенцы просто хотели сжульничать, сэкономив на рабочей силе? Хотя нет, нет... везти издалека своих работников и обустривать им жилье, вместо того, что бы нанять местных за куда более скромные деньги, – это как-то странно.

Даже секретностью иссенских изобретений, как мне казалось, сложно объяснить такое поведение: неужели какой-то полуграмотный шахтер сумеет понять, как работает тот или иной агрегат? Описать, вероятно, сможет, но что толку с его описания? Я однажды случайно услышала на прогулке, как небогато одетый горожанин описывал другому поезду: колеса – вот такие! Тут железка, здесь другая, и они так – чух-чух-чух, а потом – ух! Дым пошел, поезд поехал, а уж как он грохочет – в двух шагах слов не разобрать! Наверно, и здесь получилось бы нечто в этом роде.

Или иссенцы опасаются, что среди нанятых дагнарцев окажутся шпионы? Но как они это себе представляют? Конторских вряд ли можно брать в расчет – они под землю не спускаются, стало быть, ничего особенного не увидят, а понимающий в технике человек, замаскировавшийся под шахтера... Я представила, как этот шпион, много часов проведенный под землей и тяжело трудившийся, вместо отдыха ночью при лучине зарисовывает угольком на клочке газеты фрагмент секретной машины, а затем отправляет послание голубиной почтой. Глупости! Такое только в романах бывает.

Конечно, у такого работника могут оказаться при себе магические предметы, способные запечатлеть изображение и передать его, куда следует, но ведь иссенские маги сразу же их заметят...

А что, если в недрах затопленных шахт скрыто что-то большее, нежели обычный уголь? Вдруг иссенцы как-то выяснили, что там можно добыть какой-нибудь редкий металл и теперь хотят наложить лапу на месторождение, а для маскировки станут изображать деятельность по добыче угля?

Гадать можно было бесконечно, и я порядком утомилась от этого занятия, но отвлечься не могла, даже любимые книги не помогали: я знала их наизусть и то и дело ловила себя на том, что взгляд скользит поверх страницы.

«Попрошу, чтобы прислали хоть что-нибудь новое, – решила я, – пускай даже учебники. Это и лучше – когда решаешь задачки, отвлекаться не получается. Наверняка ведь в замке огромная библиотека, а мне не так много нужно...»

– Госпожа, прибыл его превосходительство, – Нэна появилась так же неслышно, как канцлер, и я вздрогнула. – Изволите переодеться к ужину? Позвать горничных?

– Нет, не нужно, – ответила я.

– Тогда я прикажу подавать на стол.

Я кивнула, и она исчезла. В этом доме имелись и другие слуги, кроме уже знакомых Нэны, Эм и Эн: кто-то ведь стирал, убирался, – но я ещё их не видела. Наверно, им было велено не показываться мне на глаза. А может, это вовсе и не люди были, а зачарованные болванчики, как в сказках? Но разве такие умеют готовить? С другой стороны, кто знает, на что способны придворные маги во главе с мэтром Олленом? Вдруг могут даже создать прекрасного повара из обрубка бревна?

К слову о магах... Почему я слышала только о мэтре Оллене? Не может ведь не быть других! Разумеется, они не посвящены в эту авантюру с двойником королевы, но... Они же маги! Неужели не отличат копию от оригинала? Или мэтр Оллен настолько силен, что сквозь его чары никто не способен пробиться? Наверно, так... Вот только мысли об этом странном чарошее тревожили меня все больше. Он меня не пугал, нет, но чем больше я думала о нем, тем сильнее мне делалось не по себе, точнее описать это чувство

я не возьмусь. .. Но ведь канцлер доверяет мэтру Оллену, не так ли?

«Как все запутано», - подумала я, спускаясь в столовую. Пахло оттуда невероятно соблазнительно.

- Мне доложили, что вы мужественно терпели муки голода, дожидаясь моего возвращения, хотя я вовсе не просил этого делать, - встретил меня канцлер.

Вид у него был не такой мрачный, как днем, но опасный блеск в глазах остался прежним. Этими глазами он напоминал мне кота, сообразила я наконец, вроде того, что жил у сторожа (а вернее, гулял сам по себе). Такие же светло-зеленые и хищные, и по их выражению ничего не поймешь...

- Я подумала: скверно будет, если я вдруг перерасту ее величество, - повторила я свои мысли и добавила неожиданно для себя самой: - Хотя, наверно, за неделю не многое изменится.

- Неделю?

- Ну или две. Вы же сказали, ее величество обязательно поправится.

- Если бы мечты претворялись в реальность, сударыня... - он вздохнул. - К сожалению, пока все по-прежнему... Меня радует ваша рассудительность, но морить себя голодом все-таки не нужно, тем более, я обещал вам отбивную за хорошее поведение. Присаживайтесь .

- Кажется, я вела себя не слишком-то хорошо... - пробормотала я, села и в изумлении уставилась на свою тарелку.

- О делах - после ужина. Ну, что вы смотрите на мясо, будто впервые видите?

- Такое - впервые, - созналась я, несмело взяв нож и вилку.

В пансионе мясо мы видели редко, обычно по праздникам: тогда подавали рагу или что-то наподобие этого - обычно весьма жесткое и жилистое, но и это казалось нам пищей Богини. В обычные дни в супе можно было обнаружить кусочек птицы, пошедшей на бульон, но не более того: остальное, наверно, доставалось учителям. Странно было слушать рассказы домашних девочек о том, что на ужин им полагается целая куриная ножка или грудка, не говоря уж прочих лакомствах.

Сейчас же передо мной на широкой тарелке исходил соком и ароматным паром огромный ломоть мяса. От умопомрачительного запаха я даже забыла, что собиралась сказать, и несмело надрезала краешек.

Это было невероятно! Я бы, наверно, до утра просидела, наслаждаясь незнакомым вкусом, если бы канцлер не прервал мои грезы коротким:

- Ешьте, остынет ведь. О чем вы так замечтались?

- Подумала - вот бы угостить Сэль, и Юну, и... Это мои подруги, - пояснила я. - Но я понимаю, это невозможно. Ни у одного благотворителя не хватит денег, что бы в пансионе подавали такое хотя бы по праздникам.

- Хорошо, что вы это понимаете. Однако инспекция этим заведениям не повредит. Судя по вашему виду... я хочу сказать, тому, в котором я вас узрел впервые, средства, и не только благотворительные, но и казенные, расходуются весьма прихотливым образом и идут куда угодно, только не на содержание учениц.

- В нашем пансионе все в порядке! - поспешила я заверить, придя в ужас: вдруг госпожу Увве обвинят в растрате или чем-то подобном? - То есть. .. очень строго, конечно, но у нас отличные учителя. А что до еды... Мы же знаем, что большинству самим придется зарабатывать себе на хлеб, поэтому...

- Поэтому незачем привыкать к хорошей удобной одежде, вкусной пище и теплым спальням, вы это хотите сказать?

- Да. Именно это.

- Подход не лишен рациональности. Если я верно помню, его насаждала еще вдовствующая королева, мать покойного отца Эвы, она же и открыла множество приютов... я имею в виду, пансионов. Однако ее последователи явно перегибают палку. «В скромности и строгости», что, как вам наверняка известно, является девизом таких заведений в соответствии с волей ее величества, вовсе не означает - «в голоде и холоде». Кто выходит из этих заведений, интересно мне знать ... - канцлер сощурился вовсе уж по-кошачьи.

Я открыла рот, но он махнул рукой:

- Это риторический вопрос. Я и сам знаю ответ: забытые болезненные девицы, не способные ни попросить достойное их знаниям - если в истощенном постоянным голодом мозгу хоть что-то отложилось, - жалованье, ни сказать «нет» слишком вольно ведущему себя хозяину...

- Чтобы тут же лишиться места? - я отодвинула тарелку. Мне больше не хотелось есть. - И ничего не поделаешь. Я слышала, молодые учительницы обсуждали кое-что... Кому жаловаться, если хозяин выгнал на улицу, потому что отказала, жалованье не заплатил, а ты сирота и идти тебе некуда?.. Вы же сами сказали - много таких вылавливают из реки! Я поняла наконец, что вы имели в виду... А если... если как моя мать - тогда действительно лучше в воду!

- Сударыня...

- Бабушке повезло. И ей тоже. И мне, - перебила я. - А другим - нет, и их множество! Скажите, Одо, вы же всё знаете: за что их так ненавидят и презирают? И их детей тоже?

- Да что с вами?

- Ничего! Я вспомнила, как вы говорили с госпожой Увве о моей бабушке, вспомнила, что при этом чувствовала. Вы никогда не поймете, как это - когда заживо сдирают кожу при постороннем! И не за мои проступки - за чужие, я же никогда не видела ни мамы, ни бабушки, я понятия не имею, сами они увлеклись мужчинами или... или это было не по доброй воле... - у меня перехватило дыхание, потому что я никогда не говорила вслух о подобных вещах. Это было стыдно и недостойно, но... необходимо, так мне казалось. - Если бы не госпожа Увве, а до того госпожа Ивде, я бы сейчас здесь не сидела! Меня бы вообще не было, наверно, потому что в приютах выживают только самые сильные, а я родилась слабой - кто бы стал со мной возиться? А выжила бы, отдали б в деревню - многие охотно берут сироток, не знали? Те работают за кусок хлеба и не жалуются - некому же! - а если умирают, так в приютах их еще пруд пруди!

Он молчал, глядя на меня, как на привидение.

- Вы... вы хотели поговорить о шахтах... - выдавила я наконец.

- Нет уж, закончите сперва свою речь о сиротах, если начали, - ответил он. - Я... Да, я знаю, что все не так благостно, как сообщают благотворительные общества, но я не вникал в это. Пансионам и приютам - в том числе для заблудших и просто попавших в беду женщин - всегда покровительствовала ее величество. Сперва вдовствующая королева, потом мать Эвы. Но вряд ли они знали, как это выглядит изнутри...

- Конечно, не знали. Госпожа Увве рассказывала, что когда моя мама ещё была маленькой, наш пансион почтила визитом ее величество. Наверно, это и была вдовствующая королева, так?

- Скорее всего.

- Перед ее приездом все отмыли до блеска, сшили ученицам - тем, кто не домашние, конечно, - новые платья, обувь. Ее величество изволила разделить трапезу с девочками, и на стол подавали столько всего... Словом, она осталась довольна, а девочки ещё много лет вспоминали, как сидели за одним столом с ее величеством и свитскими дамами, и мечтали, что если будут хорошо учиться или удачно выйдут замуж, тоже станут такими вот... Ну не совсем такими, не в столице, а в нашем городке... Или хотя бы заменят госпожу Ивде - та удостоилась похвалы ее величества...

Воцарилось молчание.

- Как мне это знакомо, - сказал наконец канцлер. - По воинским частям. Приедешь с инспекцией или по иному делу... если сообщить заранее, то в части царит идеальный порядок. Если нагрянуть внезапно... Не стану пересказывать, что мне доводилось видеть. Тогда я был немногим старше вас, но не думаю, будто что-то изменилось с тех пор. Я полагал, однако, что в заведениях, подобным вашим, дела обстоят иначе. Все-таки женщины распоряжаются...

- Все люди одинаковые, - ответила я. - А вы так и на сказали: за что нас ненавидят? Я... я еще могу понять, почему презирают женщину, которая ведет себя... ну... распутно. Вот только если у нее много денег, все будут делать вид, будто ничего не замечают! У одной девочки из пансиона такая мать. Очень красивая, одета как с картинки, у нее свой дом. И она даже не слишком скрывает, что встречается с разными мужчинами: весь городок об этом знает, и девочки знают. Но никто никогда ей ничего не скажет в глаза, потому что она жертвует большие суммы пансионату, это во-первых, а во-вторых, ей покровительствует городской голова. А Нэли ничуть не стыдится того, что не знает, кто ее отец, и что мать никогда не была замужем. Правда, заметная разница со мной?

- Весьма, - обронил он.

- Еще понятно, почему такое важно для аристократов и богачей: нужно ведь знать происхождение и прочее. Не отдашь же невесту кому-то в наследство... Но простые-то люди отчего так не любят незаконнорожденных? У них этого наследства... пара коз, нахлебников воз, гнилой сук и бабкин сундук, - повторила я присказку кухарки из пансиона. - Конечно, и это для кого-то ценность, но... Я читала, прежде охотно брали в жены тех, у кого уже есть ребенок: один родился, значит, ещё будут. Даже если отец неведомо кто, считалось, это милость Богини... ну, если девушка не сознавалась, что ее принудили. Тогда уже судилище... Почему теперь все так изменилось?

Повисло тяжелое молчание.

Я смотрела на канцлера и думала: зачем я заговорила об этом? Чего ради? Разве он поймет? И вообще, разговаривать о подобном с малознакомым мужчиной - стыдно! Госпожа Увве пришла бы в ужас, уверена. Она не любила старые сказки, а я была до них охоча и затвердила все, что рассказывали за работой кухарка и ее подручные: будучи ребенком, я всегда путалась у них под ногами.

- Я не знаю, - сказал он наконец. - В самом деле, не знаю.

- И почему мы молимся Богине, а выходит, будто главный - ее Супруг, тоже не знаете? - дерзко спросила я. - Одна служанка у нас была родом из глухой деревни, и в детстве еще застала обряд Свадьбы - ведь каждый год Богиня берет нового мужа. Ну, знаете, сперва люди выбирают самую лучшую девушку и назначают воплощением Богини, а она уже выбирает Супруга, и целую ночь все празднуют...

- На богословские диспуты я сейчас не способен, - поднял руку канцлер. - На этот счет наверняка много идей у ученых мужей...

- А можно мне хотя бы почитать об этих идеях?.. - не выдержала я. - Здесь совсем нечем заняться, и вы сами сказали, что библиотеки нет, поэтому...

- Я прикажу доставить вам какое-нибудь чтение... по возрасту, - без улыбки ответил он. - Но вам найдется и другое занятие. Всё сказанное сейчас вы изложите в письменной форме. Не стесняйтесь в выражениях. Имена можете заменить или обозначить буквами. Все равно я потом сделаю краткую выжимку из вашей истории и передам ее графине Ларан.

- Почему ей? - только и спросила я.

- Она любит детей, в особенности девочек. Всегда мечтала о дочери, но... вы знаете, что случилось. Поэтому же она так тепло относится к Эве. Ей невыносимо будет думать, что многие достойные девицы прозябают в подобных условиях, тогда как могли бы добиться большего. Уверен, вскорости графиня испросит у ее величества дозволения заняться приютами и пансионатами, раз уж у самой королевы не хватает на это времени и

сил. Вам понятен ход моей мысли?

- Конечно! Она получит разрешение, наверняка лично отправится с инспекциями и окажется подальше от меня!

- Именно. Только непременно нужно аккуратно намекнуть ей, что визиты должны быть совершенно неожиданными, иначе толка из этой затеи не выйдет.

- Я сегодня боялась ее даже больше, чем встречи с послами, - созналась я, - все думала - она поймет, что я не ее величество...

- Вы правильно опасались: она заподозрила неладное. И вы крайне вовремя решили вступить за обездоленных сироток, иначе мне пришлось бы выдумывать повод, что бы удалить графиню от двора хотя бы временно, а это не так-то просто.

- А как вы объясните ей интерес ее величества к пансионам?

- Скажу, что Эва прочла сентиментальную книгу о бедной, но гордой сиротке, угодившей в такое заведение. Ее величество впечатлительна, знаете ли, а поскольку жизни за стенами дворца не знает, то ужаснулась описаниям и учинила мне допрос. Я не мог ни подтвердить, ни опровергнуть сказанное в книге, но напомнил, что мать и бабушка Эвы занимались благотворительной деятельностью, поэтому она возжелала последовать их примеру. Но поскольку сама она этого сделать пока не в состоянии, то препоручает сложную задачу графине Ларан.

- Надо же, как складно... - только и смогла я сказать.

- Учитесь, сударыня, пока я жив, - криво улыбнулся канцлер.

- А что, если графиня спросит, что это за книга? Кто автор? И как она вообще попала в руки ее величества?

- Эва топнет ногой и скажет «Какая разница!», вот и всё, а графиня решит, что ее величество не желает выдавать какую-то из светских девиц, тайком пронесшую это чтиво во дворец. Но вы правы, стоит подстраховаться. Придется послать кого-нибудь в книжную лавку узнать о подобных сочинениях.

- Но вдруг ничего подходящего не обнаружится?

- Почти уверен, что обнаружится. Вероятно, на иностранном языке, но для Эвы это не препятствие.

Я поехала: память Дагны-Эвлоры - это одно, но вот иностранные языки... В пансионе обучали только двум, но ее величество знала больше, и уж точно намного лучше. Если со мной кто-нибудь заговорит на чужом наречии, я опозорюсь ... С другой стороны, кто и зачем это станет делать? На встречах с иностранцами по протоколу положен переводчик, даже если обе стороны прекрасно знают языки друг друга. Он и сегодня присутствовал, хотя дагни и иссэ почти не различаются - разве только где-нибудь в глубинке говорят на старых диалектах, - и мы с послами отлично понимали друг друга.

- Давайте все-таки перейдем в гостиную и поговорим об этих злосчастных шахтах, - напомнил канцлер, и я покорно встала.

ГЛАВА 9

В гостиной устроились уже привычно: я, скинув туфли, с ногами в кресле, канцлер напротив на диване. Он всегда сидел настолько прямо, что меня так и подмывало спросить, не носит ли он корсет, но я не решилась. Вряд ли, он все-таки не какой-нибудь щеголь-бездельник, желающий покрасоваться на балу стройной фигурой и великолепной осанкой.

- Насчет иностранных работников спрашивать не буду, - начал канцлер. - Повторяю: позор на мои седины - я этого не заметил. Скажите лучше, отчего вам взбрело в голову отправлять туда специалистов?

- Мне?..

- Ну не мне же! Ну хорошо, вам от имени ее величества, раз уж вы пребывали в ее облике.

- И вы отправили? - удивилась я.

- Разумеется. Ее величество отдала приказ в присутствии множества людей, включая иностранных послов, и если бы спустя несколько часов на место не отправился отряд ученых-геологов, горных инженеров и прочей братии, это выглядело бы весьма странно для сторонних наблюдателей. А они имелись, как вы понимаете. Так я жду ответа, сударыня.

Я помолчала, собираясь с мыслями, потом сказала:

- Эти шахты затоплены, как и сказано в документах. Только это не рудничная вода. Я не сразу поняла, о каких именно разработках идет речь, но когда увидела на карте название реки, все сразу стало на свои места.

- Поясните, будьте любезны. Откуда вам это известно? А главное - что именно известно?

- Шахты признали нерентабельными и закрыли несколько лет назад, так? Работы не стало, люди уезжали оттуда кто куда... Вот и вышло, что один такой человек перебрался с семьей к родне жены. В наш городок.

- Где ваша дыра, а где эти шахты? - сорвалось у канцлера.

- Не так уж далеко, - я заставила себя не обижаться. - Просто... говорю же: у нас жили их родственники, приютили, пока этот человек не нашел работу. Он горный инженер, сумел устроиться куда-то в строительную контору, кажется, а дочь отдал в наш пансион. Она была почти взрослая, проучилась только два года до выпуска, но я хорошо помню ее рассказы. Мне всегда нравилось подслушивать старших девочек: они часто болтают о разных интересных вещах.

- Знаете, сударыня, я скоро возненавижу слова «одна девочка из нашего пансиона», - честно сказал канцлер.

Я только вздохнула: что же поделать, если сведения о внешнем мире мне приходилось черпать из чужих рассказов, да еще учиться тщательно отделять выдумку от истины...

- Что вы услышали?

- Не так уж много. Эриль не очень-то распространялась о том, что случилось, но к самому выпуску сдружилась с одноклассницей и кое-что ей рассказала. Меня они даже не замечали, думали, наверно, что я ещё совсем маленькая и ничего не понимаю...

- Вы можете излагать короче?

- Если совсем коротко, то Эриль жаловалась: ее отец предупреждал об опасности, но его не послушали. А когда случилось несчастье, его едва не сделали виноватым. Спасло только то, что незадолго до этого он послал докладную записку губернатору и письмо с требованием прислать независимую комиссию и подтвердить его выкладки, вот только письмо дошло как раз к моменту катастрофы. Зато не успело затеряться, вот.

- Катастрофы? Вас послушать, так там образовался провал во владения Безымянной.

- Не совсем, но близко к тому...

- Вот как? В документах сказано лишь, что выработки начало затапливать подземными водами, а поскольку месторождение почти иссякло, то затраты на откачку этой воды превысили бы прибыль от добычи, и поэтому губернатор принял решение о закрытии шахт. Сохранились сведения о выплате оставшимся без работы шахтерам компенсаций за погибших и раненых и подъемных для обустройства на новом месте... весьма щедрых, должен отметить. Никаких докладных записок и запросов комиссии нет, архивы я проверил тщательно. А теперь, - он все-таки облокотился на спинку дивана и положил руку на подлокотник, - продолжайте. Мне не терпится услышать вашу версию. Вернее, версию отца этой Эриль.

Я помолчала, собираясь с мыслями. Нужно было отрепетировать речь заранее, но увы мне: я все время отвлекалась на какие-то посторонние мысли...

Канцлер не торопил меня, хотя и постукивал указательным пальцем по блестящему дереву подлокотника - этот мерный звук напоминал тиканье часов.

Сэль наверняка сказала бы, что у него красивые руки, - она почему-то считала, будто оценивать мужчин нужно именно так. Но с кем мне было сравнивать? С господином Агсоном? Он толстяк, я уже упоминала, и пальцы у него пухлые, короткие, мягкие, всегда влажные - я помню, как он однажды одобрительно похлопал меня по руке, заглянув в тетрадь. С учителем истории, дряхлым господином Ладсоном? Он умер несколько лет назад, и в памяти осталось только его пенсне и иссохшие от старости руки, прохладные и сухие - довелось как-то подать ему упавший мел, и я запомнила, что на ощупь он почти как эти руки, прохладные и сухие. С истопником? У него кисти огромные, пальцы корявые, как ветви старого дерева и такие же шершавые и твердые, черные от сажи. Он и сам казался мне похожим на гигантскую обгорелую корягу, которыми любят прикидываться сказочные лесные духи.

Сегодня я увидела больше мужчин, чем встречала за всю свою прошлую жизнь, но приглядываться к ним было некогда: замечтаешься нехстати - добра не жди. Подметила разве, что у графа Сантора руки почти как у девушки: небольшие, изящные, с ухоженными блестящими ногтями. А вот пальцы - цепкие, хищные, и когда граф отвлекается, они начинают жить собственной жизнью: сжимаются, будто хватают добычу, переплетаются, перебирают бумаги...

Канцлер владел собой намного лучше. Ни разу я не видела, что бы он что-то теребил, трогал, даже если пребывал в глубокой задумчивости... Руки его обычно находились в покое, и нынешний жест явственно свидетельствовал о том, что канцлеру действительно не терпится услышать мой рассказ, и таким незамысловатым образом он дает мне это понять.

- Если я правильно поняла, - начала я наконец, - шахты в самом считались почти иссякшими. Но вдруг рабочие наткнулись на богатый пласт угля. Владельцы шахт постарались добыть побольше и побыстрее. Только не доложили наверх.

- Ах вот оно что... Это ведь было наполовину государственное предприятие, так?

- Эриль не говорила, наверно, не знала. Но, видимо, так, зачем бы ее отец стал докладывать губернатору через голову начальства? Он, кажется, собирался писать и выше, если окажется, что... ну...

- Что губернатор обо всем знает и участвует в дележе прибыли?

- Вроде того. Но, говорю же, не успел.

- И что там случилось? - канцлер подался вперед.

- Я совсем не разбираюсь в этом, поэтому только перескажу слова Эриль, - предупредила я. - Во-первых, шахтеры работали в три смены, что не положено. О правилах безопасности совсем забыли. Вернее, им велели забыть, обещали заплатить как следует, если добудут сверх нормы. А у них жалованье небольшое, ещё семьи... хозяйством там не прожить, вы же знаете?

- Нет, никогда не бывал в тех краях.

- Вот как... Эриль говорила: везде рудничные отвалы, там даже захочешь, землю не распашешь, да и бедная она. Держали, конечно, кое-какую скотину, огороды, но с этим только женщины и дети возились. Мужчинам разве до того? Утром в шахту, вечером бы поесть и спать.

Я помолчала, потом продолжила:

- Отец Эриль пытался достучаться до начальства. Говорил, что долго так не может продолжаться. От него отмахнулись, вроде бы даже пообещали денег за молчание, но он отказался.

- Странно, что его докладная записка сохранилась. Та, что помогла его оправдать.

- Ну он же не дурачок, понимал, что все письма читают, - улыбнулась я. - Он ее передал с оказией, не через контору.

- И что дальше?

- Начальство жадность одолела. Больше, быстрее... Положено правильно ставить крепи, что бы забой не обрушился, например, а делали тяп-ляп, из какого попало леса. Но им очень долго везло - если и случались обвалы, то совсем незначительные, никто не пострадал. Может, потому, что работники были опытные, и даже если гнались за деньгами, все равно осторожничали. Но однажды они все-таки прорубились. .. как вы сказали - во владения Безымянной.

- Так это оттуда вода пошла? - спросил канцлер. - Слышал о подобном.

- Нет, не вода. Рудничный газ.

- Начинаю понимать... Продолжайте!

- Он ядовитый, вы же знаете? Но бывает, что он ничем не пахнет, не заметишь, пока не станет поздно. Поэтому обычно шахтеры берут с собой птичку в клетке: она маленькая, и по ней сразу заметно, если что не так. И светильники гаснут, обычные, конечно, не магические. Но тут, наверно, и птичка бы не спасла... Из того забоя вообще никто живым не вышел.

- Почему?

- Потому что если рудничного газа много, он взрывается. Одной искры хватит - например, киркой по камню ударили...

Я передернула плечами: тогда, слушая рассказ Эриль, я пыталась представить, как это было, но так и не сумела.

- Был взрыв, свод просел. Крепи сломались, как спички, их же делали из чего попало, я говорила. Кроме тех, кто сразу погиб, ещё скольких-то завалило, их и не думали откапывать, не до того было. А хуже всего: уголь загорелся там, внутри, за завалами.

- Где же были маги? Отчего не тушили пожар и не спасали людей? И почему не доложили в столицу?

- Этого я не знаю, - честно сказала я, - вернее, Эриль не знала. Может, маги были слабые и не справились. А докладывать - это же будет расследование, все вскрыется... Но это не самое страшное.

- Что уж может быть страшнее для обнаглевших дельцов?

- Еще глубже - это отец Эриль сказал, когда его все-таки позвали на помощь и придали магов для исследований, - было ещё несколько больших полостей, скорее всего, тоже заполненных газом. И если бы огонь по угольному пласту дошел туда...

- Там действительно образовался бы проход в нижний мир, - пробормотал канцлер, - или огромная воронка. И скрыть это никак бы не удалось.

- Ну да. Поэтому, пока уголь медленно тлел, к шахтам отвели воду из ближайшей реки - это ее название я увидела на карте, - и залили всё... Совсем всё. Как именно обо всем этом докладывали губернатору, Эриль тоже не знала, - уточнила я. - Но раз ее отец не пострадал... наверно, губернатор все-таки не совсем дурной человек, не стал обвинять во всем инженера. Просто приказал ему уехать подальше и молчать. Наверно, еще и заплатил, и как тут откажешься? Семья же, дети, на что-то нужно жить, а эта катастрофа... Всё равно не докажешь.

Я облизнула пересохшие губы и добавила:

- Раз вы говорите, что в архивных бумагах все написано не так, как было на самом деле, значит...

- Значит, губернатор участвовал в подлоге.

- Ну да... Все неправильные документы вроде той докладной записки уничтожили, а рабочие... они тоже разъехались кто куда, да и не станут они свидетельствовать против начальства, побоятся! Тем более, им тоже заплатили, вы же сами сказали! И за погибших, и на переезд дали денег... Ну может, найдется один-двое смелых, но это разве поможет?

Канцлер молчал, а по лицу его я ничего не могла понять.

- Там теперь огромное подземное озеро, - добавила я. - Вода же куда угодно просочится, а под землей были эти полости. И совершенно непонятно, что случится, если ее откачать. Может, и ничего, а может, все рухнет, и тогда там действительно будет... бассейн размером с целый город.

И тут канцлер впервые на моей памяти - и памяти Эвы, с изумлением поняла я, - выругался, коротко и зло. Я даже не все слова разобрала, но в то, что он поминал Безымянную и прочих подземных обитателей, сомнений не было.

- Фамилию Эриль помните? - отрывисто спросил канцлер.

- Нет. Но она же есть в списках пансиона, это легко выяснить.

- Верно... Надеюсь, ее отец с тех пор никуда не перебрался, не то ищи его!

Он помолчал, потом сказал:

- У той области уже несколько лет как сменился губернатор. Как раз после истории с шахтами. Нынешний еще не стар, почти постоянно живет в столице, дела оставил на помощников. Предыдущий... если жив еще, думаю, мне удастся вызвать его на разговор. Вы правы, сударыня: он, кажется, не вовсе дурной человек.

- А как же казнокрадство?

- Это не самый страшный грех, поверьте... То, что он подал в отставку после этой трагедии, не назначил виноватым инженера и даже приказал выплатить шахтерам - причем не только пострадавшим семьям, а всем без исключения, - какие-никакие деньги, о многом говорит. Ну а замечать подобные происшествия под ковер - любимое занятие людей на местах. Привыкайте.

- Зачем? - не поняла я.

- Чтобы не удивляться каждый раз, как в первый. Или вы полагаете, что сегодняшний выход в свет для вас первый и единственный? Даже не мечтайте, сударыня, - канцлер сжал губы так, что они превратились в тонкую линию. - Эва, повторюсь, до сих пор без сознания. И даже когда она придет в себя и встанет на ноги, придется потрудиться, что бы вернуть ей прежний облик: вы же своими глазами видели, как измучила ее болезнь! Все это время вам придется трудиться за нее.

«А что потом?» - хотела я спросить, но не осмелилась, сказала только:

- Как прикажете.

- Помимо ваших измышлений о пансионах и бедных сиротках запишите также все, что помните из рассказов Эриль, - сказал он. - Вы рассказали достаточно, но, возможно, какие-то детали всплывут в памяти, когда вы начнете излагать все это на бумаге.

Я кивнула.

- Думаю, завтрашнего дня вам вполне хватит на это. Постарайтесь успеть: нужно убрать от вас графиню Ларан как можно скорее. На ее место я поставлю баронессу Эррен.

- Кто это? - спросила я, не сумев выискать в памяти образа этой женщины.

- Премилая женщина. В юности не сумела попасть в число свитских девиц исключительно потому, что скоропалительно вышла замуж. Последующие годы занималась исключительно домом и семьей. Теперь сыновья подросли, учатся в Королевском корпусе, муж все свое время отдает службе и месяцами пропадает в дальних гарнизонах, так чем же заняться этой достойной даме? Скучать в поместье? О нет, нет... Она вернулась ко двору и довольно быстро наверстала упущенное.

Я представила симпатичную уютную женщину, наверно, немного полную, с пухлыми мягкими руками и доброй улыбкой, совсем не похожую на графиню Ларан, и улыбнулась.

- Вы зря улыбаетесь, сударыня, - заметил канцлер. - У баронессы чрезвычайно деятельная натура и железный характер. А главное ее достоинство - легкая близорукость, которой она очень стесняется. Считается, что об этом недостатке никто не знает.

- То есть она не разглядит мелких отличий?

- Она и крупных не разглядит, потому что никогда не общалась с ее величеством так же близко, как графиня Ларан.

- О, понимаю...

- Затем вас ждут новые испытания, - прибавил канцлер.

- Какие?

Он посмотрел на меня с недоумением.

- Вы потеряли счет дням? Не должны были бы: времени прошло всего ничего.

- Да, но... - я задумалась, посчитала эти самые дни, для верности загибая пальцы, и меня осенило: - Осенний праздник! Он совсем скоро, и... И что мне нужно будет делать?

- К счастью, ничего особенного, - пробормотал канцлер. - Ее величество должна проследовать по главной улице столицы, расточая улыбки подданным и приветственно поднимая руку, затем, во дворце, принять дары от послов дружественных держав. Напоследок - торжественный ужин. Совсем не сложно, не так ли?

- А как же бал? - спросила я. - Разве на праздник не устраивают бал? Даже в нашем пансионе мы...

- Избавьте, молю, от этих воспоминаний! Бал состоится, разумеется, но вы в нем участия принимать не будете.

Я ощутила одновременно облегчение - не придется позориться! - и несказанное огорчение. Настоящий королевский бал, а мне туда путь заказан...

- Но почему? - вопрос вырвался сам собою.

- Потому что ее величество ещё очень слаба, забыли? Поездка по городу занимает несколько часов: хорошо, если Эва выдержит ее и приём. Бал - это уже чересчур. Могут заподозрить неладное.

- Понятно... - я опустила голову. Конечно, все правильно... но страшно обидно! - Вы

сказали - поездка? Но я никогда не сидела на лошади!

- Умоляю вас, сударыня... - сейчас губы канцлера едва заметно дрожали от сдерживаемой улыбки. - Это его величество с сыновьями могли продефилировать верхом. Даже ее величество - я имею в виду мать Эвы, разумеется, - иногда садилась в седло, но обычно дамы едут в открытом экипаже.

У меня отлегло от сердца. Танцевать я умела - может, не так изящно, как придворные дамы, - а вот верхом не ездила ни разу в жизни. Мне иногда представлялось, как я вскакиваю на прекрасного скакуна, и он мчится что есть сил по огромному лугу, навстречу восходящему солнцу, и высокие травы хлещут меня по босым ногам... Но я прекрасно понимала, что это невозможно: я свалюсь, стоит коню шагнуть. Хуже того, я на него и не взберусь без посторонней помощи, а как управлять, вообще не знаю. Видела, конечно, но что толку?

Извозчики, когда везли нас на прогулку в открытых колясках, иногда давали кому-нибудь подержать вожжи (госпожа Увве, если оказывалась в этом же экипаже, делала вид, будто не замечает такого безобразия). Только подержать, не более, они были готовы в любой момент перехватить их, но и то я ощущала мощь упряжных коней... Хорошо выученные, они шли шагом, но что, если бы вдруг испугались? Бросились вскачь по мостовой, расшвыривая прохожих и лоточников? Опрокинули бы коляску? Разве бы мне хватило силы и умения совладать с ними? Конечно же, нет! А ехать верхом, наверно, в тысячу раз страшнее, даже если лошадь поведут под уздцы, потому что все это будет происходить в глазах у сотен людей...

Я читала: один древний полководец погиб вот так, во время торжественного шествия. Под ним был выученный боевой конь, сам он много лет провел в седле, но... Кто же знал, что в этом городе принято разбрасывать цветочные лепестки и разбрызгивать душистую воду перед гостями? Лепестки конь ещё стерпел, но когда жгучая жидкость угодила ему в глаза, встал на дыбы. Полководец не ожидал подобного (и, наверно, был уже нетрезв), поэтому вылетел из седла, ударился головой о камень и тут же умер. Старый господин Ладсон любил рассказывать эту историю и непременно прибавлял в финале: «так проходит земная слава». Не знаю, что он имел в виду, объяснений никогда не следовало.

- О чем вы так задумались, сударыня? - прервал мои воспоминания голос канцлера.

- Пытаюсь представить, каково это: быть на глазах у толпы, - честно ответила я.

- Со временем к этому привыкаешь. В первый раз, конечно, страшно. Но не беспокойтесь - я буду рядом. Могу даже взять вас за руку.

- Благодарю, Одо, - собравшись с духом, ответила я. - Думаю, я справлюсь сама. Но если вдруг пойму, что сейчас начну дрожать мелкой дрожью, непременно воспользуюсь вашим предложением.

- Вот и славно, - он снова потер переносицу. - Об этом мы поговорим ближе к делу, а теперь идите спать. И помните - я жду ваши записки, и вопрос пансионов первоочереден: Ларан должна заняться делом как можно скорее.

- А праздник? Разве она не оскорбится, если ее не будет рядом с ее величеством?

- Кто вам сказал, что ее не будет? - нахмурился канцлер. - Разумеется, свитские поедут с вами. Но общаться вам не придется: все внимание вашего величества должно быть обращено на ликующих подданных, а никак не на графиню. Вдобавок она станет опекать баронессу - для той подобное внове, - а потому не сможет уделять вам слишком много времени.

- Как все запутано... - в который раз повторила я.

- Вы увидели лишь малую часть происходящего, сударыня. И, как ни странно, хоть и испугались, но не растерялись. Если в вашем пансионе воспитывают девушек именно так, я намекну графине Ларан, что с госпожи Увве стоит взять пример хотя бы в этом.

«Сэль наверняка бы растерялась, - подумала я. - А вот Юна... Может быть, и нет. Она смелее меня. Она даже ухитрилась познакомиться с каким-то студентом на прогулке в ботаническом саду и передавала ему записки через домашних девочек».

- Одо, можно, спрошу? - спохватилась я.
- Конечно.
- При дворе ведь есть другие маги помимо мэтра Оллена? Не может не быть!
- Да, есть.
- И никто из них не может определить, что я - не ее величество? Я имею в виду - не догадаться по поведению или чему-то еще, как графиня, а...
- Не может.
- Потому что мэтр Оллен сильнее их всех?
- Совершенно верно.
- Почему вы не хотите о нем говорить? - спросила я. - Вы... вы его боитесь?
- Да.
- Но... как же...

Он встал и протянул мне руку, молча, и я послушно встала. Повторялся мой первый вечер здесь: я снова шла в одних чулках - почему-то даже в голову не пришло обуться - сперва по коврам, потом по каменным ступеням, затем по крупному гравию дорожки. (Подумала еще: жалко чулки, совсем новые, а теперь они будут в таких дырах, что не заштопаешь.) Только на этот раз уже не так боялась покрепче схватиться за руку канцлера. Старалась не виснуть на нем, но...

Снова скрутило мгновенным переходом, и вот мы уже... А где, собственно? На особняк у моря это место совершенно не походило, на дворец - тем более. Тут было холодно - меня сразу пробрал озноб, и канцлер, заметив это, тут же снял и накинул мне на плечи свой мундир.

- Мы здесь буквально на несколько минут, - сказал он. - Дольше нельзя. Этот портал создал не Оллен, так что вряд ли он заметит, если только не наблюдает за мной круглосуточно. Но это вряд ли, тем более, сейчас он, скорее всего, еще не проснулся.

- А... где мы?

- Вот это уж точно не имеет никакого значения. Слушайте меня и запоминайте, - канцлер потянул меня за руку, и я послушно села рядом с ним на край дивана, такого же холодного, как все вокруг. - Мэтр Оллен - сильнейший из придворных магов. Он связан клятвой жизни, вот только приносил ее покойным монархам. Не самой Эве, понимаете?

- Кажется, понимаю, - я сглотнула. - Но почему? Ее же короновали!

- Да, только она несовершеннолетняя и проводить с ней подобный обряд нельзя. Я бы рискнул, но мэтр Оллен заявил, что Эва не готова к подобному. К тому же, он обещал всячески оберегать потомков королевской четы, но, сами понимаете, это крайне расплывчатая формулировка.

- Одо...

- Не перебивайте, времени в обрез! Повторяю - Эве мэтр Оллен личной клятвы не давал, мне - тем более. Но все это время был с нами. Эва давно бы умерла, если б не он, это подтверждают другие маги. Он помогал мне - с этими несчастными девочками. С вами в том числе... Я уверен: все, что он делает - он делает во благо Дагнары, но не имею ни малейшего представления, как именно он представляет себе это благо.

Канцлер тяжело выдохнул и умолк.

- Одо, то есть если он откажется помогать или просто перестанет отзываться... все ваши усилия окажутся напрасны? - шепотом спросила я, и он кивнул.

- Что я могу противопоставить сильнейшему магу континента? Вы спросили, нет ли

других... Сколько угодно, только чары мэтра Оллена им не по зубам.

- А как же этот портал?

- Это мое наследство, - он вытянул руку, и тяжелый перстень взблеснул кошачьим глазом. - Досталось от отца, а до того много веков передавалось в нашем роду. Зачаровывали его те, для кого мэтр Оллен такой же молокосос, как для него - наши придворные маги. Перенесет куда угодно, жаль только, время пребывания в этом месте ограничено. Если не вернуться вовремя, останешься здесь. Выбраться можно, конечно, но времени на это понадобится... Что вы так смотрите?

- Подумала: если бы вы были в том поезде, то смогли бы спасти кого-то из королевской семьи. Вы ведь наверняка ехали бы в одном с ними купе?

- Скорее всего.

- Неужели у его величества не было ничего подобного?

- Если и было, мне он об этом не докладывал, сударыня. Но другие порталы имелись, причем у всех членов семьи, это точно. Просто никто не успел ими воспользоваться. Не уверен, что и я бы успел задействовать свой. В такие мгновения сложно не растеряться и правильно оценить меру опасности, в особенности если никогда не попадал в подобные обстоятельства.

- Вот как... - протянула я и подумала: а может, эти порталы просто не сработали? Вряд ли его величество сразу запаниковал! Хотя кто знает...

- К делу, сударыня. Времени немного, - напомнил канцлер.

- Да, да, конечно. Знаете, я уже ничего не понимаю, - прошептала я. В мундире было тепло, только ноги мерзли, и я подобрала их под себя. - Получается, вы один против всех? Даже мэтр Оллен... неизвестно, на чьей он стороне? То есть он спас ее величество, лечит ее, но чего ради? Может, просто жалеет? Хотя... Вы же говорили, что мои предшественницы не выжили, так? Если он проделал с ними то же самое, что со мной, то почему...

- Жалости он не знает, - перебил канцлер. - Как все маги. Мне порой кажется, это вытравливают из них нарочно. Ни разу ещё я не встречал мага, способного на сострадание.

- Значит, все это ради выгоды? Неужели вы даже не можете предположить, какой именно?

Он отмахнулся.

- Что толку гадать? Мы зря тратим время, сударыня. Я всего лишь хотел сказать вам: если мэтр Оллен явится к вам один - не доверяйте ему, не слушайте его, и...

- Как это мне удастся, если он маг? - вырвалось у меня. - И что, если вы придете вдвоем? Мне и вам не верить? Не слушать? А вдруг вы будете зачарованы?

Канцлер низко опустил голову. Мне хорошо видно было, что виски у него совсем седые, а ведь не старый еще...

- Я запомню, что вы сказали, - тихо сказала я. - Не стану ему доверять. Постараюсь сделать все, что в моих силах. Но вы тоже можете мне кое-что пообещать, Одо?

- Что?

- Когда ее величество выздоровеет, а я не буду больше нужна, пожалуйста, убейте меня так, что бы я этого не заметила.

- Что?.. - повторил он... да, растерянно, мне не показалось.

- Я имею в виду - быстро, - сказала я и зачем-то зажмурилась. - И не больно. Это же несложно, правда? Обещаете?

- Да, - коротко сказал канцлер после долгой паузы и встал. - Идемте. Пора возвращаться.

ГЛАВА 10

Странное дело: после этого тяжелого разговора я не вертелась всю ночь с боку на бок, а сразу же уснула и не видела кошмаров. И дело было не в снотворном зелье: на этот раз канцлер и не подумал мне его предложить, я же не стала просить – хотела поразмыслить. Не удалось: меня сморило сразу же, как голова коснулась подушки. Проснувшись до рассвета, как обычно, – старая привычка взяла верх над тягой понежиться подольше в мягкой постели, – я немедленно взялась за дело, не дожидаясь завтрака и не призывая на помощь Нэну с горничными. Велик ли труд – самой умыться, одеться и причесаться, тем более, я легко разобралась, что и как действует в ванной (правда, чуть не ошпарилась в ходе эксперимента).

Явившаяся будить меня Нэна неодобрительно поджала губы, увидев меня за туалетным столиком – письменного-то не было, а то недоразумение, что использовалось вместо стола для завтрака, оказалось слишком шатким. Писала я карандашом – захватила несколько штук из пансиона, чистая тетрадь тоже нашлась, одна из подаренных девочками. Я тогда не смогла с ней расстаться – так понравилась мне белая гладкая бумага и картинка на обложке, – но теперь придется, конечно. Но, наверно, если я попрошу, мне доставят хоть сотню таких тетрадей? Интересно, в каких писала ее величество? Вот бы посмотреть...

Я гнала от себя неуместные мысли и продолжала писать. Горка карандашных стружек на столике все росла – маленький перочинный ножичек у меня тоже имелся, и тоже дареный, с перламутровыми вставочками на гладкой деревянной рукояти. Уж что-что, а очинить карандаш, не порезав пальцы, мы все умели.

Жаль, ручку-самописку – подарок госпожи Увве – я оставила на сохранение Мике: ею я писала бы намного быстрее. Увы, она немного подтекала, и я побоялась, что чернила зальют мои книги и прочие сокровища.

– Госпожа, почему же вы не позвали меня и не велели подать письменный прибор? – с едва заметным неудовольствием в голосе произнесла Нэна, пожелав мне доброго утра.

Взгляд ее упал на тщательно застеленную кровать, и она поджала губы: даже если я всего лишь исполняла роль ее величества, все равно мне не пристало самой заниматься подобными вещами.

Я, признаюсь, и не подумала, что не нужно этого делать, опомнилась, когда уже разглаживала складки на покрывале. Не разбирать же было постель заново, только чтобы Нэна не огорчалась?

– Было еще очень рано, вот я и не стала никого будить, – ответила я. – Ничего страшного, я не успела проголодаться после вчерашнего ужина, а насчет прочего... у меня хватает карандашей. И ими я хотя бы не испорчу одежду – всегда ставлю кляксы, а потом непременно задеваю их рукавом.

Нэна только тяжело вздохнула, хотела поправить подушки, но явно не нашла, к чему придраться. Спросила только:

– Что изволите на завтрак, госпожа?

– Как обычно, будьте любезны, – рассеянно ответила я, перечитывая последнее предложение. Обнаружила ошибку и немедленно воспользовалась стирательной резинкой – замечательное изобретение! Жаль только, действует оно лишь на хорошей бумаге, а в тонкой и серой, как в обычных моих тетрадях, проделывает дыры.

– Если мне будет позволено заметить, госпожа, ее величество предпочитает разнообразие и никогда не ест одно и то же блюдо несколько дней кряду, – негромко произнесла Нэна после паузы.

– О... Ну тогда пускай будет что-нибудь из того, что нравится ее величеству, – решила я. – Только... гм... с учетом рекомендаций доктора.

Действительно, самой бы подумать: разве станет королева изо дня в день есть яичницу, какой бы вкусной та ни была? С другой стороны, Дагна-Эвлора могла оказаться из тех

людей, которые следуют раз и навсегда заведенным правилам и не отступают от них. К сожалению, таких подробностей в моей голове не сыскалось ...

- После завтрака вам придется отвлечься от работы, госпожа, - сказала Нэна, входя с подносом: на этот раз меня ожидало нежнейшее птичье суфле и другие яства. Я даже не знала, как некоторые называются, а спросить постеснялась .

- Что-то случилось?

- Прибудет госпожа Ланни - нужно примерить праздничные наряды.

- Наряды? Разве их будет несколько?

- Разумеется, госпожа. Одно платье - для торжественного выезда, другое - для приема, третье - бальное. И, разумеется, всегда должна иметься замена для любого из них на тот случай, если случится какая-нибудь досадная неприятность. Вы понимаете: вдруг из-под колеса брызнет грязью или, не приведи Богиня, пойдет носом кровь...

- Ясно.

Я посмотрела на тетрадь. Что ж, пожалуй, я успею закончить: о пансионах написала все, что знала и слышала от госпожи Увве, учительниц и девочек - кое-кто прежде преподавал и учился в других местах. На историю о шахтах мне хватит часа, полагаю. Ведь станет же госпожа Ланни затягивать на мне корсет сразу после завтрака, так? Вот, видимо, почему после трапезы необходимо «отдохнуть»!

Эти мысли так меня развеселили, что с историей злополучных шахт я управилась вмиг, тем более, Нэна принесла на выбор перо с чернильницей и ручку-самописку, намного более удобную, чем моя старая. Писать ею выходило намного быстрее, нежели карандашом: одно удовольствие выводить ровные строки на белой линованной бумаге, по которой чернила не растекаются, как по скверной серой!

И да, канцлер был прав: мне удалось припомнить ещё несколько деталей, о которых упоминала Эриль. Даже фамилию ее я вроде бы вспомнила, только сомневалась в правильности написания, но это все равно намного больше, чем ничего, как говаривал господин Агсон, когда кто-нибудь путался и в решении задачи называл гипотенузу «капетенузой». Ну, в том случае, если само решение было правильным, конечно.

Визит госпожи Ланни прошел уже привычно: шумно и суматошно. У меня в глазах рябило от нарядов, которые она раскидывала передо мной, как сказочный торговец перед красивой девушкой, что бы соблазнить ее заманчивыми переливами нежных шелков и дивным тканым узором шалей, богатством бархата и блеском мехов... Никто никогда потом не видел тех, кто соглашался примерить наряд из чужестранной материи. Редко-редко через много лет возвращалась сморщенная умалишенная старуха и уверяла, что она и есть пропавшая невеста когда девица, но узнать ее уже было некому...

Впрочем, госпожа Ланни явно не собиралась утаскивать меня в подземное царство Безымянной, хотя испытаний мне хватило: от бесконечных примерок голова шла кругом. Хорошо еще, я вовремя вспомнила об обуви! К праздничным платьям шили новые туфли - к каждому, а к бальному и вовсе несколько пар, - и госпожа Ланне пообещала проследить лично, что бы на этот раз всё сделали точно по мерке.

- Довольны ли вы, госпожа? - спросила она наконец и принялась обмахиваться платочком. - Вы правы, эти цвета весьма идут вам...

- Очень довольна, - ответила я, - благодарю вас. А как насчет тех швей, которые трудились круглые сутки, как вы сказали? Я велела заплатить им вдвое за ночную работу, вы не забыли, Ланни?

- Как можно, госпожа! - вскричала она, но взгляд ее метнулся.

- Хорошо. Пришлите мне список ваших мастериц.

- Но... для чего, госпожа?

- Этого вам знать не нужно. Я желаю видеть список к вечеру.

- Госпожа, если позволите, я сию минуту... я каждую знаю...

- Тем лучше: вот перо, вот бумага. И уточните, как можно найти каждую из них.

- Вот этого, боюсь, я не смогу сделать, госпожа. Вернее, в отношении старших мастериц – без сомнения, сумею, но вот остальных...

- Ничего страшного, Ланни, пишите то, что знаете.

Повинуясь моему жесту, она присела к туалетному столику – стул жалобно скрипнул под ее обширным седалищем, - и принялась строчить, то и дело опасливо взглядывая в мою сторону.

- Вот, госпожа, извольте, - сказала наконец госпожа Ланни, подавая мне исписанный листок.

- Очень хорошо. И все эти женщины работали днем и ночью?

- Н-нет...

- Тогда отметьте тех, кто работал именно так. - Я подождала, пока госпожа Ланни закончит отмечать точками мастериц, потом добавила: - Думаю, если я прикажу спросить любую из них, как именно с ними расплатились, они выкажут радость и удивление?

- Не понимаю, госпожа...

- Неужели они не пришли в изумление, получив двойную плату за ночную работу?

- О... да, конечно же, изумились, обрадовались и всячески благодарили вашу доброту, госпожа! – сообразила наконец мастерица. Ее круглое румяное лицо заметно побледнело.

- Замечательно. Всего доброго, Ланни. Думаю, вашими трудами на празднике я буду сиять, как воплощение Богини!

- Не извольте сомневаться, госпожа!.. - она припала к моей руке (я не успела отдернуть, и хорошо, это выглядело бы странно) и поспешила исчезнуть.

Следом потянулись, пряча взгляды, ее подручные с ворохами наполовину готовых нарядов.

- Это вы хорошо придумали, госпожа, - нарушила молчание Эм, подбирая с пола обрезки ткани. - Только она ведь прикажет всем швеям говорить, что велено.

- Да-да, изумляться и радоваться, - фыркнула Эн.

- Она не успеет, - ответила я. - Потому что кто-нибудь из вас сейчас поедет и расспросит этих женщин.

- Где же мы их найдем, госпожа? - удивилась Эм. - Они ведь не в одной мастерской сидят, особенно те, что делают черновую работу. Многие на дому шьют, особенно по ночам. Будто госпожа Ланни им позволит ее лампы жечь!

- Вот же: она указала хотя бы примерно, кто где живет. На месте спросите. Неужели никто не знает, что такая-то работает на Ланни? А где одна, там и вторая, они наверняка хорошо знают друг друга.

- Ну... - Эн переглянулась с Эм. - Так-то, может, и выйдет, госпожа. Но что толку?

- А это уже вас не касается, - чересчур резко ответила я. - Езжайте немедленно, обе! И оденьтесь поскромнее. Надеюсь, на извозчика у вас денег хватит?

- Неужели нет, госпожа, от ваших-то щедрот! - хихикнула Эн, и они убежали, переговариваясь на ходу.

- Вашими стараниями, госпожа, мы лишимся госпожи Ланни, - негромко сказала Нэна,

все это время хранившая молчание. – Она может оскорбиться оказанным недоверием и... Ее давно переманивают в Лариду.

- А что, в Дагнаре больше нет достойных мастериц? Полагаешь, никто не рвется занять ее место?

Будто я никогда не слышала от девочек в пансионе, как сложно даже очень хорошей швее найти заказы! Если у кого-то были постоянные клиенты, на них буквально молились: перебиваться случайными заработками в таком ремесле можно, но этого едва-едва хватит на жизнь. Конечно, то были простые женщины, безо всяких рангов, общивали они не знатных персон, а таких же обычных горожан, но... Мне казалось, такие вещи одинаковы в любой среде.

Нэна не ответила. Впрочем, я знала, что права. Без придворной швейного дела мастерицы ее величество уж точно не останется: даже если госпожа Ланни вдруг позволит себе оскорбиться и уедет из страны, другие перегрызутся за право занять ее место. И, вполне возможно, какая-то окажется намного талантливее, пускай и не настолько пробивной... К слову, можно ведь выбирать по итогам состязания в мастерстве, как лучших учениц выбирают по итоговым оценкам!

Впрочем, я замечталась. Вряд ли мне позволят устроить такое состязание – я здесь временно. И время мое может истечь в любую минуту.

- Скажите, сударыня, зачем вы напугали госпожу Ланни и устроили переполох в городе? - спросил канцлер вместо приветствия, когда явился к ужину.

- Я?..

То есть насчет переполоха я еще могла понять, но... напугала?

- Да.

- А... вы откуда?.. - неуклюже начала я, но он понял, конечно же.

- Вы полагаете, за королевской портнихой не наблюдают? И за горничными тоже?

- О, ну конечно... - я поняла, что краснею. - Как глупо с моей стороны...

- Ну почему, это заметно взбудрило нашу незаменимую мастерицу. Судя по докладом, она вернулась к себе в смятенных чувствах, после чего несколько часов то жгла какие-то наброски и выкройки, то бросалась писать кому-то письма, после чего тоже их жгла, затем пересчитывала деньги, и наконец поплакала и смирилась.

- Не удивлюсь, если она все-таки заплатит помощницам за ночную работу, только заявит, что это была ее идея, - сердито сказала я.

- Даже не сомневайтесь, - заверил канцлер. Кажется, сегодня он был в хорошем расположении духа. - Впрочем... она может и не успеть: горничные Эвы весьма расторопны, как и полагается хорошей прислуге. Вдобавок им явно понравилось ваше поручение, поэтому... Жаль, я сам не видел, какой эффект производит появление кареты с королевским гербом в бедном квартале!

- Я же сказала им взять извозчика... - прошептала я. Покраснеть сильнее, кажется, уже было нельзя: у меня только что уши не дымились.

- Сударыня! Право слово, сразу видно, что вы из редкостной глуши! Где же это видано, чтобы личные горничные ее величества звали извозчика?

- Но как же им разрешили? Ну... карету?..

- Будто впервые Эва отправляет девушек с каким-нибудь поручением. «Приказ ее величества», вот и все.

- И они... нашли кого-то?

- Двух или трех женщин, судя по докладам, и слухи сразу же покатались снежным комом.

- Опять я натворила дел... - пробормотала я, опустив голову. - Я не хотела этого, клянусь!

- Чего именно? - осведомился канцлер.

- Ну... испортить отношения с госпожой Ланни, выставить ее величество на посмешище этим поручением...

- Сударыня, очнитесь! Столица гудит от слухов, горожане превозносят доброту ее величества, а госпожа Ланни... надеюсь, немного поумерит аппетиты, - заключил он.

- То есть ничего дурного не случилось?

- Ничего. Эм и Эн недурно развлеклись, объясняя мастерицам, что к чему: то-то порадует хозяйка, когда к ней придут за обещанным вознаграждением... Горожане, повторяю, в восторге. Никто не заподозрил ничего странного, насколько я могу судить: Эва немного взбалмошна и страшно упряма. Если что-то взбрело ей в голову, это отсюда никак не выбьешь, поэтому ваш поступок вполне укладывается в образ ее действий.

- Хорошо... - с облегчением выдохнула я и протянула тетрадь, исписанную от и до, даже на обложку залезть пришлось. - Вот, здесь и про пансионы, и про шахты. Всё, что удалось вспомнить.

- Замечательно, - канцлер едва заметно улыбнулся, заглянув внутрь. - Вижу, вы не теряли времени даром. И хорошо, что у вас разборчивый почерк... правда, совершенно не похожий на почерк Эвы, имейте это в виду. Придется потренироваться - я дам вам образцы. Мало ли...

- Как прикажете.

От сердца отлегло: канцлер действительно не сердился на меня за эту выходку, я уже немного научилась различать его настроение. Сейчас оно было... да, пожалуй, приподнятым. А это могло означать только одно...

- Одо, можно, спрошу?

- Конечно.

- Ее величество... ей стало лучше?

- Намного лучше, сударыня, - ответил он так быстро, словно ожидал этого вопроса. - Она пришла в себя и, к счастью, рассудок ее не омрачен. Но, конечно, физически Эва еще очень слаба - настолько, что не может даже встать с постели без посторонней помощи, а значит, праздничное шествие придется возглавлять вам.

С какой радостью я передала бы эту обязанность настоящей королеве! Или... нет?

Мне что, в самом деле хочется оказаться на виду у целого моря людей? Улыбаться им, махать рукой, купаться в волнах восхищения и зависти? Не ожидала от себя...

- Она хочет видеть вас, - прервал канцлер мои размышления и протянул руку. - Идемте.

- Как... видеть? - Я даже попятилась от неожиданности. - Она знает?..

- Разумеется, знает. Как я мог утаить от Эвы подобное?

- Наверно, она рассердилась... - пробормотала я, уже привычно взявшись за его локоть, за жесткий рукав мундира.

- Мягко сказано, сударыня. Эва весьма гневлива, но отходчива, имейте в виду. Вы намного более сдержаны, хотя... если бы не разница в воспитании, думаю, и вы сделали бы такой же. О чем я? - тряхнул он головой. - Ах да! Эва согласилась с необходимостью принятых мною мер. Правда, мне до сих пор не представлялось возможности

представить ей двойника... по известным вам причинам.

Я кивнула и подумала: интересно, будет ли там мэтр Оллен? А если да, то как вести себя с ним?

Увы, подумать подольше канцлер мне не позволил – увлек за собой уже знакомым путем, в особняк у моря, а там уж стало не до рассуждений.

Когда мы вошли в королевскую опочивальню, я первым делом высвободила руку и поспешила склониться в придворном реверансе. Странно: мне почудилось, будто канцлер попытался задержать мою руку, но я все равно выскользнула.

- Встань и дай посмотреть на тебя, - раздался слабый голос королевы.

Я ужаснулась: мой ведь совершенно не похож на ее! Но, может, так только кажется? Наша учительница пения говорила, что человек слышит свой голос совершенно иначе, нежели окружающие. Да и чары должны сглаживать разницу...

Подумав об этом, я приободрилась и осмелилась взглянуть на ее величество.

Она, казалось, ещё больше исхудала с тех пор, как я увидела ее впервые. Тоненькая фигурка тонула в подушках, распущенные темные волосы свисали безжизненными прямыми прядями. Руки, лежащие поверх пышного одеяла, казались совершенно бесплотными, почти прозрачными. Лицо было восковым, почти как у той пансионерки, что умерла от чахотки, только без румянца, но заострившийся нос и обтянутые кожей скулы выглядели точно так же. На этом лице жили только глаза – большие, яркие... и тоже не такие, как у меня. У меня – темно-серые, как снеговая туча (мне нравится это сравнение), у Дагны-Эвлоры – с проблеском синевы. Понятно теперь, почему ее платя не подошли мне не только по размеру: у нас разные и глаза, и оттенок кожи, даже если делать скидку на болезнь королевы, и цвет волос. У нее они, насколько я могла различить, на свету немного отдавали в рыжину, а у меня нет. Госпожа Увве сказала мне когда-то, что будь они ещё немного темнее, можно было бы назвать этот оттенок цветом воронова крыла, но увы...

Все это промелькнуло у меня в голове за доли секунды, а королева велела:

- Подойди ближе, дитя мое. Хочу рассмотреть тебя получше.

Я послушалась. Кто-то подsunул мне табурет, и я села – не нависать же над ее величеством, вынуждая ее заирать голову! Она хоть и полусидела, опираясь на подушки, все равно старалась лишний раз не шевелиться, я обратила внимание.

Мы молча смотрели друг на друга, и я с ужасом понимала, что нас действительно нельзя спутать. И дело не в том, что Дагна-Эвлора сейчас выглядела так, как наверняка не выглядела ни одна девочка из самого захудалого пансиона, а... Не могу подобрать слов!

Хотя нет, пожалуй, сумею: несмотря на ее жалкое состояние, от Дагны-Эвлоры все равно исходила уверенность – в себе, в том, что окружающие любят ее и сделают все, чтобы помочь во что бы то ни стало... Сама Богиня снизойдет и вылечит ее, если не сумеют этого сделать врачи и маги, – вот что я прочитала в глазах ее величества. И выздоровление уже началось – она ведь очнулась и мыслит здраво, а значит, и дальше все будет замечательно!

Признаюсь, мне стало страшно. Ненадолго, но...

- Не бойся, – по-своему истолковала мой взгляд Дагна-Эвлора. – Возьми меня за руку.

Я послушалась, стараясь не сжимать пальцы ее величества слишком сильно.

- Какая ты горячая... Она не больна, Одо? Не хотелось бы подхватить еще и лихорадку вдобавок к моему недугу...

- Эвина совершенно здорова. Просто ее бросает в жар от страха, – отозвался канцлер, а я вдруг осознала – он впервые назвал меня по имени!

- Нас даже зовут похоже... Это в самом деле знак, как считаете, Одо? И что думает мэтр Оллен?

- Я тоже хотел бы знать, о чем он думает, но вы же понимаете: если он этого не желает, отыскать его нет никакой возможности.

- Да, как обычно... - взгляд ее величества снова обратился ко мне. - Одо сказал, ты выросла в приюте и не знала родителей. А что ты почувствовала, когда мэтр Оллен наделил тебя моей памятью?

- Зависть, - сорвалось у меня прежде, чем я успела подумать над ответом. - Вы были так счастливы, ваше величество... Я никогда не знала ничего подобного, вы правы. Я бы, наверно, многое отдала, чтобы хоть немного побыть в настоящей семье, не приемной...

- Я бы тоже многое отдала, чтобы моя семья вернулась, - тихо произнесла Дагна-Эвлора и едва заметно сжала мои пальцы. - Но у меня остался только Одо. Ну, ещё Рина и другие, но они не считаются... Какие у тебя грубые руки! Одо, скажите горничным - пусть займутся!

Я невольно вздрогнула от такого резкого перехода, но постаралась не выдать смутения.

- Я тебе тоже завидую, - сказала королева. - В прошлом году праздника не было - траур... А я никогда не открывала его, кто бы мне позволил? Всегда ехала позади, с сестрами... Расскажешь мне, как это было?

- Как прикажете, ваше величество, - только и смогла выговорить я.

- Ты не знаешь других слов? Как же ты собираешься играть мою роль? - она слабо улыбнулась.

- В некоторых случаях - обычно неподходящих, - Эвина более чем разговорчива, - сказал канцлер в сторону, но так тихо, что королева его не услышала или сделала вид, будто не услышала.

- Ну же, расскажи что-нибудь! - она требовательно сжала мои пальцы. - Неужели ты не знаешь каких-нибудь историй? Одо сказал, ты любишь книги - я велела прислать тебе мою личную библиотеку, все равно я сейчас даже книгу не удержу, а слушать, как читают вслух, - сущая пытка... Расскажи что-нибудь, ну же, я хочу послушать твой голос!

О чем ей рассказывать? О чем?.. Сказки про купцов из царства Безымянной королева наверняка знает, а вот истории старых служанок - вряд ли. А я совсем недавно вспоминала о них, и кое-какие легенды помню - спрашивала же канцлера, почему в наши дни все не так!

Я сглотнула комок в горле и начала:

- На заре времен Богиня ходила меж людьми...

- Вот, значит, как было... - задумчиво проговорила Дагна-Эвлора, когда я закончила. Все это время она молча слушала, прикрыв глаза и не выпускала моей руки. У нее были очень холодные пальцы, мне хотелось высвободиться, но я не смела. - А теперь непременно гонят замуж... и не смотрите на меня так, Одо! Будто я не знаю, что вы подыскиваете мне хорошего супруга... Что, если вернуть былое? Захочу - выйду замуж, не захочу - мой ребенок будет только моим... Как тебе такая идея?

- Возможно, народ поддержит, - сухо ответил он. - Но не те, на кого опирается ваша власть.

- Разве она опирается не на народ?

- Формально да, но, прошу вас, не будем сейчас устраивать диспут на эту тему.

- Верно... Я уже устала... - Дагна-Эвлора снова посмотрела мне в глаза. - Иди, дитя мое, и постарайся ничего не испортить. Я скоро поправлюсь и проверю, что ты там натворила.

- Ваше величество, я только выполняю указания его превосходительства,и...

- Иди, - повторила она,так и не выпуская моей руки, и повернулась к канцлеру. - А вы побудьте со мной еще немного, Одо. Знаете, мне опять снился тот сон... Я оступилась на Королевской лестнице, помните? Наверно, это был знак...

- Не думайте об этом, ваше величество. Это сущая ерунда.

- А почему мама не приходит? - неожиданно капризным тоном произнесла она. - Я же просила... Одо, позовите ее! Она обещала поцеловать меня на ночь!

- Выйдите, немедленно! - отрывисто приказал он, схватив меня за плечо,и я наконец высвободилась из пальцев королевы.

Теперь это было совсем просто: она шлепала ладонями по одеялу - вернее, пыталась, у нее не было сил высоко поднять руки, - и гримасничала, стараясь заплакать или делая вид, что вот-вот заплачет. Так иногда делают маленькие дети - я видела,кое-кто из младших учениц в пансионе пытался проделать этот трюк. Там они быстро забывали о подобном...

Из-за двери не доносилось ни звука - зачарована, наверно... Я очень долго стояла у стены, заложив руки за спину, словно наказанная, до тех пор, пока не вышел канцлер и не поманил меня к себе.

Спрашивать о том, что с ее величеством, я просто боялась, но он сказал сам:

- Сейчас Эве хотя бы не больно. Она просто думает, что ей шесть лет,и мама почему-то не пришла поцеловать ее на ночь. Едва сумел ее успокоить и убедить, что родители сейчас с визитом в Иссене...

Я не могла ничего сказать. Я даже осознать это была не в состоянии: одно дело рассказы, а совсем другое - видеть, как человек меняется на твоих глазах, впадает в детство... Мне хватило и этого, а канцлер видел куда более тяжелые приступы и ничего не мог поделать, раз уж даже маги едва справлялись.

Но, в отличие от меня, герцог Мейнард, регент Дагнары, не мог позволить себе впасть в отчаяние. Впрочем... я ведь тоже не имела на это права. Самое большее, что я могла себе позволить: это тихонько поплакать ночью в подушку, и то не слишком долго, не то утром Нэна и горничные непременно заметят покрасневшие глаза и доложат канцлеру, а ему хватает забот и без моих переживаний. Что я ему скажу? Что скучаю по пансиону, по подругам, строгой госпоже Увве, учителям? Или что боюсь неизвестности? Будто он сам этого не знает... и, уверена, тоже смотрит в будущее если не со страхом, то с тревогой.

- Идемте, сударыня. - тяжелая рука легла мне на плечи. - У нас еще очень много работы.

И я кивнула.

ГЛАВА 11

В ночь перед праздником канцлер снова накапал мне снотворного зелья и проследил, чтобы я выпила все до дна. И хорошо – несколько ночей подряд я просыпалась с криком, снилось, будто кто-то распознал обман и толпа скандирует «Королева не настоящая!» и швыряет в меня кто гнилую капусту, кто старые башмаки... Словом, я предпочла бы не спать до утра, но, видимо, Нэна доложила о моих кошмарах, и на помощь пришло проверенное средство.

Оно помогло. Во всяком случае, я проснулась достаточно бодрой, а не чудовищно разбитой, как после этих страшных снов, позавтракала – предстояло терпеть почти до самого вечера, не станешь же перекусывать у всех на глазах, – а после небольшой передышки предалась в руки Эм и Эн.

Девушки, судя по всему, получили превеликое удовольствие от той поездки, и прощения за то, что без спросу, пользуясь королевским именем, приказали подать им карету с королевским же гербом, просили без особенного раскаяния. Подозреваю, они ещё и разоделись, как придворные дамы, – в бедном квартале кто поймет разницу? Разве что та самая швея!

Так или иначе, они заверяли, что деньги за ночную работу выплачены мастерицам сполна, и что другие, видя этот пример, стали отказываться работать на хозяев, если те не следуют примеру ее величества. Не все, конечно, но... Тут и указ подоспел – я утвердила его на днях, поначалу долго упражняюсь, чтобы скопировать подпись Дагны-Эвлоры, – об этой самой двойной оплате. Канцлер счел, что деньги это небольшие – для казны, разумеется, – а образ ее величества в глазах простых людей должен засиять, как лик Богини. Так и вышло, судя по докладам...

Конечно, я упрощаю. В указе перечислялась уйма работ, которые должно оплачивать дороже в темное время суток, и не за все полагалась двойная прибавка, кому-то больше, кому-то меньше. Я не сумела вникнуть, как именно это рассчитали, уловила только, что пастухам вовсе ничего не полагается, а тем же швеям и поварам – вполне. Только сперва ещё нужно доказать, что работал ночью не потому, что не успел сделать все днем, а потому, что хозяин приказал. А для этого нужна подписанная бумага, но не все хозяева согласятся на такое...

– Одо, может, зря вы это затеяли? – спросила я однажды, прочитав утреннюю газету, передовица которой кричала о беспорядках из-за нового указа.

– Не я, а мы. А точнее – вы.

– Но вы это... м-м-м... санкционировали.

– Да. Наблюдайте теперь, как рабочие требуют положенное им по праву.

– Я не понимаю, – осторожно произнесла я, – это хорошо или плохо?

– Лучше, если они станут делать это с ведома и попущения официальных властей, нежели самостоятельно. Вы же хорошо учили историю в этом вашем пансионе, не так ли?

Я кивнула: верно, совсем недавно вспоминала о восстании в Иссене.

– Главное – простой люд вас боготворит, – добавил канцлер. – Я имею в виду – ее величество. Пускай эта прибавка для многих составит медный нар, но...

– Для многих это вопрос выживания, – перебила я. – Медный нар – столько стоит большая лепешка. Ее хватит, чтобы накормить детей. Не досыта, но с голода не умрут. Если, конечно, хлебопеки тоже не слишком поднимут цены...

– За этим следят особо, не переживайте. Пример Лариды перед глазами, – он потер переносицу и криво усмехнулся. – Видите, какой это клубок? Или не клубок даже, не знаю, как и назвать... Одно тянет за собой другое, и так до бесконечности. Далась вам эти несчастные швеи!

- Именно что несчастные!

- Остыньте, сударыня. Спросите лучше: впечатлилась ли графиня Ларан вашим рассказом, пускай даже в моем весьма кратком и сухом изложении.

- Судя по вашему вопросу - более чем...

- Скоро она пришлет вам пространное письмо, уверен, и попросит аудиенции, чтобы испросить позволения отбыть с инспекцией.

- Вот и хорошо... - вздохнула я. - А шахты?

- Дело понемногу движется. Отца вашей Эриль отыскали без труда. Он поначалу не поверил своему счастью: думал, никогда уже не придется заниматься горным делом. Сейчас что-то исследует в районе затопленных шахт, не один, разумеется. Посмотрим, что скажут...

- А... ее величество?

- Эве по-прежнему шесть лет, - канцлер отвернулся. Мне показалось, профиль его сильно заострился с момента нашей первой встречи, а ведь времени прошло всего ничего. - А может, и меньше. Она узнает меня, даже удивляется, почему я такой старый. Зовет маму и отца. Но, повторяю, сейчас ей хотя бы не больно...

- А мэтр Оллен?

- Не появлялся, - на этот раз он посмотрел на меня в упор, и я поразились, такая ничем не прикрытая злоба полыхает в его глазах. - И я не стану его искать. Его нет рядом, когда он так необходим - быть может, Эву ещё можно вернуть, может, она выздоравливает, но никто не способен этого понять... А раз так, он не нужен вовсе. Лишь бы не вмешался в неподходящий момент...

Обо всем этом я думала, пока Эм и Эн наряжали меня, словно куклу, в церемониальное платье цвета вечерних фиалок, каковой цвет должен был символизировать одновременно увядание природы, скорбь по умершим и что-то еще.

Ехать предстояло в открытом экипаже, и я подозревала, что широкие юбки займут его целиком. Нынешняя мода все-таки намного удобнее!

- Какая же вы хорошенькая, госпожа, словно картинка, - искренне сказала Эм, поправив мне падающий на лоб локон.

- Будто и не болели никогда, - добавила Эн и туже завязала ленту на талии.

- Его превосходительство прибыл, - неслышно, как всегда, появилась Нэна. - Девушки...

Горничные, не дожидаясь приказа, бросились вон, а Нэна осмотрела меня с ног до головы.

- Очень хорошо, госпожа, - сказала она наконец. - Издалека не отличить от ее величества.

Впервые Нэна позволила себе подобное замечание.

«Надо спросить Одо, кто она такая, - подумала я. - Придворная дама? Не похоже. Кто-то из ближней прислуги королевской семьи? Да, пожалуй...»

- Хорошо, что мне не придется разговаривать, - несмело улыбнулась я.

- Почему? Вы говорите почти как ее величество.

- У нас голоса разные.

- Вы же ещё растете. Голос меняется, - Нэна тоже улыбнулась, коротко, едва заметно, и указала мне на дверь. - Идемте. Его превосходительство ждет.

Канцлер смотрел не на меня, а на часы, а когда я появилась, щелкнул их крышкой со знакомым «так!».

- Прекрасно, - сказал он, предложив мне руку. В лице его ничто не дрогнуло. - Отправляемся. Мне еще нужно представить вам баронессу Эррен.

Вихрь портала - мне начало казаться, будто я что-то различаю в его глубине, - и снова знакомые покои, и свитские девицы, тоже знакомые... Я улыбнулась им вполне искренне - приятно увидеть веселые лица!

Баронесса Эррен оказалась... Скажем так, я воображала себе полную уютную даму, но оказалась совершенно не готова встретиться лицом к лицу с этой особой. Ну, хотя бы потому, что мое лицо находилось где-то на уровне ее декольте. Графиня Ларан на фоне баронессы выглядела хрупкой девочкой.

Баронесса не была полной, она была... мощной - это самое подходящее слово. Рослая - пожалуй, выше канцлера, - фигуристая, с роскошными волосами цвета спелой пшеницы и нежным лицом, она мне сразу безотчетно понравилась, хотя я не успела перемолвиться с ней и словом.

- Говорят, муж ниже ее на голову, - шепнула одна из свитских, и они захихикали.

- Зато мои сыновья выше вас на две головы, - громко ответила баронесса, не оборачиваясь. - Объяснить, на что вы годны при таком раскладе, или не стоит, при ее-то величестве?

Свитские сникли: судя по всему, новенькая дама обладала преотменным слухом, коим она компенсировала плохое зрение. Ну и манеры... Вернее, их отсутствие. Наверно, канцлер полагал, что на фоне баронессы я буду блистать. Зря: меня могли и не заметить!

- Ваше величество... - даже когда она присела в реверансе, я все равно не увидела ее макушки. - Большая честь для меня служить вам. Ваше приглашение стало для меня неожиданностью, и, боюсь, я не...

- Встаньте, прошу, - заученно выговорила я. - Графиня Ларан наставит вас в том, что следует знать свитской даме, а пока...

Баронесса подняла голову, и я увидела веселые голубые глаза.

- Пока просто повторяйте за ней, - закончила я, не удержалась и тоже улыбнулась.

Потом был парадный выход, у которого поджидали кареты, запряженные шестеркой - для меня с Одо, четвериком - для свитских дам, ну и далее - парами...

Тронулись.

- Пожалуйста, Одо, скажите, когда нужно будет приветствовать народ, - шепотом попросила я, - Вдруг я не пойму?

- Вы поймете, - ответил он с едва заметной улыбкой.

И был прав.

Едва лишь карета вкатилась на главную улицу столицы, меня оглушил рев толпы. Очень уж откровенно тарашиться по сторонам было нельзя, только величественно поворачивать голову, но и этого хватало, чтобы разглядеть: вот мужчины поднимают детей и девушек на плечи - иначе им не рассмотреть королевское шествие, вот мальчишки (о, и девчонки тоже!) забираются на карнизы, деревья, фонари, на головы и простертые руки статуй, свисают оттуда целыми гроздьями... Даже если упадут, не разобьются - так плотно стоят внизу люди.

И я подняла руку...

Грохнуло так, что у меня заложило уши, но я заставила себя не бояться и улыбнулась, представляя, что вижу знакомые лица - Сэль, и Юну, и госпожу Увве, и господина Агсона, и старую кухарку (женщина в первом ряду за гвардейским оцеплением

показалась мне похожей на нее), истопника, кучеров...

Канцлер взял меня за другую руку, ту, которой я опиралась на сиденье. Наверно, я очень уж заметно дрожала.

Вдоль всей дороги выстроены были гвардейцы – плечом к плечу, рослые, я темно-красных мундирах, они не давали зевакам бросаться под ноги лошадям, но цветы все равно летели в кареты. Я едва успела увернуться от увесистого букета, а следующий поймал канцлер и небрежно бросил мне под ноги.

- Встаньте, вас совсем не видно, - шепнул он. - Этак они передают друг друга.

- Как встать? На сиденье?

- Да нет же, просто! А хотя можете и на сиденье, это вполне в духе Эвы... Я поддержу, не бойтесь.

Наверно, свитские дамы и прочие придворные онемели от негодования, когда я взобралась на сиденье и, одной рукой держась за плечо канцлера, другую подняла над головой, приветствуя еще громче взревшую толпу, но что за дело?

- Главное, не забывайте отбрасывать букеты, - негромко засмеялся он, и я крепче схватилась за его эполет со словами:

- Стараюсь, Одо, только не успеваю!..

Это было... Захватывающе, да, вот самое подходящее слово! Наверно, так чувствовали себя девушки, на одну ночь избранные Богинями... Чужой восторг и ликование сшибали с ног, я бы упала, если бы не держалась за канцлера, не чувствовала его незыблемым столпом у своих ног, а так – могла что есть силы воздевать руку в белой перчатке, чтобы ее увидели издалека, с самого дальнего края площади... Хотя бы ее...

Упоительное, ни на что не похожее чувство, и время будто замедлилось...

Вот я вижу, как через толпу проталкивается юноша, одетый, как небогатый студент, в руках у него огромный букет. Его пытаются поймать за шиворот – куда лезешь?.. Он пригибается и проскакивает под локтями огромных гвардейцев, выпрямляется, кричит что-то, и букет летит мне в лицо, прямо в лицо, и я с силой отшвыриваю его, как велел Одо. Точно так же, как отбивала мяч, когда мы с девочками играли летом во дворе пансиона...

Мне было очень больно и тяжело, а стоило пошевелиться, сделалось стократ больнее.

- Вы живы? Живы? Что с вами, отвечайте сейчас же! - выкрикивал мне в лицо герцог Мейнард. У него по лицу струилась кровь из рассеченного виска, но он этого не замечал. - Ну же, Эва!..

- П-пожалуйста, слезьте с меня, - выдавила я, поняв наконец, что он своей тяжестью вдавливал корсет мне в живот. - Вы меня раздавите...

Канцлер быстро поднялся – как он ухитрился сделать это, не выпуская меня из рук, остается для меня загадкой и по сей день, - и я смогла взглянуть по сторонам.

Наша карета лежала на боку. Один коренник бился в агонии – предсмертный лошадиный крик ужасен настолько, что я зажала уши и ткнулась лбом в грудь Одо. Второй... нет, не хочу вспоминать, что от него осталось. Ошметки, по-другому не скажешь.

Четыре другие лошади – тоже израненные, – истошно ржали и пытались умчаться, но не могли ни порвать сбрую, ни сдвинуть с места мертвый – во всех смыслах этого слова – груз, разве только немного. И к лучшему – если бы кони понесли, жертв оказалось бы намного больше...

Кругом тоже кричали, плакали, стонали...

- Ска... скажите, пусть пристрелят лошадь, - выговорила я. Не знаю, откуда это взялось в моей голове, из книги, быть может?

- Сами догадаются, - ответил канцлер, и в это самое мгновение хлопнул выстрел. Крик - лошадиный - стих. - Богиня, я думал, всё, конец... Если бы мы оба не стояли...

Я сообразила - он успел схватить меня и выпрыгнул из кареты, закрывая своим телом, прежде, чем прогремел взрыв. Наплевать на ушибы - я даже не ударилась, кажется, пышные юбки церемониального платья смягчили удар о мостовую, а голову мою, кажется, канцлер оберегал особенно - мне смутно помнилось, что стукнулась я не о камни, а о его руку...

- П-поставьте меня на ноги, Одо, - выговорила я, слегка заикаясь. - Люди... люди должны видеть, что я жива. Скорее же!

Он не просто помог мне встать, а, кажется, даже приподнял повыше, и крик ликования заглушил вопли боли и ужаса. Хорошо еще, опомнившиеся гвардейцы встали в круг, оцетинившись штыками, и даже придворные маги попытались выставить щиты. Но, кажется, они никогда не работали против толпы, и я не представляла, сколько продержится эта защита...

Постойте, откуда мне это известно? Или не мне, а Дагне-Эвлоре? Какая разница, не до того!

Я сделала несколько шагов, прихрамывая - одна туфля слетела и канула в неизвестность, - и остановилась, едва не наступив в лужу крови. Под ногами лежал наш кучер - я узнала его только по мундиру. Сама не знаю, что заставило меня наклониться и потянуться к его шее...

- Он жив еще! - выпалила я и выпрямилась, столкнувшись с канцлером.

- Какая разница, нужно немедленно увезти вас отсюда...

- Я сказала - он ещё жив! - с силой оттолкнув его, пока не вздумал задействовать свой портал и уволочь меня отсюда, я повернулась к толпе. - Доктор! Есть здесь доктор? Ну хоть кто-нибудь! На помощь!..

- Доктора! - подхватили в первых рядах, и крик пронесся над всей толпой. - Доктора королеве!..

«Не может быть, чтобы не оказалось хотя бы... хотя бы коновала какого-нибудь, - думала я. - не бывает так...»

- Пропустите! - снова раздался рев. - Дай дорогу, куда прешь! Не видишь - доктор!..

Толпа содрогнулась и выплюнула худого плешивого мужчину весьма потрепанного вида, а затем - еще одного, упитанного и одетого со столичным шиком.

- Ваше... ваше величество, - худой попытался изобразить поклон, но не преуспел. - Я... если мои скромные умения могут хоть как-то...

- Он умирает, сделай хоть что-нибудь! - я топнула ногой совсем как Дагна-Эвлора. - Или ты соврал, что доктор?

- С вашего позволения, я практикующий хирург, ваше величество, - неожиданно резко ответил мужчина. - Правда, в лечебнице для бедных...

- Какая разница!

- А я, прощения прошу, так... цирюльник, - вставил упитанный. - Но могу это самое... ассистировать. Не все ещё позабыл.

- Так действуйте, - велела я и повернулась навстречу свитским дамам. Их кучер наконец-то усмирил перепуганных коней, и графиня с баронессой смогли покинуть карету. - Я жива и невредима. Оставьте свои причитания на потом. А лучше - вовсе оставьте!

- Но ваше величество, нужно скорее... - графиня Ларан задыхнулась, - скорее уехать отсюда! Что, если злоумышленник был не один?

- В этом случае сообщник давно бы нас подорвал, - невозмутимо ответила баронесса Эррен. - Мы представляем собой отличную мишень, в особенности я. Прошу извинить, ваше величество, но мой муж - военный специалист, а это накладывает некоторый отпечаток на образ мышления.

- Ничего страшного, - храбро ответила я, хотя колени у меня подгибались. - Я тоже так решила. И я никуда не поеду, пока не удостоверюсь, что всем раненым оказана помощь! Есть еще пострадавшие?

Оказалось - имеются, но не настолько, как наш несчастный возница. Кого-то задело осколками, кого-то зацепила бьющаяся в агонии лошадь, кого-то помяли в толпе... Набралось дюжины полторы, и я подумала, что это не так уж много. Я читала, во время коронации отца Эвы многих задавили насмерть, а тут... порезы, ушибы и даже переломы, но фатально никто не пострадал, кажется.

- Букет, - сказала баронесса, присмотревшись. - Вы, ваше величество, отбросили его так, что он угодил точно между коренниками. Если бы не это и не отменная реакция его превосходительства, и вас обоих посекло бы осколками... в лучшем случае. Даже не знаю, что случилось бы, упали такой подарочек вам под ноги.

- Я думаю, мне было бы уже всё равно, - сглотнув, ответила я, отогнав кошмарное видение: взрывом мне отрывает обе ноги, и...

- Ваше величество, его срочно нужно в госпиталь, - перебив мои мысли, скороговоркой произнес тощий доктор, - но я опасюсь, что...

- Не довезем, у нас даже перевязать нечем, - пояснил цирюльник. Он снял щегольской пиджак, чтобы не испачкать в крови, но держал его подмышкой так, будто совсем позабыл о ценной вещи, - вот-вот выронит.

- Найдем, - ответила я.

Ну почему с нами нет врача? А и был бы, вряд ли у него с собой чемоданчик с бинтами... Ну а магов звать вообще бесполезно, они сейчас держат щиты, выискивают злоумышленника... никто не отвлечется на какого-то кучера!

- У вас нож есть? - спросила я цирюльника.

- Как не быть, ваше величество, - пораженно ответил он и вынул из кармана небольшой складной ножичек. То, что нужно!

- Дайте сюда... Одо, помогите!

- Вы с ума сошли? - только и смог он сказать, когда я бесстыдно задрала верхнюю юбку.

- Нет! Помогите, мне никак не добраться до этих треклятых завязок! Вот нож, режьте так...

На мое счастье, Одо Химмелиц, герцог Мейнард не зря носил звание канцлера и королевского регента: он умел очень быстро оценивать ситуацию. Нож ему и не понадобился: он рванул мою нижнюю юбку с такой силой, что завязки просто лопнули, и крахмаленная белая ткань упала бы к моим ногам, если бы я ее не подхватила. А я-то думала, в романах лгут, нельзя вот так сорвать с дамы облачение...

- Вот теперь можно и порезать, - не потерял присутствия духа цирюльник и протянул руку за своим ножом. Казалось, для него не в диковинку такое зрелище. - Эй, лысый, хватит столько тряпок?

Тощий доктор, назвавшийся хирургом, что-то пробубнил. Я предпочла не разобрать большую часть слов, но суть уловила: выходило, что кучера нашего искромсало так, что моей юбки... одним словом, хватает, но едва-едва.

- Ваше превосходительство, - густым своим мягким голосом произнесла баронесса Эррен и тоже приподняла подол. - Сблаговолите проделать со мною тот же фокус, что и с ее величеством. Полагаю, моих нижних юбок хватит на перевязку всем пострадавшим, а если не хватит, то у нас позади ещё несколько экипажей с расфуфыренными девицами.

К чести канцлера нужно сказать, что он не дрогнул пред лицом этого испытания.

Нашу карету тем временем поставили на колеса - она почти не пострадала, - обрезали постромки у мертвых лошадей и отволокли туши в сторону.

- Эти еще смогут идти в упряжке? - отрывисто спросил канцлер, кивнув на уцелевших коней.

- Смогут, вашество, - уверенно сказал какой-то молодчик (откуда он взялся?), оглаживая бедных животных. - Вот этих двух посекло знатно, но ноги-жилы целы. Передние вовсе только напугались. До конюшни всяко дойдут.

- Тогда действуй, раз дело знаешь. Раненых - в карету, - скомандовал Одо. - И правьте в королевский военный госпиталь, тут рукой подать! Дорогу только освободите! Кто ходячий - идите следом, помощь вам окажут... приказ ее величества!

Кучера, похожего на громадного спеленутого младенца (особенно сходство усиливали кружева наших с баронессой нижних юбок, пошедших на перевязку), уложили на то самое сиденье, где я стояла еще недавно, несколько человек с переломами кое-как устроились напротив и на полу, и карета тронулась. «Ходячие» пошли следом, кое-кто придерживался за задок.

Странное это было зрелище! Покосившаяся на один бок, оставляющая за собой следы крови - она капала с крупов уцелевших коней, - королевская карета все-таки уверенно двигалась к госпиталю. Там, правда, обычно лечились герои военных кампаний, и уж никак не рядовые, но... Если Одо сказал, что раненым окажут помощь, значит, так и будет.

Толпа расступалась, давая дорогу...

- Господа врачи! - окликнула я, когда тощий доктор последовал за каретой, а цирюльник вознамерился шмыгнуть в толпу. - Подойдите ко мне.

- Ваше...

- Ваше вели...

- Назовитесь. Мне нужно знать, кого наградить за содеянное.

Они недоуменно переглянулись.

- Я вовсе ничего не делал, - сказал цирюльник. - Так... ассистировал... Тряпки... простите, юбки на бинты резал. Тоже мне помощь!

- Это мой долг, ваше величество, - сухо произнес хирург. - Не имеет значения, кто пострадал, я...

- Вы откликнулись, когда я позвала, - перебила я. - Только вы. Понимаете?

- Ну... наверно, - за обоих ответил цирюльник.

- Тогда назовитесь... вот этому человеку, - его очень вовремя направил ко мне канцлер, - и скорее идите в госпиталь. А то они там мои юбки разберут на амулеты, а людям не помогут. Проследите, чтобы мой кучер выжил и вернулся на службу как можно скорее, ясно вам? Ясно? - это уже адресовалось неприметному человеку канцлера. - Это приказ!

- Да, ваше величество...

Я выдохнула, когда они отошли и сделала шаг в сторону. Как неудобно идти... Ах да, я же потеряла туфлю... Куда она могла улететь?

- Посмотрите под ногами, никто не видел мою туфельку? - крикнула я без особенной

надежды на успех.

Вряд ли отдадут. Если кто и нашел, оставит себе на удачу...

Толпа, однако, снова всколыхнулась, дрогнула и исторгла на сей раз всклокоченного паренька в форме посыльного, лет двенадцати на вид. Мою туфлю он бережно прижимал к груди.

- Ваше... ваше вели... - только и смог выговорить он.

Я немного приподняла подол и протянула ему босую ногу. Почти как в сказке...

Мальчишка припал на одно колено и бережно надел мне туфельку, потом встал и уставился на меня снизу вверх. А я не знала, что сказать и что сделать. Понимала только, что дать ему золотой - значит разрушить сказку, пускай и страшную, да и не было у меня золотого. И у Одо не было, откуда у нас при себе деньги?

И тогда я отколола от корсажа изрядно помятую чайную розу и протянула мальчишке. Никогда не забуду его глаз...

Миг - и он исчез, а я наконец-то твердо встала на ноги.

- Теперь нужно убираться отсюда, - сказал канцлер мне на ухо.

- Нет.

- Что значит - нет?

- Это значит, что мы должны проделать путь от начала до конца, - я направилась к карете свитских дам. - Но нам придется немного потесниться, не так ли?

- Я могу взять ее величество на колени, - улыбнулась баронесса, занимая свое место... то есть большую часть сиденья. - А его превосходительство - кого захочет...

- Ради Богини, сейчас не до ваших шуток, - поморщился канцлер и выгнал из кареты двух свитских девиц. Вероятно, в следующей карете они как-то... уплотнились. - Ваше величество, вам вовсе не обязательно сидеть на чьих-то коленях, места вполне достаточно.

Я молча села рядом с ним.

Графиня Ларан смотрела на меня очень, очень странно...

- Трогай! - приказал канцлер, и карета двинулась вперед.

- А бомбиста вы так и оставите? - тихо спросила графиня. - Он ведь сбежал.

- Он никуда не денется, - глядя на нее в упор, ответил Одо. - Теперь - никуда. Вот увидите.

Мы ехали в тишине, следуя за каретой с ранеными - было по пути.

- Поворачивайте, - велела я, когда мы оказались на площади. Бронзовый Дагнар Первый воинственно простирал руку, посылая могучего коня в бой, а мне почудилось: указывал путь. - Нам ведь нужно во дворец, не так ли?

- Вы разве не желаете переодеться, ваше величество? - тихо спросила графиня Ларан.

- Нет. Я буду принимать послы в этом платье. Оно немного помято, испачкано и забрызгано кровью, но это ерунда, право слово, - сказала я, глядя на нее в упор. - И на бал я пойду в нем же. Никто, никогда и ничем не напугает Дагну-Эвлору, седьмую этого имени!

«Какой бал, о чем вы?!» - ясно читалось в глазах канцлера, но при дамах он не мог дать себе волю. Отыграется на мне потом, ну и пускай...

- Вы же ещё нездоровы, ваше величество, - попыталась воззвать к разуму графиня

Ларан, но я осталась глуха:

- Я в достаточной мере здорова, чтобы пережить покушение, принять послов и присутствовать на балу. Танцевать не обещаю, но...

- К слову, ваше превосходительство, как вообще это оказалось возможно? Мне казалось, вы используете все мыслимые и немыслимые средства безопасности ради ее величества, и вдруг - нате вам! Бомбист прямо перед кортежем! - очень кстати встряла бароцесса. Мне показалось, ей нравится мой демарш. - Почему его не заметили? Конечно, взрывное устройство он спрятал в цветах, но отчего не отреагировали ни маги, ни гвардейцы, ни прочие... хм... специалисты?

- С этим уже разбираются, - коротко ответил канцлер. Лицо у него было совершенно белым, только потек крови выделялся - она все ещё сочилась из садины на виске. - Мы все выясним, сударыни, не сомневайтесь. Очень скоро.

Я вынула платок из рукава и осторожно вытерла ему кровь. Потом свернула испятнанный алым кусочек батиста так, чтобы получился цветок - в пансионе все девочки такое умели, - и приколола его на корсаж вместо розы.

На балу это украшение будет иметь несказанный успех, подумала я.

ГЛАВА 12

Последующее в помню обрывочно: вот горничные быстро чистят платье прямо на мне – только с брызгами крови ничего сделать не удастся, да я и запретила их трогать, – подают умыться, поправляют прическу, надевают новые чулки и туфли, подносят напиток... Всё, я готова принимать послов.

Вот послы произносят положенные поздравления, и лица у всех разные : например, иссенец откровенно напуган, может, думает, что обвинят их? Но почему? Неужели злосчастные шахты тому виной?

Ларидиец искренне расстроен, и даже в официальных словах звучит живое участие и тревога. Кажется, кто-то из его родственников погиб во время попытки переворота в Лариде : молодого короля – он был едва старше меня – застрелили из кустов на прогулке в парке, и началось такое... Хорошо, дядя убитого внял призывам и вернулся в страну: он ведь отрёкся от всяческих прав на престол, чтобы жениться на простой женщине. Пришлось брать слово назад, и за этим последовал другой скандал: он наотрез отказался признать свой брак недействительным, а детей, соответственно, незаконнорожденными, и выбрать высокородную супругу, которая родила бы правильных наследников. Он настоял на своем, и хотя жена его все умерла через три года (поговаривали, это было отравление), вступить в брак вторично отказался. Зачем, если у него и так трое сыновей?..

То же самое могло бы случиться и в Дагнаре : у королевы хватало родственников, не самых близких, но канцлер ведь говорил: многие спят и видят, как бы избавить несчастную девушку от тягот правления! И если бы не моя непроизвольная реакция и действия канцлера...

Конечно, мой труп могли бы спешно переправить куда-нибудь и заявить, что ее величество тяжело ранена, но жива, но что в этом проку? Та же графиня Ларан могла потребовать допустить ее к постели Дагны-Эвлоры... С другой стороны, ту ведь можно держать в бессознательном состоянии, как делали до того, как она впала в детство. Обмотать ее бинтами несложно, а маги и врачи будут говорить, то, что им прикажут...

Канцлер стоит за моей спиной – от него веет плохо сдерживаемой яростью. Мне кажется, будто, он готов сам мчаться на поиски этого бомбиста, разыскивать его в каких-нибудь трущобах, а потом долго, очень долго допрашивать, выясняя истинные мотивы покушения... Ну а затем точно так же он возьмется за нанимателей или вдохновителей – поди пойми, что двигало тем юношей, – и выдавит из них нужную информацию. Какими методами, лучше даже и не думать!

Потом в памяти следует провал – и вот уже торжественный ужин. Кто-то из придворных шепотом спрашивает, отчего ее величество почти ничего не ест – ведь Осенний праздник, нужно отдать должное урожаю, – но на него шикают, и он сконфуженно умолкает. Мог бы и сам сообразить : после такого испытания кусок в горло не лезет.

А когда подают десерт, к канцлеру подходит еще один незаметный человек и тихо о чем-то докладывает. Глаза герцога Мейнарда вспыхивают, и я понимаю – бомбиста поймали, теперь дело за следователями... Он жалеет, что не может отлучиться и оставить меня без присмотра, это чувствуется. И мне очень хочется сказать ему, что я справлюсь – свитские дамы уж точно не дадут меня в обиду, а опасаться во дворце нечего, правда? – но я прикусываю язык. Канцлеру лучше знать, а я и без того натворила дел. Мне ещё достанется, тут к гадалке не ходи...

Снова провал – и вот уже кто-то внимательно заглядывает мне в глаза и считает пульс, потом что-то говорит канцлеру на незнакомом языке. Тот кивает, и мне подносят стаканчик с горьким напитком : на этот раз не снотворным, наоборот, он бодрит, и я стряхиваю наконец странное оцепенение.

– Вы открываете бал, помните? – настойчиво повторяет канцлер, держа меня за обе руки.

На третий раз я ясно слышу его голос – шум в ушах исчезает, мир вокруг перестает

плыть и качаться, обретает ясность и четкость.

- Конечно же, помню.

- Может быть, все-таки не стоит этого делать? Вы и так едва держитесь на ногах!

- Я должна, - отвечаю я. - Надеюсь, если я вдруг оступлюсь...

- Вам не дадут упасть, - заканчивает он. - Что ж... Могу сказать, что вы способны дать фору Эве по части упрямства. Но я очень вас прошу: если вы поймете, что находитесь на грани обморока или же готовы разрыдаться, немедленно скажите об этом мне. Я смогу увести вас незаметно.

- Понимаю. Нельзя, чтобы гости увидели мою истерику, так?

- Так, - без улыбки отвечает канцлер и смотрит на часы. - Время. Вы еще можете отказаться. Все поймут. Ну же?

- Я должна, - повторяю я и на мгновение прикрываю глаза.

Страшно? Еще как! Только пугаться я буду после. Сейчас нельзя допустить, чтобы кто-то увидел мою слабость.

Откуда это в моей голове? Опять из книг? Или мысли вовсе не мои, а настоящей королевы?

Уже не имеет значения - время вышло, крышка часов закрывается со звонким «так!».

- Я готова.

Хорошо, что на подобных балах этикет соблюдается в строгости: ничего лишнего. В общем-то, мне достаточно выдержать первый танец, а затем наблюдать за гостями с почетного места, но я подумала, что не смогу сидеть столько времени без движения, когда внутри всё ходит ходуном. И тут же осторожная часть моего рассудка шепнула: а как это будет выглядеть со стороны, ты подумала? Тебя едва не убили, пострадали люди, а ты пляшешь, как ни в чем не бывало!

Что решит сторонний наблюдатель, интересно? Королева Дагна-Эвлора просто малолетняя дурочка, даже не осознавшая по-настоящему, какая ей грозила опасность, или же ей наплевать, что творится кругом, лишь бы повеселиться?

Ни то, ни другое мне не нравилось. Жаль, уже некогда было спросить Одо, как лучше поступить: пора было открывать бал. Во время танца поговорить не получится, к тому же, кто-то может уметь читать по губам, и таким людям вовсе ни к чему знать, какого совета я прошу... Что ж, попробую справиться самостоятельно. И, надеюсь, это бодрящее зелье будет действовать достаточно долго!

Первый танец - старинный, он больше напоминает пьесу: по сюжету Богиня идет в одиночестве меж деревьев и печалится о прошедшем лете, о том, что подступили холода, и вскоре снег укроет леса и поля, вот и я шла по блестящему паркету между рядов дам и кавалеров, изображавших одетые золотом деревья. Должна сказать, это был очень... своеобразный лес. Одного не отнять - золота в самом деле хватало.

Однако навстречу загрустившей Богине из чащи выходит охотник, которого осень ничуть не страшит, а даже радуется: столько нагулявшей тело дичи кругом, знай стреляй! А еще собран урожай, сварен пенный халль - нужно веселиться! И он увлекает Богиню за собой, туда, где уже горят костры и пляшут селяне...

Я уверена была, что роль охотника исполнит сам канцлер, не доверив ее никому, а потому замерла, когда навстречу мне вышел незнакомый юноша. Наверно, он был немногим старше меня, однако гвардейский мундир и нашивки младшего офицера говорили сами за себя: очевидно, он принадлежит к весьма знатному роду, раз в свои годы уже превосходит званием какого-нибудь седоусого гвардейца из престолярства, лет двадцать отдавшего службе.

«Какая скверная практика, - невольно подумала я. Мне хватило самообладания подать

юноше руку и начать танец , а то, что сначала я отпрянула и даже попятилась, кажется, сочли мастерской игрой: даже Богиня растеряется, если навстречу ей из ниоткуда вынырнет незнакомец. - Что толку от такого офицера, будь он хоть самых голубых кровей? Нужно спросить Одо , почему так устроено и нельзя ли это поменять... Наверно, нет: будет столько недовольных...»

- Простите мою дерзость, ваше величество, - шепнул юноша, в очередной раз пытаюсь увлечь меня в сторону «костров», - но у вас очень печальный взгляд.

Я могла бы, наверно, сказать, что слишком хорошо вжилась в роль, но ответила правду:

- У меня на глазах покалечило полторы дюжины человек. По-вашему, я должна лучиться весельем?

- Я вовсе не это имел в виду, ваше величество... - смутился он, хотел что-то добавить, но тут, к счастью, настало время влиться в круг танцующих у «костров». К слову, это были магические огни - на вид совсем как настоящие, только они не грели и тем более не обжигали.

Напротив я увидела баронессу Эррен, графиню Ларан... Канцлер тоже мелькнул, но поодаль. Вернее, так далеко, что я не дозвалась бы его, случись что... А вот «охотник» все время был рядом, и я недоумевала: кто он? Конечно , представляться во время танца не принято, но... совершенного незнакомца не подпустили бы к ее величеству, не так ли? Значит, Дагна-Эвлора достаточно хорошо его знала, вот только я не могла отыскать в памяти ни лица, ни имени. Как странно... Вот когда рядом со мной оказался рослый мужчина с рыжими, тронутыми сединой усами, я сразу его опознала: Рейлин Освас, герцог Тамай, кузен покойной королевы!

- Эва, рад видеть тебя в добром здравии, - шепнул он, когда мы сошлись в очередной фигуре - партнеры в танце менялись постоянно.

- Спасибо, дядя Рей, я уже почти поправилась, - не сдержала я улыбки.

- Треклятый Мейнард никогда ничего не говорит напрямик, - герцог забавно пошевелил усами, - и никого к тебе не подпускает. О чем же мы могли думать?

- О том, что он обо мне беспокоится? Не то вы бы меня уморили родственной заботой, и ты, и особенно тетушка Арлин. Как она поживает, к слову?

- Не хуже прежнего, - дядя подкрутил ус и подмигнул: - Надеюсь, в этот раз получится девочка , а то наследников мне уже более чем достаточно... Тоже спрошу , пока Мейнард отвернулся: тебе ещё не подыскали жениха?

- У Одо в сейфе наверняка вот такая стопка личных дел возможных претендентов на мою руку, - улыбнулась я. - Но мне он их не показывает. Да и рано ещё думать об этом, дядя.

- Не рано... - он решительно отеснил могучим плечом очередного «охотника», хотя это и не полагалось. - Терпеть не могу Мейнарда, как и папашу его, но одного у них не отнять - соображают...

- О чем ты?

- Промедлишь с выбором - тебя силой возьмут. Я могу поддержать с юга, но ты знаешь - армия у меня с гулькин нос. Но если что... Ты на мать похожа, - невпопад сказал герцог, - а я ее очень любил. Сам хотел жениться, но пока думал, ее уж просватали... Ничего, хорошая пара вышла, и дети... ну а я встретил Арлин. Тоже люблю, но не так, как Кайрелин. Хотя зачем тебе об этом знать...

- Спасибо, что сказал.

Я смотрела вверх и видела, как рыжий ус дергается, будто герцог отчаянно гримасничает, сдерживая слезы. Неужели взрослый мужчина может вот так проявлять чувства? Должно быть, он уже выпил? Но нет, вроде бы вином не пахнет...

- А кто хочет меня в жены, знаешь? Говорю же, если Одо что-то и задумал, то мне не

говорит. Тем более, я болела, никак не наверстаю...

- Конечно, - он совладал с собой. - В Лариде мальчишек хватает, но все моложе тебя. Ерунда, конечно, но по их представлениям - не положено. Нельзя, чтобы жена была старше.

- Дядя, быстрее, сейчас партнеры сменятся!

- Все хотят, - сказал он, взял меня медвежьими лапищами за талию, поднял повыше и покружил, как полагалось. Жаль, я не увидела, кто проделал этот же трюк с баронессой Эррен. - Когда королевство, считай, бесхозное...

- Оно не бесхозное! - прошипела я ему в лицо. - Пусть попробуют взять!

- В точности Кайрелин... - только и произнес дядя, выпустив меня.

Теперь я попала в руки тому же юноше, ну и ладно, разговаривать с ним я не собиралась, хоть он и порывался. Потом был другой мужчина, и еще, и еще... Некоторые лица я узнавала, некоторые нет - наверно, это были иностранцы.

И наконец круговерть танца замедлилась, потом и вовсе остановилась: погасли костры, свет приглушили, с потолка посыпались сияющие волшебные снежинки - пришла зима, а канцлер поймал меня под локоть и проводил на место.

- Как вы? - едва слышно спросил он.

- Голова немного кружится, но это ничего...

- Отдохните немного.

- Хорошо.

- Мне нравится ваша покорность, но, сдается мне, это не к добру. Говорите сейчас же, что вы задумали!

- Вдруг увидят? То есть по губам прочитают? - озвучила я свой страх.

- Не сумеют - маги работают. Ну же, не тяните!

И я пересказала свои мысли - о танцах и прочем.

- Хорошо, - сказал канцлер. - Очень хорошо. Я уже понял: переубеждать вас бесполезно, но вы своим умом доходите до нужных выводов. Лишь бы не стало слишком поздно... Бал вы открыли, этого более чем достаточно. Если в силах - оставайтесь до конца, нет - я вас уведу в любой момент, как только скажете.

- Вам тоже хочется быть не здесь, так?

- Так, - усмехнулся он. - Дел выше головы, а я вынужден быть здесь. И раздвоиться не могу. Впрочем, на это я уже жаловался.

Я подумала: вот удобно было бы иметь такого двойника, которому нравится заниматься тем, что тебе не по сердцу, и наоборот. Скажем, он танцует на балу, а ты изучаешь старинную книгу, или же ты едешь с визитом, а он отсыпается за вас двоих... Жаль, даже маги не сумеют такое устроить. Вернее, мэтр Оллен, может, сумел бы, но о нем мне думать не хотелось.

- А что это за молодой человек, который был первым «охотником»? - шепнула я.

- Не узнали? - недоуменно спросил канцлер.

- Нет, как ни пыталась.

- Это же друг детства Эвы, - вовсе уж неверяще произнес он. - Эддар Лорай, виконт Гальси.

- Я даже имени такого не помню, - созналась я. - Вот дядю Рея узнала сразу же, а

этого Эддара будто впервые увидела, клянусь!

- Эва называет его просто Эдом или даже маленьким Эдом , потому что он долгое время был ниже нее ростом и только недавно вытянулся, - сказал канцлер. - Не путайтесь, не то он решит, будто вы за что-то на него обижены, начнет расспрашивать - а он очень настырен... Словом, это ни к чему.

- Запомню.

- Кстати, о чем вы так долго беседовали с Тамаем?

- О том, что мне пора замуж , потому что страна, считай, бесхозная. Я, правда, была резка... Но он сказал правду: если вы очень быстро не найдете королеве мужа, кто-нибудь может возжелать взять Дагнару силой, - шепотом сказала я. - Дядя обещал поддержать, но...

- У него войско - курам на смех, - перебил канцлер. - Конкретные имена он называл?

- Нет. Сказал только, что ларидийцы, наверно, хотели бы, но у них нет подходящих кандидатур. А про остальных вам лучше знать, разве нет? Про младшего иссенского принца мы ещё когда говорили, к примеру.

- Да, верно...

Мы замолчали. Я смотрела на танцующих с королевского помоста - в глазах начало рябить от ярких движущихся пятен , а ещё меня немного мутило, от духоты, наверно, и от волнения.

- Сударыня, - пальцы канцлера легли на мое запястье. - Вам дурно?

- Пока нет, - честно сказала я, - но еще немного, и я опозорюсь...

- Все в порядке. Праздник продолжится, как ему и полагается , а нам лучше уйти. Вы и так сделали больше, чем сумела бы любая на вашем месте. Встать можете?

Я кивнула и уже привычно взялась за его локоть. Идти было тяжело, меня шатало на ходу, ноги подгибались, голова шла кругом, но я старалась не выдавать себя - нельзя допустить, чтобы кто-то увидел мою слабость, нельзя...

Потом был знакомый провал портала , а затем - темнота...

Когда я пришла в себя, кругом было тихо и темно. Судя по всему, я лежала на диване - попытавшись шевельнуться, я ощутила жесткий подлокотник под съехавшей маленькой подушкой. Раздеть меня никто не удосужился, однако корсет был заметно расслаблен, на ногах не оказалось туфель.

Кажется, я покраснела, сообразив, что проделал все это сам канцлер , почему-то не пожелав позвать Нэну. Зато чем-то укрыл... Если судить на ощупь, это был никак не плед и не одеяло , а его мундир. Точно, вот ряд пуговиц, вот эполеты... Ну, однажды он уже так делал, хотя тогда это было не парадное одеяние.

Я хотела встать, но услышала голоса: разговаривали совсем рядом, в соседней комнате, оба голоса были мне хорошо знакомы, - и тут же затаилась в надежде узнать что-то новое.

- Я в очередной раз спрашиваю: что вы с ней сделали, мэтр Оллен? - в голосе канцлера сквозило отчаяние, и я понимала его.

Он ничего, совершенно ничего не мог поделать: настоящая королева не отличалась разумом от пятилетнего ребенка , а я... Если я умру, вряд ли кто-то заплачет обо мне, но что тогда станет с Дагнарой? Пускай я всего лишь фальшивка, но я... я очень убедительная фальшивка, во всяком случае, гожусь на то, чтобы обманывать если не самых дотошных и наблюдательных свитских дам, то послов и даже дядюшку...

- Что вы сделали?

Судя по всему, вопрос повторялся не первый раз , а ответа все не было. Если бы

канцлер мог, он вытряс бы его из мэтра Оллена силой, но... он же еще не сошел с ума, чтобы бросаться на мага с кулаками!

- Всего лишь испробовал новую методику, - сказал наконец придворный маг. - Хотя как посмотреть. На самом деле этому приему больше лет, чем Дагнаре. Нашел, знаешь ли, в одном манускрипте, да не представлялось случая использовать. Любопытнейшая вещь!

- И что же? Я имею в виду - в связи с нашим случаем?

- Ты будто не видишь?

- Я вижу лишь, что эта девушка ведет себя странно. Вы скажете - чудо, что она вообще выжила, чудо, что не сошла с ума, в отличие от предыдущих, я же отвечу: вы сделали с ней что-то совершенно иное, нежели с прежними. Недаром она упоминала, что на вашем теле проявились какие-то рисунки, когда вы работали, тогда как я ничего подобного не различил!

- Ах она ещё и это углядела? - сухой старческий смех дробно рассыпался тишине. - Значит, я не ошибся.

- Не ошиблись - в чем?! - судя по голосу канцлера, он готов был вцепиться магу в горло, но не осмелился этого сделать. - Вы же сказали - она... «слабенькая», разве нет?

- Ну, эта слабенькая оказалась сильнее прочих. Голова у нее уж точно крепче... Ладно тебе, Одо, ты сейчас начнешь дышать огнем, как зверь-дракон! Чего ты от меня добиваешься?

- Хочу, чтобы вы сказали, что именно сотворили с девушкой. Чего от нее теперь ждать. Ну?..

- Кобылу свою понукать будешь, - прозвучал ответ, и я поняла, что сжала кулаки так, что ногти впиваются в ладони. - Я не твой слуга, Одо Химмелиц.

- Вы забыли прибавить - герцог Мейнард, - ледяным тоном произносит канцлер.

- Я прекрасно помню, что этим титулом твой отец обязан мне. И женьитьбой на родственнице его величества - тоже.

- Ах вот как... Ну что ж, мэтр Оллен: возможно, вы сожалеете об участии в жизни моей семьи, однако былого не воротить. А вот настоящее все еще в наших руках, и поэтому я спрашиваю: чей же вы слуга, если не мой, законного регента?

Я вспомнила, что он говорил о клятвах, и зажмурилась сильнее.

- Не твое дело, - любезно ответил маг. - Со своим ты и без меня неплохо управляешься. А уж с этой девчонкой...

- Вы ни разу даже не зашли к Эве, - сквозь зубы проговорил канцлер. Я понимала, до чего ему неприятно выпрашивать помощь, но что ещё оставалось делать? - Ее больше не мучают припадки, но она... Возможно, вы сумели бы помочь!

- Кто тебе сказал, что я не был у нее?

Воцарилась тишина.

- Я не в состоянии ее вылечить, - добавил мэтр Оллен. - Даже я на это не способен. Я могу только избавить ее от боли, но на самые радикальные методы ты бы согласишься, да, верно? Поэтому пришлось экспериментировать... И то - это поможет лишь на время. Думаешь, мне доставляло удовольствие наблюдать, как бедная девочка страдает? Как только я изыскал способ...

- Но что вы...

- Спрятал ее разум в детстве, когда самой страшной пыткой было то, что мама с папой не придут поцеловать ее на ночь.

- Не понимаю... Какое это имеет отношение к ее болезни?

- Слишком долго объяснять, Одо, да и вряд ли ты поймешь, - был ответ. - Но скажи: ведь лучше, когда Эва просто хнычет, когда никто, кроме тебя, не приходит к ней вечером, чем когда она бьется в припадке и костерит окружающих такими словами, что даже я краснею?

Воцарилось молчание.

- И что будет потом? - негромко спросил канцлер.

- Не имею ни малейшего понятия. Повторяю, Одо: я сумел облегчить ее состояние, но излечить не способен. Никто на это не способен. Поэтому, Богиней тебя заклинаю, поскорее найди Эве мужа, а уж о том, чтобы она сумела зачать и выносить наследника, я позабочусь. Тело ее вполне здорово, поэтому препятствий не вижу. Немного зачаровать супруга - не проблема, даже твои маги на это способны!

- Я подумаю об этом, - после долгой паузы ответил канцлер. - Благодарю вас за участие, мэтр Оллен. Если бы вы только еще не пропадали бесследно...

- Ну, я ведь появился, когда в том возникла необходимость.

- А если бы... двойник погиб сегодня?

- Эту девицу, скажу я тебе, Одо, оглоблей не перешибешь, - доверительно произнес маг. - Приютские серые мышки - не все, но некоторые, и эта из их числа, - вовсе не мышки, а крысы, которые, как тебе известно, живучи донельзя и очень опасны, в особенности если загнать их в угол.

- Довольно иносказаний, очень вас прошу, мэтр. У меня нет сил разгадывать их после этого бесконечного дня.

- Я говорю прямо, но ты упорно ищешь в моих словах двойной смысл, Одо, - мэтр Оллен негромко засмеялся. - К слову, могу тебя обрадовать: в жилах этой девицы действительно течет королевская кровь, пускай и немного. Судя по истории, которую тебе поведала директриса, с кем-то из королевского семейства согрешила бабушка этого самородка. С кем именно - сложно сказать. Но ты можешь поискать в архивах упоминания о том, кто из кузенов и прочих троюродных племянников тогдашнего короля находился в том городишке в нужное время. Может быть, даже он сам?

- Этого ещё не доставало...

- Какая разница? И не перебивай, дослушай.

- Я весь внимание, только вы ничего не...

- Не говорю прямо? Отнюдь! И я уже сказал: твоя привычка во всем искать второе дно когда-нибудь сослужит тебе дурную службу, Одо... - маг помолчал, потом продолжил: - Нам очень повезло, что в этой девице течет капля королевской крови, иначе она не выжила бы, как все ее предшественницы. Зато теперь в ней живет не только память Эвы, но и часть ее сознания. Совсем небольшая, но, вижу, ее вполне хватает для того, чтобы девушка не оступалась на каждом шагу.

- Верно, она сказала, что Эва говорит у нее в голове...

- Вот даже как! - похоже, мэтр Оллен удивился. - Интересно! Нужно будет исследовать ее, когда закончится это безвременье...

Я невольно вздрогнула. Лучше умереть, чем живой попасть в руки магу и сделаться подопытной зверюшкой!

- Рано говорить об этом, мэтр, - тихо сказал канцлер. - Вы же понимаете, эта девушка еще не раз нам пригодится.

- Конечно.

- К слову, почему она помнит не всех, кого должна бы помнить?

- Не имею понятия. Я впервые успешно проделал подобное, поэтому не имел

возможности изучить побочные эффекты. Кого именно она не помнит?

- Некоторых людей из ближайшего окружения, - обтекаемо ответил канцлер.

- Хм... Возможно, Эва подсознательно не желала делиться этими воспоминаниями, - пробормотал маг. - Ну да неважно, основное у двойника в голове держится, и на том скажи спасибо!

- Спасибо, - не без иронии ответил канцлер.

- Ты опять сбил меня с мысли, Одо! Что за манера... Я хотел сказать: Эву нужно выдать замуж, и как можно скорее. За кого - тебе решать. Уверен, у тебя имеются досье на всех возможных кандидатов. И, в конце концов, ты регент, так что ответственность тоже на тебе.

Воцарилось молчание.

- И как вы это себе представляете?

- Очень просто. Если наш двойник способен выдержать праздничную церемонию, свадебную выдержит тем более, особенно если я заранее озабочусь кое-какими приготовлениями. И, опять-таки, если Эва все же не сумеет зачать, снова придется постараться двойнику.

На этот раз пауза оказалась вдвое дольше.

- Что так смотришь? - первым нарушил молчание мэтр Оллен. - Эта девица тоже вполне здорова, хоть и недокормлена. Ну а как отвести глаза будущему супругу... положишься на меня.

- Непременно, мэтр Оллен, - сухо ответил канцлер. - Но об этом говорить еще рано. Тем более...

- Не давай ей слишком много воли, Одо, - перебил маг. - Я слышан о ее подвигах, а это ведь только начало! Если она почувствует вкус власти... и если ты вдруг решишь, что фальшивая Эва лучше настоящей...

- Вы убьете нас обоих, - будничным тоном завершил тот. - Желаю удачи. С удовольствием понаблюдал бы, как вы разбираетесь с этим... хм... наследством, но вы же не станете. Испаритесь, как обычно, а что будет с настоящей Эвой и всей Дагнаррой, вам все равно, так?

Снова воцарилась тишина.

- Ну-ну, продолжай считать, будто тебе одному есть дело до происходящего, - непонятно сказал маг, а потом, наверно, исчез, потому что канцлер громко и с чувством выругался. И, кажется, что-то швырнул в стену: иначе откуда этот грохот и звон?

ГЛАВА 13

Когда канцлер вошел в комнату, я изо всех сил постаралась притвориться спящей, но не преуспела.

- Много успели услышать? - спросил он, даже не думая поинтересоваться, как я себя чувствую. Впрочем, если мэтр Оллен был здесь, уж наверно, он меня осмотрел и сделал вывод, что ничего страшного со мной не стряслось. А обморок... случается подобное с девушками, тем более, после такого испытания.

- Не слишком, - не открывая глаз, ответила я. Даже за закрытыми веками было светло, наверно, канцлер принес с собой лампу или активировал магический светильник. - Только то, что было после того, как вы накричали на мэтра Оллена.

- Я почти все время на него кричал, поэтому ответ ваш не слишком информативен. Конкретнее сказать можете? Или вам все ещё дурно?

- Нет, я в порядке... почти, - приоткрыв глаза, я тут же вновь зажмурилась, потому что свет показался мне слишком ярким. - Я слышала, как он говорил про какую-то новую методику. А потом - что спрятал разум ее величества в детстве. Правда, не совсем поняла, как это...

- Думаете, я понял?

Диван скрипнул и просел: это канцлер опустился рядом со мной, я чувствовала тепло его тела даже сквозь несколько слоев материи.

- Чтобы разобрать слова мэтра Оллена, и, главное, правильно их истолковать, нужно быть магом высшей категории, а таких на всем континенте - по пальцам одной руки перечесть. Дагнаре повезло заполучить лучшего из них.

- Вот уж повезло так повезло... - пробормотала я, привстала и привычным уже движением подобрала под себя ноги, чтобы не касаться Одо коленом: это было крайне неловко.

Канцлер никак не отреагировал ни на мою дерзость, ни на движение, он смотрел куда-то в пустоту, а я не осмеливалась его потревожить. Вместо этого стала размышлять: как же это мэтр Оллен проделал подобное с настоящей королевой? Наверно, решила я, так же, как взял у нее воспоминания для... так и просились слова «обряд» и «ритуал», но я выбрала «эксперимент».

Ведь не сам же Одо выбирал эти воспоминания, верно? Он колдовать не умеет, во всяком случае, не упоминал об этом. В любом случае, даже если на что-то он и способен, то так, по мелочи: я читала где-то, что развитая интуиция, умение читать по лицам эмоции людей, отличать ложь от правды, - все это может быть проявлением скрытого или очень слабого магического дара. Такие люди часто делают карьеру, вот как Одо, другие становятся успешными предпринимателями, даже врачами... а иногда - удачливыми мошенниками.

В любом случае, с извлечением воспоминаний канцлер не справится. Значит, этим занимался мэтр Оллен, равно как пытался потом перенести воспоминания Дагны-Эвлоры в разум других девушек - безуспешно, пока не подвернулась я. А раз так, то он вполне мог не скопировать эти самые воспоминания полностью, как ученицы в пансионе переписывали в наказание целые главы из скучных старых книг, а взять и стереть некоторые. Или просто вырвать махом несколько страниц и отложить их в сторону - вдруг понадобится вклеить обратно?

Наверно, сам мэтр посмеялся бы, услышав мои рассуждения, но откуда мне знать, как работают маги? Разве что из сказок и романов, но там ведь не описывают подробности.

- Всё очень плохо, Одо? - спросила я наконец.

- Ну что вы, сударыня, - ответил он и едва заметно улыбнулся. - Мой отец любил повторять: никогда не может быть настолько плохо, чтобы не могло стать ещё хуже.

- А почему герцог Тамай сказал, что терпеть не мог вашего батюшку?

- Потому что это чистая правда.

- Это не ответ.

- Сударыня, если я возьмусь пересказывать все тонкости отношений, которые связывали Тамая с моим отцом, мы здесь зазимуем.

- О... простите, я не хотела... - до меня дошло наконец, что я веду себя неприлично. - А где мы? Вроде бы не в особняке...

- В надежном месте. Здесь сейчас пусто, поэтому я мог сколько угодно повышать голос, а мэтр Оллен - швыряться молниями, никто бы не заметил.

- Это сюда нас перенес ваш портал в прошлый раз? Было так же холодно...

- Вам не кажется, сударыня, что вы проявляете чрезмерное любопытство в отношении тех вещей, которые вас не касаются?

Я только голову опустила: могла бы и сама сообразить, что у него при себе имеется не один портал.

Канцлер вдруг подвинулся ближе, и я невольно отпрянула, вжимаясь в спинку дивана.

- Чего вы так перепугались? - недоуменно спросил он. - Ах да, я забыл, что вы начитанная девица, а в этих книжонках непременно наличествует заброшенное родовое гнездо, одинокий и никем не понятый герой, а также прелестная юная героиня, с каковой страдалец предается низменной страсти на проеденном мышами диване. Не переживайте, я еще не настолько исстрадался.

- Но откуда вы знаете?.. - выпалила я прежде, чем успела обидеться.

- Оттуда, что Эва тоже обожает эти книжонки, поэтому я вынужденно ознакомился с несколькими образчиками жанра, чтобы быть в курсе ее увлечений. Запретить бы не вышло: не станешь ведь обыскивать каждую свитскую девицу и горничную? А они наловчились проносить эту, с позволения сказать, литературу под юбками... Да и какое я имею право запрещать королеве отдыхать с книгами, какими бы пошлыми они мне ни казались?

- О... сочувствую, - вырвалось у меня.

Догадываюсь, каково взрослому и наверняка умудренному опытом мужчине было читать эти «слезы в сахарной глазури», как называла подобные книги госпожа Увве! Помню, как она, брезгливо держа за краешек кончиками пальцев, уносила очередное найденное во время проверки личных вещей пансионеров крамольное сочинение, чтобы сжечь в камине. Правда, подозреваю, сначала она сама прочитывала его от корки до корки, и самые понравившиеся книги оставляла у себя, иначе откуда в ее библиотечке несколько довольно затрепанных «образчиков жанра», как выразился Одо?

- Это были худшие часы в моей жизни, как мне тогда казалось. Знал бы я, как ошибся... - усмехнулся он и велел: - Дайте мне руку.

Я послушалась, и он цепко взял меня за запястье, а указательным пальцем свободной руки провел по моей ладони, будто намечая место. Кажется, я угадала верно, потому что следом он приказал, сцепив наши руки:

- Держитесь, что есть сил, и не отпускайте. Предупреждаю: будет больно.

Больно - не то слово! Кажется, такого я не испытывала, даже когда в детстве опрокинула себе на колени кружку с кипятком - остался заметный шрам. Я мельком подумала: надо сказать о нем Одо, ведь у королевы такого нет, но тут же сообразила, что Нэна наверняка уже доложила обо всех отметинах на моем теле...

- Всё, можете не держать, - услышала я голос канцлера и разжала пальцы - на его кисти остались белые следы. - Покажите-ка..

Он повернул мою руку ладонью вверх, и я поразилась – на ней лежала будто бы раскаленная добела монета. Неудивительно, что было так больно... Монета эта медленно остывала, пропадавал и блеск, куда вообще не угадывал.

- Это портал, - предвосхитил мой вопрос канцлер. - К сожалению, односторонний. Если вы задействуете его в случае какой-то беды, он перенесет вас в то место, которое будет наиболее безопасным для вас на тот момент, или же то, которое вы сочтете таковым. Меня он, сколько бы я ни пробовал, всегда переносил сюда.

- А что это за место? - все же не выдержала я и сжала пальцы, по-прежнему чувствуя на ладони невидимую монету, тяжелую, горячую. - Я помню, ваш перстень – портал куда угодно, только ненадолго, а этот куда нас занес?

- В Химмелиц.

- Вот как...

- Странно, не правда ли, что родной дом кажется мне лучшим убежищем?

- А почему вы не воспользовались им, когда забирали меня из пансионата? Было бы намного быстрее, разве нет? То есть, я догадалась, что мы не просто так домчались до столицы в считанные часы, это тоже был портал, но разве вы не говорили, что время дорого?

- Говорил. Но не хотел перепугать вас насмерть сразу же. Хотя... Подозреваю, вы не слишком бы испугались. Часть вашей натуры явно отличается авантюризмом и любовью к сомнительным приключениям.

- Я никогда ничего подобного не...

- У вас просто не было такой возможности, - утешил канцлер. - И, очень вас прошу, не вздумайте начать экспериментировать. Не до того сейчас.

- А как активировать портал, Одо? - спросила я, чтобы сменить тему.

- Сожмите руку крепче и представьте укромный уголок. Только, повторяю, вас может выбросить вообще туда, куда вам хочется попасть, а в то место, которое вы в глубине сердца считаете наиболее безопасным. Не удивлюсь, если это окажется ваш приют.

- Пансион.

- Да, конечно. Только не будем проверять сию минуту, хорошо? Мне не хочется разыскивать вас по всей стране. Этот портал – на самый крайний случай.

- Понимаю... - я посмотрела на ладонь. На ней и следа не осталось, но мне чудилось, что под кожей все еще светится золотой кружок. - А что, если меня вынесет сюда? Вы сказали, тут никого нет, и как же мне быть? Я замерзну прежде, чем вы меня отыщете...

«А если искать будет некому, тем более», - добавила я мысленно.

- Не замерзнете, даже если будете в летнем платье: пансионерки намного крепче, чем кажутся, я это уже понял. Да и тряпья здесь хватает, найдете, во что завернуться, вон хоть в медвежью шкуру... Печи и камины в порядке, дрова есть... Справитесь, полагаю: вас же учили домоводству, так? Я иногда наезжаю сюда... наезжал, когда было время, - поправился канцлер, - поэтому дом содержат в порядке. А вниз по склону, в какой-то сотне шагов, - сторожка. Там вас приютят и обогреют. Правда, если снаружи будет пурга, рекомендую ее переждать, иначе до сторожки вы не доберетесь.

- Хорошо. Но что может такого случиться, чтобы мне пришлось использовать ваш портал? И как вы сами без него обойдетесь?

- Вы предполагаете, сударыня, у меня один такой? Не считая перстня? Обо мне не беспокойтесь.

- Вы не ответили на мой первый вопрос, - упрямо сказала я. - Что может мне

угрожать?

- Всё, что угодно, - сказал он.

- Сегодня... Я не успела бы воспользоваться порталом. И вы бы не успели, разве не так? И в следующий раз...

- Не думаю, что противник будет настолько глуп, что повторит такой ход. Тем более, у него и подходящей возможности не будет вплоть до Зимнего праздника.

- А... неизвестно еще, кто это сделал и почему?

- Мне доложили, что бомбиста почти сразу же скрутили какие-то лавочники, чуть не забили до смерти, но вовремя опомнились и передали гвардейцам... которые тоже с ним не церемонились. Несовместимых с жизнью повреждений у него нет, так что он ждет настоящего допроса.

- Скажите, чтобы этих людей наградили, - тихо сказала я. - Хотя бы символически.

- Без вас бы не догадался.

- Наверно, нам уже пора? Мэтр Оллен снова исчез, у вас столько дел...

- Не желаете поприсутствовать на допросе? - неожиданно спросил канцлер.

- Я?.. Но чего ради?

- Некоторые персоны удивительно остро реагируют на вид несостоявшейся жертвы. Если этот бомбист из идейных, его такое не проймет, но в ином случае... Попытаться стоит. Если вы не возражаете, конечно.

- Не возражаю, - быстро ответила я. - Только, наверно, нужно переодеться? Чтобы выглядеть... ну... вовсе уж невинной жертвой. И еще...

- Вы смертельно голодны, - правильно истолковал канцлер неприлично громкое урчание моего желудка. - Ничего. Преступник подождет, пока вы позавтракаете.

- Разве уже утро?

- Да, вы довольно долго проспали. Вернее, обморок перешел в глубокий сон, а я решил, что не следует вас будить. И я составлю вам компанию, с вашего позволения: тоже кусок в горло не лез за праздничным столом.

- Конечно!

- Тогда идемте, - он протянул руку. - Хотя... Вероятно, лучше отложить дело на завтра? Вам хватило острых впечатлений, нужно бы отдохнуть. Бомбист уже никуда не убежит.

- Мне только на балу сделалось дурно, - покачала я головой. - М-м-м... может, от голода? И от переживаний, конечно же. А теперь уже совсем не страшно, и... Вдруг он все-таки сбежит? Или ему помогут? Что, если у него есть такой вот портал?

- Это проверили в первую очередь, а что до прочего... Поверьте, несколько затруднительно бегать с переломанными ногами, - усмехнулся канцлер и подал мне руку. - Идемте, сударыня. Нас ждет очередной безумный день...

- Одо, - спросила я за завтраком, - а откуда вдруг появился мэтр Оллен? Вы ведь говорили, что его невозможно разыскать, если он сам того не пожелает, верно? И как он узнал, что мы с вами в Химмелице?

- Хороший вопрос... Я его задал, разумеется, однако ответа, как обычно, не получил. Полагаю, он отследил использование портала, а поскольку знал, что без крайней на то необходимости я его не применю, то последовал за нами.

- А как догадался, куда именно? Вы обсуждали с ним... ну... самое безопасное место?

- Нет. Но он достаточно хорошо меня знает, поэтому, полагаю, не слишком долго размышлял, куда я мог подеваться. Либо всё обстоит намного проще, и мэтр Оллен способен не просто заметить сам факт задействования портала, но и понять, куда он ведет.

- Вот оно как... Даже издали?

- Не удивлюсь, если он наблюдал за нами из толпы во время шествия, скрывшись под чужой личиной, а затем проследовал во дворец.

- И его, конечно же, никто не сумел обнаружить... - пробормотала я. - Этак я однажды найду его у себя под кроватью.

- Я бы не удивился.

- Одо, а тот, другой портал мэтр Оллен заметить не сумеет?

- Нет. Я же сказал - его зачаровывали тогда, когда мэтра и на свете не было, а он живет уже очень долго. И это... - губы его сжались в тонкую линию, - пожалуй, мое единственное преимущество. Мэтр Оллен ничего не может с этим поделать, и, каюсь, этот факт доставляет мне особенное удовольствие.

- Почему не может?

- Потому что снять этот перстень могу только я и только по доброй воле. Ни принуждение, ни шантаж не сработают. Даже если кто-то будет держать нож у моего горла или, хуже того, горла Эвы, ничего не выйдет. Старые мастера знали свое дело.

- А как же вы его получили? - не поняла я.

- Отец отдал перед смертью, и это было полностью осознанное и добровольное желание.

- Но что, если...

- Мне отрежут палец? - криво улыбнулся он. - Не поможет. Перстень не дастся в руки чужаку. Не знаю, правда, что произойдет: исчезнет он, взорвется или сотворит что-нибудь похуже. Проверять не тянет, знаете ли. А вот с трупа его забрать, думаю, можно: если бы отец не успел вызвать меня к себе и передать перстень, мне пришлось бы снимать его самому. Но опять же: не представляю, способен на подобное только родственник или кто угодно, равно как и то, станет ли перстень служить мародеру.

- И проверять ну ни капли не тянет... - повторила я его слова и вдруг спохватилась: - Одо, вы так просто рассказываете об этом, а ведь нас сейчас могут подслушивать! Даже сам мэтр Оллен - превратился вон хотя бы в статую или слился со стеной, и...

- Полагаете, он не знает, чем я владею? Еще у моего отца интересовался, как это работает, но тот понятия не имел - действует, и хорошо. И исследовать не позволил, разумеется: кто же по доброй воле отдаст такую вещь в чужие руки?

- А не может он убедить вас подарить ему перстень? Вот так заберется в голову, как... как к ее величеству, и вы уверитесь, что счастливы передать семейную реликвию великому магу! Вдруг древние мастера встроили в ваш перстень не только портал, а еще что-нибудь полезное? А мэтр Оллен это изучит и использует во благо Дагнары и... и Эвы...

- Не считайте себя умнее взрослых людей, сударыня, - ответил канцлер, самую малость изменившись в лице. Очевидно, такая мысль приходила ему в голову, а я попала по большому месту. - Разумеется, я не могу отрицать подобной вероятности. И именно поэтому стараюсь пореже общаться с мэтром. К сожалению, в последнее время я вынужден это делать, но не испытываю от этого ни малейшего удовольствия, поверьте.

Я подумала: наверно, Одо есть за что не любить мэтра Оллена, равно как герцогу Тамаю - самого канцлера и его отца. Только, пожалуй, расспрашивать об этом не следует: лицо у Одо и без того мрачнее некуда, вряд ли ему захочется вспоминать о таких вещах. Может, когда-нибудь после... Если наступит это «после», конечно.

- Нам пора, - сказал канцлер, взглянув на часы.

Странное дело, я перестала вздрагивать, услышав звонкое «так!». Привыкла, должно быть, как привыкла в пансионе к манере госпожи Линке очень громко стучать по столу или по доске указкой, если ей казалось, будто класс расшумелся или, скажем, кто-то тайком переговаривается во время самостоятельной работы.

- Подите переоденьтесь, сударыня. Не в домашнем же отправляться в казематы.

Нэна, к моему удивлению, не сказала мне ни слова, молча подала скромное платье, похожее на то, что я носила в пансионе, только, конечно, намного лучше сшитое. А вот горничные трещали, не умолкая. Эм больше всего сокрушалась о безвозвратно погибшем праздничном платье - кровь ничем не выведешь. Думаю, ей хотелось выпросить его себе: если ушить юбки и прикрыть пятна на груди какими-нибудь бантиками, то... Нет, о чем я думаю: Эм выше меня на голову и намного массивнее, на нее мой наряд попросту не налезет! Но, может, у нее есть какая-нибудь младшая родственница, сестра или племянница? Потом спрошу, решила я, а пока велела не выбрасывать платье.

Конечно, я его уже не надену - к следующему Осеннему празднику вырасту... если вообще доживу, да и не принято дважды показываться в одном и том же туалете. Но вдруг и впрямь одарю им кого-нибудь? Кажется, при дворе такое в ходу: я слышала, некоторые свитские девицы гордились платьями с плеча королевы, порой вовсе не ношенными. Не Дагны-Эвлоры, конечно, ее матери...

Еще я спросила наивно: может, мэтр Оллен поможет спасти наряд, когда объявится? На это уже Эн разразилась смехом, а потом долго извинялась, но я ее не осудила: тоже представила выражение лица почтенного мага, лучшего из лучших, в тот момент, когда ему предложат почистить старое платье королевы!

К слову, в доставшейся мне памяти Эвы ничего не удалось найти касаемо истинного ее отношения к мэтру Оллину. Хотя, возможно, она просто не задумывалась о том, к кому привыкла с детства? Кажется, он был для нее кем-то вроде немного чудаковатого дядюшки, который появляется время от времени, показывает волшебные фокусы, о чем-то говорит с родителями, а потом вновь испаряется. Потом, с момента катастрофы, мэтр Оллен стал мелькать в ее воспоминаниях чаще, но тогда Дагна-Эвлора воспринимала его просто как врача, одного из тех, кто пичкал ее горькими лекарствами и мучил неприятными процедурами. Пожимала, конечно, что после его визитов ей ненадолго становится легче, но и только... Но были ли это ее настоящие воспоминания?

- Его превосходительство ждет, - напомнила Нэна, и я очнулась.

В самом деле, некогда предаваться рассуждениям...

Казематы представлялись мне темными и холодными мрачными подвалами, где с оклизлых каменных стен капает вода, под ногами шныряют большущие крысы - их маленькие глазки взблескивают кроваво-красным в отсветах факелов. За зарешеченными окошечками массивных, окованных металлом дверей кто-то возится и стонет, зовет на помощь и обещает раскататься, ругается и звенит кандалами... И уж конечно, там ужасно пахнет: воздух затхлый, спертый, запах нечистот, невымытых тел, болезней и скверной еды никак не выветривается из этих подземелий...

Ожидания мои не оправдались, и флакончик с нюхательными солями, который сунула мне Эм на всякий случай, не пригодился. И хорошо: я никогда ими не пользовалась, так вдруг от этих солей мне сделалось бы еще хуже?

Мы оказались в просторном светлом помещении, больше похожем на какую-то контору или иное присутственное место: письменные столы, секретеры и массивные шкафы, полки которых уставлены были пухлыми папками и книгами самого потрепанного вида. Я успела прочитать несколько названий - это оказались своды законов и кодексов Дагнары и сопредельных стран. Наверно, с ними частенько сверялись...

Вот только окна здесь были зарешечены - сквозь толстые прутья и ребенок бы руку не просунул, а рамы, мне показалось, вовсе не должны открываться. Ну верно: ни петель, ни ручек. Однако здесь было достаточно свежо, даже прохладно: наверно, действовали какие-то чары, либо же просто так хитро устроили вентиляцию.

Я увидела портрет Дагны-Эвлоры на стене напротив входа – она надменно смотрела на вошедших, – и невольно отвела глаза. У госпожи Увве в кабинете висел портрет его величества, и она до сих пор его не сменила, хотя в большом зале давно уже красовалась новая королева, изображенная в полный рост. Интересно, почему? Просто не успела? Или ей казалось нелепым вешать на почетное место изображение девочки, по возрасту не отличающейся от воспитанниц? Ах, какая разница...

– Ваше превосходительство! Не ждал вас так рано... – из боковой двери появился крупный, грузный даже мужчина в темно-синем мундире с полковничьими знаками различия.

Интересно, почему не генеральскими? Неужели расследованием покушения на королеву занимается обычный полковник? «Обычный, надо же! – одернула я себя. – Наверно, генерал руководит, а остальные... остальные пишут бумаги и допрашивают злоумышленника».

– Ваше... ваше величество?.. – заметил он меня за спиной канцлера, и я чуть было не присела в реверансе по въевшейся привычке. – Полковник Ран Аннард, к вашим услугам...

Не каждый день к пансионеркам обращались подобные чины, но если вдруг на прогулке какой-нибудь офицер приветствовал нас, мы должны были ответить подобающе. То-то бы удивился этот солидный полковник!

– Оставьте церемонии, прошу, – произнесла я, когда присутствующие в своем рвении поприветствовать королеву едва не своротили столы.

– Это неофициальный визит, – негромко добавил канцлер, и все стихло. – Ее величество пожелала присутствовать при допросе злоумышленника. Я не мог ей отказать. Надеюсь, мы не доставим лишних хлопот, господа?

– никоим образом, ваше превосходительство, однако... следует ли ее величеству видеть... гхм...

– Да, я хочу все увидеть собственными глазами, – не дала я ему договорить. Не то, быть может, сдала бы назад, узнав какие-нибудь подробности.

– Как будет угодно вашему величеству, – полковник наклонил голову так низко, что я увидела намечающуюся лысину: он так коротко стриг волосы, что ее было почти и не разглядеть. Вероятно, он полагал, что лучше быть вовсе лысым, чем плешивым. – Данкир, прикажите доставить задержанного в большую допросную, да поживее!

– Сию минуту, ваше превосходительство, – отозвался худощавый юноша и испарился. Я не успела разглядеть его знаки различия, но, наверно, это был самый низший чин из допущенных к этому делу.

К сожалению, я до сих пор путалась в этих самых знаках, равно как и в правилах именовании, и память Дагны-Эвлоры мне помочь не могла: она вообще не думала о такой ерунде. Выручало, конечно, то, что королева любого может назвать просто герцогом или полковником, а то и по фамилии, но вдруг в какой-то определенный момент это прозвучит как оскорбление? Нет, непременно надо прицалечь на придворный этикет, подумала я. Праздник миновал, свободного от всяких примерок времени будет побольше... возможно.

– Прошу, ваше величество, – произнес полковник, и я последовала за ним.

Может, хотя бы на этот раз увижу настоящие казематы, как в романах?

ГЛАВА 14

К сожалению или к счастью, надежды мои не оправдались: допросная оказалась обычной комнатой, разве что мебели там почти не было – стол и несколько стульев, только что окна не зарешечены – их вовсе не было. Свет, очень похожий на дневной, давали магические светильники. Он казался каким-то неестественным, от него слезились глаза: то ли из-за яркости, то ли из-за оттенка свечения. Впрочем, сотрудники явно к нему привыкли и не обращали внимания на неудобства, а я всегда могла поднести к глазам платочек и сделать вид, будто вспоминаю страшный эпизод покушения или даже печалюсь об участи преступника.

Его привели – он очень сильно хромал.

– Разве вы не сказали, что ему переломали ноги? – едва слышно спросила я Одо.

– Вы полагали, его оставили как есть? Этак он умрет прежде, чем скажет нечто полезное. А залечить простые переломы не так уж сложно даже для простого мага.

Я не ошиблась – на злоумышленнике была студенческая шинель, но такая потрепанная... Насколько я знала из разговоров старших девочек – у некоторых имелись братья и даже поклонники, – студенты очень гордились своей принадлежностью к тому или иному учебному заведению, а потому берегли одежду, как могли. Даже если брали подержанную – новая не всякому по карману, – старались содержать в чистоте и уж знаки своего института и тем более университета никогда бы не спорили. А я видела – на рукавах этого юноши темнеют небольшие прямоугольники. Сама шинель выцвела от времени, но под отпоротыми значками сохранила первоначальный густо-зеленый цвет.

Может, он и не студент вовсе? Просто разжился по случаю этой шинелью у старьевщика или вовсе украл...

Впрочем, лезть со своими замечаниями я не собиралась. Наверно, следователи сами заметили очевидное даже для меня?

– Ваше величество, – полковник подвинул мне стул, и я присела на краешек. – Вот, извольте полюбоваться – тот самый бомбист.

– Действительно он? – усомнилась я, присмотревшись. – Я думала, у преступников печать зла на челе, как клеймо у каторжников, а этот юноша совсем не похож на злодея. Он даже немного похож на Эда, как вы полагаете, ваше превосходительство?

– Разве только цветом волос, – отозвался канцлер. Кажется, он уже не радовался собственной затее.

– Да нет же, я не о портретном сходстве, а о внешности в целом! Такой приятный молодой человек – и вдруг пошел на преступление.. Может, его околдовали?

– Никак нет, ваше величество, – тут же ответил полковник. – Проверено досконально: никаких серьезных заклятий на нем не было.

– А несерьезных? – зачем-то спросила я.

– Данкир?

– Три амулета создания незаметности – такие в любой лавке по десять наров продаются. Благодаря им он ухитрился подобраться так близко: пускай и слабенькие, в толпе они сработали, потому что общий фон...

– Покороче, Данкир!

– Как прикажете. Кроме того, ещё амулет на удачу – эти идут по двадцать наров, но никогда толком не действуют, как и в этом случае. Больше ничего, ваше превосходительство, – немедленно отозвался худошавый юноша. – Либо даже придворные маги не смогли этого обнаружить, простите за дерзость. А привлечь мэтра Оллена мы никак не можем, к моему превеликому сожалению.

– Благодарю, Данкир, – кивнул полковник.

- А сам бомбист что говорит? - поинтересовался канцлер.

- Почти ничего, исключая ругательства, ваше превосходительство. Но вы ведь запретили его пытаться, поэтому...

- О, думаю, самое время начать, - едва заметно улыбнулся тот. - Верните ему дар речи, будьте любезны.

А я-то ещё удивлялась, почему пленник не сыплет проклятиями в наш адрес, не грозит карами, не умоляет о пощаде, наконец, а только сверкает глазами... Он просто не мог вымолвить ни слова!

- Сию минуту, ваше превосходительство, - ответил Данкир и провел рукой над головой «студента».

У меня на мгновение заложило уши, и я сообразила: да ведь этот юноша - тоже маг! Такой молодой! Впрочем... если дар есть, то он проявляется ещё в детстве. И вовсе не обязательно магу быть убеленным сединами или лысым, как мэтр Оллен, чтобы выполнять свою работу. Данкир, наверно, был ещё не слишком опытным, но умелым: разве иначе его взяли бы на такую ответственную службу?

- Можешь говорить, но изволь воздержаться от ругательств в присутствии ее величества, - холодно и невыразительно произнес полковник.

- Ничего я вам не скажу! - гордо ответил пленник, выпрямился, насколько это было возможно со скованными за спиной руками. - Не скажу ничего! Чтоб провалиться вам всем к Безымянной, чтобы вас там...

- С вашего позволения, ваше величество, его выражения - не для ваших ушей, - быстро проговорил полковник, сделав магу знак снова утихомирить юношу. - Поверите ли - конвоиры краснеют.

- Ничего страшного, сударь, - улыбнулась я. - Слова не грязь - не прилипнут. К тому же, я даже не понимаю, ругательства это или что-то иное...

В самом деле, откуда юной королеве знать площадную брань? Но ведь она знает, тут же мелькнуло в голове. Одо говорил: Дагна-Эвлора во время припадков ругается последними словами. Может, слышала во дворце от гвардейцев? Или от отца: насколько я поняла, он не очень-то сдерживался в выражениях, когда говорил с глазу на глаз с тем же канцлером... Неважно!

- Откуда он родом? - спросила я.

- По его уверениям, с юга Дагнары. Данкир не может обнаружить лжи в этом утверждении, - ответил полковник.

- Я прекрасно знаю тамошних уроженцев, и этот человек не оттуда родом. У него совершенно другой акцент, иная манера речи, да что там - даже проклятия другие, - заметил канцлер. - Я уже имел удовольствие их слышать и уверен, что не ошибаюсь.

- Почему?

- вспомните дядюшку Тамая, - был ответ, и я едва не хлопнула себя по лбу.

- Неужели он настолько хорошо лжет, что никто не в состоянии этого распознать?

- Мэтр Оллен, вероятно, в состоянии, ваше величество, - сказал Данкир. В его светлоголубых, очень ярких глазах читалась обида. - Только как его найти? А я, с вашего позволения, всего лишь младший чиновный маг при следственном управлении.

- Будет вам, - полковник махнул рукой. - Сами же сказали: придворные маги тоже ничего не нашли, а это значит...

- Его заколдовал кто-то очень сильный? Или вовсе не заколдовывал? - перебила я.

- Попробуем выяснить, ваше величество. Но я еще раз предупреждаю, зрелище может оказаться слишком... гм... неприятным для столь юной девушки, поэтому...

- Более неприятным, чем взорванная карета, лошади с выпущенными кишками, израненные люди кругом? - не сдержалась я. - Тогда я, кажется, если и лишилась чувств, то ненадолго, верно, Одо?

- Да, вы почти сразу же очнулись и принялись распоряжаться, требовать врачей для раненых и так далее.

- О, сам я этого не видел, потому что дежурил в управлении, - вставил Данкир, которого, кажется, присутствие высоких чинов и даже королевы не слишком смущало. Я невольно подумала: эта черта сходна что у молодого мага, что у умудренного годами мэтра Оллена. - Однако рассказы по городу ходят самые невероятные. Например, уверяют, что ее величество лично перевязала раненого кучера. Или вовсе исцелила прикосновением, есть и такая версия.

- Это преувеличение, - я немного смутилась. - Но некоторые детали моего и не только моего туалета действительно пошли на повязки.

- О! - повторил Данкир глядя на меня со все возрастающим интересом. - Я не отказался бы пострадать в том или подобном инциденте, если бы ваше величество изволили перевязать меня своим шарфом...

- Данкир... - простонал полковник.

Конвоиры, по-моему, едва сдерживали ухмылки.

- Вам бы не понравилось, - сказала я. - Несчастный едва не истек кровью... К слову, Одо, вам не докладывали, что с ним сейчас?

- Лежит в королевском военном госпитале. Вы же распорядились отправить раненых туда и оказать им всю возможную помощь. И тех двоих оборванцев туда же направили - в качестве наблюдателей. А что из этого вышло, я вам после расскажу, - ядовито улыбнулся канцлер. - Так вот, кучер... Состояние его оценивают как крайне тяжелое. Вероятно, лишится зрения - лицо сильно пострадало. Возможно, придется отнять руку. Чудо, что он вообще выжил - был нафарширован осколками, как... даже сравнения сходу не подберу. Остальные пострадавшие на его фоне, если можно так выразиться, отделались легким испугом и парой царапин.

- Пожалуй, я обойдусь без шарфа ее величества... - пробормотал Данкир, а я сказала:

- Напомните мне, Одо, что я должна посетить раненых.

Мне очень кстати вспомнилось: во время войны ее величество и многие знатные дамы посещали госпитали и даже немного помогали измученным наплывом раненых врачам. Полагаю, помощь эта заключалась в том, чтобы поддержать что-нибудь не очень тяжелое, позировав на камеру, посидеть с раненым бойцом несколько минут, подбадривая и утешая, раздать памятные подарки выздоравливающим... Но, судя по всему, даже такое участие воодушевляло раненых. Следовательно, мне нужно придерживаться той же манеры поведения... Да и странно будет, если королева совершенно позабудет о людях, которые пострадали пускай не по ее вине, но все-таки - из-за нее! К тому же я обещала наградить тех двоих, врача и цирюльника, надо только придумать, как именно...

- Непременно напомню, - перебил мои мысли Одо, - визит запланирован на ближайшие дни.

Ну вот, решила поумничать, а оказалось, что все решено за меня...

- К делу, - напомнил канцлер, и секретарь нацелился пером на бумагу. - Аннард?

- Да, ваше превосходительство. Итак, всё, что нам известно о задержанном, это предположительное место его рождения... что еще предстоит уточнить, а также имя, которым он назвался после... хм... долгих уговоров.

- Господин полковник имеет в виду, что мы пригрозили оставить его на сутки без болеутоляющего и тем более без врачебной помощи, - пояснил Данкир. - А как помнит ее величество, добрые лавочки, которые поймали негодяя, изрядно его отделали.

- Данкир, вы не могли бы наложить заклятие немоты на самого себя? - устало спросил полковник. Сдается мне, уже не в первый раз.

- К несчастью - для вас и окружающих, разумеется, - это невозможно. Вернее, технически-то возможно, только как я потом себя расколдую, если буду нем как рыба? Хотя, конечно, задача интересная, надо поразмыслить над ней на досуге...

- Но вы же этого человека расколдовали молча, - удивилась я.

- Так ведь он не маг, ваше величество. Для него вполне достаточно обычного жестового заклинания. А я, хоть и не покорила ещё вершины мастерства, доступные мэтру Оллену, все-таки не самый захудалый маг... хотя повышения мне не видать, как своих ушей, судя по выражению лица господина полковника. Поэтому - я имею в виду, потому, что я хороший маг, а не из-за отсутствия повышения, - для того, чтобы заколдовать себя и потом расколдовать, мне придется приложить немалые усилия. Если мне позволено будет прибегнуть к сравнению, это примерно то же самое, что поднять себя самого за волосы.

- Это же невозможно... Ой, то есть обычному человеку невозможно, а вы маг! - улыбнулась я и подумала, что не отказалась бы посмотреть на такое.

- Именно, ваше величество, - ответил широкой улыбкой Данкир. - А вот с ушами все обстоит намного плачевнее...

- Возьмите зеркало и любуйтесь ими, сколько угодно, - перебил его канцлер. - Продолжайте, Аннард.

- Злоумышленник назвался Финном Рити. Никаких документов при нем не обнаружено. Вообще ничего: ни клочка бумаги, ни денег, ни каких-либо личных вещей. Сотрудники опрашивают горожан и своих информаторов, за сведения об этом субъекте объявлена награда. Также мы разослали соответствующие запросы соседям... Но, как вы понимаете, надежды на успех этих мероприятий немного. Ну а проверить истинность слов задержанного можно лишь прибегнув к взлому разума.

- Я это проделать не рискну, - вставил неугомонный Данкир. - Первый настоящий опыт на столь важном фигуранте... Нет, нет, ни за что! Вдруг я его угроблю? Угадайте, кто будет виноват? То есть, конечно, если мне отдадут приказ, желательнее, в письменном виде, с подписями и печатями, как полагается, тогда...

- Да помолчите же! - не выдержал и канцлер. - Что за представление вы тут устраиваете? Будто впервые видите августейшую особу в этом заведении...

- Гм... Его величество, конечно, иногда чтит нас своим присутствием, но ее величество мы действительно впервые видим так близко, ваше превосходительство, - снова не удержал язык за зубами Данкир. Полковник взглядом пообещал ему какие-то страшные кары, и молодой маг умолк.

- Иных зацепок нет?

- Нет, ваше превосходительство. Извольте ли знать... - тут полковник покосился на меня и произнес сконфуженно: - Его осмотрели... гм... досконально. Ни наколок, ни каких-либо отличительных знаков, ни родимых пятен, ни шрамов нет. Одежда, включая натальное белье, тоже ни о чем не говорит.

- Этот тряпье выглядит так, будто парень ограбил лавку старьевщика, - вставил Данкир, будто подслушал мои мысли о шинели. - Ну или стянул что-то с бельевого веревки на окраине. У него даже ботинки разные, можете себе представить? И оба левые!

- И при этом откуда-то у него взялся роскошный букет с аккуратно спрятанным внутри взрывным устройством, - кивнул канцлер. - А еще этот субъект умудрился точно рассчитать время и расстояние, протиснулся сквозь толпу в первые ряды, что не так уж просто, увернулся от гвардейцев оцепления, а затем с филигранной точностью бросил свой снаряд. Я видел - букет летел точно в руки ее величеству.

- Если бы вы не посоветовали отбрасывать эти дары, я бы его поймала, просто...

машинально, - сказала я и передернулась.

- Многовато нестыковок, ваше превосходительство, мы и сами видим, но поделаться ничего не можем, - мрачно произнес полковник. - По взрывному устройству: ничего из ряда вон выходящего. Никаких элементов, которые позволили бы вычислить принадлежность к той или иной группировке, дагнарской или зарубежной. Складывается впечатление, что оно собрано буквально... на чердаке каком-нибудь, а детали механизма долго и тщательно вытачивали вручную.

- Вы это сейчас серьезно говорите?

- Можете взглянуть на результаты экспертизы и на то, что удалось собрать на месте происшествия. Это ручная работа, ваше превосходительство, никаких заводских деталей. Я допускаю, что часть подобных была разрушена взрывом, но тем не менее...

- А взрывчатка? Только не говорите, будто и ее изготовили кустарным способом!

- Вы будете смеяться, ваше превосходительство, но, судя по заключениям экспертов, так оно и есть. Сохранившиеся частицы не соответствуют никаким из известных марок, ни современных, ни устаревших.

- Как хотите, но это уже что-то невероятное... либо же прекрасная подготовка, - канцлер впился взглядом в юношу. - Вот только почему у него, несмотря на все это, не было при себе портала?

- Ваше превосходительство, вы же сами распорядились: во время шествия на расстоянии трехсот шагов от кортежа никакие порталы действовать не должны, исключая ваши личные, - негромко напомнил полковник. - Об этом могли узнать.

- Я распорядился? - каким-то странным тоном произнес Одо. - Да, в самом деле... Но кто мог узнать об этом моем распоряжении? Узнать заранее и подготовить этот... акт?

- Не представляю, ваше превосходительство. Все связаны клятвой неразглашения, но порой достаточно случайно брошенного слова, чтобы заинтересованные персоны сделали определенные выводы. Не мне вам объяснять...

Я уже вовсе ничего не понимала. Данкир, судя по выражению лица, тоже, но слушал с превеликим вниманием. А вот Финн, кажется, о чем-то лихорадочно размышлял: у моей подруги Сэль делалось точно такое же лицо, когда она пыталась сочинить ответ у доски, не выучив урока и опираясь на наши подсказки, или во время экзамена, к которому не была готова.

- Господа, быть может, вы перейдете к делу, ради которого я здесь? Все, о чем вы говорите, чрезвычайно интересно, но это можно прочесть в документах, а задержанный сам себя не допросит, не так ли? - решила я наконец.

- Конечно, ваше величество, - отвлекся от беседы полковник. - Данкир...

Маг снова вернул дар речи Финну и первым делом тот выругался - длинно и цветисто. Но я не ошиблась: половины слов я не знала вовсе, а смысл ругательства от меня вовсе ускользнул, поэтому, если он надеялся смутить меня, то выбрал неправильную тактику.

- Позвольте, я задам ему вопрос, господа?

- Как вам будет угодно, ваше величество.

Я помолчала, разглядывая самое обычное, симпатичное даже лицо молодого человека, потом спросил негромко:

- Почему ты решил меня убить, Финн? За что? Что дурного я тебе сделала?

Он вдруг подавился очередным проклятием.

- Ты слышал, что вышло: пострадали другие люди, не я. О них ты даже не подумал? Жаль, нельзя отвезти тебя в госпиталь - пускай бы ты посмотрел на моего кучера...

- Это можно устроить, - встрял Данкир, - в смысле, сделать снимки пострадавшего, а я

обработаю их, чтобы...

На этот раз полковник не ограничился словами, а грузно поднялся со стула, сгреб мага за плечо и поднес к его носу здоровенный кулак. Данкир понятливо умолк, но ясно было, что надолго его не хватит.

- Я не спрашиваю, кто ты, откуда, как твое настоящее имя, - добавила я. - Хочу лишь знать: почему ты решил предать меня такой смерти?

- Данкир, быстро, наведите иллюзию на ее величество! - прошипел канцлер, и, видимо, тот послушался, потому что Финн отпрянул.

Взглянув на себя руки, я поняла, почему: мой скромный темный наряд сделался тем самым, бальным. С цветом Данкир немного не угадал, но это не имело значения, потому что платье висело окровавленными лохмотьями. Белые перчатки и плоть под ними сгорели, виднелась обугленная кость - меня замутило. Похоже, Данкир был мастером иллюзий... Не хочу даже представлять, как выглядела моя развороченная грудь и лицо. Но, наверно, последней каплей для Финна стал тот самый букет - не иначе, восстановленный по описаниям свидетелей, - который я держала в изувеченной руке.

- За что? - повторила я, но услышала только какое-то сипение и клекот.

- Изыди, изыди, сгинь к Безымянной, из чьего чрева вышла! - неожиданно тонким, срывающимся голосом закричал Финн и попытался броситься вперед, но его тут же скрутили. - Нелюдь в человеческом теле, надругательство над замыслом Богини, пропади пропадом! Тебе не место среди людей! Уходи, откуда явилась, уходи, уходи, уходи-и-и!..

Он вдруг захрипел, задохнулся, забился в сильных руках конвоиров и обмяк. Изо рта его тянулась нитка слюны, глаза закатились.

- Я что, переборщил с представлением? - озадаченно спросил Данкир, но от него отмахнулись.

- Жив? - отрывисто спросил полковник.

- Да, но без сознания. Прикажете привести в чувство?

- Пока не нужно. Религиозных фанатиков нам только и не хватало...

- Не было ни малейшей предпосылки для появления подобных, - резко ответил канцлер. - Да и подготовка их обычно заставляет желать лучшего. Здесь кроется что-то иное, Аннард, уверен. Ищите! И ни в коем случае не упустите этого... Финна. Быть может, мне удастся поймать мэтра Оллена и уприсить его помочь.

- Пыток сегодня не будет, ваше величество, - шепотом пояснил мне Данкир.

- Какая жалость... А вы не могли бы вернуть мне обычный облик? Не то, боюсь, при виде этой вашей иллюзии мои свитские дамы тоже лишатся чувств, самое меньшее.

- Сию минуту, ваше величество.

Я проверила - все вроде бы в порядке. Хотя с Данкира стало бы отколоть какую-нибудь шутку и оставить у меня на плече или в прическе... хм... что-нибудь неаппетитное.

- Ваше величество, - канцлер встал и подошел ко мне. - Соблаговолите обождать несколько минут. #286005265 / 31-июл-2019 Мне нужно перемолвиться с полковником.

- Конечно, Одо, только не задерживайтесь. Я думала, тут будет намного интереснее, а вышло - одни разговоры, скука смертная... - я нарочито зевнула, деликатно прикрыв рот рукой.

- Уведите, - приказал полковник конвоирам, и те выволокли Финна за дверь. - Ваше величество, мой кабинет в вашем распоряжении.

- Нет-нет, не стоит хлопот, я вполне могу обождать здесь.

- Как вам угодно. Данкир! Головой отвечаете, ясно вам?

- Что же тут неясного? - улыбнулся маг, а как только полковник с канцлером скрылись за дверью, хитро покосился на меня и шепотом спросил: - Хотите послушать, о чем они станут говорить, ваше величество?

- Они же заметят.

- Меня? Никогда! Я в этих стенах каждую щелочку знаю!

- Нет, я к тому, что вас накажут или даже разжалуют...

- Разжаловать меня уже дальше некуда, - Данкир едва слышно засмеялся. - А наказаний я не боюсь, потому что как можно наказать служивого человека? От дела отстранить? Ну а кто тогда работать станет? Лишить жалованья? Но я не за деньгами сюда подался, своих хватает.

- Зачем же тогда?

- Из интереса. Ну и... нравится мне выискивать мотивы. Может, когда-нибудь книгу напишу об истинных побуждениях преступников. Так будете слушать, ваше величество?

- Конечно! И если что - это я вам приказала устроить... как ее...

- Прослушку? - понял Данкир, и его голубые глаза заблестели ещё ярче. - Да мы могли бы сработаться, ваше величество!

- Чем болтать, лучше делом займитесь! - шикнула я, хотя тоже так подумала.

- Уже все сделано: говорю же - я здесь каждую трещинку знаю, и в каждой трещинке у меня узелок, как у паука на паутине. Потяну за ниточку, и... Вот, смотрите!

На каменной стене проступило едва различимое изображение.

- Видно плохо, это помещение хорошо защищено, - прокомментировал Данкир. - Но звук должен быть... Ага!

Канцлер стоял спиной к полковнику, потом обернулся и коротко сказал:

- Разрешаю допрос первой степени. Пускай Данкир попрактикуется.

- Вы уверены, ваше превосходительство?

- Да. Неизвестно, когда я сумею отыскать мэтра Оллена. Неизвестно, согласится ли он помочь, скажет ли правду...

- Ваше превосходительство, в случае, если Данкир увлечется, и с заключенным произойдет непоправимое...

- Иными словами, вам нужен заверенный приказ от моего имени?

- Скорее, ему. Вы же слышали.

- О да, этот юноша умеет прикрывать тылы. Далеко пойдет, если выживет... Извольте.

Последовала пауза - подписывали какие-то бумаги. Я покосилась на мага - лицо у него было одновременно восторженное и испуганное.

- Никогда такого не испытывал... ну, на живых людях, - прошептал он в ответ на мой взгляд. - Но я постараюсь, ваше величество. Может, мне ещё очень далеко до мэтра Оллена и даже придворных магов, но я приложу все усилия, чтобы сделаться таким же...

- Нет! - перебила я.

Данкир заморгал.

- Обещайте, что вы никогда не станете таким же, как мэтр Оллен, - потребовала я. - Вы будете собой! Кстати, а как ваше имя? Нас даже не представили...

- Синнар Данкир, граф Орти, ваше величество, - он изобразил придворный поклон, правда, довольно расхлябанный.

Понятно теперь, почему даже полковник не может заткнуть ему рот: поди заставь умолкнуть не просто мага, а еще и высокородного... Правда, насколько я знала, магами становятся младшие сыновья знатных семей, если у них имеется такая склонность, но Орти... он же последний в роду, если память Дагны-Эвлоры меня не подводит!

- Кажется, у вас что-то личное к мэтру Оллину? - негромко спросил он.

- Это не имеет значения.

- Еще как имеет, ваше величество. Если вы просите не уподобляться ему, я приложу все усилия, чтобы не делать этого, но не могли бы вы уточнить, в чем именно?

- Если бы я знала!

- Я догадываюсь, - яркие глаза мага вдруг потемнели. - Вы боитесь его, ваше величество. Вы боитесь его даже тогда, когда смотрите на меня. Вы думаете: что, если Данкир тоже околдован, ведь мэтру Оллину это по силам? Раз уж он сумел зачаровать канцлера, то что ему какой-то молокосос?

- Не понимаю, что вы имеете в виду.

- А вы будто не заметили? Его превосходительство не сумел вспомнить о собственном распоряжении. Сделал вид, конечно, будто дел у него столько, что о такой ерунде и не упомянешь, но...

- Вы о кортеже и порталах?

Мне сделалось не по себе.

- Конечно, ваше величество. И вариантов тут мало: или он действительно отдал приказ и забыл, но в это я не верю, потому что память у его превосходительства феноменальная. Или же...

- Приказ отдал не он, а кто-то в его облике? Или все-таки он, но ему приказали забыть? Как... как этому вот Финну - всю его прошлую жизнь?

- Да. Я так не умею. Пока не умею, - поправился Данкир. - И восстановить утраченное не могу. Но я над этим работаю, когда меня не отвлекают всякой ерундой.

- Вот и работайте, - сглотнув комок в горле, сказала я. - И тогда... тогда...

- Я заменю мэтра Оллину? - он улыбнулся, но глаза остались холодными. - Непременно, ваше величество. Как только вы меня вспомните.

- О чем вы...

Невольно отступив, я наткнулась на стул и села.

- Это же вы передавали мои записки Лиоре, ваше величество. Все мы понимали, что ваша сестра не может выйти замуж за мага, но нас увлекала эта игра... Вы в самом деле не помните?

Я лихорадочно рылась в памяти Дагны-Эвлоры, но... нет, ничего не находилось! Правду говорит Данкир или нет? Как понять?

- Я даже Эда не помню - о нем мне сказал Одо, - тихо сказала я. - Мне... мне очень жаль...

- Ваше вели... - он кинулся ко мне, выхватил платок, попытался утереть непрошеные слезы, но я отстранилась.

- Ни пряди волос, ни обрезка ногтя, ни капли слез и крови, ничего не оставляй...

- Но это-то вы помните! Это я вам рассказывал, вам и Лиоре с Линарой, когда мы были совсем детьми!

- Такое иногда всплывает, но я все равно не представляю, как оно попало ко мне в голову.

- Теперь я понимаю...

- Что именно? Я, кажется, совершенно запуталась, и Одо не может помочь, - шепнула я.

Неправильно было доверяться этому юноше, но разве я так много сказала? Одо действительно не мог помочь, он из последних сил удерживал Дагну-Эвлору на плаву, но ещё немного, и сам пойдет ко дну...

- Если я скажу это полковнику, меня вышибут отсюда, невзирая на титул и нехватку дельных магов, - честно сказал Данкир.

- Так скажите мне. Ну же?

- Всё очень просто. Вас подменили, ваше величество.

ГЛАВА 15

В ту минуту я едва не потеряла сознание от ужаса. К счастью, Данкир истолковал выражение моего лица по-своему, потому что продолжил:

- Известно, что вы сильно пострадали во время катастрофы. Память ваша не сохранила некоторые события. Но выглядит это очень странно! Вы помните родителей, братьев и сестер, других родственников, его превосходительство и мэтра Оллена, и свитских дам, и прислугу, верно?

- Д-да... - выговорила я и спрятала лицо в ладонях, чтобы скрыть смятение.

- Все они были с вами с самого раннего детства. Но и я, и Эд - мы же общались с вами в то же самое время! Ваше величество? Что с вами? Вам дурно?

- Нет, продолжайте, - усилием воли я опустила руки и заставила себя взглянуть на Данкира. - Откуда вам известны такие подробности?

- Так ведь мы с Эдом давние друзья, к тому же общее несчастье сближает. И он был у меня ночью, буквально перед тем, как меня срочно вызвали в управление. Пьяный вдрызг, никогда его таким не видел... Это он твердил, что вас подменили. Что вы совершенна не та Эва - простите за фамильярность, но он привык вас так называть, - которую он знал. И которой не видел вблизи уже больше года, с самой катастрофы, потому что его превосходительство никого к ней не подпускает... - Данкир тяжело вздохнул. - Я велел ему поехать и проспаться, покуда никто не услышал, какой бред он несет, но Эд стоял на своем. Уверял, что не мог перепутать настоящую Эву с поддельной. Всё, говорил он, не такое, как должно быть, неправильное: рост, фигура, волосы, глаза, руки, даже запах...

Я невольно сцепила пальцы. Как хорошо, что на мне перчатки.

Наверно, стоило предположить, что Эд перед балом немного выпил для храбрости, но я не стала. Очень сложно опровергать слова правды. Если еще и Данкир увидит что-то не то... С Дагной-Эвлорой он, конечно, общался намного меньше, чем с ее старшими сестрами, но он очень внимателен к деталям, я заметила.

- Пахло от меня, должно быть, неважно, - сказала я все-таки. - Перед балом я извалялась в пыли и слегка забрызгалась кровью. А переодеваться не стала, потому что... Ах, долго объяснять!

- И не нужно, я прекрасно понимаю ваши мотивы. И Эду объяснил, как сумел, но он стоял на своем. Наконец мне надоело это, я его немного... - Данкир прищелкнул пальцами, - уснул и отправил домой, благо явился он в своем экипаже. Надеюсь, когда он проспитя, эти глупости вылетят у него из головы. Вот ведь болван... не видел девушку почти год и думает, что она ни капли не изменилась?

- Дядя Рей, то есть герцог Тармай, сказал - я стала вылитая мама.

- Ну вот! А Эду что-то ударило в голову... - Данкир пристально смотрел на меня, хотя это было совершенно неприлично. - Вы в самом деле не помните ни его, ни меня?

Я покачала головой, потом решила:

- Кое-чего другого я тоже не помню. Слишком долго пересказывать, но по всему выходит: из памяти пропали некоторые... фрагменты. Я думала... вернее, все уверены: это из-за того, что я ударила головой. Иногда кое-что всплывает: я знаю - определенный человек должен был участвовать в этом воспоминании, его не могло там не быть, остальные подтверждают... но его нет!

- Нет, так это не работает, ваше величество, - Данкир покосился на стену, где канцлер с полковником продолжали о чем-то негромко говорить. - Я интересовался вопросом. После подобной травмы память может исчезнуть полностью. Может - фрагментарно. Скажем, вы помните позавчерашний день, а вчерашний - нет. Или начисто позабыли какой-то разговор или собственное распоряжение, совсем как его превосходительство.

- Одо головой не ударялся, я бы заметила, - не выдержала я.

- А когда вы из кареты летели? Тоже не ударялся?

- Гм...

Верно, у канцлера шла кровь из ссадины на виске. Но не мог же он из-за этой пустяковой ранки позабыть о важном приказе!

- Так вот, ваше величество, чтобы из какого-то эпизода, который вы в целом помните, вдруг кто-то исчез, а прочие остались... - Данкир вернулся к теме разговора. - Так не бывает. Однако мне доводилось читать об умельцах, способных не просто стереть память - это и я могу, - но удалить определенные сведения, при этом сопутствующие воспоминания не пострадают. Такое по силам только великим мастерам.

- Наподобие мэтра Оллена?

- Да.

- Но зачем ему это?

- Не имею представления, ваше величество. Говорю лишь: это единственная достаточно правдоподобная версия, которая приходит мне на ум. Игры высшего света... - Данкир едва заметно улыбнулся. - Я постарался забыть о них, когда пошел на службу в следственное управление, поэтому теперь не могу с уверенностью сказать, кто чем живет и дышит при дворе. Предположить в общих чертах - возможно, но... даже за год слишком многое меняется.

Я уже упоминала - у него был очень цепкий взгляд, и сейчас молодой маг рассматривал меня, подмечая детали. И, кажется, старался найти сходство с Лиорой, которую любил - совершенно безответно, вне всяких сомнений. Сестра Дагны-Эвлоры знала, что выйдет замуж по расчету, и не могла позволить себе влюбиться. Она наверняка заигрывала с Данкиром, не более того, а записки, о которых он говорил, ни в коем случае не скомпрометировали бы ее. Да он бы этого не позволил, уверена. Он ведь маг, так может, писал невидимыми чернилами?

- Ваше величество? Что с вами? - окликнул Данкир.

- Подумала о Лиоре, ваших записках и невидимых чернилах...

- ...которые проявлялись, только если она сама касалась бумаги, причем добровольно и находясь в полной безопасности, - подхватил он. - Значит, что-то вы все-таки помните?

- Нет. Просто предположила, что вы наверняка использовали такой метод.

- Вот как...

Воцарилось молчание. Мне очень хотелось расспросить Данкира о настоящей Дагне-Эвлоре, но я опасалась, что не сумею задать вопрос так, чтобы не выдать себя. Все-таки он слишком... сообразительный.

- Может, желаете передать что-нибудь Эду, ваше величество? - негромко спросил он. - Он наверняка объявится снова. Я понимаю, его превосходительство с вас глаз не спускает и в буквальном смысле слова водит за руку, поэтому не стану предлагать устроить тайную встречу ради объяснений, но...

- Вот так и скажите, - перебила я. - Я больше не та Эва, которую вы оба знали. Я шагу не могу ступить в сторону - на меня смотрит не только Дагнара. И если Эд этим обижен... что ж, я могу ему только позавидовать - он не имеет ни малейшего представления о том, что значит быть королевой.

- Конечно, не имеет, он же мужчина, а не девушка.

- Данкир! На месте полковника я бы вас уже засунула в камеру вместо этого бомбиста! - вспыхнула я. - И нечего смеяться!..

- Вы так забавно сердитесь, ваше величество, что я не мог удержаться, - сказал он без

тени раскаяния в голосе. - Тем более, интересно было увидеть реакцию.

- И что? Опыт удался?

- Да. Я увидел прежнюю Эву, еще не измученную придворными церемониями и не придавленную королевским долгом.

Я не нашлась с ответом. Спросила только:

- Раз уж я не помню ничего, связанного с вами, может быть, скажете, какого вы мнения об Одо?

- О нет, ваше величество! - поднял руки Данкир. - О его превосходительстве, как о покойнике: или хорошо, или ничего...

- Или правду, - закончила я. - Бойтесь? Нас могут подслушивать, как вы - вот их?

- Нет, мои щиты здесь вскрыть некому. Разве что сам мэтр Оллен заглянет в гости... Да и что мне сделают? Разжаловать меня, повторюсь, уже некуда, разве только вовсе вышвырнут? Ну так я уеду в поместье и займусь изобретением чего-нибудь неудобосказуемого, а кому это нужно? Здесь я хотя бы постоянно маячу на глазах у начальства и не могу натворить ничего особенно ужасного.

- Тогда почему не хотите говорить? Обещаю, я не стану ему пересказывать. Могу дать честное королевское слово.

- О, я и забыл: вы все так говорили - и вы, и Лиора, и Ларина, - улыбнулся Данкир, но улыбка эта тут же померкла. - Не нужно слова, ваше величество. Мне нечего сказать.

- Неужели? Совсем нечего?

- Ну разве что... Его превосходительство - человек, истово преданный делу своей жизни, как он его понимает. На пути к цели он не остановится ни перед чем. Вы, конечно, знаете его лишь как доброго дядюшку Одо, но мы-то, остальные, наблюдаем за происходящим... как бы лучше выразиться... снаружи, да, и порой, признаюсь, порой волосы дыбом встают от его распоряжений, не только у меня...

- Каких, например?

Данкир снова надолго умолк, потом качнул головой:

- Спросите у него о Каттесене, ваше величество. И прикажите говорить правду, а не пересказывать написанное в газетах. Я сам не возьмусь... Тем более, времени у нас не так много: они, похоже, вот-вот закончат. - Он бросил взгляд на стену, где тени полковника и канцлера вели почти неслышный разговор. - Эх, всё прослушали!

- Я потом узнаю, о чем они говорили.

- То вы, а я-то нет...

- Передала бы вам записку, но не смогу, - вздохнула я.

- Ничего, выясню как-нибудь. Пускай мне далеко до мэтра Оллена, но вычитать кое-что в голове у начальства я способен, - сверкнул голубыми глазами Данкир. - Только тсс-с...

Он помолчал, глядя на изображение на стене, потом как-то странно тряхнул головой и снова повернулся ко мне.

- Не пугайтесь, ваше величество, - сказал Данкир, преклонив колени.

Я невольно подобрала ноги, а он подпернул обшлаг мундира, обнажив запястье, коснулся его ногтем - кровь тонкой струйкой потекла по светлой коже с проступающими жилками.

- Кровь моя да будет порукой, - негромко выговорил Данкир. - Сердце мое и помыслы чисты. Я присягал уже, но кровная клятва выше присяги, и я говорю: стану оберегать ту,

что названа королевой Дагнары, даже ценой собственной жизни. Я не слишком умелый маг, но все силы свои отдам, чтобы королева Дагнары жила и правила достойно.

«Он ни разу не назвал меня по имени, - отметила я. - Значит ли это, что он все-таки догадывается?..»

- Встань и служи мне, - выговорила я положенные слова. Внутри что-то мелко дрожало.

Когда вернулись канцлер и полковник, мы с Данкиром чинно сидели на стульях поодаль друг от друга.

- Продолжайте работу, - сказал напоследок Одо, - выверните этого мерзавца наизнанку, но добудьте хоть какие-нибудь зацепки!

Он взял меня под руку, и мы вновь оказались в ледяном Химмелице.

- Что на этот раз, сударыня? Почему у вас такое лицо?

- Какое? - я поежилась, и он немедленно набросил мне на плечи плед. Спасибо, не медвежьей шкуры. - Лучше вы скажите, отчего не помните, какие раздавали указания? Ударилась головой?

- Не дерзите мне, сударыня.

- Я и не собиралась: это Данкир предположил.

- О чем же вы беседовали с ним так долго? Я уже не знал, чем занять полковника, чтобы дать вам договорить...

Я опешила - так выходит, Одо все прекрасно понимал и нарочно тянул время? Но чего ради?

- Полагаете, я не в курсе, что Данкир и Эд - приятели? Думаете, за Эдом не следили? Не знали, что ночью он явился к Данкиру и провел у него пару часов? И никто не услышал, о чем они толковали?

- Так вы, значит, и в управлении слышали наш разговор? - только и спросила я. - Кто-то из сопровождающих нас магов помог?

- О нет, именно в управлении этот молодой... - канцлер сдержал крепкое слово, - сплел такую сеть, что, полагаю, даже мэтр Оллен не враз ее распутает. Но дома - дома он ничем предосудительным не занимается. И никак не мог предположить, будто Эд несет вовсе не пьяный бред, поэтому не озаботился защитой. Еще раз, сударыня: о чем вы говорили с Данкиром?

- О проблемах с памятью, - дерзко ответила я, кутаясь в плед. Получалось плохо: он будто залубенел от холода и ничуть не грел. - Он рассказывал о всевозможных теориях по этому поводу, опытах и прочем. И наконец спросил, почему я не помню не только Эда, но и его самого и того, как передавала записки Лиоре...

- А вы, значит, действительно не?..

Я покачала головой.

- Тогда с этого места - поподробнее, - после короткой паузы произнес канцлер, встал и подошел к камину. - То, что вы не помните кое-чего обо мне, мы уже выяснили. Но - именно «кое-чего», а не вовсе... ничего.

Я не видела, что он делает, но наконец вспыхнул огонь, и мрачная гостиная вдруг сделалась вовсе не мрачной. Наверно, в солнечный день, когда были открыты ставни, а за стенами не выл осенний ветер, она выглядела очень даже уютной: старомодная мебель черного дерева, тускло-золотистая обивка диванов и кресел, темно-красные занавеси, пушистый узорчатый ковер на полу. С портрета на стене смотрела красивая молодая женщина - светлые волосы уложены небрежным узлом на затылке, так что пряди выбиваются и падают на лицо; платье цвета молодой травы, игриво спущенное с

плеча, подчеркивает загорелую золотистую кожу, в руках охапка луговых цветов, на плече маленькая птичка, кругом вьются бабочки... Ничего общего с парадными портретами!

- Это ваша бабушка? - спросила я, вовремя сообразив, что женщина совсем не похожа на уроженку Дагнары, даже южной.

- Нет. Это Богиня.

- Но... - начала я и осеклась.

В самом деле: ее ведь так и изображают - с цветами или колосьями в руках, а рядом непременно птицы и животные... Но она всегда строгая, суровая даже, не то что эта смеющаяся красавица!

- Так ее представляют в Химмелице.

- Мне нравится, - сказала я. - Она живая.

- Как Богиня может быть мертвой, сами посудите? - усмехнулся канцлер, а свет в гостиной вдруг вспыхнул ярче. - А эту даму узнаете?

Я присмотрелась к портрету на противоположной стене. Поначалу мне показалось, будто это та же самая женщина, только картина выполнена в более холодных тонах, а вдобавок на ней изображена зима, а не лето. Поэтому и светлые волосы кажутся не золотистыми, а почти белыми, и лицо вовсе не загорелое, а в руках - ветви рябины и черноигельника, и бабочек нет. Только красногрудые птицы вьются возле красавицы и садятся ей на плечи и даже на голову.

- Тоже Богиня? - спросила я наконец и почти не удивилась, услышав в ответ:

- Безымянная. Двудеиная. Понятно вам такое слово?

- Ну... да, - поразмыслив ответила я. - Только почему у нас Безымянной ругаются, а Богиней наоборот, благословляют?

- Не имею представления. В Химмелице чествуют обеих - каждую в свой черед.

Я подумала, порылась в памяти и выпалила:

- Одо, а почему я не была в храме? Осенний праздник...

- Еще не миновал. Поедете туда в новолуние. Почему я должен объяснять вам очевидные вещи, сударыня? Или снова память отказала?

- О... да, конечно. То есть не отказала, я просто совсем запуталась...

Теперь, когда разгорелся камин, я рискнула выбраться из-под пледа. Конечно, большая гостиная ещё не прогрелась, но уже веяло приятным теплом, и я подседа к огню, протянув к нему руки. Я любила так сидеть, когда наш истопник обихаживал большую печь, и наблюдать за язычками пламени за приоткрытой заслонкой. Истопник позволял мне это делать, но мне вменялось в обязанность следить за углями - не приведи Богиня, упадет один, может пожар случиться... Я хорошо смотрела за печью, никогда ничего не горело. Только раз выскочили сразу три уголька - я загасила их из ковшика и для надежности растерла подошвой в черную сажу...

- Одо, Химмелиц ведь не в Дагнаре! - дошло вдруг до меня.

- Долго же вы над этим размышляли, сударыня.

- Но... но... Как этого не замечают? Портала, я имею в виду? Тут же должны быть свои маги, разве нет? И...

- Не замечают, - негромко произнес канцлер. В отблесках огня было особенно заметно, насколько постарело его лицо. - Вартиц - очень маленькое княжество. Почти незаметное. И если я желаю воспользоваться своим родовым поместьем и привести в него кого угодно - никто не обратит внимания. Да и некому - откуда тут сильные маги?

Все давно перебрались в Дагнару, в Иссен, в Лариду – сначала учиться, потом...

Я не стала спрашивать, почему никогда не заходило речи о присоединении Вартица к Дагнаре: княжество, наверно, пусть и маленькое, но гордое. Да и что с него возьмешь?

Где оно вообще расположено?.. Припомнив карту, я поняла, почему соседи на него не претендовали: карабкаться к ближайшему от перевала поселению неделю придется. Однако этот самый перевал – удобная дорога из Дагнары в Лариду, и на этом местные могут заработать. В самую меру, просто взять подорожные, иначе... Иначе чужие бойцы все-таки взберутся, куда угодно, и тогда за перевалом будут присматривать не местные жители.

- Вернемся к проблемам с памятью, – сказал канцлер. - Начните с Эда.

- Лучше с Данкира...

Рассказ мой занял довольно много времени, и вовсе не потому, что я сбивалась и путалась – просто канцлер дотошно выпрашивал меня о деталях нашей с магом беседы.

- Я знал, что Данкир добром не кончит, – обронил он наконец.

- В смысле?

- Он опасен, вы разве не понимаете? Нет, о чем я, где вам понять...

- Так объясните! – вспыхнула я. Мне наконец-то было тепло, а ещё казалось, будто Богиня смотрит на меня одобрительно. И Безымьянная тоже, но все же как-то... с некоторым сомнением. - Чем он опасен?

- Маг, не зависящий от милостей сильных мира сего, не скованный клятвами и обещаниями, но о многом догадывающийся... Дальше нужно объяснять, сударыня, или сообразите сами?

- Он скован обещанием, – с трудом произнесла я. - Он... поклялся...

- Вы о присяге? Это не то.

- Нет же. Он дал мне кровную клятву.

Канцлер отреагировал неожиданно.

- Богиня, какой дурак! – воскликнул он, взявшись за голову. - Лучший молодой маг Дагнары... и вот так подставиться!

- Он клялся королеве, не мне лично. Он же не знает, что я не настоящая, – поспешила я сказать. - Хотя, возможно, догадывается, именно поэтому и не стал... хм... уточнять.

- Он действительно лучший... – канцлер опустил руки. - Но близко к вам я его все равно не подпущу, и не мечтайте. Понимаете, почему?

- Чтобы не скомпрометировать? Обоих? И чтобы мэтр Оллен не узнал, а то вдруг ему конкуренты не нужны?

- Именно так.

- Он все равно узнает, так или иначе. Тот же Эд... у него язык за зубами не держится, а даже вы не угадаете, кто работает на мага и под каким заклятием прячется, так?

- Так.

Одо сел в кресло и устало свесил руки между колен. Совершенно неприличная поза для человека его положения, но сейчас он, кажется, вовсе не думал о приличиях.

- Эва...

Я вздрогнула, когда он обратился ко мне вот так. Ни разу ещё он не называл меня Эвой, только сударыней и Эвиной – и то перед ее величеством.

- Вы понимаете, что Эд опасен?
- Да, - шепотом ответила я. - Слухи... и всякое...
- Как предлагаете избавиться от него?
- Я?..
- Вы исполняете обязанности королевы. Вам положено принимать решения, даже неприятные.
- А вы - регент. Королеве почти год до совершеннолетия, поэтому вы обязаны думать за нее о подобных вещах.
- Верно, но Эд - близкий друг ее величества. Ей решать, как поступить с ним. И от ее решения многое зависит.
- Я молчала, глядя на свои руки - слишком грубые, чтобы обмануть юного Эда. И Данкира, полагаю, я тоже не обманула, перчатки здесь вовсе ни при чем...
- Пускай Данкир попрактикуется на нем, - сказала я наконец. - Уберет ненужные воспоминания. Если не выйдет сразу - пусть повторит. Эд его друг, так что, думаю, Данкир станет обращаться с ним мягко, но он дал мне клятву, стало быть, выполнит приказ во что бы то ни стало. Передайте: я хочу, чтобы Эд остался в здравом уме и в полном рассудке, но совершенно забыл о своем увлечении Дагной-Эвлорой. И тем более - о своих подозрениях. Если нужно, я напишу приказ своей рукой... то есть рукой ее величества.
- Хорошо.
- Если у Данкира получится, - добавила я, - он будет главным придворным магом.
- Да вы смеетесь, сударыня!
- Не думаю даже. Я... я боюсь мэтра Оллена. И вы боитесь, потому что понятия не имеете, что у него на уме! Данкир, может, не такой умелый, но он принес клятву, а Оллен - вы сами сказали! - нет.
- Но вы же понимаете, что скандал выйдет оглушительный?
- Почему? Ах да, догадываюсь: Данкир ведь молодой и привлекательный мужчина, не то что Оллен, а ее величество - юная девушка? Могут пойти слухи...
- Вот видите, мне даже отвечать вам не нужно. К слову, Данкир может и не согласиться на такую честь. Вдобавок оскорблять мэтра Оллена, в открытую отказывая ему от места... не самый дальновидный поступок. Я на это не пойду.
- Неужели лучше иметь под боком такого непредсказуемого человека? - нахмурилась я. - Впрочем... Вы правы. Если он не станет служить Дагнаре, то будет служить кому-то еще. Правда, он уже сейчас может этим заниматься, но как выяснишь?
- Именно. В некоторые моменты, - доверительно произнес канцлер, - я очень хорошо понимаю предков, которые сжигали магов на кострах.
- Вы забыли добавить: если могли их поймать и удержать. А поскольку схватить наверняка удавалось только самых слабых и глупых, то сильные, умные и хитрые выжили... и теперь с их потомками уже не так просто совладать. Прямо как в животном мире, - припомнила я. - Это называется естественным отбором, если не ошибаюсь.
- Не ошибаетесь, за одним небольшим исключением: маги чаще всего бездетны. Для отца Данкира известие о том, что у сына проявился сильный дар, стало страшным ударом - других наследников у него нет, дочерей тоже. Молодой человек, правда, обещал приложить все старания, чтобы не дать роду прерваться, но пока что-то не заметно, чтобы он работал над выполнением обещания.
- Дайте ему хотя бы забыть Лиору, - сказала я. - Или не забыть, но... Словом, должно пройти время.

- Может быть, вы и правы, - Одо откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза. - Увидим. Если доживем. И не нужно так на меня таращиться, дыру протрете. В моей жизни не случилось трагических историй такого рода, даю слово.

- Я вовсе не...

- Не лгите. Девушкам всегда интересны подобные детали. Эва часто расспрашивала меня, почему я одинок, а вы... Вы все-таки сильно похожи на нее характером, да еще любопытны от природы.

- Этого я тоже не помню, - порывшись в памяти, ответила я. - То есть того, что она вас расспрашивала об этом. Сама же я слышала только, что вашего отца чуть ли не силой вынудили жениться.

- Не силой, но королевским указом. Иначе он точно не вспомнил бы о том, что дети должны откуда-то браться, с неба они не падают. А поскольку я - копия отца, как все уверяют, участь моя предрешена.

- Не понимаю...

- Что же тут непонятного, сударыня? - он приоткрыл глаза. - Когда-нибудь, когда у меня окажется хоть немного свободного времени, я осмотрюсь, выберу подходящую особу и женюсь. Конечно, Химмелиц - не королевство, но бросать его бесхозным не годится. Следовательно, мне нужен наследник, а Богиня мне его не принесет. Или ее, без разницы.

Я помедлила, потом не выдержала и спросила:

- А какой он был, ваш отец? То есть, конечно, если не хотите говорить, то я не настаиваю, но...

- Я же сказал - я его копия, - не дал договорить Одо. - Меня он любил, конечно, а мать - нет, это был брак по указу сверху, не забыли? Да он, кажется, и не видел разницы. Она его тоже не любила, но считала крайне выгодной партией, хотя и была намного более знатной. И меня, прямо скажу, не особенно жаловала. Впрочем, я ее почти и не видел: в детстве мною занимались няньки, потом гувернеры, учителя... И сам отец, конечно же. Как только со мной можно стало разговаривать, он взялся за меня всерьез. Сами видите, что получилось. Впрочем, это намного лучше, чем сидеть у материнской юбки до седых волос.

- А вы сами любили родителей? - спросила я и смутилась.

- Сложно сказать, - он будто не заметил ничего странного. - Отца я прежде всего уважал. И да... пожалуй, любил по-своему. С матерью сложнее - повторяю, я редко ее видел и почти не знал. Что так смотрите, сударыня? Именно так и выглядят браки по расчету в наше время. Случаются счастливые исключения, разумеется - те самые, о которых пишут в этих ваших романах, - но крайне редко. В реальности же хорошо, если супруги не испытывают друг к другу отвращения.

- Понимаю... Одо, я знаю, что отец ваш давно скончался, а матушка? Еще жива?

- Нет.

- Простите...

Одо помолчал, потом сказал вдруг:

- Вы иногда задаете интересные вопросы, сударыня. Я начал вспоминать и вдруг понял: пожалуй, больше всех в семье я любил Орну. И именно поэтому так привязался к Эве - пускай внешнего сходства нет, но нрав...

- Кого?..

- Сестру.

- Так значит, у вас есть сестра? - непонятно чему обрадовалась я и сникла, услышав

ответ:

- Уже нет. Погибла ещё ребенком. И не извиняйтесь. Не люблю этого...

- Но как?..

- Это же Химмелиц, - тяжело вздохнул канцлер. - Горы. Матушка никогда не любила это место, а Орна обожала. В очередной раз сбежала от служанок и... Словом, сорвалась со скалы. Когда ее отыскали, было уже поздно звать хоть врача, хоть мага. Матушка этого не пережила - через год не стало и ее.

«Вот оно что, - мелькнуло в голове. - Значит, в Дагне-Эвлоре он видит младшую сестру. Теперь понятно, почему так ее оберегает... действительно, водит за руку, как сказал Данкир, чтобы не забралась, куда не положено и не разбилась насмерть».

- Довольно разговоров, - сказал вдруг Одо и поднялся на ноги. - Признаюсь, сударыня, я совершенно вымотан. Вы, в сущности, тоже должны валиться с ног от усталости и переживаний, но, очевидно, вас спасает молодость. В вашем возрасте я тоже мог не спать сутками... хотя подобных испытаний на мою долю не выпадало. Одним словом, пора возвращаться, уже вечереет. Сейчас я затушу огонь и отправимся.

- Конечно, как скажете, - я тоже встала, но не удержалась и добавила: - Вы так и не сказали, почему забыли о своем распоряжении насчет порталов.

- Я не знаю, - после паузы ответил канцлер. - Это разумный приказ, я отдал бы его и так. Если бы не забыл.

- Забыли отдать или забыли, что отдали?

- Что так, что этак, выходит, кто-то управлял моими решениями. Хотя бы потому, что я не на триста шагов ограничил бы действие порталов, а больше.

- Ну... - сказала я после долгого молчания. - Снова ничего не понятно. В книгах пишут - нужно искать, кому выгодно. А кому выгодно это вот всё?

- Что именно?

- Ну... авария на шахтах, которая непременно бы случилась, так или иначе? И сопутствующие волнения? Гибель королевы, в которой на этот раз точно бы никто не усомнился, потому что она произошла бы на глазах сотен людей? - я перевела дыхание. - Кому, Одо, скажите! Родственникам? Их десятки, так кто же из них может быть замешан? Соседям? И какое отношение ко всему этому имеет мэтр Оллен и... и провалы в памяти, у меня, у вас, может, еще у кого-то? Почему вы молчите?

После долгой паузы он сказал:

- У меня нет ответа.

ГЛАВА 16

Я уснула, едва только оказалась в постели, хотя была уверена, что глаз не сомкну – за окном еще только смеркалось. Но нет, силы как-то разом закончились, и горничные раздевали меня, как маленькую, потому что я рукой не могла пошевелить. Странно, я ведь спала ночью... или это не считается? Сложно назвать отдыхом глубокий обморок. Впрочем, неважно...

Говорят, во сне можно увидеть решение проблемы, которая занимает все мысли: днем их слишком много, и они застыт очевидное, а когда человек спит, рассеиваются, и на виду остается только самое важное. Главное, рассмотреть это важное и не позабыть при пробуждении.

Увы, ничего подобного со мной не произошло. Помню, мне снился бал, какие-то совершенно незнакомые люди – я их точно не встречала прежде, хотя в сновидениях воспоминания искажаются, поэтому утверждать наверняка нельзя, – даже покушение снилось. Только было совершенно не страшно – ни один букет не долетел до меня, карета была будто бы накрыта прозрачным колпаком.

«Почему так не сделали взаправду? – подумала я в полусне и натянула одеяло на голову. – Неужели придворные маги этого не умеют? Нужно будет спросить у Одо...»

– Эва, – негромко раздалось над ухом. – Эва, проснись!

«Что? Кто меня зовет?»

Я вовсе не желала просыпаться, поэтому отмахнулась и накрыла голову подушкой, но ее тут же сдернули.

«Я что, снова в пансионе? – пришло в голову. – И... и мне все это приснилось? Я просто болела и бредила, а теперь выздоровела, и пора вставать и идти на уроки...»

Едва удалось разлепить сонные глаза, но я знала, что Мика церемониться не станет и живо вытряхнет меня из постели, поэтому села, отчаянно зевая. В комнате было темным-темно, едва теплится крохотный огонек, за окнами не заметно было даже признаков рассвета. Хотя... осень ведь, а осенним ненастным утром бывает темнее даже, чем зимним.

Я протянула руку к стулу возле кровати, чтобы взять чулки и побыстрее их натянуть, но не нащупала их, да и стула тоже. А ещё в комнате было тепло и тихо, я не слышала зевоты и кашля других девочек, тихих разговоров, шороха одежды, плеска ледяной воды для умывания и звяканья кувшина о жестяной таз...

Со вздохом облегчения я упала обратно на подушки – нет, я не в пансионе, все ещё в особняке. Только кто меня разбудил и зачем? В этом тусклом свете ничего не...

Кто-то схватил меня за руку, и я тихо вскрикнула. Неизвестный тут же закрыл мне рот ладонью и зашептал в самое ухо:

– Тихе, Эва, не кричи, это я, Эд!

Я смогла только возмущенно замычать.

– Обещай не шуметь, тогда выпущу, – прошепел он.

Я несколько раз кивнула: нужно будет, закричу так, что сбегутся все – обещания, вырванные силой, сдерживать не обязательно!

– Как ты тут оказался?

– Неважно... нет времени объяснять, – он тяжело дышал, и дыхание его пахло... Скверно пахло, одним словом, совсем как у нашего истопника после праздника. И руки тряслись так же. – Меня ищут...

– Кто? Зачем?

- Не поверишь - Син!

Я едва сумела сообразить, что он говорит о Данкире.

- Ничего не понимаю... Объясни толком!

- Я тоже не понимаю... Меня предупредили... не знаю, кто, записка сама собой появилась. Я не поверил, дурак, и... словом, едва успел сбежать, когда за мной явились... Не представляю, что я сделал такого, но приказ точно отдал Химмелиц, Эва!

- Но почему?

О, я прекрасно знала, почему! Но кто же прислал Эду записку? Мэтр Оллен? Но чего ради?

- Откуда мне знать?! Я ему никогда не нравился, а теперь... теперь, быть может, он решил, что я... ну, претендую на что-то? Ты же говорила иногда в шутку, что мы могли бы пожениться, помнишь? И пока ты оставалась младшей принцессой, это казалось не таким уж невозможным, но не теперь!

Эд дышал часто, со всхлипами. Кажется, он был сильно напуган, ну а я... Да, я тоже испугалась, но не его, нет. Того, что тайна, так тщательно оберегаемая канцлером, вот-вот рассыплется пеплом, как домик из спичек, стоит поднести к нему огонь...

- Ты хорошо его знаешь, так скажи: что я наговорил лишнего на балу? Я же... ни словом, ни звуком о том, что мы с тобой... - всхлипывал Эд, и меня потянуло погладить его по голове, но я удержалась. - И почему Син?.. Мы же друзья, так как же он... Может, он и предупредил? Ну и что - приказ, мы столько лет...

- Откуда ты узнал, где меня искать? - перебила я. Это был самый важный вопрос.

- Я вовсе не знал... - Эд прижался мокрыми горячими губами к моей руке, и я вздрогнула. - Но у меня же портал... помнишь? Семейный, доставит куда угодно. Вот я и... к тебе... попрощаться, Эва...

«Как у Одо! - сообразила я. - Но... но если он хотел бйавиди попасть к настоящей Эве, то должен был угодить в особняк у моря, а вовсе не сюда!»

- Что ты будешь делать теперь? - выдавила я, отбирая у него свою руку.

- Не знаю... Не знаю... - в полумраке едва можно было разглядеть, как он качает головой. - Неважно. Главное, ты жива... Прощу, поцелуй меня, как тогда!

Я попыталась оттолкнуть его, но какое там - он был сильнее, навалился сверху... Даже закричать не получалось - он накрыл мои губы своими, и...

«Одо, где вы?..» - мелькнула паническая мысль, и я изо всех сил сжала кулак - хоть попробую ударить, не трепыхаться же вот так, совершенно бессильно?!

В глазах потемнело, хотя куда уж ещё темнее, и я свалилась на пол, больно врезавшись бедром во что-то твердое. Шум устроила такой, что мертвый бы проснулся, а тот, в чьи покои я так бесцеремонно вломилась, был более чем жив. Более того, спал он чутко, а под рукой держал оружие - над моей головой что-то дважды грохнуло и со звоном разбилось, и я смогла только взвизгнуть и закрыть голову руками, забиваясь в какую-то щель.

К счастью, тут же вспыхнул свет, а когда я смогла проморгаться - слезы навернулись, - меня уже вытащили из этой щели и подняли на ноги.

- Эва?.. Вы что тут...

- У меня... у меня мужчина под кроватью, - выдавила я, пытаюсь шутить, но не выдержала, схватилась за Одо обеими и руками и расплакалась.

- Если он вас не устроил, это не повод вламываться ко мне среди ночи, - сердито ответил он. - Я запросто мог вас пристрелить, если бы целился пониже... Надо учесть на будущее, к слову... Да не рыдайте же вы, говорите толком, что вам за кошмар

приснился?

- Н-не кошмар... - выдавила я. - Эд... Эд явился - его кто-то предупредил, что за ним едут. Он сказал... портал перенес ко мне. Ну, как ваш, фамильный... на время, но куда угодно. Но он никак не мог попасть ко мне, он же настоящую Эву искал, понимаете?..

- Так, - канцлер взял меня за плечи, явно собираясь отстранить, но не стал и как-то неуклюже погладил по голове. - Что дальше?

- Н-ничего... полез целоваться, а я так испугалась... И ваш портал... я даже не думала, куда хочу попасть, он сам сработал.

- Интересное дело: самым безопасным местом ваш разум почему-то счел мою спальню...

- Эд же исчезнет в любую минуту. Его потом не поймаешь! - перебила я.

- Раз пропали вы, то и он вряд ли задержался, так что время уже упущено. А я, извините, не готов мчаться ловить негодяя в одних подштанниках, - сухо ответил Одо и все-таки отстранился. - Вот, накиньте... И отвернитесь на минуту, будьте любезны, я оденусь.

Я завернулась в слишком большой для меня халат - полы волочились, как шлейф, - и послушно отвернулась к незашторенному окну. Я вовсе не собиралась подсматривать, но в темном стекле неплохо отражалось то, что происходило позади.

Мне никогда прежде не приходилось видеть раздетого мужчину, кроме как в анатомическом атласе, и мне было одновременно стыдно до ужаса, но и любопытно тоже, и я не могла заставить себя зажмуриться. Хотя, по правде сказать, любоваться там оказалось особенно нечем: Одо не был картинно-мускулистым, как древние статуи - я видела снимки в книгах госпожи Увве, которые она прятала как можно дальше, дальше даже, чем анатомический атлас. Худой, жилистый, костистый даже, Одо почему-то напомнил мне старого коня нашего водовоза: тот похвалялся, что на этого одра можно нагрузить втрое больше обычного, и он свезет. Свезти-то свезет, но останется ли жив?..

Пока я наблюдала, до меня понемногу доходило: на мне ведь одна ночная рубашка, канцлер тоже... ну... был не одет, когда я кинулась к нему с объятиями. И теперь мы наедине, в таком вот полураздетом виде...

- Судя по тому, как пламенеют ваши уши, сударыня, до вас дошел весь кошмар сложившейся ситуации, - негромко произнес Одо за моей спиной. - Впрочем, останься вы наедине с Эдом, неизвестно, чем закончилось бы дело. А если это вас утешит, могу сказать, что Эва в детстве не раз выбегала ко мне навстречу в одной сорочке, чем страшно шокировала свитских дам и прислугу, да и в отрочестве могла показаться... не вполне одетой. Я привык к подобным представлениям, так что... меня вы можете не опасаться.

- Да-да, я помню ваши слова о проеденном мышами диване, - смогла я сказать. - Но, может, вы вернете меня на положенное место?

- Не верну, пока не удостоверюсь, что Эда там нет. Я понятия не имею, чем его могли снабдить помимо портала. Поэтому... - он тяжело вздохнул, - придется все-таки привлечь Данкира, раз уж он дал вам клятву. Пускай обрабатывает.

- А... а как вы объясните?.. - не находя слов, я указала на халат Одо, его разоренную постель, словом, компрометирующую обстановку.

- Такие подробности его касаться не должны, сударыня. А если всерьез: вы просто скажете ему правду.

- Всю правду?

- Нет, только о неожиданном ночном визите. Посмотрим, что Данкир способен отыскать. Посидите здесь, а я сейчас отдам распоряжения и вернусь. И не переживайте так. Ничего непоправимого не случилось, во всяком случае, пока.

Одо коснулся моей руки - пальцы у него были теплые, даже горячие, наверно, со сна, - и быстро вышел.

Ждать пришлось довольно долго: я успела задремать в кресле, а очнулась, когда меня снова кто-то взял за руку. К счастью, на сей раз это оказался канцлер, а не Эд.

- Сами одеться сумеете? - спросил он, повесив на стул мое домашнее платье.

- Конечно.

С этим-то нарядом я уже привыкла справляться, не то что с выходными и тем более бальными...

- Тогда я буду ждать снаружи. Да, ванная комната вон за той дверью.

Хорошо, что сказал: я не знала, как бы спросить поделикатнее, а посетить эту самую комнату было необходимо.

Умывшись и расчесав волосы пальцами, я заплела косу и быстро оделась, вспомнив пансион - там копуш недолюбливали.

- Впервые встречаю девицу, способную потратить на утренний туалет менее четверти часа, - любезно сказал мне канцлер, когда я вышла в коридор, и щелкнул крышкой часов.

- В пансионе я одевалась ещё быстрее, но там и платье было попроще. И застегивалось спереди, - не осталась я в долгу. - Ужасно неудобно, когда пуговицы на спине.

- Поверю на слово. Идемте, сударыня. Данкир ждет внизу.

- Пойдите, Одо... Где мы сейчас? - удержала я его за рукав. - У вас дома или...

- Все в том же особняке, - перебил он. - Временно я обитаю здесь. Мало ли, что может случиться, а до дворца отсюда рукой подать. Порталы, опять же, имеются... Видите - не прогадал.

- Данкир наверняка спросит, почему вы не в самом дворце или не у себя. И тем более я.

- Он уже спросил.

- И что вы ответили? Ну... я имею в виду, наши версии не должны различаться.

- Что это не его ума дело.

Я даже не нашлась, что сказать.

- Оставляю вам честь объясняться с будущим главным придворным магом, - добавил Одо. - Предвкушаю интересное зрелище.

- Неужели? А как вы поступите, если я нечаянно проговорюсь или он сам поймет, что дело нечисто? Он же маг, в конце концов, и вы сказали - лучший из молодых! Как с ним справиться, если что-то пойдет не так, и он решит... не знаю... Что его втягивают в заговор, например? Решит сообщить кому-то еще?

- А это уже не вашего ума дело, - ответил он и повернулся спиной. - Постарайтесь, тем не менее, сделать так, чтобы до этого не дошло. Не хотелось бы понапрасну потерять такой ценный экземпляр.

Полу мундира что-то оттопыривало, и я поняла - это револьвер. А в Данкира Одо не промахнется, и неважно, маг тот или нет. Не удивлюсь, если пули зачарованы специально на такой случай...

Данкир ждал в хорошо знакомой гостиной - он встал мне навстречу и поклонился. Вид у него был встрепанный, он явно не выспался, не успел побриться, но голубые глаза

горели азартом.

- Нашли что-нибудь? - без предисловий начал Одо.

- Да, ваше превосходительство.

- Тогда излагайте.

Я привычно уселась на диван, подобрав ноги, канцлер устроился напротив - не сел в кресло, нет, остался стоять возле камина, скрестив руки на груди. И то: сидя револьвер быстро не выхватишь. Ну, я так думала.

- Ночной гость ее величеству не приснился, - сказал Данкир. - Следы чужого пребывания я обнаружил в количестве, достаточном для того, чтобы сравнить эти образцы с образцами... гм... волос и кожи подозреваемого. Самого его, разумеется, в спальне ее величества не оказалось. Я взял на себя смелость отправиться к виконту Гальси лично, но не застал его дома. Прислуга сказала...

- Когда вы успели? - перебил канцлер.

- Долго ли, умеючи? Мы ведь старые приятели, ваше превосходительство, и у меня налажен коротенький портал в дом Эда на тот случай, если... если я вдруг переберу и пойму, что к себе не доберусь. А то я разок попробовал - очнулся в какой-то крестьянской хижине, снаружи лютый мороз, внутри непередаваемое амбре, исходящее от шкур, скотины и какого-то варева. И еще прекрасная дева, спасшая меня от обморожения, которая вовсе не понимает нашего языка, зато явно жаждет получить плату за помощь, и не деньгами. Как я оттуда выбирался - история отдельная, не до нее сейчас...

- Данкир, я начинаю все лучше понимать полковника.

- Обещаю, буду краток, как только смогу! - поднял руки маг. - Словом, прислуга Эда сообщила, что он вернулся с праздничного бала - по времени выходит, не сразу, а после того, как навестил меня, - и рухнул спать. С этой минуты его никто не видел. Отсутствию Эда дома все крайне удивились.

- Так... - протянул канцлер. - В его комнатах что-нибудь обнаружилось?

- Следы сборов, ваше превосходительство, и весьма поспешных. Все перевернуто вверх дном. Местами почему-то лужи то ли Эд себе на голову воду лил... хотя странно, отчего в спальне, а не в ванной, то ли пил прямо из кувшина, и неудивительно, он же пьян был, как... Неважно, - спохватился Данкир. - Тайники открыты, ценностей в них я не обнаружил, за исключением вот этих.

Он показал жестяную коробочку из-под конфет, набитую бумажками.

- Разрешите, - канцлер протянул руку, взял несколько записок, прочитал, положил их на место и покачал головой. - Странно, что виконт оставил именно это...

- Вот и я думаю, странно, ваше превосходительство!

- Да что там такое? - не выдержала я. - Покажите!

Данкир, дождавшись кивка Одо, протянул мне коробочку, и я с удивлением узнала почерк Дагны-Эвлоры - крупный, еще детский - на клочках бумаги: «Завтра не приходи. Будет Мымра с внучками», «В полночь за одноглазым рыцарем. Зелье почти готово», «Великаны атакуют. Не забудь катапульту!»

Наверно, лицо у меня сделалось очень уж выразительным, потому что Данкир осторожно спросил:

- Не помните, ваше величество?

Я покачала головой.

- Это игра. Я не знаю всех правил, но, кажется, вы с Эдом, когда были маленькими, представляли, что в королевском дворце обитают великаны и прочие колдовские твари

вроде этой Мымры, то есть, прошу прощения, вдовствующей герцогини Оллард. И отправлялись сражаться с ними, как только представлялась возможность удрать от наставников.

- Наверно, ради этих сражений я и пыталась научиться скатываться по перилам...

- Не исключаю, ваше величество. И, думаю, здесь есть записки и последних лет. Я не считал возможным читать всё.

- Быть может, Эд забрал их с собой?

- Вряд ли. Коробка была закрыта, ваши послания аккуратно уложены. Это уже я немного поворошил, искал, нет ли чего на дне, но увы...

- Так, - перебил канцлер, - вы сравнили полученные образцы с теми, что обнаружили в спальне ее величества?

- Да, ваше превосходительство. Головой ручаюсь, это был Эд. Только не возьму в толк, что на него нашло...

- Он сказал - возможно, это вы его предупредили, - сказала я.

- Предупредил? О чем? - растерялся Данкир.

- Эд уверял, что за ним охотятся, и не кто-нибудь, а именно вы - по приказу Одо. Но поскольку вы старые друзья, то...

- Не знаю, ваше величество, может, теперь у меня начались провалы в памяти, но я никаких приказов касаемо Эда не помню.

- Правильно, я решил немного повременить с этим, - кивнул канцлер. - И не смотрите на меня так, ваше величество, на этот раз ошибки быть не может. Вы обещали написать распоряжение лично, но не будить же вас было?

- А... сколько я проспала?

- Весь вечер и часть ночи. Сейчас уже светает.

- Времени прошло изрядно, - вставил Данкир. - То есть, ваше превосходительство, я понимаю ваши мотивы, но лучше бы вы отдали устное распоряжение полковнику Аннарду или напрямую мне, а ее величество подтвердила его после.

- Я, по-вашему, вообще спать не должен? - с плохо сдерживаемым бешенством в голосе проговорил канцлер. - И заниматься прочими делами?

- Ваше превосходительство, я вовсе не это имел в виду! Но раз вы говорите о прочих делах, быть может, вас что-то отвлекло? Настолько, что вы на время позабыли об Эде?

- Да, отвлекло. Но с вами я это обсуждать не намерен. Скажу лишь - дело государственной важности.

- А Эд в постели ее величества, значит, ерунда...

- Данкир, я сошлю вас в самый дальний гарнизон, какой только сумею вспомнить, если вы не научитесь держать язык за зубами. И обещание ее величества сделать вас главным придворным магом меня не остановит, потому что оно так и осталось словами.

- Меня?.. - маг посмотрел на меня, и я улыбнулась. - То есть... Нет, благодарю, ваше величество, но лучше уж быть гарнизонным магом у Богини на задворках, чем занять место мэтра Оллена!

- Я же вам говорил, - удовлетворенно сказал мне канцлер. - Он не согласится. Я бы на его месте точно отказался. Слишком опасно, работы выше головы, а выгод не так уж много.

- То-то вы до сих пор не оставили свою должность, Одо!

- У меня не было выбора. И теперь нет.

- Я вовсе не об этом говорю, - встрял Данкир. - Вы самого мэтра Оллена спросили, готов ли он уступить свое место какому-то молокососу? А то к работе я привык, выгоды не ищу, с опасностями как-нибудь справлюсь, но только если они не будут исходить от мэтра. Я ему в подметки не гожусь, уж простите, ваше величество... Молод слишком, опыта мало, да и силы у нас несравнимы, если на то пошло.

- Значит, пока вы будете моим личным магом, - нашлась я. - Если, конечно, вас действительно не пугают всевозможные... м-м-м... приключения.

- Никоим образом, ваше величество, - Данкир хитро улыбнулся. - Только пускай его превосходительство сам сообщает полковнику о моем переводе. Куда, кстати?

- В тайную канцелярию, под мою руку, - ответил Одо. - Устроит?

- Более чем, ваше превосходительство. И форма их мне больше к лицу... - маг прищурился и вдруг спросил ни с того ни с сего: - Позволено ли мне будет узнать, почему ее величество ночует в старом охотничьем домике, а не в особняке на побережье, в чем все уверены?

- Там тоска смертная, Син, - сказала я, по наитию назвав его тем именем, которым называли Дагна-Эвлора и Эд. - А во дворце ещё хуже - шагу в простоте не ступишь, а сколько кругом людей... я и решила немного отдохнуть от всех.

- Я пошел на поводу, и вот что вышло, - мрачно добавил канцлер. - Так что скажете по поводу этого преступного проникновения, Данкир?

Маг сразу собрался.

- У меня только один вариант, ваше превосходительство. Кто-то помог Эду попасть в опочивальню ее величества. Более того, этот кто-то сначала убедил его в том, что по следу уже идут королевские ищейки со мной во главе, а затем снабдил порталом. Это не так-то просто - особняк отлично защищен, я бы вряд ли сумел проникнуть без труда... - он зачем-то посмотрел на потолок. - Хотя с Эда сталось бы забраться через окно. Впрочем, на них сигнальные чары.

- Покороче, Данкир, очень вас прошу.

- Я уже закончил, ваше превосходительство.

- Что, только одна версия?

- Другие не укладываются во временной промежуток и не соответствуют ни моим сведениям об Эде, ни обычной человеческой логике.

Лицо Одо выразило сдержанное недоумение.

- У Эда нет и не может быть фамильного портала, подобного вашему. Это слишком большая редкость, ваше превосходительство. Тем более, я бы наверняка почувствовал такую штуковину у Эда, как ощущаю вашу, да и у него бы язык за зубами не удержался - он непременно бы похвастался, а я бы костями лег, чтобы выпросить эту штуковину ненадолго и исследовать в меру сил и способностей... Но, повторяю, у него никогда не было ничего подобного, - Данкир шумно вздохнул и продолжил. - Время... Тут, полагаю, объяснять не нужно. Отчего Эд так долго выжидал? Нет, я подозреваю, что спал непробудным сном после таких возлияний, а вот потом... Кто его разбудил и сообщил о несуществующем приказе? Кто мог подслушать ваш разговор с ее величеством? Кто подсказал Эду, что нужно бежать? И почему Эд схватил деньги и драгоценности - в тайниках были именно они, я точно знаю, - но не самое дорогое свое достояние? Я об этой коробочке с записками... А самое главное: почему он решил искать ее величество здесь, не в приморской резиденции, и как проник в дом?

- И у вас, конечно же, есть ответы, Данкир?

- Да вы их и сами знаете, ваше превосходительство. Вернее, один ответ: Эд действовал не своей волей, а почему именно так... К сожалению, не могу сказать. Не владею

деталями этой... хм... скажем, операции.

- Найти его вы можете? - коротко спросил канцлер.

- Нет. Отследить портал по силам только очень сильному магу. Если бы след был совсем свежим, я бы, может, справился, но времени прошло достаточно, чтобы он рассеялся.

- А опознать его тип? Создателя?

- О, я все ждал, когда же вы спросите, ваше превосходительство! - обрадовался Данкир, выдержал паузу и сказал: - Вы будете смеяться, но тип мне совершенно не знаком, а создатель - совершенно точно не мэтр Оллен! И не говорите, что я могу ошибиться: будто я не передавал мэтру шесть раз практику по этим самым порталам и не узнаю его руку из тысячи. Даже если бы он зачем-то решил скопировать чужую манеру, все равно его собственную так легко не спрячешь.

- Да чтоб вам всем провалиться с этой магией! - только и смог сказать канцлер, и я его понимала. - Идите работайте, Данкир. Заодно можете заказать новую форму: приказ о переводе будет готов к полудню.

ГЛАВА 17

Порталы порталами, а меня ждал обычный день.

Посещение госпиталя было обставлено со всеми предосторожностями – охраны оказалось больше, чем свитских девиц, и порой эта толпа не вмещалась в коридоры.

Кучер наш понемногу шел на поправку: руку удалось спасти, а зрение... об этом пока рано было говорить. Среди прочих пострадавших тяжелых не было, но все они жались к стенам коридора, когда я шла мимо, а самые смелые пытались коснуться края платья. Наверно, повязки кучера действительно разобрали на амулеты, подумала я. Правда, большая часть ткани принадлежала баронессе Эррен, но кто об этом думает?

- Где те двое, что пришли на помощь? – спросила я начальника госпиталя, который сопровождал меня в экскурсии по своим владениям. – Хирург из лечебницы для бедных и цирюльник, если не ошибаюсь?

- Здесь, ваше величество, – мгновенно заledenевшим голосом отозвался тот и выпрямился, застыв в неестественной позе. – Прикажете позвать?

- Нет, я хочу взглянуть на них в естественной среде, если можно так выразиться, – улыбнулась я в ответ. – Так где они?

- Прошу, ваше величество... Но, боюсь, зрелище может оказаться не...

- Непригодным для моих глаз? Оставьте, право, в обморок я не упаду.

- А в случае чего, найдется, кому подхватить, – добавила баронесса Эррен из-за моей спины. О да, она легко бы подняла меня на руки, не сомневаюсь!

- Как будет угодно вашему величеству, – сказал он, и процессия двинулась дальше, покуда не застряла у дверей, из-за которых слышалось азартное:

- Зажим, Бим!

- Вот он, сударь.

- Иглу. Да поживее, что вы копаетесь? Если вы так бреее клиентов, то не удивляюсь, что прогорели...

- А если вы всегда так шьете, сударь, удивляюсь, что ваши пациенты вообще выживают.

- Поменьше болтайте, смотрите и учитесь, Бим... Тампон!

- Прошу... Так я и учился, сударь, только вы меня вышибли с третьего курса.

- Неужто? Не помню. За что же?

- Не сдал экзамен с третьей пересдачи. Не задерживаются у меня в голове научные слова. Как что выглядит, где искать и даже как лечить кое-что, помню, а названия вылетают, хоть ты тресни! Еще тампон?

- Извольте, Бим...

Когда двери распахнулись, плешивый врач свирепо взглянул на нас и замахал свободной рукой. Окровавленный тампон полетел в мою сторону, но ударился о невидимую стену – Данкир постарался – и шлепнулся на пол.

- Продолжайте, господа, – сказала я. – Я подожду. Заразы мы не нанесем, не беспокойтесь.

И что же? Они продолжили, не обращая внимания на визитеров. Сестра милосердия, пораженная увиденным, уронила поднос с инструментами, но они уже и так были грязными, поэтому не страшно...

За моим плечом гневно сопел начальник госпиталя, а я замороженно наблюдала за руками хирурга – длинные узловатые пальцы сновали с непостижимой скоростью. Короткопалые пухлые ручки цирюльника Бима подсовывали тампон или нужный инструмент прежде, чем врач успевал отдать распоряжение.

- Что там за операция? – шепотом спросила я.

- Пострадавший в драке, ваше величество, с ножевыми ранениями, - отозвался начальник. - И... право, это сущее безобразие!

- Драка? Согласна.

- Нет же, ваше величество, я о происходящем... Это ведь королевский военный госпиталь! – он произнес это с придыханием. – А сюда вслед за Боммардом уже потянулись... такие вот уличные драчуны, бродяги, нищие! Каково будет достойному человеку столкнуться с таким, выйдя поутру в коридор?

- Так ведь госпиталь почти пуст, – непосредственно заметил Дансир. – Войны нынче нет, раненых бойцов – тоже. Старые генералы, страдающие подагрой, обычно лечатся дома. Тем немногим, кого мучают старые раны, обычно тоже нет нужды постоянно пребывать в госпитале. Так чем же вы так возмущены, сударь?

Я знала, чем именно он возмущен, благо успела перед визитом ознакомиться с личным делом Хайго Боммарда. Подполковника медицинской службы Боммарда, бывшего начальника этого самого госпиталя и преподавателя медицинского училища, разжалованного дюжину лет назад. За что – я не поняла. Одо объяснил коротко: Боммард требовал, чтобы в госпитале принимали не только высокопоставленных больных и пострадавших в боевых действиях офицеров (к слову, рядовых сюда никогда и не привозили), а всех без исключения, в особенности тяжело раненых, неважно, будет это пострадавший в перестрелке полицейский или напоротившийся на нож бродяга. Кто-то пустил слух о том, что доктор разводит в госпитале заразу, спускает казенные деньги на нищих, и разразился скандал...

Одним словом, Боммард ушел сперва с поста начальника госпиталя, а потом оставил и преподавание. Наверно, ученики думали о блестящей карьере, быть может, даже придворных врачей, а не о том, как станут день за днем штопать бездомных и вправлять вывихи драчунам, и не желали такого учителя. Или, что вернее, его не хотело видеть руководство училища.

Боммард пропал, но, как выяснилось, не опустил руки: у него хватало собственных средств на то, чтобы содержать небольшую лечебницу для бедных. Он не гнушался никакой помощью, и кое-кто из коллег, учеников и даже бывших больных время от времени посылал ему немного денег.

И вдруг Боммард волею случая оказался на прежнем месте! Могу представить его радость при виде самых современных инструментов и материалов, в которых тут не было недостатка, не то что в его лечебнице...

Выкинуть его отсюда никто не мог: сама королева приказала присмотреть за ее кучером, а тому еще далеко было до выздоровления... Пока же Боммарду под горячую руку попали очень и очень многие, включая начальника госпиталя, судя по его кислой физиономии. Ну а цирюльник Ирги Бим действительно очень умело ассистировал. Пускай ему не давалась наука, зато руки были приставлены нужным концом...

Вот только скандал повторится, подумала я, раз уж за Боммардом потянулись его пациенты. Слухи распространились по столице с невероятной скоростью, и я сама видела по пути в госпиталь, как идут туда самые разные люди. У ворот уже собралась изрядная толпа, и далеко не все явились поприветствовать королеву. Мой кортеж провожали настороженными взглядами и наверняка гадали: что-то скажет ее величество на такое самоуправство Боммарда? Может, этот вот человек с ножевым ранением – единственный, кому повезло попасть в госпиталь, причем Боммард протащил его туда буквально с боем, а остальным придется идти обратно, в ту крохотную лечебницу?

- Скажите, господин Видард, - светски начала я, - правда ведь, что в этом госпитале служат лучшие врачи Дагнары?

- Разумеется, ваше величество!

- Хм... А чем же они занимаются днями напролет, если пациентов, считай, нет, и госпиталь стоит пустой? Быть может, повышают квалификацию? Изучают труды зарубежных светил? Проводят эксперименты? Разрабатывают какие-нибудь новые методики лечения?

- У... у многих частная практика, ваше величество, это не запрещено уставом, - выдавил он.

- Прекрасно! Знаете, я слабо в этом разбираюсь, но слышала, что медицинская наука не стоит на месте. Например, недавно в газетах писали, что в Иссене хирурги ухитрились пришить работнику руки, которые оторвало каким-то механизмом на фабрике, и эти руки действуют почти так же хорошо, как прежде. Наши врачи тоже способны на это?

- Уверен, что способны, - четко ответил Видард.

- Почему тогда никто из них не взялся помочь моему кучеру? Я ведь не ошибаюсь: ему грозила ампутация? Я правильно назвала?

- Да, ваше величество.

- Так где же были все ваши титулованные специалисты? Занимались... хм... частной практикой?

- Боюсь, что так... к тому же, - нашелся Видард, - господин Боммард все равно никого не подпускал к своему пациенту. Ну а остальные легко отделались...

- А если бы нет? Если бы тяжело раненых оказалось больше? Хвала Богине, что обошлось, - я на мгновение воздела взор к потолку, как делала это госпожа Увве, - но выходит, госпиталь не был готов к наплыву пациентов?

- Ваше величество, - шепнул Данкир, - спросите лучше о другом...

- О, верно. Если бы во время нападения пострадал его превосходительство, кто-то из моих свитских или даже я сама, нам тоже некому было бы оказать помощь? И не напоминайте мне о порталах и дворцовых врачах! Представьте, что их нет, порталы не работают, а госпиталь - вот он, рукой подать. Ну же, отвечайте: сумели бы ваши подчиненные пришить мне ноги так, чтобы я вскоре на них встала и даже смогла танцевать, как прежде?

- Не сумели бы, - сухо ответил вместо него Боммард, на мгновение оторвавшись от художественной штопки раненого, как метко назвал его работу Данкир. Признаюсь, манера молодого мага шепотом комментировать происходящее, причем так, что слышали его только я и Одо (и тот не всегда), изрядно раздражала, но заставить его умолкнуть было невозможно.

- Уверены?

- Так точно, ваше величество, - он снова взялся за иглу. - Частная практика, надо же! Хотел бы я проверить, что они там... напрактиковали в уютных особняках, для чьих обитателей расстройство желудка или простуда - уже трагедия...

- О, это очень легко сделать, - сказала я. - У вас, полагаю, в разы больше опыта, чем у любого из них. И вы были преподавателем. Следовательно, нужно просто устроить экзамен, принимать который будете вы. Пускай... как это?..

- Подтвердят квалификацию, - подсказал канцлер. Судя по его взгляду, он получал определенное удовольствие от устроенного мною спектакля, но в то же время был чем-то обеспокоен.

- Именно!

- А наглядного материала полным-полно у ворот госпиталя, - не смог удержаться Данкир, поймал неодобрительный взгляд Боммарда и добавил: - Прошу извинить, но...

Не на муляжах же экзаменуемым демонстрировать свои познания и способность отличить чесотку от какого-нибудь лишая. Еще раз вынужден извиниться: к медицине отношения не имею, поэтому...

- Поэтому что, завалили экзамен по медицинской экспертизе? - сощурился Боммард. - Не врете, молодой человек. Я вас помню - на подготовительных курсах вы упали в обморок при виде вскрытого трупа. Впрочем, не вы первый, не вы последний... Однако, если не ошибаюсь, вы собирались идти на службу в следственное управление, а стало быть, обязаны знать многое не хуже практикующего врача, а может, и лучше.

- Я искренне надеялся, что вы позабыли мой позор... - пробормотал Данкир.

«Наконец хоть кому-то удалось его смутить!» - читалось в глазах канцлера.

«Но не заставить молчать», - вздохнула я.

- Я ничего не забываю, молодой человек, - сухо ответил Боммард и поднял руки. - Все, Бим, готово.

- Ювелирная работа! - сказал тот с такой гордостью, будто сам зашивал раны. - Может, господа желают полюбоваться?

- Я бы не отказалась, если господин Боммард не возражает, - опередила я канцлера. - Никогда не видела ничего подобного.

- Это вам не музей, - буркнул тот, отмывая окровавленные руки. - Но что уж... Смотрите, только извольте не трясти волосами и прочими... кружевами!

- Я прикрою господин Боммард, я же маг все-таки, - не утерпел Данкир. - А маг из меня куда лучший, нежели эксперт.

Тот только губы поджал и отвернулся. Даже спина Боммарда выражала недовольство вторжением в святая святых - операционную, - но мне казалось, что в глубине души он торжествует. И пускай он не пришивал оторванную снарядам руку какому-нибудь орденосному генералу, а всего лишь штопал уличного драчуна (вполне вероятно, вора, бандита и убийцу), но...

- В самом деле, я бы лучше не вышила, - сказала баронесса Эррен, с огромным любопытством разглядывая швы. - Сразу видно руку мастера!

Свитские девицы тянули шеи - им тоже было интересно, но и страшно, а ещё они конфузились, потому что бессознательный пациент был едва прикрыт простыней.

- Благодарю за комплимент, сударыня, - отозвался Боммард, присмотрелся к ней получше и уточнил: - Вы, случайно, не родня барону Эррену?

- Это мой супруг. Вы знакомы?

- Да, доводилось вынимать из него пару пуль. Давно, еще когда он был не генералом, а простым капитаном, а я - обычным военным врачом. Потом видел его при дворе, вас тоже, но не имел быть чести представленным.

- Ничего, это упущение никогда не поздно исправить, - баронесса подала руку, и Боммард приложился к ней коротким поцелуем. - Весьма рада знакомству, сударь. Если я правильно поняла, в какое именно время вы повстречались с моим супругом, то... Если бы не вы, я никогда бы его не узнала.

- Вполне вероятно. А теперь, будьте любезны, выйдите. Нужно отправить этого молодчика в палату.

- А он не станет буйствовать, когда придет в себя? - спросила баронесса.

- Попробует - отправится на улицу. Все это знают. Равно как и то, что я никого не выдаю полиции.

- Боюсь, в этом госпитале так не выйдет, - негромко заметил Одо.

- Понимаю. Что ж, придется совмещать эту службу... с частной практикой, - ядовито улыбнулся Боммард.

- Вас ещё не приняли на службу, - заметил начальник госпиталя. Лицо его пошло красными пятнами.

- Бюрократия, - изрек тот и посмотрел сперва на меня, затем на канцлера. - Ваше величество, ваше превосходительство... вы действительно желаете, чтобы я устроил этот смехотворный экзамен для сотрудников?

- Да, желаю, - ответила я прежде, чем Одо успел открыть рот. - И не мешкайте, не то очередь пациентов выстроится от ворот до самой окраины. Ах да, и прикажите этих больных хотя бы мыть перед осмотром. Вряд ли здесь нужны вши и блохи или что похуже...

- Без вас бы не догадался, - фыркнул Боммард. - То есть прошу прощения, ваше величество. Не думал, что вы в курсе подобных мероприятий.

Я была еще как в курсе: после выходных и каникул в пансионе всех домашних девочек строго досматривали, и если обнаруживали хоть у одной насекомых... разверзались владения Безымянной! Несчастную, разумеется, отправляли домой либо в карантин, если она была издалека, а в пансионе начинали мыть, стирать и кипятить, и обрабатывать всё и вся едкой, на редкость вонючей жидкостью. Госпожа Увве панически боялась заразы, которую могут переносить насекомые - я слышала, что она потеряла семью во время послевоенной эпидемии, - поэтому у нас царила идеальная чистота. И хорошо: за всю историю приюта воспитанниц ни разу не приходилось стричь наголо, как это случалось в других заведениях, - поди выведи вшей из длинных волос!

Впрочем, об этом никому знать не следовало, и я скромно промолчала.

- Ее величество интересуется историей и много читает, в том числе о событиях последней войны, - нейтральным тоном произнес канцлер.

- Очень похвально для столь юной особы.

Кажется, Боммард то и дело забывал, с кем именно разговаривает.

- Ваше величество, я могу считать себя отстраненным от должности? - негромко произнес Видард. - В таком случае, я готов в любой момент передать дела преемнику и...

- Еще чего не хватало! - перебил Боммард. - Не слушайте его, ваше величество. Как начальник этот господин весьма хорош. В госпитале царит идеальный порядок, в кладовых всего достаточно, в операционных тоже, палаты хороши. Очевидно, с финансами господин Видард управляться умеет лучше, нежели с персоналом. Поэтому, сделайте милость, оставьте его на прежнем месте, а людей... людей я найду. После того, как выгоню половину бездельников!

- Многие будут весьма недовольны... - пробормотал Видард, обретая нормальную окраску. Кажется, такой поворот ему и не снился.

- Чем? Тем, что смогут оставить скучную службу и целиком отдаться доходной частной практике? - еще более ядовито, чем прежде, улыбнулся старый врач. - Что касается вас, сударь, у меня не будет времени на то, чтобы подписывать накладные на всякие там... простыни и провиант для пациентов и сотрудников. Этим вы и займетесь... если ее величество будет так любезна удовлетворить мою нижайшую просьбу.

- Я бы назвала это требованием, сударь, но поскольку вы правы - у вас без того достанет хлопот, - будь по вашему, - ответила я. - Когда будете готовы провести экзамен, пришлите мне приглашение, будьте любезны. Желаю присутствовать при этом историческом моменте. И вот ещё - я хочу, чтобы вы осмотрели кое-кого.

- Сию же минуту? - Боммард покосился на заляпанный кровью фартук. - Если у какой-то из светских девиц вдруг разболелась голова, думаю, она может немного подождать, пока я переоденусь...

- Вас известят о времени визита, - перебил канцлер. - Ее величеству пора отдать дань

другим, не менее важным делам.

- Благодарю, сударь, это был интереснейший опыт, - кивнула я. - Постарайтесь не ссориться с господином Видардом.

- Уж постараюсь, - буркнул Боммард. - Лишь бы не воровал...

- А я присмотрю, - тут же вставил Бим. - Я это очень живо замечаю, если где какая недостача. Может, врача из меня не вышло, а денежкам счет знаю. Надо было счетоводом идти, эх!

- Переучиться никогда не поздно, хотя ассистируете вы действительно неплохо, Бим. Идемте, Видард, обсудим дальнейшие действия... Мне маги нужны, пусть даже слабые. Есть у вас?

- Но для чего?..

- Не вручную же отмывать всех этих бедолаг... и дезинфицировать после них помещения. Врачей я сам найду, а вы мне магов добудьте - хотя б десяток, чтобы могли работать посменно.

- Постараюсь, но...

- Вы не старайтесь, вы делайте!

Судя по всему, им было уже не до нас.

На выезде из ворот госпиталя нас обступила толпа, и мне сделалось не по себе: вдруг снова появится какой-нибудь бомбист? Конечно, Данкир рядом, но что если он не успеет среагировать?

- Ваше величество... - шелестело кругом. - Ваше величество... скажите, Богини ради, что теперь будет? Где наш доктор?

- Ну надо же! - вслух восхитился Данкир. - Какая всенародная любовь!

- Скажите им что-нибудь, - бросил канцлер. На меня он не смотрел и, кажется, был чем-то недоволен. Впрочем, я догадывалась, чем именно.

- Доктор Боммард останется здесь! - послушно произнесла я. Наверно, Данкир усилил магией мой голос, потому что толпа притихла. - По-прежнему будет лечить всех, и вас скоро пустят в госпиталь!

- Вы забыли добавить - лечить за медный нар, а то и вовсе бесплатно, - сквозь зубы произнес канцлер, а я, не успев обдумать его слова, повторила их.

Наверно, это была самая короткая и самая дурацкая королевская речь во всей истории Дагнары, но... Меня едва не снесло волной ликования, клянусь!

- Неужели у нас все настолько скверно обстоит с медициной? - пробормотала баронесса, глядя, как люди кланяются вслед кортежу. - И это в столице... Что же делается в провинции?

- Поезжайте и проверьте, - ответил ей канцлер. - Может быть, встретитесь по дороге с графиней Ларан, она как раз инспектирует приюты и пансионы.

- С вашего позволения, я действительно хотела бы предпринять такую поездку, - невозмутимо сказала она. - Разумеется, если ее величество сочтет возможным отпустить меня на некоторое время со службы, на которую я заступила совсем недавно.

- Можете считать это моим заданием, - улыбнулась я. - Вы не возражаете, Одо?

- Никоим образом. Правда, тогда вновь нужно будет искать замену старшей даме, пускай и временную.

- О, пригласите мою кузину, ваше превосходительство! - тут же встряла баронесса. - Она замужем за графом Эттари...

- Главой Общества исследований природы? - по-моему, канцлера заметно перекосило.
- Как же, слышан. Имел удовольствие встречаться... весьма сомнительное, прошу простить. Если графиня разделяет убеждения супруга, то на этот раз мы, очевидно, будем спасать не сироток и нищих больных, а каких-нибудь редких птичек. Или посылать экспедиции в неисследованные области.

- Вы так говорите, будто это что-то плохое, - фыркнула баронесса и откинулась на спинку сиденья. - Впрочем, воля ваша.

- Если ваша кузина похожа на вас, я не возражаю, - сказала я.

- Мы совершенно не похожи внешне, но характером - словно близнецы, ваше величество, - широко улыбнулась баронесса.

- Это-то меня и пугает... - только и сказал канцлер.

ГЛАВА 18

Я прекрасно понимала, что Одо обрушит на меня громы и молнии за опрометчивые слова, сказанные в присутствии многих, но страшно мне не было. В конце концов, я не ради себя это затеяла!

Так я и сказала канцлеру, когда он без долгих слов крепко взял меня за руку и буквально швырнул в портал – в Химмелиц, куда же еще...

– Да, я уже заметил: вами движет желание облагодетельствовать всех, кто попадется под руку, – мрачно ответил Одо. – Хорошо, пускай сиротки и больные, это я ещё могу понять... Но на этот-то раз что вам взбрело в голову?

– Вы будто не поняли? Надо, чтобы Боммард осмотрел ее величество!

– Вы с ума сошли?

– Нет! Погодите, не перебивайте, позвольте сказать... – скороговоркой выпалила я, схватив его за руку, дождалась кивка и продолжила: – Вы сами говорили: ее величество лечили лучшие врачи и маги. Но Боммарда среди них не было, он тогда уже несколько лет как оставил место в госпитале! А он – лучший из лучших, так может, сумеет хотя бы заметить что-то, чего не увидели остальные?

– Так... – Одо высвободил рукав из моих пальцев и отошел к окну. – Мотивы ваши мне понятны. Не понятно другое: как вы намеревались воплотить это в жизнь? Нельзя просто взять и привести Боммарда в особняк у моря. Там слишком много людей.

– Данкир нам на что? Пускай отвлечет внимание! А ещё можно порталом переправить ее величество в госпиталь. Да, вы скажете, что там людей еще больше, но ведь это и хорошо: среди десятков больных разве кто-то обратит внимание на одну девушку? Тем более, если она и из палаты не покажется...

– А сам Боммард? Вы полагаете, он умолчит о таком... о такой сенсации? Он ведь известный правдолюб!

– Зачем говорить ему, кто такая пациентка на самом деле? Пусть будет... одной из тех девочек из Королевского пансиона, которых наградили за отличную учебу, и которые ехали одним поездом с их величествами. Почти все ведь погибли, так? А она вот выжила, и я хочу ей помочь... – я с трудом перевела дыхание. – И почему тайно? Если пригласить доктора в особняк, это будет вовсе и не тайно. Вот родителей нет рядом – это выглядит странно... но, может, эта девочка сирота, в Королевском пансионе ведь и такие учились, так? И я – то есть ее величество, – принимаю участие в ее судьбе, только и всего!

– Если вы полагаете, что Боммард не заметит сходства... не внешнего – внешность изменить нетрудно, – а характера травм, то вы сильно ошибаетесь, сударыня.

– Как же он заметит это сходство, если никогда не осматривал ее величество? Откуда ему знать, что именно с ней случилось? В газетах могли писать что угодно, но журналисты ведь не разбираются в медицине и могут перевернуть все термины, так? А точные-преточные описания ранений ее величества вряд ли показывали кому попало, или я ошибаюсь? – я осеклась. – Одо? Почему вы молчите? Думаете, что Боммард посредством старых связей мог что-то узнать?

– Нет, я думаю о том, что вы, сударыня, порой напоминаете чрезмерно разогнавшийся локомотив, – без улыбки ответил канцлер. – Его, конечно, можно остановить, но далеко не сразу... хорошо, если рельсы окажутся целы, насыпь не размочет, и никакой глупый селянин не открутит гайку-другую. И я, кажется, понял, в чем тут дело.

– В чем же?

– Поначалу я думал, что вы по неопытности не придаете значения величине препятствий на своем пути. Но нет, ошибся: вы даже не подозреваете об их существовании, попросту не видите, а потому и не думаете притормозить и сносить их на полном ходу. Но это, повторяю, до первого... и, возможно, последнего крушения.

Препятствия? О чем он говорит? Я ведь ничего особенного не сделала...

- А ещё вы наверняка вспомнили, что сказал мэтр Оллен о вкусе власти, - пробормотала я. - Если я его почувствую...

- Понравилось?

- Да, - не стала я лгать. - Но разве я сделала что-нибудь дурное?

Одо покачал головой.

- Странное - с точки зрения большинства - возможно. Но никак не дурное. Всё это - ваши развлечения с оплатой ночного труда, с пансионатами, теперь вот с госпиталем - списывают на юношеский максимализм. И даже признают, что некоторые решения приняты очень вовремя.

- Это придворные так считают? - спросила я.

- Да. В том числе члены кабинета министров. Но, по словам одного из них, чем бы дитя ни тешилось, лишь бы в серьезные дела нос не совало.

Как меня это ободрило - слов подобрать не могу!

- А вот в народе королева любима. Мало чудесного спасения, теперь она еще и вершит добрые дела. Учтите, скоро нас завалят всевозможными прошениями, и раз уж вы решили использовать образ снизошедшей до простых смертных юной Богини, придется соответствовать.

- Я постараюсь, - сказала я. - Только вы переменяли тему, Одо. Мы говорили о докторе Боммарде и настоящей Эве. Нужно показать ее ему.

- Мэтр Оллен будет в восторге...

- Если узнает. А даже если так, что с того? Может, Боммард ничего и не найдет, и не посрамит славу великого мага! Хотя, - добавила я, - если ему вдруг удастся найти причину болезни ее величества, я с удовольствием посмотрю на выражение лица мэтра Оллена!

- Я тоже, - неожиданно улыбнулся канцлер. - Хорошо. Убедили. Попытаться нужно. Я подумаю, как это лучше устроить и когда.

- Лучше поскорее, потому что скоро Боммарду станет не до посторонних девиц. Вы же понимаете: экзамены, подбор новых сотрудников, больные...

- Верно... Тогда послезавтра на рассвете. Только вот внешность... Эва, конечно, очень изменилась за это время, но если вы будете стоять рядом - а вам придется, - он может заподозрить неладное.

- Он прежде всего врач, Одо, - сказала я. - Он не имеет права разглашать тайну пациента. Но можно взять с него кровную клятву - просто на всякий случай.

- Без мага не получится.

- А Данкир на что?

- Он, по-вашему, не отличит настоящую королеву от поддельной, когда окажется рядом с обеими? Если уже не отличил, - мрачно добавил канцлер.

- Вот именно! Я же сказала, как именно он поклялся, неужели забыли? Королеве, а не Дагне-Эвлоре и не Эвине Увдир! А раз я временно исполняю обязанности ее величества, то ничего он не сделает и не скажет...

- Искренне на это надеюсь. Но доверяться магу не желаю. Мэтра Оллена с меня более чем достаточно.

- Ну и зря! Если некому довериться, не на кого положиться, так и надорваться недолго! И что будет с Дагнарой, если вы свалитесь от усталости или вас, не приведи

Богиня, удар хватит? С ее величеством? Нельзя так!

Канцлер медленно выдохнул, сгибая и разгибая подвернувшуюся под руку кочергу. Кажется, он собирался разжечь камин, но позабыл. Не страшно, мне было жарко от злости...

- Если вы сейчас сожмете кулаки, затопаете ногами и швырнете в меня чем-нибудь, то станете копией Эвы, - произнес он.

- Я никогда себя так не веду, - я невольно выпрямилась и вздернула подбородок. - В нашем пансионе девушек, похоже, лучше обучают манерам, чем в королевском дворце.

Воцарилось молчание, тяжелое и холодное, как рука Безымянной.

- Послезавтра на рассвете, - произнес канцлер и встал, отбросив кочергу. - И молитесь Богиню, чтобы мэтр Оллен не заглянул посмотреть, чем это мы занимаемся. Не представляю, как он может отреагировать.

Я невольно покосилась на изображение Богини, потом Безымянной и подумала, что молить, пожалуй, нужно обеих.

Мне показалось, что обе они на этот раз улыбаются одинаково.

Остаток этого дня и следующий я провела как на иголках, только отмечала, о чем сообщал Одо: Эд пропал бесследно, как не бывало. У соседей покамест не объявлялся либо не успел себя выдать.

Бомбист молчал, что бы с ним ни проделывали, и Данкир готов был расписаться кровью в том, что память несчастного стерта подчистую. Осталось только безумное - не факт, что не внушенное, - желание во что бы то ни стало уничтожить Дагну-Эвлору, последнего отпрыска королевской семьи, порождение Безымянной, что бы это ни значило. Данкир успел уже поднять на ноги всех специалистов по мало-мальски известным культам, но те ничего внятного сказать не могли. Однако это была единственная зацепка, а зная упорство молодого мага, я была уверена, что он будет искать, покуда не обнаружит хоть что-нибудь подходящее.

Правда, пришлось отвлечь его ненадолго...

Признаюсь, я опасалась его реакции, но он сказал только, выглянув в приотворенное окно и вдохнув соленый морской воздух:

- Всегда хотел жить где-нибудь в провинции у моря... В старости, конечно же.

И только потом посмотрел на распростертую в постели Дагну-Эвлору.

Она еще больше похудела с последней нашей встречи, если можно так ее назвать. Лицо напоминало череп, обтянутый кожей, глаза ввалились, волосы поредели. Руки походили на птичьи лапки, а тело едва можно было различить под одеялом.

Сон ее был тяжелым и беспробудным - наверно, Одо накапал какого-нибудь зелья, чтобы королева не проснулась в самый неподходящий момент. Откуда, интересно, он берет все эти снадобья? Не удивлюсь, если сам готовит, потому что никому не доверяет.

- Богиня двуединая... - выговорил Данкир и поднял руку в знакомом жесте - я видела его у старух в нашем городке. - Ее вели...

- Так вы догадались? - осведомился канцлер, взглянув на меня, мол, что я говорил?

- Я не догадался, ваше превосходительство, я сразу понял, что передо мной не настоящая Эва.

- В самом деле? Каким же образом?

- Рисунок крови разный. Я хорошо умею их различать - в экспертизе без этого никуда. Такие рисунки у всех людей отличны. У родственников похожи, конечно, у близнецов

могут быть почти идентичными, но именно что почти. А у... двух Эв они схожи едва-едва. Они родственницы, но очень дальние.

- Но вы, тем не менее, дали клятву этой Эве, - рука канцлера легла мне на плечо.

- Не ей, королеве Дагнары. Я сразу сообразил, что вы сделали и почему, - Данкир опустил голову. - Двойник получился прекрасный. Не будь я магом, не отличил бы.

- И не будь у меня провалов в памяти... - пробормотала я.

- Да, и это тоже. Узнай вы меня, я не стал бы проверять рисунок крови. Это тяжело, знаете ли, и отнимает много сил.

- Что ж, теперь вам известно главное, - невозмутимо произнес канцлер. Не хочу представлять, как ему далась эта невозмутимость. - Ее величество по-прежнему тяжело больна. Эва исполняет ее роль. Довольно убедительно, на мой взгляд.

- Более чем убедительно, - заверил Данкир. - Мэтр Оллен постарался? Ну, с памятью?

- Кто же еще? Только немного намудрил из неведомых нам соображений. Но мы сейчас собрались здесь не для того, чтобы это обсуждать. Обождите минуту, мне нужно привести Боммарда...

Он исчез, а я покосилась на Данкира и тихо спросила:

- Зачем вы принесли эту клятву? Вы ведь даже не знали, жива настоящая Эва или нет...

- Не знал, но надеялся, - ответил он, неотрывно глядя на спящую королеву. - И угадал. А даже если бы ошибся... У вас не так уж плохо получается. Только вот хороший маг, знакомый с Эвой, мгновенно распознает в вас подделку. Удивлен, почему его превосходительство об этом не подумал.

- Может, положился на мэтра Оллена? Тогда он доверял ему...

- Доверяй, но проверяй, как бабушка моя говорила, - сердито ответил Данкир. - Так, пока никто не видит... Загородите меня своими юбками, скорее!

Я послушалась. Данкир склонился над кроватью, что-то зашуршало...

- Отлично. Несколько прядей волос, пара капель крови, слюны и слез, - сказал он наконец, рассовывая что-то по карманам. - Этого вполне хватит, чтобы замаскировать вас понадежнее.

- То есть вас даже не смущает... сам факт подлога?

- Нет. Это же Одо Химмелиц, - криво улыбнулся Данкир. - Я ведь вам говорил: он все делает во благо Дагнары, как его видит. И я прекрасно понимаю, зачем он все это устроил и как именно. О, кстати, вы спросили его о Каттесене?

- Не успела еще. И потом, я хочу сперва узнать об этом от кого-нибудь другого, но... спросить-то и некого. Вы сказали, что не станете рассказывать, а не свитских же спрашивать? Хотя баронесса, наверно, скажет правду...

- Может, лучше не ворошить это... - с сомнением произнес он, и тут явились канцлер с Боммардом.

- Еще немного, и я ушел бы принимать очередной экзамен, - ворчал доктор. - Вы пораньше не могли явиться?

- Сударь, ещё не рассвело толком.

- И что? Можно подумать, для вас имеет значение время суток... Ваше величество, - он неуклюже поклонился. - А это, очевидно, и есть ваша больная? Выглядит отвратительно... Кто она? Что с ней произошло?

- Это воспитанница Королевского пансиона, - сказала я, как было уговорено. - Она

пострадала, как и я, во время крушения. Только я, как видите, все-таки встала на ноги, а ей делается все хуже и хуже. Она сирота, и...

- Да не щебечите же вы над ухом... - отмахнулся Боммард. - Какая мне разница, сирота она или нет? Хотя... кто-то ведь должен дать разрешение на осмотр.

- Я позволяю, этого достаточно?

- Более чем, ваше величество. Вы, господа, извольте отвернуться. Говорить можете, мне нужно знать, что происходило с этой девушкой после ранения. Ну? Что умолкли? Я не ушами ее осматриваю! Когда стану прослушивать, предупрежу, чтобы вы придержали языки...

Данкир прикрыл рот рукой, делая вид, будто закашлялся, канцлер недовольно дернул углом рта, но подробно изложил историю болезни Дагны-Эвлоры.

- Так... так-так-так... - забормотал Боммард, оправив на ней сорочку и прикрыв одеялом, и на этот раз начала улыбаться я: не было сил удержаться при виде физиономии Одо. - Истощение - просто следствие... Говорите, ее пользовал сам мэтр Оллен?

- Да, я его попросила. Он сказал, что спрятал ее разум в детстве, чтобы ей не было больно. Не совсем поняла, что он имел в виду, но с тех пор Ида хотя бы не кричит от боли, - ответила я, на ходу придумав имя.

- О! Ну конечно! Если у нее теперь разум пятилетнего ребенка, то и потребности соответствуют разуму... Поди впихни в пятилетку взрослую порцию!

- Вот почему она так исхудала...

- Да, но это все чепуха. Тело у нее здоровое, а вот голова... Все дело в ней, да ещё эти маги лезут, куда не надо, - брюзгливо проговорил Боммард, оттягивая ее величеству веки. - Что-то там неладно, но что именно?.. Данкир! Вы ещё не все позабыли? Можете заглянуть в голову человеку? Да не в мысли, что вы так в лице изменились, просто в голову, ну? Помните, где там какая извилина?

- Научные названия без справочника не воспроизведу, но в целом, пожалуй, строение мозга ещё не забыл, - мрачно отозвался Данкир.

- В таком случае, извольте постараться. Если ее величество не возражает, конечно же, - Боммард покосился на меня, и я кивнула. - Зрелище довольно неаппетитное, предупреждаю. Представьте, что с человека снимают череп...

- Я рассматривала анатомический атлас, - перебила я. - Приступайте, прошу. Вы же на экзамен торопитесь, разве нет? И, к слову, почему вы так и не прислали мне приглашение?

- Будто оно вам нужно... и будто хочется смотреть на всех этих несчастных, хромых, косых и припадочных. Это я не об экзаменуемых, если что.

- Вовсе не хочется, вы правы. Но есть такое слово - «надо».

- Вот как? - врач покосился на меня. - В таком случае, милости прошу. Можем отправиться сразу после осмотра. У меня на сегодня приготовлено несколько любопытных экземпляров - посмотрю, как самые титулованные бездельники с ними справятся... особенно в вашем присутствии.

- Одо? У нас найдется час-другой? - я просительно посмотрела на канцлера, и он нехотя кивнул. - Вот и замечательно. Действуйте же, сударь!

Боммард кивнул, подумал и поманил к себе Данкира.

- Начнем отсюда, с лобных долей, - услышала я, - потом посмотрим височные, дальше будет видно.

- Как скажете... - тяжело вздохнул маг, разминая пальцы. - Сейчас, подготовлюсь...

- Это безопасно? - отрывисто спросил Одо.

- Абсолютно, ваше превосходительство. Мы же не немывтыми руками ей в голову полезем. Просто посмотрим... Интересно, к слову, почему мэтр Оллен этого не сделал?

- Может, он не умеет? И даже не в курсе веяний времени? - фыркнул Данкир. - Он же не проходил курс медицинской экспертизы у полковника Боммарда! И вообще, насколько мне известно, мэтр Оллен специализируется по части тонких материй - сознание, подсознание, разум, память и иже с ними... А вот ковыряться в живом человеке... или в неживом, как повезет, - это удел мелкой сошки вроде меня.

- Жаль, что нельзя ампутировать вам язык, - сказал ему Боммард. - Или хотя бы немного его укоротить.

- Зачем, сударь?

- Из жалости. Он вас когда-нибудь до беды доведет.

- Как знать, как знать... - улыбнулся Данкир. - Ну что, приступаем?

Боммард кивнул.

- Тогда направляйте.

Выглядели оба они совершенно буднично, словно проделывали подобное не первый раз - так оно и было, похоже, - а я вот невольно попятилась, наткнувшись спиной на Одо. Все-таки картинки в анатомическом атласе - это одно, а видеть, как у живого человека исчезает череп - совсем другое.

Вернее, он не совсем исчез: сделался почти прозрачным, как и кожа, и волосы. Можно было различить отдельные кости, кровеносные сосуды, хорошо выделялись глазные яблоки... Жуткое зрелище!

Я поняла, что вцепилась в руку канцлера, а он отвечает мне таким же крепким пожатием. Ему, конечно, доводилось видеть всякое, но при такой процедуре, уверена, он присутствовал впервые и, как ни уверял Боммард, что никакого вреда это исследование не принесет, не мог не переживать за Эву.

- Чуть левее, Данкир, - бормотал Боммард, склоняясь над пациенткой. - Резкость можете навести? И увеличьте немного. Да, вот так хорошо... Здесь чисто, перемещаемся глубже...

Не знаю, сколько времени я простояла вот так, вцепившись в окаменевшего канцлера, но наконец Дагна-Эвлора обрела прежний облик, Данкир обессиленно рухнул на стул, утирая взмокший лоб, - что там, у него с волос капало! - а Боммард мрачно посмотрел на нас.

- Ну что, сударь? - сумела я выговорить.

- Боюсь, новости неутешительные, ваше величество, - ответил он. - Я бы даже сказал - скверные.

- Поподробнее, будьте любезны, - негромко произнес Одо. Он так сжимал мою руку, что казалось - вот-вот раздавит мне пальцы. - И, прошу, не забывайте, что мы не сведущи в медицине, поэтому постарайтесь изъясняться как можно проще.

- Да, как с вашими пациентами из числа неимущих, - поддержала я. - Вряд ли они знают всякие мудреные термины, но вы ведь как-то объясняете им, что нужно делать, как обрабатывать раны, например...

- Попроще? Как прикажете, - кивнул Боммард. - В сущности, ничего сложного тут и нет, верно, Данкир?

- Точно так. Все просто и от этого только более печально, - отозвался маг. Поймал взгляд врача и добавил: - Ну уж такое-то даже я в состоянии различить! Хотя экзамен сдавал не вам...

- Вы не безнадежны, - сделал ему комплимент Боммард и снова повернулся к вам. - По

вашему описанию, ваше высокопревосходительство... к слову, почему историю болезни излагаете вы, а не лечащий врач? Кстати, кто он? Кто-то из ваших придворных, надо полагать?

- Я приказала ему убираться прочь, - поспешила я сказать, - пока не замучил Иду насмерть кровопусканиями и еще чем-то таким же неаппетитным.

- Похвальное решение, ваше величество. И, полагаю, вы со своей несчастной Идой надоели его превосходительству до такой степени, что ему проще самому пересказать подробности? - Боммард улыбнулся, как обычно, крайне ядовито. - Хотя я предпочел бы видеть записи, да-с...

Об этом я, каюсь, не подумала. Одо, судя по выражению его лица, тоже. Впрочем, мэтр Оллен, вряд ли он тщательно записывал все свои действия, а на придуманного придворного врача можно свалить, что угодно. Вдруг он тоже не вел записи?

- Так вот... Я вижу след довольно серьезной травмы, - Боммард бесцеремонно указал пальцем в нужную область головы Эвы. - Перелома костей черепа, к счастью, не случилось, хотя, кажется, трещина была. Но вот сотрясение мозга эта девушка получила сильное. И, вероятно, ушиб - вот здесь... а, вы не поймете, даже если увидите! Словом, в мозгу возникла гематома. Надеюсь, не нужно объяснять, что означает это слово?

Объяснения не потребовались, и Боммард продолжил:

- Как ни странно, эту гематому удалили, насколько я могу судить по прошествии столького времени, достаточно быстро и успешно. И сомневаюсь, что это делал частно практикующий врач!

- Сначала Ида оказалась в обычном госпитале, - сказал Одо. - Родные отыскали ее не сразу.

- Вы же сказали, что она сирота, - удивился врач.

Ну надо же так промахнуться!

- Сирота, верно, - пришла я на помощь, - из родных у нее только тетушка, которая живет довольно далеко. Сами понимаете, пока дошли вести, пока она добралась сюда...

- Ну да, и одно дело - принимать на каникулы племянницу, за содержание которой в Королевском пансионе платила корона, если я верно понял, а совсем другое - содержать лежачую больную?

- Именно, сударь. Но я не могу осуждать эту женщину, она...

- Ваше величество, мне совершенно нет дела до какой-то тетушки! Я не ее осматривал, в конце концов!

- Да, верно... Продолжайте, будьте добры.

- Благодарю. Очевидно, в простом госпитале, - подчеркнул эти слова Боммард, - врачи оказались лучше, чем в хваленном королевском военном. Видимо, потому, что видят подобное не раз в год, а постоянно. Вот только бедную девушку забрали оттуда, не дав понаблюдать за ее состоянием, а уж кто и как именно лечил ее дальше, вам лучше знать.

- И что же? - подал голос канцлер.

- Полагаю, серьезная травма, да еще эта гематома, за последствиями удаления которой, повторяю, толком не проследили, дали толчок к развитию опухоли. Данкир, покажите им.

Тот тяжело вздохнул, но протянул руку, и перед нами возник будто срез головы Дагны-Эвлоры. Среди причудливых мозговых извилин притаилось нечто, похожее на белую фасолину.

- Вот она.

- Такая крохотная? - поразила я.

- Да, ваше величество, пока крохотная, но последствия вы, полагаю, наблюдали своими глазами. Если она продолжит разрастаться, вашу Иду ждут не только припадки и головные боли, а ещё слепота, паралич и многое другое. Мозг - очень тонкий и пока еще плохо изученный орган, поэтому я не могу дать никаких прогнозов. Впрочем, - добавил Боммард, - есть ничтожный шанс на то, что опухоль перестанет расти, и девушка сможет ещё какое-то время существовать в таком вот жалком состоянии. Если же не перестанет... Больше полугода я вашей Иде не дам, и это при самом хорошем раскладе.

После долгой паузы канцлер выговорил:

- С этим ничего нельзя сделать? Вы же...

- Хирург? Да, но не посланник Богини, - перебил Боммард. - Мне доводилось проводить трепанацию черепа в полевых условиях, вынимать пули и... впрочем, это ненужные подробности. С такими вещами я тоже имел дело. Правда, опухоли располагались в менее опасных местах. Здесь... О, конечно, если ее величество прикажет, я без колебаний вскрою череп бедной девушке, но шансы на успех... близки к нулю, да. Достаточно неверного движения руки - а кроме всего прочего, я ведь давно не оперировал подобным образом, - и девушка умрет на столе. Или превратится в растение. Правда, в этом случае она хотя бы не будет больше страдать от боли... Одним словом, вам решать, а меня извольте доставить обратно в госпиталь, иначе эти бездельники решат, что я опоздал на экзамен!

- Данкир... - кивнул канцлер, и маг со вздохом поднялся на ноги. - Благодарю, господин Боммард. Вы пролили свет на... эту ситуацию.

- Не благодарите, это моя работа, - сухо ответил тот. - И решайте побыстрее. Пока шансы хоть и близки к нулю, но отличны от него... в положительную сторону. Но еще несколько недель, и я уже не возьмусь за операцию. Да я и так не возьмусь без приказа ее величества, заверенного подписями, печатями и так далее. Не хочется, знаете ли, закончить жизнь на каторге, и это именно тогда, когда все вроде бы стало налаживаться...

- И у кого это ещё язык длинный, - пробормотал Данкир, подхватывая Боммарда под локоть.

Ответа я, к счастью, не расслышала. Надеялась только, что Данкир задержится на какое-то время. Так и вышло: минута шла за минутой, а мага все не было...

- Что ж, - выговорил наконец Одо, и я заставила себя посмотреть ему в лицо. - Мэтр Оллен умеет дарить бессмысленную надежду, а Боммард - лишать ее. Однако я предпочитаю определенность. Пускай и страшную.

Его пальцы коснулись лба спящей Дагны-Эвлоры, но она даже не шевельнулась.

- То есть...

- Вы подпишете приказ. Операция необходима, и как можно скорее, разве вы не слышали?

- А вы разве не слышали, что она может умереть прямо во время...

- Я не страдаю глухотой, сударыня, - ответил канцлер. - И скажите: вы бы предпочли смерть мгновенную или долгую и мучительную?

- Конечно, первое, - сказала я. - Я ведь вас просила об этом, а вы обещали, помните? Но так везет не всем.

- Да. Но если этот старик может сотворить то, на что не способен даже мэтр Оллен... пускай попытается. И не смотрите на меня так! Он не пострадает, если Эва погибнет под его руками. Он честно ведь предупредил о возможных последствиях.

- Но... Одо! Если с ней что-то случится, что будет дальше?..

- Всё то же самое, сударыня, - глаза его сделались ледяными. - Всё то же самое. Вы - родственница ее величества, пусть и дальняя. Ее память - почти полностью - ваша.

Значит, вы будете ею, и королевский род Дагнары возродится.

- Позвольте мне хотя бы самой выбрать супруга... с учетом всех политических дел, конечно, - смогла я сказать. - Я пока не очень хорошо в них разбираюсь, но я буду стараться!

- Обещаю. И не стану торопить... Это в любом случае лучше, чем использовать ее тело... - Одо посмотрел на Эву и отвернулся.

«А мое, выходит, можно?» - могла бы я сказать, но не стала. Я все-таки пребывала в здравом уме, не была истощена... Быть может, брак даже окажется удачным, а будущий супруг никогда не узнает, что я - не Дагна-Эвлора. Если Данкир постареет, как обещал, наверняка не узнает... Чем это хуже той жизни, что была уготована мне судьбой? Должности учительницы в маленьком пансионе, не более того, а в лучшем случае - опять-таки брака с каким-нибудь человеком, который согласился бы взять в жены сироту сомнительного происхождения, бесприданницу к тому же...

Я хотела задать еще один вопрос, но тут появился Данкир со словами:

- Ваше величество, старик спрашивает, намерены ли вы присутствовать на экзамене, как обещали, или ему начинать без вас?

- Да, намерена, - твердо сказала я. - Одо, вы...

- Данкир, проводите ее величество в госпиталь. За безопасность отвечаете головой, - сказал он, не отрывая взгляда от Дагны-Эвлоры. - Я прибуду позже.

Маг кивнул, предложил мне руку - и вот мы уже на самом верху большого зала. Кажется, это называется анатомическим театром - внизу кого-то осматривали, и Боммард забрасывал испытуемого вопросами.

- Все очень скверно, да? - шепнул Данкир.

Я кивнула и вдруг решилась.

- Данкир... Син... вы позволите так себя называть? Помогите мне, прошу вас! Мне некому больше довериться, но раз вы дали клятву...

- Что мне нужно сделать? - только и спросил он.

- Я расскажу о том, что знаю со слов Одо или чему сама была свидетельницей, а вы поможете объяснить странности.

- А...

- Его я просить об этом не могу. Во-первых, он не маг. Во-вторых... Просто - не могу, и всё, - мне пришлось отвернуться.

- Понимаю. Тяжело смотреть, как мучается сильный человек, не в силах ничего поделать. А ему втрое тяжелее, потому что он наблюдает, как страдает Эва, и тоже не в состоянии ей помочь. И помощи попросить не у кого, кроме мэтра Оллена, но это скверный вариант... Так?

- Вы тоже подхватили это его словечко? - улыбнулась я и украдкой смахнула слезы.

- Эй там, наверху! Желаете болтать - подите прочь из аудитории! - раздался голос Боммарда. - Но учтите - пересдачи не будет, вы не на курсах!

- Я всего лишь объясняю ее величеству, что происходит, господин Боммард, - привстал Данкир. - Прошу прощения за беспокойство, постараюсь делать это потише.

«Ее величество...» - прошелестело по едва заполненным первым рядам амфитеатра. Кто-то, мне показалось, чуть шею не свернул, оглядываясь назад. Как же, королева - и без свиты, не считая одного-единственного мага...

- Ну! Будто никогда ее величество не видели! - прикрикнул Боммард. - Смотрите лучше сюда - что это, по-вашему, фурункул или?..

ГЛАВА 19

Признаюсь, я не вникала, как именно экзаменовал своих подопечных Боммард, отметила лишь, что из двух дюжин присутствующих зал покинуло больше половины. Ругаться в моем присутствии они остерегались, но выражение лиц говорило само за себя... Оставшимся же предстояли испытания посерьезнее. Что-нибудь вроде гангрены, сложных родов или...

- Готовьтесь к операции, сударь, - сказала я, когда экзамен закончился, и мы с Данкиром спустились вниз. - Наверно, Иду нужно доставить в госпиталь? Тогда распорядитесь выделить ей лучшую палату и...

- Лучше не трогать ее с места. Не представляю, способны ли порталы повлиять на опухоль, а если да, то как именно, - перебил он. - Это могло бы стать основой интереснейшего исследования, но вряд ли вы позволите мне ставить эксперименты на этой девушке. Поэтому прикажите приготовить все необходимое по моему списку... Данкир, проследите.

- А... ничего, что в обычном доме?..

- Сказано же, ваше величество: я вскрывал черепа в полевых условиях, а это никак не чистый особняк. К слову, все мои пациенты выжили, - пробормотал Боммард, - хотя один солдат и ослеп на правый глаз. Ну да это меньшее из зол.

- Вам еще что-нибудь понадобится?

- Да. Минимум три мага - одного Данкира будет маловато. Он хороший... скажем так, эксперт, а вот поддерживать жизнь пациента у него выходит скверно, специализация не та. Ну да я сам их выберу.

Мы переглянулись - лишние люди...

- Клятву неразглашения они дадут, как все врачи, - словно прочитал мои мысли Боммард. - А теперь прошу простить, у меня слишком много дел. И предупредите меня об операции хотя бы за сутки - нужно будет как следует выспаться перед таким ответственным делом. Честь имею!..

Он удалился, а Данкир тихо сказал:

- Отправляемся, ваше величество?

- Да, в особняк... то есть охотничий домик.

Признаюсь, я опасалась, что Одо окажется там, и обрадовалась, когда не обнаружила его. Отсрочка есть, уже хорошо...

- Син, займитесь чем-нибудь, - попросила я. - Проверьте безопасность этого дома, например, в общем, сами придумайте! Мне нужно побыть одной.

- Как скажете. Только сначала... - он вынул из кармана сверток. - Помните? Я обещал замаскировать вас получше. Это не займет много времени. И больно не будет, обещаю!

- Хорошо. Лишь бы ваши ухищрения и штучки мэтра Оллена не взаимоуничтожились. Нехорошо выйдет, если особняк останется вовсе без защиты.

- Ну что вы... Позвольте вашу руку...

Данкир колдовал недолго и вовсе не так зрелищно, как мэтр Оллен. Я ничего не почувствовала, да и не должна была, по идее.

- Если теперь кто-нибудь узнает в вас двойника, а не Дагну-Эвлору, я съем свой диплом, - сказал он наконец. - Ну, кроме мэтра Оллена и ему подобных, конечно, но я таких и не знаю.

- Почему вы вообще на это пошли, Син? - спросила я. - Только говорите правду. Какой бы она ни была.

- У меня отец погиб в войну, - ответил он. - И прочая родня пострадала... Теперь мир, уже много лет. Я не хочу, чтобы снова началось... А ведь начнется, как только Дагнара окажется бесхозной! Мы это обсудили, верно? И вот еще... Я не его превосходительство. Я хоть и знал Эву с детства, но... меня больше интересовала Лиора, вы знаете, но Лиоры больше нет. Эвы, в сущности, тоже. Зато Дагнара жива и... в общем-то, живет не хуже прежнего.

- Поэтому нет значения, кто называется королевой?

- Для меня и, уверен, для тысяч других - никакого. Я не хочу на войну, - честно сказал Данкир. - Не хочу проводить операции в полевых условиях, как говорит Боммард. А война непременно случится, если родственники Эвы и соседи начнут делить Дагнару. Вы ведь не допустите этого?

- Нет. Если мне разрешат, конечно. Вы же понимаете, что не я принимаю решения, и речь не о госпитале или чем-то в этом роде, а о более серьезных вещах! Если Одо не позволит мне... я ничего не сумею поделать.

Данкир промолчал и вскоре откланялся, а я осталась изучать наши с ним записки. Нужно было выучить их наизусть, а потом бросить в огонь. Может быть, мэтр Оллен сумеет прочитать эти строки в моей памяти, но обычный человек - никогда. Нельзя рисковать...

Канцлер вернулся только к вечеру, усталый, как обычно. Поинтересовался, как прошел экзамен в госпитале, усмехнулся в ответ на мой рассказ и замолчал.

- Боммард готов к операции, Одо, - сказала я. Знала уже, что перемолчать его не получится. - Назначьте день и выгоните лишних людей из дома на взморье.

- Вы очень быстро приучились распоряжаться, сударыня, - сухо ответил он, - словно всю жизнь только этим и занимались.

- Чужая память мне в помощь. Только я этого не просила, не забыли? А выбора мне не оставили.

- Вы правы... - канцлер смотрел в сторону. - Что ж...

- Вы боитесь, - сказала я. - Вы смертельно боитесь. Все это время вы жили в страхе, и... И так больше нельзя!

- Чего же я боялся, по-вашему?

- Да всего! Что не удастся найти двойника, а если удастся, то память Эвы не приживется - ведь неудача следовала за неудачей! А если и приживется, как у меня, то двойник все равно не справится, опозорится, выдаст себя... - я захлебнулась словами. - И самый ужасный страх - что Эва умрет. Но пока она ещё хотя бы дышит, у вас остается надежда на чудо, а теперь... Теперь Боммард говорит: шанс на жизнь мизерный, но он все-таки есть. А вы не можете променять реальность, в которой Эва жива, пусть и не в себе, на ту, в которой ее с большой вероятностью не будет! И придется... придется выдумывать что-то другое, и даже помочь некому, не на кого положиться...

- Не нужно меня жалеть, - канцлер положил руку мне на плечо. - Отец говорил: Химмелиц - это скалы. Мы будем стоять, пока земля не содрогнется и не поглотит нас. Нас можно разрушить, стереть в пыль, но у кого достанет на это могущества? Может, кто-то и справится, но мы все равно закроем собой тех, кого поклялись защищать. Ясно вам?

- Да... ясно... Кажется. А кто будет щитом, если не станет вас? Может, мне приказать вам жениться, пока ещё есть время?

Шутка вышла глупой и грубой, но Одо, по-моему, не обиделся.

- Толку-то? Я ведь могу не продержаться до совершеннолетия наследника. Или наследницы. А супруги бывают разные - иные подобны нашим скалам, иные нет. Не угадаешь, пока не проверишь в деле.

- А проверять некогда, так?..

Он не ответил. Сказал немного погодя:

- Завтра вы должны посетить храм Богини. Попробуйте вымолить у нее помощь... для всех нас. Говорят, кому-то это удавалось. И пускай Боммард готовится к операции.

Одо встал и вышел, не попрощавшись, а я устала в темное окно - день выдался непогожим. Если завтра будет такой же, как бы это не сочли дурным предзнаменованием... С другой стороны, зачем нужны придворные маги? Пускай разгонят тучи!

Визит в храм мало меня занимал: я перебирала в мыслях те факты, что удалось собрать на текущий момент.

У меня провалы в памяти, причем очень странные. Я думала - их устроил мэтр Оллен, но с какой целью, понять не удавалось. Теперь, после разговора с Данкиром, уверилась в мысли: это сама Дагна-Эвлора не отдала самое... самое... Эд был ее другом с самого раннего детства, и она спрятала воспоминания об их шалостях, играх и записках так далеко, что даже мэтр Оллен не сумел добыть. И с Данкиром было так же: пускай сам он был не слишком дорог Дагне-Эвлоре, зато Лиора могла взять с нее клятву молчания. Не знаю, как это работает, а Данкир - он честно признался - не великий знаток в этой области, но пока все сходилось. Дагна-Эвлора инстинктивно прятала все самое ценное, то, о чем не знал никто...

Но как же канцлер? Ведь эпизоды с его участием тоже подверглись... хм... корректировке?

Его, подумала я, Дагна-Эвлора не могла вовсе выбросить из мыслей: Одо всегда был рядом, но, в отличие от Эда, оказывал серьезное влияние на ее жизнь и жизнь окружающих. И она оставила только детские воспоминания - кому они нужны! - а более поздние спрятала. Не уничтожила совсем, как те, об Эде и Данкире с Лиорой, просто... стерла часть, как стирают резинкой карандашную надпись. Оставила деловые разговоры, но уничтожила все, что, ей казалось, может повредить Одо. Он ведь сам сказал: Эва выбегала к нему едва одетой, даже будучи подростком, она относилась к нему совсем не как к старшему брату, а что это, как не компрометация?..

Вот так картинка уже складывалась. Оставались происшествия... Шахты можно пока оставить: докладывали, что сейчас там ведутся исследования, и, быть может, разработки иссенских инженеров все-таки пригодятся - если те соблаговолит немного поступиться секретностью, - но говорить об этом рано.

Но как же покушение? Странный бомбист, лишенный памяти? Данкир ведь так и не сумел ничего из него вытащить, и это наводило на нехорошие мысли.

А как объяснить странную забывчивость Одо? И отсутствие защитного купола над каретой! Услышав об этом, оба - и канцлер, и Данкир - переменились в лице. Первый - потому, что был уверен: купол имеется (и летящие в карету букеты его почему-то не смутили). Второй... видимо, от ужаса перед той безалаберностью, с которой ему придется бороться на новой должности.

Как все это... глупо и нелепо! Не похоже на то, чтобы работали спецслужбы соседей - те не допустили бы подобных промахов. Но кто тогда? Кто?..

Ответ был только один. Но я все равно не понимала: зачем это могло понадобиться! Хотя...

День прошел хлопотно: нужно было примерить праздничное платье, а это дело не из быстрых. Мне показалось, госпожа Ланни со времени последнего визита сделалась еще более суетливой и совершенно меня задержала.

Платье снова было старомодным, златотканым - это должно было символизировать наступление осени, - и вовсе мне не шло, но традиция есть традиция. Если положено являться в храм в таких одеждах, значит, так тому и быть.

- Боммард перенес операцию на завтрашнее утро, - сказал канцлер, появившись

ненадолго перед ужином.

- Но... завтра же церемония!

- Именно. Он сказал - все будут заняты, никто не станет отвлекать, в том числе и мы с вами.

- А Данкир?

- У него пять магов под рукой, обойдется без Данкира. Хотя вид у них, признаюсь... так и тянет спросить, в какой подворотне Боммард их подобрал.

Я помолчала, потом все-таки не выдержала, подошла ближе и взяла Одо за руку. Сейчас пальцы у него были очень холодными.

- Я в него верю, - сказала я, глядя не в лицо канцлеру, в воротник, украшенный золотым шитьем. - В доктора Боммарда. Если возможно что-то сделать, он сделает.

- Вы обещали помолиться за всех нас, когда будете в храме, - ответил он. - Мне туда хода нет, поэтому вся надежда на вас.

Верно, мужчины в храм Богини не входят. Со мной пойдут только свитские девицы и баронесса Эррен... Ну почему нет магов-женщин? Или есть, но я о них не знаю? Нужно будет выяснить, непременно! Я бы чувствовала себя не в пример спокойнее, если бы та же баронесса владела магией...

Говорить было больше не о чем, но я все же вспомнила один вопрос.

- Одо, можно, спрошу?

- Конечно.

- Что такое Каттесена?

- Небольшой городок, - последовал ответ. И, после паузы, уточнение: - Был.

- В каком смысле?

- В прямом. Его больше нет. С чего вам вдруг взбрело в голову спрашивать о нем?

- Хотела узнать, какое вы имеете к нему отношение.

- А... Очень простое, - зеленые глаза канцлера сделались холоднее льда. - Я приказал его уничтожить.

Сердце ёкнуло и провалилось.

- Как... зачем?..

- Это было приграничное поселение. Как раз возле железной дороги на Иссен. Волнения после гибели его величества распространялись со скоростью лесного пожара и грозили перерасти в настоящий бунт. - Одо неотрывно смотрел мне в глаза. - А такие пожары, сударыня, нужно останавливать сразу же, едва только заметишь, иначе выгорит вся округа, а какие-нибудь торфяники будут тлеть годами. Местность вокруг Каттесены как раз лесистая. Кто-то, должно быть, не затушил костер, а ветер погнал огонь на городок. Страшная трагедия. Погибших до сих пор не могут пересчитать.

- Но... Неужели весь город?.. - выговорила я наконец. - Вот так?..

- Ну что вы. Почти всех стариков, женщин и малолетних детей успели вывезти по той самой железной дороге. Мужчины самоотверженно помогали тушить пожар, чтобы не дать ему перекинуться дальше, но мало кто вернулся из огня.

- Это было необходимо? - зачем-то спросила я.

- Да, - ответил он, не пытаясь спрятать взгляд. - По моему мнению - необходимо. Я сам отвечаю за это перед Богиней, не переживайте. Мое решение вас не касается.

Я ничего не ответила. Подумала только: если бы девочки в пансионе узнали, что такое – держать в руках настоящую власть... да какое держать, просто прикоснуться к ней, может, перестали бы мечтать сделаться королевами? Или наоборот?

День выдался холодным и ясным, словно по заказу. Я спросила Данкира, но он уверил, что сам тучи над столицей не разгонял, а прочие маги ему не докладывали. Уточнить у Одо я не стала – он сам был чернее тучи. Понятно, почему: операция уже началась, а он не мог присутствовать. Не мог держать Эву за руку, пускай это ничем бы ей не помогло... Ему оставалось только молиться про себя, но для этого требуется сосредоточение, а как его достичь посреди толпы, да ещё когда нужно присматривать за мной?

Впрочем, я-то не доставляла хлопот: проследовала к храму, поднялась по длинной лестнице (баронесса Эррен порядком запыхалась по пути, и не она одна) и вошла под высокие сумрачные своды.

Никогда прежде не бывала в храме Богини... У нас в пансионе имелся только маленький алтарь, к которому можно было прибежать в любое время, даже ночью. Некоторые девочки пытались прикрыть необходимостью вознести молитву свои визиты к подружкам, но отчего-то все выплывало на поверхность. Не знаю, что тому причиной: проницательность госпожи Увве, зоркость дежурных воспитательниц и горничных, доклады других учениц или действительно воля Богини...

В храме было очень пусто и очень тихо, и я растерялась.

- Вам сюда, ваше величество, – шепнула баронесса, и я увидела белое изваяние в паре десятков шагов от меня. - Идите к Богине. Мы будем ожидать здесь.

Я кивнула и сделала первый шаг. Как странно: кругом никаких жриц, хотя я слышала, их в храмах предостаточно. Многие ведь уходят служить туда, не найдя своего места на земле... вот только принимают не всех, а как именно отбирают – неизвестно.

Присмотревшись к статуе, я различила наконец, что она изображает. Это была женщина в простых одеждах, она стояла на коленях, простирая руки мне навстречу. А лицо...

Я никогда не видела родной матери, но почему-то сразу поняла, что это она! Или... или покойная королева, которую я видела на большом портрете? Что там, в этих чертах угадывалась даже госпожа Увве, и совсем немного – Мика и Нэна, и почему-то баронесса Эррен...

Неважно! Я влетела в Её объятия, забыв о свите, об обряде, обо всем, упала на колени, приникла к груди и чувствовала лишь, как мягкие руки гладят меня по голове, по плечам... Никогда в жизни мне не было так... Тепло? Хорошо? Легко? Спокойно? Остаться бы так навсегда, сделаться белым камнем, раствориться в объятиях Богини... Но разве я могла себе это позволить?

«Мама, мама... - мысли лихорадочно сменяли одна другую. Я обращалась не к своей матери, которую никогда не видела, а к Богине, но не осознавала это. - Мама, спаси нас! Спаси Эву, пускай поправится, молю... Но если выздоровеет она, убьют меня, и хоть Одо обещал сделать это не больно, я все равно боюсь... заведи меня к себе, ты ведь можешь? Я стану верно служить, я умею... И Одо тоже спаси: не знаю, как он живет до сих пор, не сойдя с ума, но потом будет хуже, а он так нужен Дагнаре, так нужен... Убереги нас от мэтра Оллена, он самый страшный, потому что маг, потому что ему никто не указ... Прости, если прошу слишком много, если плохо себя вела, но я... я...»

- Ваше величество, - негромко произнес кто-то, и я подняла голову. Оказалось, я обнимаю колени каменной Богини. - Пора уже идти. Люди ждут вашего явления.

- Да, я готова, - сказала я служительнице в простом светлом платье, и встала, утирая слезы рукой. Надо же, в храме все-таки есть люди.

Баронесса приблизилась и решительно вытерла мне лицо своим платком. Смотрела она как-то странно, может, заметила что-то? Что вообще видели окружающие?

- Идемте, ваше величество, - сказала она и посторонилась, давая мне дорогу.

Толпа встретила меня приветственным ревом, а я поежилась: сильно похолодало, небо заволокли густые черные тучи.

- Дурная примета... - едва слышно сказала баронесса. - Весь год удачи не будет.

Упала первая снежинка - я поймала ее на ладонь.

- Где Данкир? - шепнула я.

- Внизу, с его превосходительством, - ответила баронесса. - Вон они. Нет, чуть правее...

Ах, как скверно! Будь он здесь, я приказала бы ему перекрасить мой наряд, заставить золото поблекнуть и осыпаться осенней листвой, а потом засиять снежным серебром... Но что поделаешь, придется идти так.

И я сделала шаг вниз по лестнице со словами:

- Лето прошло и миновала осень. Так было и будет всегда...

Снег пошел гуще, но я не чувствовала холода.

- Богиня умерла, - продолжила я, и свитские девицы ахнули, а вот толпа замерла. Наверно, Данкир все-таки сообразил, что нужно усилить мой голос, а если нет, то неужели в храме не было подобных заклятий? - Не навеки, лишь до весны. Теперь пришло время Безымянной - она укроет землю снегом, который по весне станет водой и напоит ростки.

Толпа молчала.

- Двуетидная! - произнесла я, воздев руки. - Я побывала на той стороне и вернулась, и знаю, как это бывает... Дай знать - права ли я?

Между тучами проглянуло солнце - луч его упал на меня. Уверена, это постарался Данкир. И в этом солнечном свете вдруг повалил густой снег...

Я посмотрела на себя - платье из златотканого медленно становилось серебряным, - и пошла вниз. Даже если это не милость Двуетидной, а всего лишь работа мага, что за дело?

- Так что, - спросил кто-то из толпы, - Безымянную, выходит, не только в ругани можно поминать?

- Молчи, дурак! - раздался звук увесистой затрешины. - Смотри лучше, когда еще такое увидишь...

Зрелище в самом деле было поразительное: искрящийся в солнечных лучах снег, клубящиеся темные тучи... Когда же на их фоне вспыхнула вдруг радуга - нет, две, одна яркая, другая блеклая, будто бы тень первой, - толпа примолкла, а потом... Потом я едва не оглохла от радостных криков: уж это-то наверняка истолковали как благое знамение!

Снова люди лезли друг другу на плечи, на фонарные столбы и карнизы, статуи и деревья, чтобы взглянуть на меня. И на этот раз мне почему-то совершенно не было страшно, и дело вовсе не в защитном куполе, не в том, что рядом был маг... Нет. Мне казалось, я до сих пор чувствую теплые руки Богини на своих плечах и слышу ее слова. Жаль только, я не сумел разобрать, что именно она сказала в напутствие. Возможно, пойму, когда придет время, а пока... пока оставалось только приветствовать горожан - путь до дворца неблизкий.

- Ваших рук дело? - едва слышно спросил Одо Данкира.

- Клянусь своим дипломом - не моих, - ответил тот. - В смысле, голос я немного усилил, потому что он у ее величества слабенький, и храмового заклятия явно не хватало, чтобы на дальнем конце площади расслышали ее слова. А вот в этих природных аномалиях я не виноват, они сами. И платье тоже.

- Неужели?

- Мне еще раз поклясться, ваше превосходительство? Официально? Извольте...

- Не хотите же вы сказать, что это всё... - Одо глянул по сторонам, - действительно знак свыше?

- Понятия не имею, - честно ответил Данкир. - Вполне вероятно, просто мэтр Оллен расшалился, хотя зачем бы ему устраивать это такое представление? А если это не его рук дело, то... Выходит, действительно знак. В смысле, редкое погодное явление ещё можно списать на удачное совпадение, а вот произошедшие с нарядом ее величества метаморфозы - вряд ли. Если вы не обратили внимания, он не только цвет поменял, а ещё и фасон.

- Что?.. - я взглянула на себя и поразились: действительно, теперь платье было не таким открытым, невесть откуда появилась белая меховая оторочка на рукавах и подоле... И ткань изменилась: прежде на ней вытканы были цветы и осенние листья, а теперь рисунок напоминал морозные узоры, какие появляются на окнах в сильные холода. Она даже на ощупь сделалась иной - та золотая парча была жесткой и почти негнушейся, а эта материя струилась мягко и легко, как поземка.

- Вам не холодно? - негромко спросил Одо и коснулся моей руки. - Пальцы теплые, но я помню - вас всегда лихорадит от волнения. Не хватало простудиться...

- Ничуть не холодно, - ответила я и не солгала.

Странное дело: на голову и едва прикрытые тонкой тканью плечи мне валился снег, но я этого даже не ощущала. У Данкира вон нос покраснел (маг называется!), у Одо волосы сделались совершенно седыми от изморози, изо рта шел пар, будто уже зима наступила, а мне все было нипочем. Даже ноги в легких туфельках не мерзли. В туфельках?..

- Серебряные башмачки, прямо как в сказке, - заметил Данкир, когда я покосилась вниз. - Были не такие, точно помню.

- Если вы спросите, не изменилось ли у меня что-нибудь из нижней одежды, скажем, не появились ли шерстяные чулки или нечто в этом роде, я вас...

- Лишите недельного жалованья, ваше величество? Не поможет, я же говорил.

- Что-нибудь придумаю, обещаю.

- Буду ждать с нетерпением, ваше величество! Кстати, а что насчет шерстяных чулков?..

Нет, сердиться на Данкира всерьез было совершенно невозможно! Правда, продолжать шутить рядом с мрачным канцлером не тянуло. Он время от времени взглядывал на часы - наверно, пытался понять, закончилась уже операция или все ещё продолжается. И даже узнать не мог, что происходит: нельзя же отсылать Данкира у всех на глазах, прямо из кареты! Придется ждать как минимум до дворца, а это ещё так долго...

- Кто бы ни устроил этот сюрприз, - произнес вдруг Одо, - это нам на руку. Королева, на которую снизошла милость Богини, чему были свидетелями сотни людей, - это уже не просто королева. Готовьтесь, ваше величество: придется поехать по стране. Озарить, так сказать, своим присутствием и поделиться частицей божественной благодати.

- Главное, чтобы самой хватило, - вставил Данкир.

- А вы полагаете, что Её милость - конечная величина? - спросила я, увидела недоуменный взгляд и пояснила: - Это же не кусок хлеба, от которого одному отломил, другому, и у тебя даже крошек не осталось. Она или есть, или ее нет, вот и всё. Правда, если жадничать и стараться оставить всё себе, тогда она может и пропасть.

- Это что за новейшие веяния в богословских теориях? - нахмурился Одо.

- Никакие не веяния, просто народная мудрость.

Объяснять я не стала: слишком долго пришлось бы рассказывать о пансионе, сказках старой служанки и многом другом. Данкиру не все следовало слышать. Может, потом я расскажу Одо, если он не забудет спросить. А забудет – значит, ему и не нужно этого знать.

- Я слышал что-то похожее, но в иной интерпретации, – задумчиво произнес Данкир. – Кому много дано, с того много спросится, как-то так. И еще: чем больше отдашь, тем больше получишь. Звучит странно, вы так не считаете?

- Ведь не хлеб и не золото отдаешь, я только что об этом сказала!

- А... Ну, если речь о тонких материях, тогда конечно: ты с добром – и к тебе с добром...

- Только это не работает в наше время, – проронил канцлер. Взгляд его был устремлен в пространство. – Постарайтесь не забывать об этом в приливе юношеского максимализма.

ГЛАВА 20

Празднество во дворце я запомнила плохо. Впрочем... ничего особенного не происходило: церемониал я знала назубок, в танцах не участвовала, вот и все.

В памяти отпечаталось, что многие дамы явились в платьях, украшенных на корсаже и на подоле у кого вышивкой, у кого самоцветами – но непременно всех оттенков красного, а сами эти украшения были нарочито асимметричными. У других я замечала ленты и банты, тоже отмеченные алыми пятнами, и недоумевала до тех пор, пока баронесса Эррен – она умело отсекала от меня чересчур говорливых гостей, – не заметила моего удивления и не шепнула на ухо:

– Последний писк моды. Называется – «королевский крап». Изначально было – «кровь королевы», но это как-то... грубо, согласитесь, ваше величество?

Я вспомнила бомбиста, свое платье, забрызганное кровью, и только головой покачала. Кто бы мог подумать, что покушение может сделать меня законодательницей мод? Впрочем, полагаю, после сегодняшнего о «королевском крапе» забудут и примутся носить серебряные ткани... А может, станут сочетать: мода – вещь абсолютно непредсказуемая, а красное на серебре смотрится весьма недурно.

– Один ушлый садовник уже представил новый сорт роз – дагнарские окровавленные. Или крапленые, – добавила баронесса. – Очень красивые цветы: нежно-кремовые в алых пестринках. Пользуются бешеной популярностью, стоят немислимых денег – спрос заметно превышает предложение.

– Когда же он успел их вывести? – поразилась я, одновременно улыбаясь очередному гостю. – Воспользовался услугами мага?

– Ну что вы! Полагаю, у него росло на задворках несколько кустов переродившихся роз – бывает, знаете ли, старые сорта меняют окраску и размеры цветков с течением времени, – вот он и придумал, как использовать. Даже если ему не удастся закрепить этот сорт, он и без того сорвет немалый куш.

– Вы разбираетесь в садоводстве?

– Не я, ваше величество, мой супруг! В то время, когда он не пропадает в гарнизонах, он переселяется в сад. Там уже пройти нельзя, чтобы не зацепиться за его очередную колючую любимицу – кругом арки из роз, розовые аллеи, кусты роз, ползучие розы... О, это невероятно красиво, аромат стоит непередаваемый – голова идет кругом... Но вы не представляете даже, скольких садовников нужно нанять, чтобы содержать в порядке все это великолепие!

– Хотелось бы мне взглянуть на ваш розовый сад, – искренне сказала я.

– Для нас честью будет принять визит вашего величества, – улыбнулась баронесса. – Но, полагаю, лучше отложить его до лета. Сейчас цветут только самые стойкие сорта... Хотя, конечно, багряные розы под снегом – это очень красиво.

– Не сомневаюсь. И, думаю, к лету вы как раз закончите с инспекцией больниц. Пускай не всех – это никому не под силу, но хотя бы выборочно... Нужно составить представление о том, что там творится.

– Я могу сказать и так, ваше величество: сущее безобразие. На одного преданного делу врача наподобие господина Боммарда приходится сотня неумелых, равнодушных и вороватых... Только заменить их нечем.

– Думаю, если хорошенько поискать, то замена найдется, – твердо сказала я. – Туда идут те, кто не может заработать... хм... частной практикой, верно? Потому и воруют, что бедные люди не могут им заплатить, а жить на что-то нужно? Конечно, мои представления об этой прослойке общества могут быть очень далеки от реальности, но...

– Но в целом вы правы, ваше величество. Знаете, еще не так давно, при жизни вашего дедушки, существовала система королевских больниц для неимущих. Они были, конечно, не чета военному госпиталю, но там оказывали первую помощь всем нуждающимся и не

брали с них денег – платила казна. К слову, студенты-медики часто проходили там практику, если не могли устроиться подавать инструменты какому-нибудь светилу. И это кое-как работало, покуда финансирование не прекратили.

- А почему его прекратили?

- Война началась, ваше величество. Врачи ведь военнообязанные, их и призвали, студентов в том числе... В тех заведениях остались только совсем негодящие. Ну а после победы об этой системе то ли вовсе позабыли, то ли отложили ее восстановление на будущее... и тоже позабыли. Во время второй войны появилось нечто похожее – передвижные госпитали, но все это держалось на одном энтузиазме. И тоже не дожило до наших дней.

- Я об этом даже не слышала, – призналась я. - А вы, вижу, хорошо разбираетесь в вопросе...

- Пожалуй, лучше, чем мой дражайший супруг – в сортах роз, – улыбнулась баронесса. - Мой двоюродный дедушка служил по медицинской части и многое рассказывал, хотя родители мои приходили в ужас от подобных историй – некоторые совершенно не предназначены для девичьих ушей. Насколько мне известно, он до сих пор пишет мемуары, но вряд ли сумеет выпустить их в свет – там многовато подробностей, способных очернить имена признанных героев Дагнары.

- Полагаю, вам нужно повидаться с этим почтенным господином, – сказала я, – и получить у него копию мемуаров. Не для огласки, разумеется! Полагаю, там найдется много любопытного... Я имею в виду интересующий нас вопрос, конечно же.

- Ваше величество, он с этими записками не расстанется, даже если прикажете вы лично, – покачала головой баронесса. - Лучше уж отдайте ему распоряжение набросать проект восстановления той старой системы, это его взбодрит как нельзя лучше. Ну а я доставлю старику информацию... Полагаю, после этого он забудет, что уже лет десять как пребывает на смертном одре и примчится в столицу с докладом!

- Пускай так и будет. Только скажите имя вашего двоюродного дедушки – должна же я указать его в письме... Сначала будет просто письмо – не хочу начинать с приказа.

- Генерал Льерго Норинц. Отставной, разумеется.

- Норинц? – поразилась я. Я видела это имя в учебниках! – Герой Двухдневной кампании?! Неужели он еще жив?

- Приглашение на похороны мне пока не присылали, – серьезно ответила баронесса. - Значит, все ещё изводит родню и прислугу. Нрав у него на старости лет сделался совершенно невыносимый.

- О, чувствую, они найдут общий язык с Боммардом...

- Даже не сомневаюсь, ваше величество.

- Скажите... А он, случайно, не из Вартица родом? Очень уж характерное имя...

- Да, он соотечественник его превосходительства: в Дагнаре немало тамошних уроженцев. В Вартице замечательные люди, – сказала баронесса, – но невероятно упрямые.

- О, у меня была возможность заметить...

Я покосилась на Одо, но он изображал памятник самому себе. И Данкира не отсылал ни на мгновение, я бы заметила. В смысле, заметила бы, что тот принес хоть какие-то новости, неважно, дурные или хорошие: тогда Одо хоть как-то изменился бы в лице. Но нет, очевидно, он решил выдержать празднество до конца и только тогда лично справиться о самочувствии ее величества. Может быть, и правильно: вдруг ему не достало бы самообладания удержать лицо перед публикой, если бы вести оказались дурными? Хотя о чем я...

- Думаю, вы унаследовали фамильное упрямство?

- Пожалуй, так, ваше величество, пускай и по женской линии.

- В таком случае, убедите генерала Норинца, что он вновь необходим на поле боя с самым худшим из противников.

- То есть...

- С жадностью. Лению. Равнодушием. Мне продолжать?

Баронесса нахмурилась, потом кивнула:

- Я поняла, ваше величество. Если потребуется, привезу его силой. Хотя, думаю, хватит даже рассказа о столичном военном госпитале и экзаменах господина Боммарда, чтобы дедушка вскочил со смертного одра и верхом примчался в столицу!

- Главное, отберите у него оружие, - искренне попросила я. - Иначе мы можем кого-нибудь не досчитаться. Возможно, это не слишком ценные экземпляры, но кто-то ведь должен заниматься грязной работой?

- Не грязной, а рутинной, ваше величество, - поправила она. - Грязная, увы, выпадает на вашу долю и отчасти на нашу.

- Да. Вы правы...

Больше мы в тот вечер о делах не разговаривали. Баронесса представила мне свою кузину - графиню Эттари, вот и все. Они действительно были полными противоположностями: графиня оказалась небольшого роста, худой и черной, как галка, с резкими чертами смуглого лица, на котором горели черные же глаза, и порывистыми движениями. Язык у нее был весьма острый - куда острее, чем у баронессы, и я узнала много интересного об окружающих.

Сказал бы мне кто совсем недавно, что я стану сплетничать с придворными дамами! Вернее, выслушивать их сплетни, потому что самой мне сказать нечего... Однако я поняла, отчего баронесса рекомендовала свою кузину в старшие свитские дамы: та была на редкость проницательна, жертв видела насквозь и могла охарактеризовать двумя-тремя меткими фразами. «Лишь бы меня не разглядела», - мелькнула мысль.

К счастью, все когда-нибудь заканчивается, кончился и этот праздник. Одо сделал мне знак - можно удаляться, - и я поспешила послушаться. И без того голова гудела от обилия сведений, полученных от графини! Нужно еще как-то рассортировать их, соотнести с тем, что я знаю об указанных персонах, понять, как это использовать...

«Не загадывай слишком далеко», - сказала я себе, прощаясь с гостями, и положила руку на локоть Одо. Мне показалось, он дрожит, но, конечно, это не могло быть правдой. Канцлер был даже не каменным - железным...

В особняке у моря было непривычно тихо и пусто. Солнце давно уже село - жаль, я не видела, мне всегда хотелось посмотреть, как оно опускается в волны.

- Явились наконец! - встретил нас Боммард. Судя по красному пятну на его щеке и взъерошенным седым волосам, он успел вздремнуть. - По-вашему, у меня других пациентов нет?

- Что с девушкой? - отрывисто спросил канцлер.

- Спит, - буркнул врач. - Взгляните сами. Только не шумите! Данкир, сделайте их потише, не заставляйте же ее величество разуваться! Мужчин - тем более, этак большой точно подурнеет...

Судя по его неуклюжим шуткам, операция прошла успешно. Я уверилась в этом, увидев лицо Дагны-Эвлоры - она действительно спала, но не прежним тяжелым сном, вызванным дурманящими зельями. Мне показалось, она даже улыбается...

- Вы ее что, обрили? - спросил вдруг канцлер.

На королеве была точно такая же шапочка из бинтов, какую я помнила по фотографиям в газетах.

- А вы полагали, я стану путаться в ее лох... то есть локонах? Ничего, волосы не руки, отрастут. Любой маг поспособствует... Пускай Данкир практикуется, раз он теперь придворный!

- Каковы же результаты, сударь? - перебила я, не то, если бы Данкир ответил, вставить хоть слово оказалось бы затруднительно. - Вы... удалили опухоль?

- Вот она, - Боммард сунул мне под нос баночку, в которой плавала в прозрачной жидкости та самая горошина. - Исследую, с вашего позволения. Может быть, узнаю что-то новое. Но, ваше величество, я не гарантирую, что рецидивов не будет.

- То есть?

- Я удалил то, что сумел найти. Но, вполне вероятно, в мозговой ткани остались... ну, скажем так, зародыши подобных опухолей, неразличимые на данный момент. Возможно, все обойдется. Но вероятно также, что рано или поздно один из таких зародышей или даже несколько начнут расти.

- И что тогда? - спросил канцлер, осмыслив его слова. - Повторная операция?

- Если не придумаем других методов лечения, то да, операция. Но сколько их она сумеет выдержать, вот вопрос...

- Благодарю вас, - я взяла его за свободную руку. - Вы сотворили истинное чудо!

- Перестаньте, ваше величество, - ворчливо ответил Боммард, - чудом будет, если девушка откроет глаза и хотя бы вспомнит, кто она такая. Данкир! Будете присматривать за ней, чуть что - за мной, в любое время, ясно? Всяким сиделкам доверять нельзя. И перевязки я сам сделаю. Не хватало, чтобы мои усилия пошли прахом из-за того, что у кого-то руки не из плеч растут! Пока ее тревожить нельзя. Завтра посмотрим, что да как. А теперь мне пора, ночь глухая, а я тут, понимаете ли...

- Полковник Боммард, - начала я, но он перебил:

- Я давно уже не полковник, ваше величество. Разжалован, если забыли или не знали.

- Я сказала - полковник, значит, так оно и есть, - я покосилась на Одо, и он коротко кивнул, не сводя глаз с Дагны-Эвлоры. - Не стану предлагать вам в благодарность деньги, земли и прочее - это вас оскорбит, не так ли?

- Ну почему же? Я потратил бы вашу благодарность на лечебницу.

- О... - к такому повороту я не была готова, но быстро сообразила: - Вам не придется этого делать. Скоро в столицу прибудет отставной генерал Норинц, и вы вместе с ним займетесь всеми этими больницами, лечебницами и прочим сопутствующим.

- Н-норинц?.. - Боммард явно не ожидал услышать это имя. - Он жив еще?

- Его родственница уверяет, что умирает он уже лет десять или больше, но что-то никак не получается. Мемуары, видите ли, не дописаны. Так вы не возражаете?

- Что? Я?.. Возражаю работать с живой легендой?! Да вы шутить изволите!

Глаза доктора загорелись фанатичным огнем, и я поняла, что нужно присматривать за его бурной деятельностью. Неизвестно, до чего может дойти объединенный разум этих двух ветеранов...

- Он явится ещё не завтра, поэтому пока занимайтесь Идой, очень вас прошу. Как только она окажется вне опасности, можете всецело отдаться основной своей работе.

- Как прикажете, ваше величество. А пока прикажите Данкиру отправить меня домой. Все-таки устал... - он посмотрел на свои руки. - Надо же... Ведь могу еще...

Одо кивнул, и маг взял старика под локоть.

- Я «крючок» вам прицеплю, если не возражаете, - сказал он. - Портал то бишь. Если с пациенткой вдруг что не так - выдернет вас откуда угодно, как рыбу из воды.

- А определять, что именно не так, кто будет?

- Сейчас обсудим! - и Данкир увлек Боммарда прочь.

Мы остались в тишине - только волны шумели вдалеке.

Одо потянулся к Дагне-Эвлоре, но я схватила его за рукав и прошептала:

- Боммард сказал не тревожить ее!

Он взглянул на меня так, что я отшатнулась, стянул с руки перчатку и все-таки притронулся к запястью спящей королевы. Едва-едва, кончиками пальцев, словно желал убедиться, что она действительно живая и теплая, пульс еще бьется... Так и замер.

Я стояла рядом, не зная, что делать, потом обошла кровать и прикоснулась к другой руке Дагны-Эвлоры. Я ведь просила за нее Богиню, и если знамение не было шуткой мэтра Оллена, то, может...

- Одо... - я едва расслышала шепот, но канцлер востепенел, как боевой конь при звуке горна. Дурацкое сравнение, знаю, я вычитала его в какой-то книге, но оно подходило как нельзя лучше. - Вы... откуда?..

- Не шевелитесь, - сказал он, совладав с голосом. - Не пытайтесь встать. Помните госпиталь? Ну вот... Вам снова делали операцию. Нельзя двигаться.

- Тогда было больно, - сказала Дагна-Эвлора. - А сейчас нет. И так легко...

«Ну неужели бы Боммард стал резать наживую!» - подумала я. Нет, ему наверняка приходилось действовать и так, но не теперь же, когда в его распоряжении было несколько магов.

- И ты здесь? - королева покосилась на меня. - Какое красивое платье...

В голосе ее прозвучала... неужели зависть? Впрочем, я понимала: пока она лежала, прикованная к постели, я исполняла ее роль и носила наряды, которые были предназначены вовсе не для меня. Кроме этого.

- Эва, вы помните, какой нынче день? - тихо спросил Одо.

- Нет. Все как в тумане. А какой?

- Осенний праздник.

- Я так и не надела золотое одеяние... - она едва заметно улыбнулась. - Но все прошло, как надо?

- Да. Все хорошо, Эва. Вы поправитесь. К зимнему празднику встанете на ноги и откроете бал, уверен.

- Тогда пускай мне сошьют похожее платье. Голубое с серебром, - сказала она. - Не могу же я надеть старое? Да ещё чужое?..

- Непременно сошьют. А теперь спите, Эва, набирайтесь сил...

Мне хотелось зажать уши, чтобы не слышать его шепота, но я заставила себя не двигаться.

Глаза королевы закрылись, она погрузилась в сон...

И тут же, будто Данкир поджидал нужного момента, явились эти двое, то есть маг с врачом.

- Не могу я оставить ее на ночь невесть под чьим присмотром, - проворчал Боммард. - Сам пригляжу. Мои бездельники пускай отдохнут денек, так и быть, подучат материал.

Потом наверстаю. И Данкира мне оставьте, ваше превосходительство. Остальных я отправил по домам – клятву взял, как полагается, никто ни словом, ни звуком... Но они вымотались до предела, а этот недоучка еще свеженький, как я погляжу. Пускай подежурит со мной, а вы, уж наверно, обойдетесь?

- Конечно. У меня есть порталы...

Одо вдруг шагнул вперед и обеими руками взял руку старого врача. Ничего не сказал, сжал несильно и хотел было отпустить, но тот не позволил: похоже, профессиональные рефлексы сработали.

- Пульс у вас нехороший, ваше превосходительство, - сказал Боммард, перехватив запястье канцлера. - Слишком много работаете и мало спите, я прав? Ваше величество, прикажите ему спать хотя бы пять часов в сутки подряд, иначе он очень быстро закончится!

- Я попрошу...

- Не надо меня просить, ваше превосходительство, я и так скажу: самому доводилось существовать в подобном режиме во время войны, и это состарило меня лет на двадцать. Сейчас вроде бы мирное время, и, полагаю, некоторые дела можно немного отложить, не убегут. И делегировать полномочия тоже можно, не обязательно взваливать на себя весь груз ответственности. Это я вам говорю, ваше превосходительство, не нужно делать вид, будто я разговариваю сам с собой! Ее величество по молодости лет вряд ли понимает, но...

- Я прекрасно понимаю, полковник, - перебила я. - Но ничего не могу поделать с Одо. Он будет тащить этот воз, покуда не надорвется.

- Как его отец, да-с...

Боммард хищно посмотрел на канцлера. Тот ответил таким же взглядом.

- Постараюсь следовать вашим рекомендациям, - выговорил наконец Одо. - И благодарю от лица...

Я наступила ему на ногу каблуком - он явно собирался сказать что-то вроде «от лица всей Дагнары», а Боммарду определенно не нравились напыщенные фразы. И точно:

- Ее величество уже поблагодарила, можете не распинаться. И покажите, где старый человек может прилечь здесь ненадолго, а то неудобно в кресле-то, спина потом болит...

- Идемте, мэтр, я покажу, а потом вернусь к пациентке, - Данкир увлек Боммарда прочь.

Надо же! Он называет старика мэтром, совсем как Оллена! Хотя... есть ведь за что, верно?

Одо взглянул на королеву, прикрыл глаза и протянул мне руку.

- Пора возвращаться.

Дома - я привыкла уже называть так особняк, то есть охотничий домик, - тоже было тихо. Я не сомневалась: стоит мне подняться наверх, Эм и Эн немедленно вскочат, появятся Нэна, они помогут мне раздеться и приготовиться ко сну, принесут ужин, если мне захочется, но пока - пока казалось, будто тут вовсе никого нет.

- Идите к себе, сударыня, - канцлер повернулся ко мне лицом. - Я... Я хотел сказать вам кое-что, но не уверен, что сейчас подходящее время и место для этого.

- Говорите, Одо. Может, больше подходящего времени не окажется.

- Вы правы... - он отвернулся. - Я пообещал вам кое-что. Я не смогу сдержать это обещание. Пускай позор падет на мою голову...

- Да зачем мне ваша голова! - воскликнула я. - Скажите хотя бы, о каком обещании речь, а то их столько уже накопилось...

- Вы просили убить вас так, чтобы вы этого не заметили. Быстро и безболезненно. Забыли?

- Нет... - впервые за весь этот день мне стало холодно. - Но почему... то есть, если не желаете сделать это сами, то можете приказать кому угодно!

- Не могу. Не могу, не имею права отправить в небытие девушку, спасшую Эву. Сказал бы - всю Дагнару, но об этом толковать рано.

- Вы бы еще добавили - отмеченную Богиней!

- Верно, совсем позабыл. Она мне не простит, - произнес Одо как-то так просто, что я поверила - он не шутит. Действительно верит в то, что это не мэтр Оллен и тем более не Данкир развлекались сегодня возле храма. - Это же вы?

- Что - я?

- Просили за Эву.

- Да, - что было толку лгать? - За всех нас и за нее - среди прочих. Я видела Её. Хотя, быть может, мне почудилось.

- Судя по тому, что говорит баронесса Эррен и остальные свитские, а ещё по тому, что происходило следом, не почудилось. Какая Она?

Я только головой помотала и улыбнулась: как можно описать Богиню? В особенности человеку, который никогда не любил свою мать?

- Не желаете говорить - ваше право, - негромко сказал Одо. - Я и так слишком много на вас взвалил. А вы несете этот груз и не жалуетесь.

- Как и вы.

- Сравнили! Сколько мне лет и сколько вам... Эва бы не смогла, - сказал он вдруг. - Я бы вывез и один, пока не удалось бы найти ей подходящего мужа, но до того... Не представляю ее ни с визитом в госпитале, ни тем более на балу в окровавленном платье и с улыбкой на лице - живой улыбкой, настоящей, не приклеенной ужасом, я хорошо это помню... Она...

- Домашняя девочка? - нашла я подходящее определение. - Да, это так, Одо, но разве ее готовили к чему-то подобному?

- А вас готовили?

- Нет. Нас учили держать осанку, всегда улыбаться, никогда не показывать слабости, вовремя кланяться... ну, это мне не пригодилось... Готовить обед на дюжину персон из того, что есть под рукой, и подавать так, чтобы гости сочли угощение достойным королевского стола. Танцевать, даже если валишься с ног от усталости... А ещё - довольствоваться малым, делать добро, не злословить и никогда не жаловаться, разве только самым близким людям или Богине... Наивно звучит, правда?

- Да, - он протянул руку и коснулся моего лица, убрал прядь волос за ухо. - Но действует. Я не слышал от вас ни слова жалобы. И уверен, это не от страха.

- Вы же не близкий человек, чтобы вам жаловаться. И откуда вам знать, о чем я говорила с Богиней?

- Тоже правда... Но мы отвлеклись. Я сказал, что не смогу сдержать обещание.

- Позвольте, угадаю, почему? - он кивнул, и я продолжила: - Боммард сказал, что ее величество может поправиться. А может заболеть снова. И тогда опять понадобится я. Вы не можете от меня избавиться, правильно? Я могу потребоваться в любой момент!

- Глупая вы девчонка, - после долгой паузы ответил Одо. - Но... Да. Вы правы. Никто, кроме вас, не сумеет подменить Эву, случись что. Я боюсь загадывать наперед, но даже если она встанет на ноги... Как мы объясним, что она вдруг прекратила разъезды по стране? Они расписаны на год вперед, имейте в виду. Эве это не по силам. И пока еще

она догонит вас ростом и... гм... сложением... Данкир или другой маг замаскируют разницу, конечно, но...

- Еще один маг легко различит эту маскировку и то, что под ней?

- Конечно. Но вы опять сбили меня с мысли!

- Вы уже все сказали, Одо, - произнесла я. - И я... я, думаю, правильно вас поняла. Умирать мне совсем не хочется, поэтому я готова дать клятву крови - о том, что буду молчать. Вы же ее так и не взяли у меня...

- И не возьму. Если что-то случится... - он низко опустил голову, - что-то непоправимое, вы должны быть свободны. Кто-нибудь поможет. Данкир, Эррен, Ларан, да хотя бы Боммард - спрячет среди своих паршивых больных!

- Что? Что может случиться? - я невольно взялась за аксельбант на его плече.

- Если бы я знал... - Одо отвел мою руку. - Может быть, это просто дурные сны, но я не могу перестать думать об этом.

- А вы все-таки перестаньте! Думайте лучше о том, что доктор Боммард - великий хирург, и ее величество непременно поправится... во всех смыслах, и на зимний праздник вы поведете ее, а не меня, а там уже рукой подать до весны, до ее совершеннолетия!.. - я захлебнулась словами и умолкла. - И свадьбы. Кого вы для нее выбрали?

- У меня дюжины две кандидатов в принцы-консорты, - помолчав, ответил он. - Я вам покажу личные дела. Скажете, каковы эти молодые и не слишком люди с вашей точки зрения.

- Конечно, скажу. А теперь... Одо, уже глубокая ночь, а я боюсь, не засну. Вы мне не накапаете того зелья?

Он кивнул и увлек за собой. Налил в стаканчик воды, отсчитал капли из флакончика...

- В прошлый раз было больше.

- Сегодня в вас не швыряли бомбу. Ну хорошо, я добавлю... Вот. И в чем дело?

- Пейте, - сказала я, глядя ему в глаза. - До дна. Доктор Боммард сказал...

Он перебил, прекрасно поняв, к чему я веду:

- Вы не сможете разбудить меня, если что-то случится.

- Если это будет что-то непоправимое, как вы выражаетесь, то какая разница, проснетесь вы часом раньше или позже? А с остальным... справимся как-нибудь. Пейте!

Я не думала, что Одо меня послушается, но... Наверно, он слишком устал.

Подождав, пока он забудется сном, я подобрала с пола наполовину пустой флакон и взгляделась в лицо канцлера. Даже теперь лицо его не расслабилось, он будто готовился к отражению атаки.

У себя в спальне я спрятала флакон под кроватью, потом разделась и умылась, не став звать горничных - уже светало, а на рассвете сон самый сладкий, зачем же его перебивать? Серебряное платье стекло с меня само собою, справиться с нижним бельем не так уж сложно, распустить волосы - тоже...

В самом ли деле я выпросила у Богини милость? Жизнь Дагны-Эвлоры в том числе? Я не знала. И не представляла, что будет дальше со мной. С нами обеими...

ГЛАВА 21

Время вдруг полетело так быстро, что я едва успевала замечать: вот уже зима наступила, столица оделась белым снегом. Ненадолго, конечно – он быстро темнел от печной копоти, – но все равно это было красиво.

На зимний праздник, вопреки моему предсказанию, Одо повел меня. Ее величество к тому моменту уже встала на ноги и поправлялась стремительно – Боммард ходил гордый своими умениями. Однако когда я осторожно спросила, нельзя ли Иде сопровождать меня в качестве свитской девицы, врач замахал на меня руками:

- Вы с ума сошли, ваше величество! В этой толчее, духоте и шуме здоровому сделается дурно! Воля ваша, конечно, если желаете угробить пациентку – берите ее с собой, но я умоваю руки, так и знайте. Мне же легче будет – она отнимает у меня слишком много времени. По-моему, даже вы не настолько капризны!

Канцлер, услышав это, велел ее величеству слушаться Боммарда и оставить пререкания, но слова его подействовали слабо.

Поначалу Дагне-Эвлоре понравилась идея притворяться бедной сироткой, но выходило у нее из рук вон плохо. Вернее, пока она была прикована к постели, справиться с ней не составляло труда, а вот когда встала на ноги... Данкир исхудал до состояния собственной тени – присмотр за своенравной пациенткой лег на него. Теперь уже ему приходилось подливать сонное зелье – хорошо, что у Одо был запас, а о присвоенном мной флаконе он так и не вспомнил. Может, решил, что извел остатки, или же сосуд закатился куда-то, не знаю, не спрашивала.

Вот и на этот раз ее величество раскричалась и затопала ногами, в точности, как описывал канцлер: она уже пропустила осенний праздник, а теперь не покажется и на зимнем балу?

- Было бы, что показывать, – опрометчиво сказал Данкир, присутствовавший при этой сцене, и Дагна-Эвлора швырнула в него кувшин. – Узнаю руку... но не меткость, ваше величество. Вам ещё следует попрактиковаться.

- И прекратите рыдать. Боммард запретил, – добавил Одо, поймав ее за руки и усадив в кресло. – Никакого излишнего напряжения.

- Может, вы и думать мне запретите? – всхлипнула она.

- Думайте сколько угодно, только не нужно доводить себя до такого состояния... Вы уже столько терпели, ваше величество, так неужели готовы перечеркнуть достигнутое ради каприза?

- Для вас это действительно каприз, Одо! А для меня... Я ни разу не танцевала на таком балу по-настоящему, а вы... Да-да, я помню, вы оберегаете меня, но неужели мне может сделаться хуже от танца-другого? Ну скажите?

- Боммард запретил, – отвечал он с непостижимым терпением. – Спорьте с ним, если угодно. Позволит – я соглашусь, но не иначе.

Сцены эти сделались привычными: я вынужденно присутствовала, поскольку мне теперь вменялось в обязанность ежевечерне навещать Дагну-Эвлору и вводить ее в курс дел. Читать помногу Боммард ей опять-таки запретил, да она и не испытывала особенного желания разбирать витиеватые фразы официальных докладов. Мне тоже это не нравилось, но моего мнения никто не спрашивал. Вот и пригодилась моя память и умение пересказывать суть прочитанного в нескольких фразах: в пансионе перед экзаменами плохо подготовившиеся девочки частенько просили меня напомнить им ту или иную главу учебника, без подробностей, только самое главное – этого хватит, чтобы получить удовлетворительную оценку!

Странно, наверно, относиться к королеве, как к неуспевающей воспитаннице пансиона в захолустье, но у меня не получалось иначе. Это была еще и домашняя девочка из богатых, весьма своенравная, не говорю уж о власти. Часто случалось, что она говорила:

- Довольно об этом, Эвина, скучно слушать. Поражаюсь, как тебе до сих пор не надоело вникать во всю эту ерунду... Пускай Одо скажет, как быть!

Вот и поспорь с ней...

Но Дагна-Эвлора вовсе не была скверной. Капризной - да, но это понятно для младшей дочери в большой семье. Не любящей скучные дела и не желающей в них разбираться - а кто любит, особенно, если никогда не было необходимости вникать в подобное? Желающей веселиться и танцевать на балах - а будто бы я не желала! Мечтающей о большой счастливой семье, такой, какой была у нее самой до той катастрофы... И о любви, конечно же, но какая девушка не грезит об этом?

Ей скучны были дела, но она с удовольствием слушала мои рассказы о жизни в пансионе, о моих подругах, наших маленьких секретах - я подумала, что ее величество вряд ли кому-то перескажет, как именно мы прячем запрещенные книги, тем более, ей тоже носили романы тайком, - об уроках и наказаниях, прогулках и скромных праздниках. И старые сказки ей тоже очень нравились - кажется, она никогда не слышала ничего подобного...

- Жаль, что такие умные девушки не попадают ко двору и тем более в свиту, - сказала однажды Дагна-Эвлора. - Своих свитских мне всегда хотелось задушить. Мамины были не лучше.

Я промолчала: по-моему, это были вполне достойные девушки, достаточно родовитые, чтобы занять свое место, воспитанные и сообразительные. У меня не было возможности свести с ними близкое знакомство, к тому же, это было опасно, но общее впечатление я составила, и оно оказалось более чем благоприятным. Признаюсь, я думала, что свитские девицы - это такое змеиное кубло, но нет... Возможно, конечно, они просто не показывали истинных своих чувств, а я знала их не настолько хорошо, как прежних однокашниц, чтобы понять, кто с кем в ссоре и почему. Наверно, так и было: перед королевой все они притворяются пайньками, но что на самом деле у них на уме?

- Я бы взяла тебя, - добавила Дагна-Эвлора, - если бы мы не были так похожи.

- Благодарю, ваше величество. Есть девушки умнее и красивее меня, но вы правы: путь ко двору им заказан. Некоторые слишком бедны, другие - вовсе не дворянки...

- Неважно... О, пускай каждый пансион выбирает лучших учениц выпуска!

- Это делается и так.

- Ты не поняла: пусть этих лучших представляют ко двору. А я посмотрю: вдруг мне кто-то понравится? Если нет - что ж, получают памятный знак и небольшую награду и отправятся домой. Скажи, хорошо я придумала?

- Да, ваше величество, - ответила я.

Идея в самом деле была недурна: конечно, шансы оказаться в свите ее величества или другой знатной дамы мизерны, но все-таки отличаются от нуля, как говорит доктор Боммард. Опять же, если девушка вернется домой с королевским подарком, у нее появится больше шансов устроиться на хорошее место и вытребовать себе жалованье получше: ведь абы кого не наградят вот так, верно? А может быть, ее заметит какой-нибудь достойный мужчина...

Конечно, рассуждения мои были наивны, но я подумала: отчего нет? Нужно будет изложить эту идею графине Ларан, когда вернется: ее инспекция что-то затянулась. Не то что у баронессы Эррен: та с неожиданной скоростью промчалась по нескольким городам и селам, затем навестила двоюродного дедушку, и вскоре отставной генерал Норинц без боя взял столицу, воздев на копьё вместо стяга проект реформы народной медицины...

Но об этом, повторяю, Дагне-Эвлоре слушать было скучно, равно как и о переговорах с Иссеном: получив данные исследований затопленных шахт, соседи долго размышляли, а теперь решили возобновить беседу. Кажется, кого-то с иссенской стороны очень вдохновила идея попробовать откачать воду так, чтобы не устроить локальную катастрофу, а заодно опробовать новейшие машины, но проект этот требовал длительной

разработки, множества согласований – отец Эриль возглавил комиссию и намерен был проверять все до последней запятой... Словом, забот хватало.

А ведь еще и младший иссенский принц прибыл на зимний праздник! Не иначе, это было намеком...

Что могу сказать? Довольно приятный молодой человек, танцевал он умело, комплименты произносил прекрасные, но от разговора о делах неизбежно и очень умело уклонялся. Должно быть, так ему было велено. В общем – насколько могла судить я с моим скудным опытом общения с противоположным полом, – не самая скверная кандидатура. Остальных я просто ещё не встречала, хотя досе уже изучила. Но ведь в бумагах может быть указано одно, а на деле человек окажется совершенно иным! Конечно, специалисты составляли подробный портрет кандидата – я имею в виду не внешность, чтобы ее оценить, достаточно фотографий, а характер, привычки и прочее, – но этого все равно мало.

– Типичный подкаблучник, – охарактеризовала иссенского принца графиня Эттари. – Таким воспитан. Но вынуть его из под каблука отца и засунуть под ваш, ваше величество, будет нелегкой задачей. Я бы не стала тратить время и усилия.

– Я учту ваше мнение, – ответила я.

На мнение графини вполне можно было положиться, особенно в таких вопросах. Баронесса Эррен сообщила мне на ухо, что граф Эттари вообще-то третий супруг ее кузины: в юности та пользовалась преогромным успехом и скольких женихов перебрала, уже не сосчитать...

Но праздники миновали, и я выдохнула с облегчением. Хотя куда легче бы мне дышалось, если бы удалось и допросить отыскать Эда, но он как в воду канул. А бомбист... Бомбист так и сидел в каземате, и что бы ни испробовал на нем Данкир, повторял все те же слова об отроде Безымянной. Сотрудники полковника Аннарда прочесали, кажется, всю Дагнару, отыскали много интересного, да только не того, что интересовало нас! Не было здесь религиозных фанатиков подобного толка. Вернее, имелись кое-какие, но пока они сидели смирно и отправляли свои ритуалы в узком кругу, их не трогали. Я полагала, в этом есть разумное зерно: пускай в Дагнаре почитают Богиню, но не запрещают исповедовать другие культы, пока их последователи не провозглашают во всеуслышанье свои идеи, не пытаются вовлечь в свои ряды других и тем более не идут против приверженцев Богини.

Еще и мэтр Оллен исчез бесследно. Ищи его, не ищи – что толку? Не угадаешь, где и когда он появится вновь, что сотворит... а главное, почему!

Одо появлялся все реже, уже не ночевал в охотничьем домике. Я знала, почему: ожившая Дагна-Эвлора отнимала все его свободное время, которого и так-то было в обрез. На меня уже не хватало – только на то, чтобы сообщить, чем мне предстоит заниматься назавтра, проинструктировать, если это требовалось, вот и всё.

Странное дело – мне его не хватало. Вернее, не его самого, а наших коротких разговоров, ощущения тайны, которая связывала нас... Теперь все это сделалось настолько будничным, что и вспоминать не хотелось.

Спасали дамы, в чьем обществе я забывала о мелочах – хватало дел. А ещё Данкир – даже если я падала духом, он умудрялся поднять мне настроение. Не нарочно, просто заставить его умолкнуть было невозможно ни приказом (да и кто я, чтобы ему приказывать?), ни просьбой, ни даже броском чего-нибудь тяжелого. Это и у Дагны-Эвлоры не срабатывало, куда уж мне! Ну а там уж слово за слово, и вот я уже смеюсь...

– Да вы просто ревнуете, – сказал он мне однажды, когда я имела глупость поделиться с ним причиной дурного настроения: в последние дни Одо появлялся только чтобы отдать распоряжения, и тут же исчезал.

– Что за глупые шутки!

– Совсе не шутки, – Данкир уселся на подоконник, как делал обычно в неофициальной обстановке. Боммард, помнится, сказал: в точности какой-нибудь дурной скворец, нашел

насест повыше и трещит, трещит без умолку. - Я же не имею в виду, что вы без памяти влюблены в Химмелица. Вообще не представляю, кто способен на подобное - это же статуя каменная, а не человек...

- А... как же тогда? - я встала напротив.

- Если я начну объяснять, мы тут весну встретим, - ответил маг, и я вздрогнула, потому что Одо говорил почти так же. - Но я попробую - вкратце, насколько это мне доступно.

- Уж постарайтесь...

- Только не обижайтесь, - предупредил он. - Эти мои теории, может, вовсе не имеют под собой никакого основания. Я рассуждаю так: вы ведь сирота, вам никто никогда не уделял особого внимания, кроме этой вашей директрисы, верно? Да и она вряд ли целовала вас в лоб на ночь и рассказывала сказки. Следила, чтобы вы были сыты, одеты и обучены всему подобающему, и достаточно, правильно? Ну, служанки немного баловали, наверно, но вы не одна была у них на попечении.

Я кивнула.

- А потом вы вдруг оказались в центре внимания. Неважно, почему... Времени прошло всего ничего, но вам понравилось, что рядом есть кто-то сильный. Кому же не понравится, если этот кто-то способен разрешить любую проблему! А ещё вы очень важны для него - пускай не потому, что он вас любит, а потому, что без вас хоть вешайся... И вдруг он вас оставляет. Не совсем, конечно. Но это уже не то: у него есть оригинал, и этот капризный и ещё не вполне здоровый оригинал требует в разы больше внимания, нежели крепкая, послушная, разумная копия. Но он об этом даже не думает. Вы для него просто инструмент, а инструменты не могут обижаться, это же просто вещи... Но вы-то не вещь, - Данкир встал со своего насеста и обнял меня за плечи. - Вы живой человек. Пускай совсем юный, но очень сильный. Вам может быть больно и обидно... но вы все равно делаете свое дело. Потому что дали обещание, так?

Я снова кивнула, повернулась и прижалась лицом к его груди, а Данкир осторожно обнял меня за плечи. В памяти такого не было: может, он когда-нибудь утешал Дагну-Эвлору, но ничего подобного не сохранилось.

Как же мне все-таки везет на хороших людей... Госпожа Увве и Мика, обе графини, баронесса, Данкир и Боммард, и многие, многие другие...

- А самое скверное, - прошептал Данкир мне на ухо, - что оригинал тоже чудовищно ревнует. Наверно, нет необходимости объяснять, почему. Доводы разума там не действуют, я проверял. Эва слишком привыкла получать все, что ей заблагорассудится, а тут вдруг... вы. И Химмелиц проводит время с вами, не с ней. Немного - но это теперь, а прежде-то - целые дни напролет. А еще она прекрасно понимает: люди полюбили не ее - вас. Лицо и красивое платье ничего не значат, а поступки...

- Это слишком сложно для меня, - глухо ответила я. - И я думала, вы тоже любите Эву.

- Я любил Лиору, - мягко поправил он. - Эва казалась мне взбалмошным ребенком... Хотя она прекрасно отвлекала внимание, этого у нее не отнять.

- И что мне теперь делать, Син?

- Не знаю. Честное слово, не знаю. Я бы уже спятил на вашем месте, - Данкир погладил меня по волосам и, кажется, поцеловал в макушку. - Но, говорят, женщины сильнее.

- Канцлеру скажите. Он держится намного дольше моего.

- Так ведь он и старше, и опытнее. Зато вы отмечены Богиней, а ему это не грозит: до мужчин Она не снисходит. Ну, право, не нужно плакать, я же потом мундир не отчищу...

Не представляю, сколько времени я поливала Данкира слезами: по-моему, прошло всего ничего, но могло миновать и больше получаса - обычно именно столько у меня уходило, чтобы нарыдаться вдоволь. Очнулась я, только услышав холодный и резкий голос:

- Уберите от нее руки, Данкир. Немедленно.

- Ваше превосходство...

- Я сказал - уберите руки. Мне начать считать до трех?

Я встряхнула головой, приводя мысли в порядок. Что происходит? Да, мы с Данкиром говорили о... о разном, но он ничего такого не...

Обернувшись, я увидела Одо. Судя по побелевшему лицу, он был в бешенстве, а револьвер в руке только подчеркивал его решимость идти до конца. Да и в самом деле, что ему будет, даже если он пристрелит Данкира?

Видимо, маг тоже подумал об этом, потому что медленно разжал руки и отстранился, но не произнес ни слова. Хоть бы догадался выставить щиты! Может, пули зачарованные, как я предположила...

- А теперь убирайтесь вон, - сказал Одо. - И не появляйтесь больше возле...

- Кого именно? - все-таки не удержался Данкир. - Ее величества или Эвины? Вы уж определитесь, ваше превосходительство!

Грохнул выстрел.

Я с ужасом смотрела, как бежит алая струйка по виску Данкира, пока не сообразила - его просто задело осколком, Одо метил в светильник.

- Убирайтесь, - повторил он. Во второй раз не промахнется, гадать не приходилось.

- Уйти и оставить вас наедине с беззащитной девушкой? - кажется, Данкир закусил удила. И то: он все-таки маг, неужели не сумеет закрыться от выстрелов? Пускай в первый раз не думал, что канцлер действительно выстрелит в него, но теперь-то! - Чтобы вы излили на нее свой гнев, чем бы он ни был вызван? Нет, ваше превосходительство, я отказываюсь подчиняться приказу. Даже если Эвина сама попросит меня уйти, я не слушаюсь: будто я не знаю, кого слушается она!

- Да вы оба с ума сошли! - только и смогла выговорить я, но меня не услышали.

- Подите прочь!

- Попробуйте заставить!..

На этот раз обрушилась люстра. Не знаю, то ли ее сбил выстрелом Одо, то ли Данкир отвлекал внимание.

- Мэтр Оллен казался мне... сложным в работе, - негромко произнес Одо. - Я ошибался.

- О, неужели я дождался комплимента? Впрочем, не имеет значения: я сказал уже, что не оставлю девушку с вами наедине!

- Я оставил ее с вами, и что вышло?!

Нужно было остановить их, но как? Я не волшебница! Впрочем...

Поднять большую вазу было не тяжелее ведра с водой, сложнее - швырнуть ее между двумя сведенцами так, чтобы обоих обдало не слишком свежей водой и осыпало осколками фарфора.

- Прекратите! - наверно, сейчас я топала ногами не хуже Дагны-Эвлоры. - Немедленно прекратите! Отдайте мне эту гадость, Одо!.. Нет, лучше бросьте в тот угол...

- И остаться безоружным перед магом? Я еще не выжил из ума.

- Да? А похоже, что выжили! Что вам в голову взбрело? Вы увидели... - я осеклась, сообразив, как выглядели со стороны наши с Данкиром объятия. - Увидели, как Син меня утешает, и решили пристрелить его? Просто на всякий случай, так, что ли? Уберите револьвер, говорю вам!

- Если что, мы обсуждали девичью ревность, - быстро сказал предатель Данкир. - У Эвины нет подруг, она может поплакать только в подушку, но я ведь самую чуточку лучше, правда?

- Помолчите же вы!.. Да, лучше! Хотя намного жестче. И говорите всякое... чего я не хотела о себе знать...

- Ничего не понимаю... - Одо опустил руку с револьвером, спасибо хоть на этом.

- Вы и не желаете понимать!

- Знаете, а вот теперь я лучше отправлюсь проведать мэтра Боммарда, потому что здесь я определенно больше не нужен,- быстро произнес Данкир и испарился. Прекрасно его понимаю, сама не отказалась бы исчезнуть, но... мне деваться было некуда.

После криков и грохота тишина в комнате царил мертвая. Странно, что слуги не сбегались на шум. Не иначе, Данкир озаботился...

- Вот, значит, как вы на самом деле обо мне думаете, - выговорила я наконец.

- О чем вы...

- О том, что я схватилась за соломинку, когда поняла, что не выйду живой из этой игры. За Данкира. Он маг, он любил сестру ее величества, а мы достаточно похожи. Мы успели немного подружиться. Он сумел бы укрыть меня... пускай и ненадолго - вы же упоминали его имя среди прочих, кто может помочь, случись что. И я готова была расплатиться за это своей девичьей честью, - недаром я прочла столько дурацких романов, слова сами шли мне на язык. - И когда вы увидели, как он обнимает меня и целует, вы...

- Нет, - коротко сказал Одо и убрал все-таки оружие. - Я ничего толком не видел. Я не имею обыкновения возникать в ваших покоях без предупреждения, если не забыли.

- Тогда...

- Услышал я достаточно.

Я отошла к окну, взялась обеими руками за подоконник. Стыдно-то как...

Данкир говорил правду, он видел меня насквозь! И наверняка заметил, что канцлер явился, что он в соседней комнате и слышит наш разговор... Уж я ему припомню, пусть только вернется!

- Услышал достаточно, но понял не все, - сказал за моей спиной Одо. - И истолковал по-своему. Наверно, ошибся. Не знаю. Скажите вы.

- Мне было очень тоскливо, - произнесла я. - Но я понимаю: у вас теперь вдвое больше забот. И Данкир все говорил правильно. Не вздумайте его пристрелить, я вас не прощу!

- Если он не пытался принудить вас к... чему бы то ни было, опасаться ему нечего.

- Не пытался. Я просто плакала... на его широкой груди, - я криво улыбнулась. - Ну, как в тех глупых книжках, вы же помните?

- Там такие рыдания обычно переходили в нечто большее.

- Только не с Данкиром. Он как старший брат. И еще, знаете... Странно: я для него будто бы более настоящая Эва, чем ее величество, учитывая даже, что я его не помню. Удивительно, правда?

Я видела в отражении - Одо покачал головой. Потом почувствовала - он подошел ближе и взял меня за плечи привычным уже жестом.

- Хотел бы я разобраться в этом подробнее, - сказал он, - но сейчас не до того.

- Вот почему вы так обозлились! Влюбленная фальшивая Эва окажется не в состоянии

решать судьбы граждан, а настоящая – тем более, ей это ещё не по силам?

И Одо ответил:

- Да, именно. И если вам нужно выплакаться – моя намного более широкая, нежели у Данкира, грудь к вашим услугам. Пускай и не так часто.

Надо ли говорить, что от этих слов слезы у меня высохли мгновенно?

ГЛАВА 22

Больше мы не говорили об этом. Данкир вернулся, делая вид, будто за ним по пятам идут наемные убийцы, но я уже привыкла к его шуточкам и только отмахнулась.

Тем временем объявилась графиня Ларан, шокированная увиденным донельзя. Помимо пансионов она заглянула еще и в обычные школы, вынесла оттуда множество наблюдений, и теперь передо мной лежал очередной проект...

- У нас нет средств на это, - сразу сказал Одо.

- Найдем, - ответила я. - Благотворительные фонды существуют, не так ли? Нужно просто направить их деятельность в нужное русло. И контролировать использование средств, это самое важное... Рина? Могу я просить вас заняться этим?

- Да, ваше величество, - графиня склонила голову. - После того, что я увидела в захолюстье... И это называется приличными пансионатами! Уровень преподавания кое-где местами катастрофически низок! Из всех подобных заведений я лишь десяток отметила как действительно достойные подобного названия...

Я открыла папку, пролиставла и с приятным удивлением увидела там наш пансион. О, госпожа Увве не могла подвести!

Тогда же я озвучила идею Дагны-Эвлоры о наградах лучшим ученицам, и она снискала успех. А вот другое мое предложение...

- Ваше величество, если кто-то мечтает выучиться грамоте, он выучится сам или с помощью родителей, соседа, наконец... А если нет - его не заставишь, - сказала баронесса Эррен.

- Еще как заставишь. Неграмотным - штраф. Одолеть самое простое - чтение, пускай даже по слогам, и счет до ста, - не так уж сложно, а пригодится всем. Даже разносчикам газет... хотя они, уверена, отлично умеют считать!

- А средства, ваше величество? Его превосходительство ведь говорит...

- Придется изыскать, - ответила я. - Например, снять с придворных этот... рубиновый «королевский крап». Не желаю его больше видеть! Пускай пожертвуют на народные нужды.

- Если подготовить их как следует, возможно, они и больше пожертвуют, - пробормотала графиня Эттари. - У меня имеется подобный опыт: помогаю супругу в сборе средств для его проектов, знаете ли.

- Вот и замечательно! Присоединяйтесь с графине Ларан и занимайтесь проектом. И вот ещё что: пусть... пусть первые два класса, где учат чтению, письму и простому счету, будут бесплатными. А если кто-то хочет учиться дальше, но не может заплатить, тогда по окончании занятий ему придется отработать несколько лет в счет обучения. А где именно... тут будут решать комиссии, чтобы будущий инженер не оказался в подмастерьях у сапожника!

- А кто будет определять состав комиссий?

- Вы желаете, чтобы я занялась этим лично? Или нашла кого-нибудь вроде генерала Норинца? К слову, это идея...

Я понимала, что идеи мои не новы и наивны, знала, что все будет искажено: никто ведь толком не проследит за выполнением... Но Одо ничего не говорил, молча кивал, подписывая очередной указ, а я думала: может, хотя бы ненадолго у людей появится надежда? Хотя сколько-нибудь не станут воровать высшие чины, побоятся гнева королевы?

Вот о чем нужно было просить Богиню, но, думаю, и она не справилась бы, потому что люди... это люди.

Дагна-Эвлора изнывала от скуки в своей темнице у моря: теперь любая новость

вызывала у нее вспышку гнева или отчаяния. Вот и теперь, услышав, что я отправляюсь навестить лучшие пансионаты страны и лично наградить отличившихся учениц – как раз подоспели результаты зимних экзаменов, – ее величество легла навзничь, обняв подушку, и отказалась разговаривать.

Я понимала ее – пыталась понять, во всяком случае, и Одо тоже. Его радость сменило глухое раздражение: он явно успел позабыть, что представляет собой Дагна-Эвлора на самом деле, и ожидал от нее того же, чего и от меня. Однако заставить ее сделать что-либо силой Одо не мог, не имел права, а уговорить не получалось – ее величество прекрасно понимала, что стоит ей пожаловаться на головную боль, и о делах немедленно забудут, а саму ее окружают заботой и вниманием, чего она и добивалась. С ней мог справиться только Боммард, потому что не слушал капризов, а молча осматривал пациентку и приказывал сделать то-то и то-то, а после исчезал. Если он и заметил что-то странное в поведении «Иды», то молчал...

- Если Эве угодно лежать носом к стене, пускай лежит, - сказал наконец Одо, испробовав уговоры, посулы и даже угрозы, но не добившись результата. - Хуже ей от этого точно не сделается. А нам пора отправляться.

Путешествовали, конечно, не поездом – этак мне круглый год пришлось бы провести в дороге, к тому же, о поездках никто и слышать не желал, и немудрено, – порталами вроде того, которым воспользовался Одо при нашем знакомстве. Это удобно и зрелищно: громадная карета, запряженная восьмеркой статных коней, возникала из ниоткуда на главной улице города, при этом не сталкиваясь с другими экипажами и повозками, и величаво подкатывала к подъезду пансионата, собирая за собой толпы зевак.

Я наконец познакомилась и с другими придворными магами: постоянно брать с собой Данкира не следовало, вдобавок, он нужен был, чтобы присматривать за Дагна-Эвлорой. Я опасалась, конечно, что они заметят обман, но Данкир клялся чем угодно – даже если кому-то придет в голову проверить, настоящая ли перед ними королева, маскировка устоит. Перед мэтром Олленом – вряд ли, но о нем не было ни слуху, ни духу... С одной стороны, и хорошо – повторяю, я его боялась, с другой... Неизвестно, где он, что подельывает и какие планы строит.

- Может быть, не стоит ехать в мой пансион? - с сомнением спросила я Одо перед очередным визитом. - Там меня слишком хорошо знают, и пускай я порядком изменилась...

- Раньше бы вам об этом подумать, сударыня, - по обыкновению сухо ответил он. - Списки лучших заведений для девиц опубликованы в газетах, каждое ждет визита и все горожане с ним вместе, поэтому пропустить именно это не получится. И можно подумать, вам не хочется взглянуть на родной дом.

Дом? Да, он прав – я ведь выросла в стенах пансионата и очень мало что видела за их пределами. Теперь, впрочем, мне тоже немного было доступно: просто одна клетка сменилась другой, побольше размерами и богато украшенной. Только вот в первой мне приходилось полагаться только на себя (и милость госпожи Увве) и заботиться лишь о собственном благополучии, во второй же... Рассчитывать по-прежнему можно было лишь на Одо и немного на Данкира, но от моего поведения зависело очень и очень многое. Такая ответственность пугала, не могла не пугать, но мне казалось, я начинаю понемногу привыкать к этой ноше. Что до призрачной свободы, маячившей за прутьями обеих клеток, она меня не манила. Признаюсь, я вовсе не представляла, что с нею делать, и более того – страшилась.

- Одо, а ее величество всегда была такой... неуравновешенной? – спросила я, чтобы отвлечься от этих мыслей. Все равно до прибытия оставалось какое-то время, не молчать же.

- Вы хотите сказать – взбалмошной и капризной? В детстве – да. Потом уже старалась не позволять себе подобного, даже в ближнем кругу.

- Почему же она теперь сделалась такой? Из-за болезни?

- Не исключаю. Боммард ничего сказать по этому поводу не может: он лечит тела, не разум.

- А вы совсем не удивились, когда ее величество после операции вдруг стала вести себя почти по-прежнему? Не как ребенок? Мэтр Оллен же спрятал ее разум в детстве!

Меня давно мучил этот вопрос, но задать его не представлялось возможности: слишком много навалилось дел, а не на ходу же разговаривать о подобном?

- Удивился. И допросил Данкира, но что от него проку? Говорит, представления не имеет, что наворотил мэтр Оллен и как это разгрести. Разум-то к Эве вернулся - вы же сами видите, рассуждает она, как взрослая девушка. А вот характер заметно испортился, и не только болезнь тому виной... - Одо замолчал, потирая переносицу.

- И почему защита мэтра Оллена пропала после операции, Данкир тоже сказать не может... - пробормотала я.

- Тоже его допрашивали? Я так и думал.

- Боммард убежден, что мэтр Оллен наврал, - с удовольствием сказала я и понаблюдала за рядом изменений лица Одо. - Он говорит, ему доводилось видеть пациентов, которые впадали в детство безо всякого магического вмешательства. Некоторые - именно после серьезных травм головы, а другие - сильно искалечившись и потеряв надежду на выздоровление и нормальную жизнь. Я плохо понимаю, когда он начинает сыпать медицинскими терминами, Данкир тоже не всегда в состоянии перевести, но суть я уловила: люди сами вот так прячутся внутри своих воспоминаний, чтобы не сойти с ума - кто от боли, кто от безысходности. Какой спрос с ребенка? И потом, в детстве все было проще...

- Очень уж быстро Эва пришла в себя... и в сознание и в свой разум, если можно так выразиться. Сразу после операции, помните?

- Конечно, помню. Наверно, ей стало ощутимо легче - она ведь сама об том сказала, - вот и...

- Да, только избалованного ребенка она загнать обратно не смогла.

- Это все домыслы, Одо, - вздохнула я. - Может быть, ее величество просто пытается... ну... вернуть себе ваше внимание. Об этом мы тоже говорили, если не забыли.

- Да, после того, как я немного пострелял по люстрам.

- Так это все же вы ее сшибли? Я думала, Данкир.

- Я. Чтобы немного спустить пар и не начать стрелять по людям. Эва вывела меня из себя, а тут еще трогательная сцена у окна и прочувствованные речи Данкира... А я все-таки не железный. В отличие от вас.

- Меня?..

Он едва заметно усмехнулся.

- Не нужно делать такое удивленное лицо, сударыня. Для девушки ваших лет вы проявляете недожинную, я бы даже сказал, несгибаемую волю.

- Что не гнется, то ломается, - ответила я служанкиной присказкой.

- Это больше относится ко мне. Химмелиц - скалы, забыли? Мы стойки, но все-таки даже скалы можно сокрушить, потому что всякой прочности есть предел. Я надеюсь лишь, что до моего ещё далеко.

- А я?

- А вы как хороший клинок - можно свернуть в кольцо, он все равно выпрямится.

- И заедет обидчику по лицу... - пробормотала я.

- Впрочем, не дело сравнивать девушек со сталью, - неожиданно сказал Одо. - Лучше уж с гибкой веткой. Ей тоже можно недурно отхлестать.

Я припомнила розги и невольно передернула плечами.

- А главное, такую ветку в какую землю ни воткни - пустит корни и станет расти, будто для этого места и предназначена, - закончил он.

- Мне не нравится, когда вы начинаете изъясняться иносказаниями, - честно сказала я. - Я ведь вам говорила, когда мы едва познакомились: скажите прямо, чего от меня хотите, а иначе мне все время кажется, будто я чего-то не понимаю, и от этого становится страшно. Знаете, больше всего я не люблю не понимать, что происходит.

- Я тоже, сударыня. В этом мы с вами очень похожи. Но обсудим это позже - мы уже на месте.

Конечно, я не думала, что девочки сумеют узнать меня под хорошей маскировкой, да еще со взрослой прической, в дорогом платье... Максимум - отметят, что лицом ее величество и Эвина Увдир немного схожи, вот и все. И все равно волновалась.

А еще - это уже было страшной авантюрой! - мне очень хотелось дать о себе знать Сэль и Юне. Я обещала писать им, когда уезжала, но возможности такой мне не предоставилось, да и... каюсь, я не часто вспоминала об этом обещании. Только думала: наверно, они огорчились. Или разозлились: как же, Эва уехала к счастливо обретенному отцу, наверняка богатому, вон какую карету прислал... задрала нос и даже знать о себе не дала! А может, испугались: кто знает, что со мной случилось? Вдруг господин в карете был вовсе не поверенным, а преступником, который собирает по пансионам подходящих девушек для какого-нибудь ритуала? О, мы обожали страшные истории!

Но как хотя бы намекнуть на то, что я жива? Написать письмо и попросить того же Данкира отправить его из любого уголка Дагнары? Так ведь я не знаю ни одного подходящего местечка, а девочки удивятся, если не увидят обратного адреса. Наверно, канцлер придумал бы что-нибудь, но обращаться к нему с подобной мелочью мне поначалу было страшно, а потом просто стыдно: и без того хлопот невпроворот, а тут ещё дурацкие девчачьи записки...

Случай представился совершенно неожиданно: как и было сказано, приют оказался в списке лучших по мнению графини Ларан, более того - Сэль попала в число отличившихся учениц, а стало быть, я смогу перемолвиться с ней парой слов. О нет, не сказать правду - это невозможно, но...

И ведь все равно не догадается... Вот Юна сразу поняла бы любой намек, но она никогда не отличалась любовью к учебе и оставалась хорошисткой, а стало быть, ей придется стоять в общих рядах учениц.

Как же быть? Я перебрала свои сокровища - подарки девочек на прощание, среди которых были не только карандаши и красивые тетради, но и разные сувениры, и даже скромные украшения. Увы, ни один из них нельзя было не то что надеть (скажем, заколку для волос), но даже прищипить к сумочке - это мгновенно бросилось бы в глаза. Но кое-что я все-таки придумала...

На госпоже Увве лица не было от волнения, а я поразились - такой маленькой и хрупкой она мне показалась. Не могла же я настолько вырасти за несколько месяцев? Или все-таки могла? Наряды мои обновляли регулярно, но я не следила, насколько именно удлиняют подол и рукава.

- Ваше величество... - шептала она. Наверно, голос пропал от переживаний, с ней такое случалось. - Какая немыслимая честь для нас...

- Ну что вы, сударыня, - я ласково коснулась морщинистой руки, - это всего лишь визит вежливости. Но, право, все пансионы отличаются, и мне интересно взглянуть, как и что у вас здесь устроено. Проведете для меня экскурсию?

- Как вам будет угодно, ваше величество...

- По-моему, вы ее ещё сильнее напугали, - шепнула мне на ухо баронесса Эррин, когда моя свита устремилась следом за госпожой Увве.

- О, такие дамы крепче, чем кажутся, - тут же вставила ее кузина.

Надо сказать, госпожа Увве действительно быстро взяла себя в руки. Она продемонстрировала нам кухню: кухарки застыли, не в силах даже поклониться, и только истопник, ковырявшийся в засоренном дымоходе, протер запорошенные сажой глаза, увидел меня, неожиданно встал во фронт и отдал честь. Не знала даже, что он служил...

Горничные жались к стенам, но любопытство брало верх, а самая бойкая - конечно же, это оказалась Мика! - взяла на себя труд показать дамам спальню и классные комнаты.

- Извольте, сударыни, - журчал мягкий голос, а я так жалела, что не могу обнять ее, как перед отъездом! - Здесь спят старшие девочки, спальни младших дальше по коридору...

- Это какие-то крайне морозоустойчивые девочки, - баронесса Эррин повыше подтянула меховой палантин. - Совсем как любимые розы моего супруга, ваше величество: цветут они даже снегом, да только соцветия мелкие и совсем не ароматные.

- Уверю вас, здесь еще достаточно тепло, - промолвила графиня Ларан. - Думаю, хотя бы вода для умывания не замерзает в кувшине.

«Бывало и такое», - чуть не сказала я, но вовремя прикусила язык. Вместо меня ответила графиня Эттари:

- Мы уже обсуждали это, дамы. «В скромности и строгости» не должно означать - в холоде и голоде.

Вообще-то, сказал это канцлер, я повторила дамам, а им так понравились эти слова, что их сделали девизом кампании.

- Разумно. Баловать девочек ни к чему, но постоянные простуды и скучная однообразная пища им на пользу уж точно не пойдут. Но в вашем заведении, госпожа Увве, - добавила графиня Ларан, - с этим дело обстоит неплохо. Хотя я все же настаиваю на том, чтобы топили в комнатах лучше. Тут и взрослый запросто получит воспаление легких, что же говорить о детях?

- Как вам будет угодно, сударыня, - госпожа Увве присела в низком поклоне.

Уверена, она лихорадочно подсчитывала, хватит свободных денег на закупку дров или же придется ужиматься в другой статье расходов, скажем, починке крыши.

- Если пансиону не хватает средств, ему будет оказано необходимое вспомоществование, - успокоила я, и мне послышался вздох облегчения. - К тому же, думаю, многие захотят перевести дочерей сюда, не так ли, Рина?

- О, не сомневаюсь, ваше величество. Вы ведь читали доклад о качестве образования в других заведениях, не так ли?

- Да, и была потрясена. Полагаю, обеспеченные люди, желающие своим дочерям лучшего будущего, не откажутся платить немного больше за по-настоящему качественное обучение. А теперь, госпожа Увве, я хочу увидеть ваших подопечных и их наставников!

- Прощу, ваше величество...

Она засеменяла по направлению к большому залу, вся сжавшись, и я почти услышала ее мысли: что, если королева решит, будто ученицы недостаточно воспитаны? Плохо одеты? Неряшливы? А учителя?.. Все предупреждены, но ведь Агсон может понести какую-нибудь выспреннюю чепуху, как всегда в минуты волнения, а другие...

Канцлер тронул меня за локоть - он прекрасно чувствовал мое состояние, - а я кивнула и внутренне собралась. И когда вошла в большой зал и встретилась взглядом с портретом Дагны-Эвлоры, только улыбнулась - так и казалось, что она следит за мной ревнивым взглядом, но мне некогда было обращать на это внимание.

Гулкий вздох пронесся над рядами учениц, и они склонились в глубоких придворных поклонах, все как одна – наверно, их дрессировали днем и ночью, чтобы не осрамить пансион перед королевой.

Я искала взглядом знакомые лица и находила – учителя, это понятно, мои однокашницы...

– Какие у вас грациозные воспитанницы, – не удержалась я, и на щеках госпожи Увве вспыхнули алые пятна.

– Бла... благодарю, ваше величество, – выговорила она. Надо же, тогда, в разговоре с моим мнимым отцом, она ничуть не робела, а теперь... С другой стороны, одна сиротка и дело всей жизни – есть же разница? – Их учительница манер и танцев когда-то была примой королевского балета...

Дамы за моей спиной ахнули и зашущукались, а я поняла, откуда у госпожи Тассон такая осанка и изящество движений. Она никогда не упоминала, где и кем служила прежде, муштровала нас жестко и даже жестоко, зато теперь я чувствовала себя на паркете бального зала, наверно, так же уверенно, как она когда-то – на сцене.

Госпожа Тассон приблизилась, заметно хромя и опираясь на трость, с достоинством поклонилась. Должно быть, уйти со сцены ее заставила травма – от этого никто не застрахован. Но неужели нельзя было вылечить ее? Кто теперь узнает... Сама она вряд ли скажет.

– Богиня всемилостивая! – выговорила вдруг графиня Эттари и шагнула вперед. – Парящая над сценой! «Как лепесток весной взмывает над цветущим садом»... Сударыня, я видела ваше сольное выступление, когда была ещё девочкой, и до сих пор оно у меня стоит перед глазами!

– Право, не нужно...

Госпожа Тассон еще сильнее сжала губы. Девочки не смели шущукаться, но переглядывались с изумлением: неужели эта сушеная старая дева когда-то в самом деле была балериной? Выступала перед его величеством? Да ведь они теперь с нее живой не слезут, пока не узнают, что да как! Я бы точно не отстала...

– Я мечтала о вашем автографе всю сознательную жизнь, – сказала графиня и открыла сумочку. – И если вы откажете мне, я... право, останусь жить в этом пансионе до тех пор, покуда вы не снизойдете до меня! Ваше величество, вы ведь позволите мне?..

– Несомненно, – ответила я, глядя, как она вынимает старый снимок, уже потускневший от времени. На нем едва узнаваемая госпожа Тассон – не юная уже девушка, какое там! – действительно словно летела в немыслимом пируэте над сценой.

Графиня отлично подготовилась, вот что я хочу сказать. Вероятно, она вовсе не была поклонницей немолодой балерины и даже никогда не видела ее выступлений, но какой эффект произвели ее слова!

– Учитесь, сударыня, – шепнул мне Одо, и я уверилась в своей правоте.

Госпожа Тассон неловко расписалась, едва не уронив живо поданное вечное перо, и отошла в сторону. Мне казалось, ее душат слезы, но позволить дать себе слабину на глазах у стольких людей? У королевы? И тем более воспитанниц?.. Нет, никогда!

У кого же мне предлагалось учиться? У графини Эттари или учительницы танцев? Наверно, у обеих...

Было произнесено еще несколько дежурных фраз, и наконец мы перешли к награждению лучших учениц.

Сэль... Вот она, Сэль, стоит в первом ряду и смотрит на меня так, будто узнала. Но нет, быть этого не может, просто она чудовищно волнуется – как и я.

– Сэллин Нарш, – называют ее имя, она делает шаг вперед и приседает в заученном реверансе. Даже дышать боится, по-моему, а Юна в середине шеренги изо всех сил

сжимает кулаки – лишь бы подруга не опозорилась!..

Сэль подходит и снова кланяется так низко, что я вижу ниточку пробора в ее темных волосах. Мы с ней одного роста, но она постаралась не опозорить госпожу Тассон – та даже с больной ногой могла показать какой угодно поклон и заставила нас выучить все, что знала сама и на что нам хватало скудных способностей...

– Встань, дитя мое, – эти слова срываются легко: я хорошо помню, как называет меня Дагна-Эвлора. – Ну же, не бойся взглянуть на меня! Я ведь не какой-нибудь болотный огонек-призрак – посмотришь и не вернешься.

Сэль, кажется, вспоминает наши ночные разговоры и наконец-то смотрит на меня в упор – неверяще и испуганно. Надо же, я совсем забыла, какие у нее глаза – серые с рыжими крапинками, издали кажутся карими...

Награждают отличившихся учениц обычно грамотами и книгами. Грамоты, ясное дело, были подготовлены заранее, а вот насчет книг я имела собственное мнение, а Одо махнул рукой – делай, что хочешь, хватает забот посерьезнее.

– О тебе пишут, что ты любишь читать, – начала я, и Сэль опустила глаза. Наверно, подумала, что сейчас ей всучат какой-нибудь справочник молодой хозяйки или сборник назидательных историй. – А о чем?

– Простите, ваше величество? – пискнула она.

– Ну, какие книги тебе нравятся? О приключениях, путешествиях или о любви?

Сэль сделалась невозможно красной, покосилась на госпожу Увве, потом выговорила шепотом:

– О приключениях, ваше величество...

– Но, конечно, вступать в эти приключения должны двое, не так ли? Ну же, перестань краснеть! – я наклонилась чуть ближе и шепнула: – Сама донельзя люблю подобные истории, а потому, думаю, тебе понравится это сочинение...

Кто-то из свитских подал мне пухлый томик и перо, я раскрыла книгу на титульной странице и быстро написала: «Милой Сэль Нарш». И подписалась привычным уже витиеватым росчерком, а вдобавок быстро нарисовала свой профиль – я часто рисовала его на полях черновиков, – только не с косой, а с прической. Данкир сказал, что и ее величество любит изображать красивые женские головки на подвернувшихся под руку бумагах, и я подумала – это меня не выдаст.

Сэль прижала подарок к груди, неловко поклонилась, потом вернулась на свое место. Лицо ее сияло торжеством: даже директриса не посмеет отнять королевский дар! И уж непременно она поделится им с Юной...

Я одарила других девочек, а затем нам пришла пора отправляться прочь.

– Госпожа Увве, – сказала я напоследок, взяв руки пожилой женщины в свои, – вы являетесь собою пример для многих и многих. Прошу, не уроните чести вашего пансиона.

– Он очень многое дал стране, – добавил канцлер не без намека. Кто его просил вступать!

– Да, ваше величество... Как прикажете, ваше величество... – шептала директриса нам вслед.

Но я была уверена, Мика, посмотрев в окно вслед отбывающей карете, непременно если не скажет, так подумает: «А ведь точно на такой увезли госпожу Эву! Разве что запряжка поменьше была... А ее величество один в один... Ох ты, что на ум взбрело! Лучше пойду на кухне помогу...»

Госпожа Тассон тоже долго будет стоять у окна, потом отбросит палку и попытается повторить несколько па. У нее мало что выйдет, но она кивнет и ещё выше поднимет голову на сухой жилистой шее: пускай ей никогда больше не парить над сценой, она все

ещё в состоянии научить девочек грации и изяществу. И пускай уверяют, что с таким даром можно только родиться: она-то знает, что строгая муштра кого угодно заставит держать осанку и не путать повороты в танце.

Госпожа Увве закрывается в своем кабинете, возможно, немного поплачет – от облегчения, что все так хорошо прошло, ни девочки, ни учителя не подвели и, кажется, произвели самое благоприятное впечатление, – выпьет глоточек ягодной настойки для успокоения нервов и займется делами. Потому как обещанного денежного вспомоществования ещё нужно дождаться, а топить сильнее приказано уже теперь. И то – зима суровая...

Сэль и Юна, как и остальные, тоже постоят на подокознике, пытаясь разглядеть отбывающий кортеж, а потом займутся книгой. Остальные будут толпиться кругом и просить дать не то что потрогать королевский подарок, а хотя бы взглянуть поближе, и Сэль непременно им позволит. Но только не сию минуту, а когда сама насладится вдоволь. Думаю, они с Юной станут читать всю ночь при огарке свечи, как делала это я. И, может, Юна, разглядывая подпись и рисунок на титульном листе, скажет, что Эва рисовала точно так же, только у королевы, конечно же, вышло намного красивее. А может, промолчит: вдруг они решили не упоминать больше предательницу Эву?..

– Какой вы все-таки ещё ребенок, сударыня, – сказал вдруг канцлер, и я вздрогнула от неожиданности.

– О чем вы?

– О ваших шпионских ухищрениях. Полагаете, я не заметил? Не помню ваше личное дело, в котором, слову, указаны имена ваших подружек? Не обратил внимания на ваш чрезвычайно таинственный вид, который вы обрели именно перед визитом в родной приют? Прошу прощения, пансион.

Я почувствовала, что заливаюсь краской.

– Вы догадались?

– Я догадался, что вы затеяли нечто. Но что именно – уввы, так и не понял. Однако вид у вас довольный, стало быть, авантюра удалась. Поэтому будьте так любезны, объясните, что вы сотворили? Написали что-то на полях этой книжки невидимыми чернилами? Вклеили вместо какого-нибудь рисунка другой, с зашифрованной надписью? Или написали этот шифр на уже имеющейся картинке? Упросили Данкира зачаровать ее на прикосновение этой девушки? Ну же, не молчите, мне в самом деле любопытно!

К стыду моему, я вынуждена была признать, что ничего из перечисленного мне даже в голову не пришло. А казалось бы, столько перечитала... С другой стороны, я никогда не имела дела с настоящими шпионскими ухищрениями, как выразился Одо.

Выслушав меня, он улыбнулся:

– И только-то? Полагаете, они поймут?

– Не знаю. Но мне стало спокойнее.

– Думаю, вам станет еще спокойнее, если я скажу: эти ваши подружки уверены, что вы живы и здоровы, а счастливо обретенный отец души в вас не чаёт и на радостях даже пошел на поправку.

– Но... как?

– Очень просто. Я взял на себя труд отправить несколько записок от вашего имени. Скопировать почерк несложно... хотя о рисунках я не подумал, вернее, не догадывался, – самокритично добавил Одо. – Разумеется, к запискам прилагались подарки.

– А... ответы? Они отвечали?

– Конечно. Я все ждал, когда вы вспомните о своих приятельницах... Вернемся – отдам вам письма. Заранее вынужден извиниться – пришлось их прочесть, иначе как бы я отвечал? – улыбка его стала шире, и я вдруг подумала, что в юности Одо, наверно, был

тем еще авантюристом. - Ну а теперь переписка сошла на нет. Вашему батюшке доктора рекомендовали сменить климат, поэтому вы отправились в морское путешествие. Фотокарточка на палубе парохода прилагалась.

- И ее подделали?

- Отчего же? Снимок ваш, самый настоящий, а совместить его со снимком парохода - тоже настоящего - пара пустяков для специалиста.

- Нужно было сразу вас попросить...

- Отчего же не попросили? Впрочем, догадываюсь: побоялись. А потом стало не до того.

- Точно так, - вздохнула я. - Я думала, вам не до таких мелочей.

- Сударыня... - Одо наклонился ко мне чуть ближе. - Не может быть мелочей в таком деле, как наше, неужели вы ещё не поняли? Мне вовсе ни к чему было, чтобы эти ваши подружки начали разыскивать пропавшую Эвину Увдир - неважно, как, через родителей, друзей, давая объявления в газеты... Даже разговоров о вашем исчезновении быть не должно. Вам повезло, случилось настоящее чудо - вас разыскал отец. И точка. Всевозможные пересуды - лишние зацепки для посторонних, понимаете, я надеюсь?

- Теперь понимаю.

- Вот и славно. Пришлете им что-нибудь из-за моря, пускай порадуются за вас. Еще, полагаю, отец вскоре выдаст вас замуж, и вы останетесь жить очень далеко от родных краев, а общение постепенно сойдет на нет... И впредь не стесняйтесь обращаться ко мне даже с такими вот, по вашему мнению, пустячными просьбами. Может статься, это вовсе не пустяки.

- Конечно... Одного не пойму, Одо, как вы ухитрились скопировать манеру моего письма настолько хорошо, что девочки не заметили подлога? - не утерпела я.

- Опыт, сударыня, - ответил он. - И тщательный анализ изрядной стопки ваших сочинений и эссе, которые любезно передала мне госпожа Увве - для того, чтобы новые наставники могли ознакомиться с вашим образом мыслей. Вы разве не в курсе, что эти бумаги хранятся до самого выпуска и еще несколько лет после него?

Я только головой покачала и подумала: «Как много я ещё не знаю!» А еще: «Неужели возможно удержать в голове столько всего?»

Впрочем, живой пример этому сидел напротив, а потому выходило - вполне возможно. Только для этого нужно очень долго и очень упорно работать...

ГЛАВА 23

Близилась весна – я снова не заметила, как промелькнуло время. Вернее, я просто не замечала, как оно летит: каждый день был поминутно расписан с утра до ночи. Теперь, когда я более-менее освоилась, канцлер напомнил, что образование мое далеко еще не окончено, и к прочим делам добавились ещё и занятия. Что тут можно сказать... Я действительно очень многого не знала.

Признаюсь, эти занятия нравились бы мне куда больше, если бы не приходилось разделять их с Дагной-Эвлорой. Теперь уже маскировали меня, и я тихонько сидела в уголке, пока ее величество внимала титулованным наставникам. Выдавать ее за некую Иду перед ними было невозможно: они слишком хорошо знали Дагну-Эвлору, и если некоторые перемены в характере резонно списывали на последствия болезни, то провалы в знаниях этим объяснить было сложнее. Хотя не невозможно, как уверял Боммард и неизменно припоминал случай, когда один мужчина после сильного удара по голове начисто позабыл собственную тещу и суммы, которые был должен собутыльникам. И если последние отнеслись к этому с пониманием, то теща...

Дагна-Эвлора была умна – она на лету схватывала то, над чем мне приходилось корпеть часами, – но очень быстро теряла интерес и явно не имела привычки к регулярным занятиям. Об этой ее особенности наставники были прекрасно осведомлены, а потому отведенное на обучение время хаотически делилось между точными науками, литературой, историей и многим другим. Мне было сложно приспособиться к такому расписанию: например, я готовилась к уроку математики, а Дагне-Эвлоре вдруг захотелось вызвать преподавателя истории, – но я не жаловалась. Даже в таком странном режиме я научилась намного большему, чем могла бы когда-либо узнать в пансионе. И даже, подозреваю, на курсах для девушек: графиня Эттари увлеклась и заявила, что прежде, чем подпускать вчерашних выпускниц пансионеров к детям, следует закрепить их знания и узнать кое-что об этих самых детях и особенностях их поведения. Много ведь случаев, когда молоденькие гувернантки и учительницы просто не способны справиться с подопечными! И если в пансионе особенно не побалуешь, то из семей капризные дети запросто выживают чем-то не понравившуюся учительницу...

Еще, добавила графиня, девушки – в особенности сироты, – зачастую плохо представляют, как нужно планировать траты, а вдобавок имеют самое расплывчатое представление о собственных правах, а не только обязанностях, поэтому необходимо вразумить девиц прежде, чем они окажутся на грани выживания и отправятся торговать собой за кусок хлеба или сотворят с собой что похуже. Я тогда вспомнила слова Одо о том, скольких нищих и безупречных вылавливают из реки, и дала немедленное согласие.

Пускай не каждая отправится на эти курсы и тем более осилит всю премудрость, но... Вода камень точит, верно? «Не перегните палку», – только и сказал Одо, но возражений по сути не последовало. В конце концов, это была инициатива графини, а средства у благотворителей она изыскивать умела, так что казна не страдала от ее неумной жадности.

Впрочем, я отвлеклась. Повторюсь: Дагна-Эвлора была очень умна. Кроме того, пуская я оказалась на полгода старше нее, учили ее не в пример лучше, и потому мне очень сложно было угнаться за нею в занятиях. Все-таки одно дело – индивидуальные занятия с лучшими преподавателями, каких только можно найти, и обычные, в классе...

Кажется, это забавляло Дагну-Эвлору: пускай ее до сих пор не выпускали к публике, но хотя бы так она могла продемонстрировать, насколько превосходит меня!

Странное дело: еще месяц другой-назад я не обратила бы на это внимания и подумала, что так и должно быть. Не может девушка из захолустья превзойти в науках королеву – хорошо, прежнюю младшую принцессу, но всё-таки это огромная разница! Теперь выпады Дагны-Эвлоры по поводу моих, мягко говоря, скромных успехов в учебе и тем более явных неудач вызывали у меня злость. Не такую, от которой темнеет перед глазами, но заметное глухое раздражение, избавиться от которого не было никакой возможности: каждый день повторялось одно и то же. И даже если мне вдруг удавалось немного вырваться вперед, в следующий раз Дагна-Эвлора с особым удовольствием втаптывала меня в грязь, где мне было самое место...

Я не жаловалась: не видела ни смысла, ни тем более особенных причин. Просила Данкира, а иногда и Боммарда объяснить мне что-нибудь, если вовсе запутывалась, но и только.

Однако укрыть что бы то ни было от канцлера невозможно, и пора мне уже было это уяснить...

- Вы неважно выглядите, сударыня, - сказал он мне, навестив однажды вечером. Я привыкла ужинать в одиночестве или с Данкиром (он все еще опасно поглядывал на новую люстру), потому удивилась неожиданному визиту. - Кажется, я запретил вам читать по ночам? Нэне следует сделать строгий выговор - она должна смотреть за вами, а что я вижу?..

- Я ведь не романы читаю, - ответила я. В самом деле, уже и не помню, когда в последний раз брала в руки что-то подобное: разве что во время награждения учениц. - И не нужно наказывать Нэну. Она меня ни разу не застала с книгой. Я умею прятаться - ещё в пансионе научилась, а здесь это в разы проще. В спальне никого больше нет, а свечу задуть - секундное дело.

- От этого остается запах, - Одо подошел ближе. - Нэна достаточно опытна, чтобы его учуять. В большой душевной спальне, где сопит и ворочается два десятка девиц, его можно не уловить, но не в вашей. Стало быть, читаете вы при волшебном огоньке, а выпросить его могли только у Данкира. И, вероятно, он присовокупил ещё и какую-нибудь маскировку. Или, наоборот, сигнальные чары, чтобы вы успели спрятаться от Нэны. Прекрасно: она оправдана, а с этим... я еще поговорю по душам.

- Только без стрельбы! Пожалуйста, не вините его...

- А кого? Вас? Что молчите? Ах, киваете... Чего ради эти жертвы? У вас испортился цвет лица, - он бесцеремонно взял меня за подбородок и повернул к свету, - под глазами круги, губы потрескались... В таком виде вы намерены встречать очередную иссенскую делегацию?

- Может быть, пора уже ее величеству принимать послов? - спросила я, отстранившись.

- Мне решать, что и кому делать. Во всяком случае, до совершеннолетия ее величества.

- Ее - несомненно, но вы забываете, что я уже почти полгода как не ребенок.

Воцарилось неловкое молчание.

- Я забыл о вашем дне рождения, - произнес наконец Одо. Впервые я услышала в его голосе виноватые нотки.

- Неважно, я сама о нем позабыла, так здесь летит время. Недавно спохватилась, что уже весна, а... а куда пропали осень с зимой, и не упомяну.

- А ведь он пришелся точно на осенний праздник, - не слушая, продолжил он. - Вы, получается, вдвойне отмечены Богиней, сударыня.

- Разве это плохо?

Я невольно улыбнулась: в тех письмах, что передал мне Одо, девочки поздравляли меня с совершеннолетием - только тогда я о нем и вспомнила! Они ничего не могли мне подарить, но слова их были дороже всех конфет и цветных карандашей этого мира.

Одо молчал очень долго.

- Не нужно больше читать по ночам, - сказал он наконец. - Я не приказываю, я прошу, сударыня...

- Но почему? Я же не успеваю! - перебила я, не дослушав. - Я соображаю не так быстро, как ее величество, в пансионе тоже слыла тугодумкой... но если занималась подольше, то всегда оказывалась лучше ловящих на лету! Господин Агсон говорил - это особенность мышления, и я вовсе не глупая, мне просто нужно время, чтобы всё как

следует уложилось в голове, а тогда со мной никто не сравнится... Или вы не желаете, чтобы я шла вровень с ее величеством?

- Кажется, я готов простить Данкира за его слова о девичьей ревности, - произнес Одо, и я опешила. - Теперь она, судя по всему, выражается в тяге к знаниям... Сударыня, Эва - именно из тех, кто схватывает на лету. А ещё ее учили намного дольше и серьезнее, нежели вас - в пансионе госпожи Увве. Неудивительно, что она знает больше и легче воспринимает новый материал! Вы же стремитесь наверстать упущенное самостоятельно, портите себе зрение, не спите ночами, а чего ради?

- А ради чего меня посадили за парту буквально рядом с ее величеством? Я думала, двойник должен быть хотя бы не глупее оригинала!

- Вы не глупее.

- Да, только не понимаю элементарных вещей: вы верно сказали - в пансионе такому не учат, а заново объяснять это какой-то Иде господин профессор не станет! Но в книгах все есть, я разберусь и выучу, - я отвернулась. - Это касается точных наук. История, литература... с ними совсем легко. А вот с языками совсем плохо, Одо. Нас учили двум, я могу кое-как изъясняться на них, но... едва-едва. Я еще когда об этом думала...

- И не сказали мне, конечно же.

- Я сначала решила: ее величество знает несколько языков, так вдруг с ее памятью и это знание перешло ко мне? Но нет... Как видите, прочие науки тоже сами собой в мою голову не переместились.

Канцлер молчал и смотрел в сторону. О чем думал - неведомо, но сказал наконец:

- Это была скверная затея.

- О чем вы?

- Посадить вас за одну парту, как вы сказали. Больше вы не будете заниматься вместе с Эвой.

- Почему? Что я сделала не так?

- Это я сделал «не так», - Одо неожиданно протянул руку и едва ощутимо коснулся моего плеча. - Думал, ваше присутствие подстегнет Эву - она не большая любительница учиться. В этом угадал. Только не подумал, чем эта гонка может обернуться для вас.

- Только не нужно меня жалеть, - ответила я его словами, хотя от сердца отлегло. Я что угодно выучу, только бы не краснеть под взглядом ее величества и наставника! - Не нужно, говорю ведь...

От его мундира почему-то пахло металлом - наверно, воображение разыгралось, а может, это потому, что я уткнулась носом в какую-то пряжку. А такими руками запросто можно сломать пополам, но обнимать не стоит... Одо вообще когда-нибудь это делал?

- О, значит, мне нельзя утешать плачущую девушку, а вам можно? - раздался голос Данкира. - Несправедливо, ваше превосходительство!

- Подите вы к Безымянной! - был ответ. Правда, Одо тут же отстранился и подал мне платок. - На кой вас принесло?

- Ужинать, ваше превосходительство: я составляю компанию Эвине, покуда вы занимаетесь тем же самым с ее величеством, - ухмыльнулся маг. - Но вообще-то я с важными известиями. Как раз касаемо Безымянной, к которой вы меня послали.

- Излагайте. Можете за едой, только не подавитесь.

- Не дождетесь, - любезно ответил Данкир, и я невольно улыбнулась.

Как выяснилось, Данкиру удалось все-таки напасть на след последователей Безымянной, как они себя называли. Как именно - слишком долго рассказывать, главное, он понял, что им нужно.

- Хаос, - подытожил Одо, выслушав Данкира. - Очевидно, эти Безымянные сами не знают, чьи интересы представляют.

- Это уже вам судить, кому выгодны беспорядки в Дагнаре, ваше превосходительство, - был ответ. - Докладываю лишь о том, что знаю наверняка. Некто решил объявить ее величество порождением Безымянной, явно ради того, чтобы убрать ее с дороги, это ясно. Но кто стер память бомбисту, кто работает с этой сектой - пока не могу сказать.

- Даже это немало, Данкир. Благодарю, - сказал канцлер, и маг довольно улыбнулся. - Продолжайте в том же духе.

- Одо, но что это за ерунда - порождение Безымянной? - спросила я. - Разве не известно, что Двудеиная...

- Я вам говорил уже, что так полагают в Химмелице, не в Дагнаре. А вы, к слову, когда обратились к Безымянной во время праздника, только уверили людей в том, что королева... хм... предпочитает не силы добра и созидания.

- Значит, во время весеннего праздника нужно повторить это представление! И даже если Богиня не снизойдет, то... Син, вам ведь хватит сил перекрасить мое платье и разогнать тучи?

- Думаю, хватит. Есть пожелания по числу радуг?..

- Не торопитесь, - оборвал Одо. - В храм пойдет ее величество. Праздник приходится на день ее рождения, если вы позабыли, и она намерена побывать там, даже если будет при смерти. Но вы будете среди свитских девиц - мало ли...

- Конечно, как скажете.

- Сначала будет чествование в городе и бал во дворце. Эва не простит мне, если не окажется там, - он отвел взгляд. - И, прошу, умерьте тягу к знаниям и выспитесь как следует. Это не ночь перед экзаменом. Это...

«Намного хуже», - прочитала я в глазах Данкира.

Дагна-Эвлора тоже оставила занятия: она могла говорить только о грядущем празднике. Ну и примерка обновок отнимала много времени: наверно, бедный Данкир из сил выбился, убеждая госпожу Ланни, что та шьет совершенно разные платья для двух несхожих фигурами девушек!

- Как чудесно! - ее величество подняла руки и повернулась, давая нам рассмотреть наряд во всей красе. - Мне идет?

- Несомненно, ваше величество, - ответила я. Нежно-фиалковый с золотом и впрямь отлично оттенял ее лицо. - Напоминает о весенних первоцветах.

- О! Пускай мне принесут корзину этих первоцветов - я стану бросать их в толпу!

Данкир кивнул и жалобно взглянул на меня: ему предстояло сделаться еще и садоводом, потому что поди найди столько цветов, когда ещё снег лежит. Тут или броситься в южные провинции и собрать урожай там, или самому выгонять из луковиц, и неизвестно еще, что окажется проще и быстрее: что-то мне подсказывало - садовод из мага никудышный.

Ее величество цвела в предвкушении праздника, а у меня было тревожно на душе. Что, если Дагна-Эвлора поведет себя как-то не так? Конечно, Одо будет рядом, но вдруг ни он, ни Данкир, ни свитские дамы, которые вообще не знают о подмене, не сумеют пресечь какие-то действия королевы?

- Завидно, да? - спросил меня Данкир, когда я поделилась с ним своими сомнениями. Пришлось бросить в него туплей, от которой он привычно уклонился. - Ну перестаньте, право! Вы превращаетесь в его превосходительство... Конечно, вы намного более милостивы, но вот образ мыслей схож донельзя! И чутье на неприятности.

- О чем вы?

- Будь я проклят, если никакая, с позволения сказать, трагическая случайность не испортит праздник.

Данкир оказался прав, чтоб ему провалиться! Перед самым балом сообщили: в одной провинций прорвало плотину. Совсем рядом с Химмелицем, сообразила я. Вот вам и скалы... Не устояли все-таки, как Одо и говорил: и у них есть предел прочности.

- Снега в этом году выпало очень много, ваше величество, - произнес посланник, - а весна в горах выдалась ранняя. Дамба в Лугре просто не выдержала. Не думаю, что это чья-то диверсия, просто разошлись старые камни. Проверить пока нет никакой возможности - туда никак не подобрешся. Даже маги не сумели. Говорят, нужно ждать, пока сойдет вода и... и хоть немного просохнет. Ну да у нас слабые маги, куда им... Были бы сильные - может, удержали бы потоп хоть ненадолго.

- Так что произошло после прорыва плотины? - остановила я поток его слов. - Говорите как есть, и покороче!

Он объяснил, и у меня волосы зашевелились: озера высоко в горах переполнились из-за паводка, водохранилище тоже, и как ни пытались спустить воду, не справились - плотина не выдержала, и вниз хлынул поток, увлекая с собой камни и грязь. К подножиям к гор устремился сель...

- От долины ничего не осталось, ваше величество, - говорил этот взрослый бородатый мужчина и, кажется, не замечал, что по его щекам катятся слезы и пропадают в бороде. - Совсем. Ни дома, ни хижины...

До сих пор вспоминаю его рассказ: бесхитростный, потому что губернатор Лугры не приехал сам и прислал не какого-нибудь своего помощника, а того, кто видел последствия своими глазами. И правильно сделал.

Спасались на крышах, говорил он: у кого были каменные дома, тем повезло, их не сразу снесло. Кое-кто сумел отсидеться на крышах, пока поток не схлынул. Остальные пытались добраться до скал. Кто-то сумел. Говорил: родители поднимали детей над головой и плыли, сколько хватало сил. Кто успел выпустить скотину, спасался на спинах волов и коров, хватались за шерсть собак и овец - те тоже пытались выплыть. А если бы плотину прорвало ночью, а не ранним утром, выживших вообще могло не оказаться...

- Скажите Боммарду, - выговорила я, дослушав, - будет очень много работы. Пускай поскорее готовит свои передвижные госпитали. И отправьте в долину войска и магов.

- Зачем, ваше величество?

- Будут помогать выжившим, оборудовать временные жилища и заниматься поиском уцелевших: под слоем грязи и под завалами могут оказаться выжившие. Нельзя допустить какой-нибудь эпидемии, но за этим проследит Боммард... И необходимо все-таки проверить, что там с плотинной: в самом ли деле несчастливая случайность или все-таки хорошо замаскированная диверсия... Ваше превосходительство, пришлите ко мне дам. Их благотворительную деятельность нужно временно перенаправить в иное русло.

Посланец удалился, а я долго молчала, пытаюсь представить, как это было...

С гулким ревом шел с гор неуправляемый поток, а люди хватались за что попало, спасались на крышах, пытались доплыть до какой-нибудь опоры, но сил хватало не всем... Шли на дно - их бывшие поля и луга - старики и дети, и женщины, и...

- Об этом нельзя сообщать перед самым праздником, - сказал Одо после долгого молчания.

- Вы полагаете, никто не ещё не знает?

- Надеюсь на это. Быть может, слухи долетят, но...

- Как прикажете, - ответила я и встала.

Нужно было готовиться к торжествам.

Не стану рассказывать, как именно прошел праздник во дворце. Скажу лишь: Дагна-Эвлора блистала, никто не мог бы сравниться с нею. Она приветствовала послов и приняла их дары, была весела и ничуть не устала, танцуя на балу в свою честь.

Она не знала о трагедии в Лугре. Как же я ей завидовала...

- Не переживайте так, - шепотом сказал мне Данкир. - Туда уже мчатся мобильные бригады Боммарда - так он их называет. Норинц тоже решил потряхнуть стариной - он ещё когда собрал ветеранов, вот они тоже едут с Боммародом. Эти ветераны, скажу я вам, молодым фору дадут, потому как видели вещи и похуже. И где молодежь чувств лишается, эти старые пни только вздыхают и продолжают... копать. Выудят, кого сумеют, это точно. Ну а жильё и скот... Не до жиру, были б живы! И заодно, может, проверят, что там с плотиной. Сама она обрушилась или как...

- Да, это и меня беспокоит... Но пока спасти бы, кого возможно...

Я засмотрелась на Дагну-Эвлору - в пару ей попал канцлер, и он вел королеву уверенно и красиво.

- Спорим, она женит его на себе? - спросил Данкир, но я отмахнулась. - Ну бросьте, это же очевидно! Я бы тоже подошел, но я, пускай и друг детства, никогда не потакал всем ее капризам! Вы намного лучше...

- Вы очень славный, Данкир, - ответила я. - И я выйду за вас замуж, если получу такой приказ. Никак иначе. Тем более, вы маг, забыли?

- Так я и знал, - улыбнулся он. - И танцевать вы тоже не пойдете? Клянусь, никто не распознает обмана!

Я качнула головой, с тревогой наблюдая за королевой. Вот она оступилась раз, другой...

- Данкир, там что-то не в порядке! Быстро переодевайте меня!

Хвала Богине, это не пригодилось: Дагна-Эвлора сделала вид, будто у нее закружилась голова, и покинула общество - канцлер задействовал портал, - а мы устремились следом.

- Это с отвычки, - говорила Дагна-Эвлора и счастливо улыбалась. - Одо, сами подумайте: я... Я больше года так не кружилась! Как же хорошо было, как... Что вы все столпились кругом, будто я при смерти? Я просто немного устала, так что подите прочь!

- Вы двое - возвращайтесь во дворец, - коротко велел нам Одо. - И поживее. Надеюсь, справитесь? Официальная часть уже закончилась, остались увеселения, так что... А я не могу разорваться.

- Справимся, ваше превосходительство, - ответил Данкир и взял меня за руку. И шепнул: - Танцор из меня никудышный, поэтому отнеситесь снисходительно, если я отдавлю вам ноги!

И мы танцевали до рассвета - я меняла партнеров, конечно, я смеялась и думала о том, что утром меня ждет храм Богини. Осенью можно было перенести визит, но в день рождения - никак, особенно если родилась вот так... удачно.

Кажется, я забылась сном на час-другой, а очнулась, когда баронесса Эррен тихонько подула мне в лицо, чтобы разбудить. Мика иногда делала так же, когда я болела.

- Пора вставать, ваше величество, - шепнула баронесса.

Где я вообще? Ах да, во дворце...

Умыться, поправить прическу, сменить платье... Даже перекусить нельзя: перед визитом в храм ничего не едят. Только я ведь из пансиона: мы привыкли прятать сухари в рукавах, складках платья и под подушками. С голоду не умру. Может, ещё и у Данкира найдется что-нибудь пожевать, у него вечно рассованы по карманам орехи и сушеные

фрукты: он то и дело забывает пообедать, вот и держит при себе сухой паек.

- А где Одо? - спохватилась я.

- Я думала, вы знаете, ваше величество, - удивленно ответила баронесса. - В самом деле... Я не видела его с вечера. Нужно срочно послать за ним!

- Нет, на нужно, - перебила я. - С этими танцами я совершенно позабыла: он занят делами. Трагедия в Лугре...

- Что?

- Ах да, вы же еще не знаете...

И пока дамы помогали мне одеться, я быстро пересказала им произошедшее - без деталей, это сейчас ни к чему. Впрочем, они наверняка в состоянии домыслить детали.

- Дурной знак, - тихо произнесла баронесса, когда я закончила.

- Никакой это не знак, - решительно сказала графиня Эттари. - Природная катастрофа - да. Недосмотр служителей плотины - вероятно. Диверсия - возможно. Вот и всё. И нечего усматривать в каждом чихе знамение, неважно, дурное или хорошее!

- Мы же своими глазами наблюдали одно такое осенью, - заметила баронесса. - Вас не было в храме, но... Свидетелями чуда была половина города!

- В самом деле? А я решила, что это наши маги постарались, - фыркнула та. - Уверена, половина придворных думает так же.

- Сейчас, сударыня, ваше трезвомыслие как нельзя кстати, - криво улыбнулась я. - Я сама не имею понятия, что именно случилось осенью в храме, но придворные маги клянутся, что последующее - не их рук дело. Впрочем, мэтра Оллена я давно уже не видела, а он, сами знаете, не отчитывается даже передо мной. Так что чудо вполне мог устроить он.

- Полагаете, он осмелился бы войти в храм?

- Не имею представления. Может, он и не входил, а подсматривал издалека. Откуда мне знать, какие силы ему подвластны?

- О, это верно. Никто не знает, - поджала губы графиня Эттари. - И если вам интересно мое мнение, ваше величество, молодой граф Орти намного лучше исполняет обязанности придворного мага, нежели этот умудренный знаниями старец, которого при всем желании не отыщешь даже в случае крайней нужды.

- Мы уже обсуждали это с ее величеством, - раздалось от дверей, и я выдохнула с облегчением: Одо все-таки появился! - И пришли к выводу, что Данкиру еще следует подучиться. К тому же мэтр Оллен вряд ли будет доволен заочным... хм... увольнением с должности и заменой его неповторимой особы каким-то юнцом.

- Ну наконец-то, ваше превосходительство! - не дослушав, воскликнула баронесса. - Ее величество места себе не находит: пора ехать, а вы исчезли не хуже этого самого мэтра Оллена!

- Дела, - коротко ответил он.

- Лугра?..

- Она самая, ваше величество, - канцлер присел напротив. Судя по его лицу, за всю ночь он не сомкнул глаз. - А также известные вам обстоятельства. Надеюсь, вы не слишком обижены на меня за то, что я покинул празднество в самом его разгаре?

- Как я могу обидеться, если сама отдала вам приказ?

- Вы всегда были крайне непредсказуемы, - после паузы ответил Одо. Похоже, он правильно меня понял, и на том спасибо. - Все-таки столь важный для вас праздник...

- Праздник праздником, но я бы с куда большим удовольствием присоединилась к вам, чем попусту тратила время на танцы. Но увы – на балу от меня было больше проку, нежели в составлении срочных депеш и приказов, не так ли?

- Не напрашивайтесь на комплимент, ваше величество, это неприлично. И, в самом деле, – он взглянул на часы и захлопнул крышку с громким «так!», – пора отправляться.

На лицах дам читалось искреннее облегчение...

Утро выдалось прохладным и серым – по такому никогда не угадаешь, начнется ли дождь или вдруг выглянет солнце. Будем надеяться, Данкир не подведет, хотя маг-погодник из него, как он уверял, ещё хуже, чем врачеватель.

- Все в порядке? – одними губами спросила я, когда наконец оказалась в карете, лицом к лицу с канцлером.

- Смотря что вы имеете в виду. К слову, не забывайте улыбаться публике, а то у вас такой вид, будто вам червяк в яблоке попался. Все-таки обиделись?

- Да нет же! Просто... очень волновалась. Вы исчезли с... - я вовремя вспомнила о людях, способных читать по губам, и прикусила язык, – с поручением, и не объявлялись. Что я могла подумать?

- Что я занят. Разрываюсь между Лугрой, будь она неладна, и... хм... другим делом.

- А что Лугра? Поступили новые сведения?

- Да. Там все настолько плохо, что даже мой отец трижды подумал бы, прежде чем использовать любимую присказку. Замолчать это не удастся.

- Разве мы собирались?

- Нет. Но есть разница в том, как подать подобную трагедию публике. В этом случае, боюсь, даже у самых прожженных писак не получится строчить статейки о бравых солдатах, спасающих из затопленного дома котенка. Если вкратце: погибла большая часть населения долины. Возможно, кого-то еще не пересчитали, кто-то, на свое счастье, гостил у соседей за перевалом, но в целом картина удручающая... Вдобавок у выживших не осталось ничего. Вообще ничего, даже земли – там теперь несколько лет ничего не вырастет, пастбища сохранились только самые верхние. Хотя нет, преувеличиваю, – Одо отвернулся. - Некоторые каменные дома устояли. Ну как устояли – две, хорошо, если три стены. Все это залито по крышу жидкой грязью вперемешку с камнями. Какие-то вещи, возможно, уцелели, но как их найти? Где-то в толще грязи – множество тел, люди и животные, и лучше бы достать их прежде, чем они начнут разлагаться. Именно поэтому ночью три эшелона с солдатами ушли на Лугру. В бою большинство никогда не бывало, но копать они умеют. И магов я туда отправил – питьевой воды не стало совсем, пускай хоть этим займутся.

- Уверена, мэтру Оллену хватило бы могущества, чтобы очистить долину!

- Вероятно. Если бы он снизошел до простых смертных.

- Данкир мне ещё ночью сказал, что Боммард уже устремился в Лугру со своими передвижными госпиталями. И Норинц с какими-то ветеранами.

- Да? А почему я об этом не знаю?.. Впрочем, пускай: эти двое дело знают. Наверно, улетучились прежде, чем получили мои распоряжения, – Одо с силой потер переносицу. - Или приказы настигли их в процессе сборов или по пути.

Он замолчал. Я привычно уже улыбалась собравшимся за оцеплением людям и помахивала рукой. Корзины с первоцветами у меня не было – Данкир так и не сподобился их раздобыть. Дагна-Эвлора наверняка бы разгневалась, но я считала, что можно обойтись и без подобных жестов.

- А королева-то не настоящая! – звонкий и дерзкий выкрик прорезал вдруг гул человеческих голосов.

Наверно, я изменилась в лице, потому что Одо нахмурился и отдал короткий приказ. Экипаж остановился.

В толпе уже кого-то били. Несколько гвардейцев рысью устремились туда, раздвигая плотные ряды зевак, а через несколько минут приволокли кричавшего – молодого парня, одетого как ремесленник средней руки, даже с некоторым шиком. Наверно, принарядился по случаю праздника. Правда, от наряда его уже мало что осталось: один рукав оторван, спереди все залито кровью из расквашенного носа. Под глазом наливался огромный синяк, а зубов шутнику, кажется, заметно поубавили.

Одо коротко кивнул мне, мол, скажи что-нибудь.

- Это ты крикнул, что королева не настоящая? - спросила я, наклонившись через борт экипажа.

- Он! Он кричал! - отозвались в толпе. - Со мной рядом стоял, я ему сразу - в морду, а он отбиваться, чтоб ему, рубаху новую порвал...

Одо поднял руку, и вопли стихли.

- Я, ваше величество, - гнусаво ответил паренек. Он еще и пришепetyвал - видимо, я оказалась права насчет зубов.

- А почему? Ну скажи, я хочу услышать, почему вдруг ты решил, что я - не настоящая? Может, ты великий маг и распознал, что вместо королевы в карете едет соломенная кукла? - припомнила я сказки. - Вот я перед тобой - взгляни ещё раз и скажи, настоящая я или нет? Да не бойся, тебя не будут бить!

- Да, только закроют до выяснения обстоятельств, - едва слышно проговорил Одо. - Возможно, навсегда.

- Откуда мне знать? - паренек шмыгнул носом. - Настоящая или нет, нешто я отличу? Будто я с вашим величеством когда-нито вечерял и разговоры разговаривал...

- Но кричал-то зачем? Пошутить решил? Или тебя кто-нибудь подучил?

- Не знаю. Оно само крикнулось.

- Так-таки и само?

- Само, - упрямо ответил он. - Я вообще хотел крикнуть «многие лета!», а сорвалось это вот. Как за язык кто дернул.

- За шею бы тебя дернуть, веревкой покрепче! - раздалось из толпы.

- Данкир? - я повернулась к магу.

- Не уверен, но, похоже, его в самом деле потянули за язык, ваше величество, - ответил он.

- Провокаторов нам только и не хватало... - пробормотал Одо, с отвращением глядя на избитого юнца. - Особенно того, о ком мы говорили недавно.

- Едем дальше, - приказала я. - Нельзя заставлять Богиню ждать.

- А этого куда, ваш-велич?.. - спросил гвардеец, встряхивая мальчишку за шкурку, как собака пойманную крысу. - Прикажете доставить в следственное управление?

- Это всегда успеется. Пускай идет за кортежем. И проследите, чтобы его не закидали чем-нибудь похуже тухлых яиц. Хотя откуда они возьмутся...

- За что ж грязноротому такая честь, ваш-величество?! - выкрикнула молодая, чересчур ярко одетая женщина из первых рядов. - Я, может, тоже хочу пойти за вашей каретой! Хотите - ножку поцелую? Мне-то рот не для хулы дан!

- Иди, - разрешила я, и она осеклась, почуяв какой-то подвох. Потом, наверно, представила, каково это - идти очень и очень долго под любопытными взглядами сотен

людей, и отступила обратно в толпу. - Едем, время не ждет.

- Вы чрезмерно добры, - обронил Одо, когда карета тронулась.

- Вовсе нет. Если он не солгал, то наказывать его не за что. Если врет - что ж, он свое получит сполна.

- Та девица живо сообразила, какая награда досталась этому парню, - встрял Данкир. - Как бы он еще на полпути не запросился в тюрьму...

ГЛАВА 24

Перед тем, как войти в храм Богини, нужно избавиться от суетных мыслей, открыть сердце и разум Ей, великой... Двуетиной, как я уже привыкла ее называть.

Только у меня не получается: я не могу перестать думать о Лугре. О том, что станет с ее жителями: ведь случившееся намного хуже, чем потеря работы теми же работниками затопленных шахт – у них оставалось немного денег, пожитки... И, главное, жизнь! Пока она теплится, еще можно на что-то надеяться...

Я останавливаюсь перед каменным изваянием... И ничего не вижу. Это просто статуя, у которой даже не слишком хорошо проработано лицо – именно поэтому в его чертах можно узнать кого угодно.

«В прошлый раз я тоже не верила», – мелькает в голове.

И я иду вперед и обнимаю колени каменной женщины, невыносимо холодной и безразличной, совершенно не той, к которой я обращалась совсем недавно!

Она молчит, молчу и я, только яростные мысли кипят в голове.

«Тебе без разницы, что случилось в Лугре? – кажется, я выцарапываю это название ногтями на белом камне. – Что для тебя эти несчастные... Ты взмахнула рукой со сна – и их не стало! А что мне сказать людям? Что им сказать?..»

Она не отвечает. Наверно, сегодняшнее Ее напутствие предназначено настоящей Эве, не мне, и я не дождусь ни совета, ни слова ободрения, ничего. Что ж, значит, придется справляться самой. Я не одна, в конце концов!

- Ваше величество, – баронесса Эррен касается моего плеча. - Пора.

- Иду, – отзываюсь я.

И я готова уже подняться на ноги, когда понимаю вдруг, что мое запястье заперто в каменном кольце, холодном донельзя. И не Богиня обнимает меня – Безымянная крепко держит за руку и смотрит в упор: испытующе, с интересом.

- Я не сдамся, – шепотом произношу я и перехватываю ее руку. Мне не хватит сил растопить Ее холод своим теплом, но я спасу, кого сумею. Не отдам, как бы Она ни старалась!

А Она вдруг улыбается, наклоняется ко мне и целует в лоб, и я вдруг прихожу в себя.

Дамы выводят меня на лестницу. По-прежнему серо и пасмурно. Если Данкир не постарается, у нас ничего не выйдет.

Я иду вниз, шаг за шагом, опустив голову, а вокруг – тишина. Так не должно быть, и я останавливаюсь.

- В Лугре несчастье, – говорю я и знаю, что меня слышат все. – Плотину прорвало, сошел сель. Я не могу праздновать, когда у людей беда. Все увеселения отменяются. А вчерашний бал... я ещё не знала. Доложили только утром. Простите меня...

Лестница кажется бесконечной. Слезы каплют на подол, на гладкие, истертые ногами многих предшественниц ступени – одна, две, дюжина....

Это не слезы, понимаю я, это дождь. Холодный весенний дождь, который омывает мое лицо, а платье под ним делается... как первоцветы. Я спрашивала потом: графиня Эттари видела его лиловым, графиня Ларан – синим, а баронесса Эррен – розовым, а кто-то из свитских – вовсе зеленым, как молодая трава. Но об этом я узнала потом...

Солнце все-таки проглянуло среди туч – Данкир похоже, переоценил свои силы, и это все, на что его хватило. Но радуга все-таки появилась – всего одна на этот раз, но очень яркая.

И тогда я остановилась и сказала так громко, как только могла:

- Нужны добровольцы - спасать Лугру! Туда уже отправлены войска и медики, но этого мало. Необходимы люди на простые и тяжелые работы: разгрести завалы, строить дома, кашеварить, стирать, смотреть за ранеными - врачей на всех не хватит...

- Где записываться, ваше величество? - гаркнул кто-то таким басом, что с фонаря с испуганным воплем сорвалась ворона. - Я каменотес бывший, руки ещё дело помнят!

- Я прачкой пойду, - добавила крепкая старуха. - При госпитале в войну служила, всё помню.

Выкрики раздавались один за другим, и я едва сумела вставить:

- Вам заплачено будет, обещаю... Вот! - я сняла с руки драгоценный браслет - солнце ярко вспыхнуло на гранях самоцветов. - Мои дамы...

- Дамы поддержат, - сказала графиня Эттари. - Тем более, вы правы, ваше величество, «королевский крап» уже не в моде. Пускай используют на благие цели.

Я ответила ей благодарной улыбкой и добавила:

- Тогда собирайтесь, кто желает.

- Я тоже желаю! - едва докричался тот паренек, что так и стоял позади моей кареты. - Я всё умею: шить, стряпать, хоть выгребные ямы копать!

- А сказал - не настоящая... - пробасил каменотес, каким-то образом успевший пробраться поближе. Хотя что ему, с таким ростом и сложением. - Поди сюда... если ее величество пустит, конечно.

Я кивнула.

- Ну! Парень крепкий - к делу пристроим. А то ишь, залил шары с утра пораньше и несет невесту что... - он отвесил смутьяну звонкий щелбан. - Ничего! Проветрится - поумнеет!

- Бери его на поруки, уважаемый, и делай с ним, что угодно, - сказала я. - И так... Праздника не будет. Потраченное на приготовления не вернуть, но хотя бы угощения не пропадут, пригодятся людям Лугры. И вот еще: пострадавшие остались не только без крова. У них теперь вообще ничего нет, и даже ваши старые сапоги могут кому-то пригодиться. Сударыня? - я повернулась к Эттари. - Когда отбывает эшелон с материальной помощью?

- Сегодня к вечеру, ваше величество, - быстро сообразила она. Может, и не получится отправить еще один поезд именно этим вечером, но...

- Организуйте пункты приема помощи для пострадавших. Можно мобильные - пускай курсируют по улицам. Не каждый пойдет через весь город, даже если ему есть, чем поделиться с обездоленными.

- Как вам будет угодно, ваше величество.

- Тогда идемте. У нас много дел. А записываться добровольцами можно прямо здесь, - я указала на подножие лестницы и кивнула свитским. - Поставьте палатку, что ли, и посадите пару писцов. Мне нужны в Лугре все, кто ещё не забыл, как работать руками! Я прибуду туда, как только позволят дела.

Люди уже не гомонили, молчали. Мокли под холодным дождем, провожали мой кортеж взглядами. Хотела бы я знать, о чем они думают...

Вот так, не успев переодеться после церемонии, я вновь окунулась в бездну бюрократии. Кажется, скоро научусь спать, как Одо - по два-три часа, урывками, пускай даже от этого портится цвет лица.

Новости разнеслись мгновенно, и вот уже предлагают помощь ларидийцы - им до Лугры рукой подать, иссенцы тоже готовы опробовать какие-то свои механизмы, но в это я даже не пытаюсь вникать: сходу точно не получится.

- Химмелиц через две долины от Лугры, - коротко ответил Одо на мой неуклюжий вопрос. - И там ничего не произошло - так, обычный паводок, смыло пару пастушьих хижин. Наверно, потому, что в Химмелице не строят плотины - незачем. Там нет ни заводов, ни настолько больших поселений, чтобы пришлось отводить туда воду. Да и рек крупных нет.

Я взялась за голову: как уложить туда происходящее?

- Нужно побывать там, - сказала я наконец.

- Обязательно. Но не сию минуту: для начала вам нужно выспаться. Вы похожи на мертвые.

- Вы тоже.

- Мне простиительно, я уже немолод, а вы едва перешагнули порог совершеннолетия. Поэтому - заканчиваем с бумагами, и вы немедленно отправляетесь спать. Десяти капель сонного зелья вполне хватит. Вы же не потеряли мой флакон?

У меня снова заалели уши.

- Так и знал, что это вы его стащили, - невозмутимо произнес Одо. - Только зачем? Оставшимся зельем отравиться насмерть не получится, да вы и не похожи на бледную страдалицу из романа, которая скорее выпьет яд, нежели соединится с нелюбимым. Скорее, вы этого несчастного напоите, и не снотворным, а крысиным ядом...

- Вот видите, вы и сами все отлично понимаете, - храбро ответила я, хотя мелькали у меня подобные мысли. - Да... Простите, я верну вам флакон. В нем не убыло ни капли.

- Да оставьте уж себе, будто у меня еще не найдется... Чему вы улыбаетесь?

- Я теперь знаю, что даже королевские служанки небрежно убирают в комнатах. Я спрятала этот флакон за ножкой кровати, и что вы думаете? С него даже пыль не смахнули!

- В самом деле, забавно... - он посмотрел на часы. - Я проведу Эву с вашего позволения, сударыня. Она никак не могла уснуть, должно быть, от перевозбуждения, а давать ей зелье без разрешения Боммарда я побоялся. Только к рассвету забылась сном... А я так и метался туда-обратно.

- Разрешите, я с вами? Она ведь захочет узнать, как прошла церемония. Только бы мне переодеться во что-нибудь попроще, а то ей немедленно потребуется такое же платье!

- Переодевайтесь, только быстро, - Одо снова взглянул на циферблат. - И вот что...

Он вдруг поднялся во весь рост, навис надо мной... взял за руку и поднес ее к губам - это было как ожог.

- Вы наше спасение, сударыня. Я говорю это не из чувства долга, я...

Одо осекся. Я тоже молчала: что тут скажешь? Неужели мне не хотелось, чтобы меня ценили по заслугам, а не только из-за того, что я похожа на ее величество? Еще как хотелось! Я очень тщеславна, вот что мне удалось понять за последние месяцы. И мне не нравится, когда мои заслуги приписывают другим, вот только с этим ничего нельзя было поделать. Но хотя бы Одо знал, кто чего стоит...

- Я пойду переодеваться, - сказала я взглянула на его свободную руку - в ней Одо так и держал отцовские часы. - Время не ждет. Так?

Клянусь, он улыбнулся по-настоящему...

Эм и Эн живо сменили мое праздничное платье на повседневное, прическу тоже... Нэна принесла горячий травяной отвар, чтобы немного взбодриться, помолчала, потом сказала негромко:

- Лугра все равно уже погибла, сударыня. Не нужно убивать еще и себя.

- Я крепче, чем кажусь, Нэна. Если не забыли, в меня швыряли бомбу, но...

- Разве я об этом, сударыня? Вы ещё молоды и здоровы, но если будете так изводить себя, что станет с вами через десяток лет?

Я сделала Эм и Эн знак испариться, и они послушались. Наверняка остались под дверью, но я не маг, я не могу защитить эту комнату... Ладно, пусть их!

- Ты говоришь так, будто знаешь, как это бывает, Нэна.

- Знаю.

- Кто ты? Его превосходительство доверяет тебе, и ты совершенно точно в курсе... всего.

Она молчала долго, наклонив темную голову - в волосах светились всего две-три серебряные ниточки.

- Я вынырнула Дагну-Эвлору, сударыня.

Настал мой черед молчать. Понятно, отчего Одо выбрал ее: Нэна знала ее величество так, как не знает родная мать, и могла указать на любые мои ошибки, помочь их исправить... Но лучше бы она помогала ухаживать за настоящей Эвой! Быть может, в знакомых руках та быстрее пошла бы на поправку?

- Вам пора, сударыня, - сказала Нэна, и я кивнула. Я даже обнять ее не могла - она наверняка отстранилась бы, безразлично и холодно, потому что я была совсем не той Эвой...

В особняке у моря было тихо, так тихо, что мне сделалось не по себе.

- Эй, кто там, - сказал в сторону Одо, и рядом тут же появился слуга. Я изображала горничную - Данкир постарался, тоже не выпавшийся, не совсем трезвый, но вполне способный колдовать. - Как ее величество?

- Не изволила вызывать, ваше превосходительство, - тот поклонился. - Горничные проверяли-с: крепко спит с тех пор, как вы отбыли.

Я вошла в спальню следом за Одо, Данкир со мною вместе.

- Эва... - канцлер коснулся ее руки. - Эва, просыпайтесь. Эва?..

Она лежала, вытянувшись на спине, в одном легком нижнем платье, с распущенными волосами, с улыбкой на устах, такая юная и красивая...

- Ваше превосхо... - Данкир тоже дотронулся до руки Дагны-Эвлоры. - Не нужно. Она... Она уже часа три как...

Я ожидала чего угодно, но только не того, что Одо ещё немного постоит на коленях возле ложа Дагны-Эвлоры, прижимаясь лбом к ее холодной неподвижной руке, а потом встанет и скажет ровным тоном, не оборачиваясь:

- Я отнесу ее к родителям. Задержусь ненадолго. Данкир... Проследите, чтобы Эвина вздремнула хотя бы пару часов. Нам предстоит много работы.

«У нее даже настоящего погребения не будет, - мелькнуло в голове. - Хотя... что считать настоящим?»

Надо ли говорить, что я наотрез отказалась укладываться спать, а Данкир ничего не мог со мной поделать? Вернее, подозреваю, мог бы зачаровать, но то ли не подумал об этом, то ли попросту не рискнул.

- Как же так? - в который раз спросила я. На этот раз я заняла кресло канцлера, а Данкир устроился на диване напротив. - Она ведь выглядела совершенно здоровой! А остальное... просто отвыкла от шума и этого кружения... Я в первый раз вовсе чуть

сознания не лишилась.

- Вспомните, что говорил Боммард, - Данкир смотрел в сторону. Должно быть, переживал по-своему, но чувств своих не выказывал. - Совершенно неизвестно, что могло спровоцировать гибель.

- Что?..

- А... я успел взглянуть на Эву, пока его превосходительство прощался. Не настолько подробно, как когда ассистировал Боммарду, конечно, но успел разглядеть, что нужно. Если совсем просто: у нее разорвался сосуд в мозгу. Совсем не в том месте, на котором проводили операцию, к слову. А что тому причиной... - он качнул головой. - Возможно, перевозбуждение и перенапряжение: все-таки Эве давно уже не приходилось бывать в обществе и тем более так долго танцевать. Помните, она говорила о головокружении? Видимо, это был один из симптомов.

- Я думала, от такого умирают мгновенно.

- Эвина, и снова вспомните слова Боммарда: человеческий мозг настолько тонкий и сложный орган, что мы до сих пор не знаем и тысячной доли его возможностей и особенностей. Да, наверно, Эва могла рухнуть замертво сразу же, но вышло... вот так. Бывает, люди выживают после подобного. Некоторые даже восстанавливаются, но многие, к примеру, теряют контроль над телом. Когда только рукой или ногой, когда целиком. Зачастую лишаются рассудка.

- Лучше уж сразу... - я невольно поежилась, вспомнив свою просьбы.

- И я так думаю, - Данкир взглянул на меня. - Возможно, если бы Боммард был рядом, он распознал бы в этом головокружении опасный симптом и успел что-либо предпринять. А может, и нет - он не всемогущ. Только прошу - не говорите об этом его превосходительству, иначе он себя окончательно заживо сожрет.

- То есть?..

- Это же его вина, как он полагает, неужели вы не поняли? Он разрешил Эве танцевать на балу, он не проследил за тем, чтобы рядом с ней всегда дежурила бригада врачей во главе с Боммардом, он вообще выпустил Боммарда из поля зрения, а тот мгновенно был таков - умчался спасать каких-то селян и предотвращать эпидемии вместо того, чтобы держать ее величество за руку и непрерывно считать пульс...

Данкир говорил с неожиданной злостью, и я посмотрела на него с недоумением.

- Эву можно было завернуть в вату, как хрупкую фарфоровую куклу, и держать так год за годом, - добавил он. - Время от времени разворачивать, демонстрировать публике и тут же снова прятать в коробку. Честно признаться, не хочу представлять, насколько бы испортился ее нрав от таких манипуляций...

Я молча согласилась.

- А хуже всего то, что ты никогда не угадаешь, что заставит игрушку разбиться. Может, твое или чужое неосторожное прикосновение, может, падение, сотрясение пола от шагов, даже громкий звук: слышали, быть может, что некоторые певцы способны заставить бокалы разлететься на кусочки силой своего голоса?

- Да, доводилось читать о чем-то подобном.

- Ну вот. А может, произошло бы то, о чем предупреждал Боммард, и опухоль снова начала бы расти...

- Или нет! И Эва бы все-таки выздоровела и прожила долгую жизнь, - перебила я.

- Или - или. Нет смысла гадать о том, что могло бы случиться, если всё уже произошло, - Данкир все-таки шмыгнул носом, незаметно, как ему казалось. - Вы, наверно, удивляетесь, что я не слишком заметно скорблю?

- Н-нет...

- Я просто не умею. Дамам проще: вы всегда можете поплакать, а я... Я мог бы напиться, но не имею права. Да и, если честно, Эву я все-таки любил не так, как Лиору. После ее гибели я неделю, наверно, не просыхал, пока полковник меня не взгрел, - признался он. - И, к слову, не вздумайте лезть к его превосходительству с соболезнованиями. Он не оценит.

- Я и не собиралась.

- Эвина! - он сдержанно улыбнулся. - Вы ведь обожаете романы, а в них любой, даже самый сдержанный мужчина непременно тает, стоит юной деве узнать о его личной трагедии и выразить свои чувства по этому поводу!

- Только не говорите, что вы тоже читаете это...

- Нет, я предпочитаю бульварные криминальные романчики - люблю посмеяться над представлениями авторов о нашей работе, - но там тоже хватает подобных сцен.

- Вот как... И что вы предлагаете?

- Лучше молчите. И не думайте, будто покажетесь бессердечной, потому что... Потому что лучше молчаливое сочувствие, чем слезы, вздохи и ежеминутные напоминания о трагедии. И постарайтесь обойтись без выразительных, исполненных скорби и понимания взглядов, это страшно раздражает. Матушка моя - большая мастерица на подобное, - пояснил Данкир. - Поэтому я почти не бываю дома. Только, думаешь, рана хоть немного зарубцевалась, а тебя бьют прямо в больное место... Не все такие, конечно, но я говорю о собственном опыте. Меня спас полковник Аннард и работа без продыха. Думаю, его превосходительство такой же, иначе давно опустил бы руки.

- Лишь бы не надорвался, - обронила я. - Он все-таки не двужильный.

- А вы на что? Но вы тоже не двужильная, поэтому, прошу, хотя бы сделайте вид, что спали, иначе он мне голову оторвет и будет в своем праве!

- Оторвал бы, если б не нуждался в вас, - негромко произнес канцлер, переступив порог, и я встрепенулась. - И Эвине тоже. Вы, кажется, решили, что мои приказы для вас отныне пустой звук?

- Ваше превосходительство, я мог, конечно, немного заколдовать Эвину и влить ей сонное зелье силой, но сомневаюсь, что вы одобрите такой метод, - мгновенно нашелся Данкир, вскочив с дивана.

- Да, вы правы. Но о ее поведении мы поговорим наедине. Оставьте нас.

Лицо у него было холодное, отстраненное и какое-то... повернутое внутрь себя, попыталась я подобрать слова. Ясно стало: Данкир прав, Одо никому не позволит увидеть свои переживания. И соболезнований не примет: это только его горе... Но вот беда - общая, и потому церемониться с нами он не собирался.

- Вы, сударыня, кажется, возомнили, что теперь вам позволено все? - негромко произнес канцлер, приближаясь, и я невольно сжалась. - Вынужден вас разочаровать. Я клялся оберегать Дагнару, и я сдержу обещание, даже если мне придется силой принуждать вас к послушанию.

Он легко выдернул меня из спасительных объятий кресла, поставил на ноги.

«Синяки будут», - отстраненно подумала я, глядя в ледяные глаза.

- Вас это тоже касается, Данкир, - бросил канцлер через плечо. - Если вы не способны выполнить простейший приказ, что вы до сих пор здесь делаете? Ах да, вы слишком много знаете... Но это легко исправить, не так ли?

- Ну что же, давайте устроим дуэль, ваше превосходительство, - преспокойно сказал Данкир. Судя по тому, как вспыхнули его глаза, он тоже заметил неладное. - Но сперва отпустите девушку. Пускай она достанется победителю!

- Ах вот как вы заговорили... - Одо улыбнулся какой-то совершенно незнакомой

ледяной улыбкой. – Хорошо. Ваша паршивая магия против моих умений.

Наверно, мне надо было закричать, попытаться отвлечь внимание, потому что Одо вел себя совершенно не так, как должен был, это... это вообще был не он! Но я понимала, что толку от этого будет мало... вот если бы удалось завладеть револьвером! Но как? Одо не мог не заметить, как я забираюсь ему за отворот мундира! Ему вообще не нравилось, когда до него дотрагиваются, даже мимолетно, даже до руки, а тут такое... Да он мне руку за это оторвет!

– Вы отнесли Эву в семейный склеп? – спросила я по наитию. – Вы сказали – к родителям, но как? К отцу или к матери? У нее же нет своей могилы...

– Это неважно, – откликнулся Данкир. – Лиору опознали только по фрагментам... По фрагментам, одним словом. Но могила есть, пускай туда почти нечего было положить. И у Эвы есть, я точно знаю. Ее ведь нашли не сразу, вот и... подготовили. Его превосходительство и готовил, кому же еще?

Мне показалось, что в глазах Одо что-то дрогнуло.

– Нужно было позволить Нэне попрощаться с Эвой, – сказала я. – Она мне рассказала, что нянчила Эву с рождения... И Нэна бы не выдала, уверена. Как она теперь?..

– Все равно что собственное дитя схоронить, – подхватил Данкир. Он внимательно следил за канцлером, значит, тоже заметил неладное. – И даже не повидать напоследок... Но будто какая-то служанка имеет значение! Я понял, к чему все идет:

– Неужели? Хотелось бы послушать.

– Очень просто: Эва умерла, да здравствует новая Эва! Здоровая, сильная, с каплей королевской крови в жилах, способная родить детей... И захудалый Химмелиц, а то и весь Вартиц станет провинцией Дагнары, а герцог Мейнард – принцем-консортом, а вскоре, вполне вероятно, регентом при малолетнем наследнике или наследнице. А что? Даже привыкать заново не придется!

Вот сейчас во взгляде Одо мелькнуло недоумение – это о нем так говорят? – а ещё гнев. Лицо будто оттаяло – мне послышался хруст, с которым трескается корка льда, но это, конечно, была лишь игра воображения.

– Никогда на это не соглашусь! – я снова попыталась вырваться, но безуспешно. – Лучше младший иссенский принц! Не так уж плохо он танцует...

– Эва, он на грани, – едва слышно произнес Данкир. Наверно, использовал магию: я ведь не умела читать по губам и не смогла бы разобрать его слова иначе. – Очень близко, но я не вытащу... сил не хватит...

Значит, я права: Одо околдован. Наверно, мэтр Оллен – кому еще! – подловил его в склепе. Не дал даже проститься, как подобает, а теперь... Чего он хочет теперь?

– Извольте помолчать, – канцлер сильнее сжал пальцы на моем плече, и я едва не вскрикнула от боли. – Данкир? Вы передумали?

– Ну что вы, ваше превосходительство. Я к вашим услугам, – Данкир изящно поклонился, а вокруг него едва заметно заискрились магические щиты – должно быть, для меня их показал, обычно-то они не видны. – Приступайте. Как на этот раз извольте испортить обстановку гостиной?

– Сид, если вы его тронете... я с вами больше словом не перемолвлюсь! – выпалила я, сжав кулаки. – Даже по делу! А вы, Одо... если вы хотя бы прикоснетесь к Данкиру... Я вас... я вас...

– Что тут вообще происходит? – неожиданно спросил канцлер, глядя вокруг так, словно не понимал, как вообще оказался в этом месте. – Почему вы на меня кричите, сударыня? Данкир?

– Если вкратце: вы пытаетесь меня убить, чтобы жениться на Эвине и стать принцем-консортом, а дальше уж как пойдет, – проинформировал маг и украдкой вытер пот со

лба. Значит, все-таки сумел одолеть чужое заклятие.... - Возможно, путем обрушения люстры, это у вас хорошо получается. В смысле, убийство, а не женитьба. Не представляю, как проделывать последнее с помощью люстры...

- Что за чушь вы несете? Неужели оба напились, вместо того, чтобы лечь спать, как я велел? - в глазах Одо полыхнул знакомый огонек, и он ощутимо встряхнул меня. - Ладно вы, Данкир, известный пьяница и дебошир, согласно личному делу... Но как вам пришло в голову угостить вашим пойлом девушку?! А вы о чем думали, сударыня? Я был лучшего о вас мнения...

- Одо, ничего подобного!.. - начала я, но меня перебили:

- Они совершенно трезвые. Ты тоже... теперь.

- Мэтр Оллен, - канцлер склонил голову, - долго же пришлось ожидать вашего визита.

Я совсем забыла, как выглядит королевский маг. Помнила лишь странные рисунки на его коже, сейчас скрытые одеждой, да ещё блестящую лысину, густые брови и удивительно светлые глаза на смуглом морщинистом лице. Еще помнила, что страшно боялась его. Теперь... Тоже боялась, конечно, но все-таки спросила:

- Зачем вы это устроили, мэтр Оллен? Зачем околдовали его превосходительство? И остальных? Эда, того мальчишку из толпы?.. Зачем?!

- Вот ведь дурочка, - усмехнулся он, прошел между нами, словно между колоннами, и сел на диван. - Ради блага Дагнары, разумеется.

- Не понимаю. Объясните!

- Это займет добрые сутки, а я не желаю попусту тратить время. Скажу лишь, что опыт мой... - Оллен бросил взгляд в мою сторону, - не удался. А Химмелиц даже мне не по зубам. Опомнись, надо же...

- Мэтр, а если совсем коротко? Только попроще - Эва не понимает наших терминов! - лихо встрял Данкир, хотя, по-моему, у него поджилки тряслись.

- Проще? - мэтр едва заметно улыбнулся. - Ну что ж... По-моему, любому очевидно, что монархия Дагнары в том виде, в котором существовала прежде, отжила свое. К сожалению, его величество ничего не желал слушать о реформации.

- Если вы скажете, что поезд - тоже ваших рук дело... - канцлер едва заметно, отступил в сторону, а я следом - он так меня и не выпустил.

- Нет. Совпадение, друг мой. неизбежное совпадение. И первый шаг в будущее - особенно когда обнаружилось, что Дагна-Эвлора жива! Она могла бы стать символом обновления, но... - Оллен качнул головой, - все вы закоснели в старых правилах и установлениях. Погубили девочку...

- Вы могли бы спасти ее. Обычный хирург, не маг, и тот сделал больше вашего! - впервые я услышала в голосе Одо настоящее чувство.

- О нет! Боммард не умеет читать знаки будущего, - мэтр усмехнулся. - Вольно ему радоваться минутной удаче - он ведь не знает, чем она обернется год спустя... И не смотри на меня так. Эва должна была умереть. Я увидел это еще в момента ее рождения - ты же помнишь обстоятельства? Родилась раньше срока, очень слабой, едва выкарабкалась, а у ее величества больше не могло быть детей. Ну да это не имеет значения, наследников и так уже хватало.

Маг помолчал.

- Эва едва не погибла от лихорадки в три года. От неведомой заразы - в десять. Между этим случались обычные детские болезни, каждая из которых могла привести ее к смерти, но всякий раз выручала счастливая случайность. Обычно в моем лице.

- Но зачем? - удивился Данкир. - Зачем вмешиваться, если ее судьба уже была predetermined, как вы уверяете?

- Даже мне свойственны привязанности, молодой человек. Ну и потом, мне интересно было посмотреть, что же все-таки приведет Эву к гибели. Признаюсь, я и представить не мог подобного поворота событий. Старею. Забываю о современной технике и ее опасности.

Канцлер отступил еще на полшага и чуть-чуть развернул меня, будто в танце. Правда, выходило, что он мной заслоняется вместо щита. Или...

- Признаюсь, я недоумевал, - доверительно сказал мэтр Оллен, обращаясь на этот раз Данкиру. - Поразительное везение! Девочка должна была погибнуть уже давно, но жила вопреки всем моим прогнозам. Тут в самом деле уверуешь в милость Богини!

- Вы могли ее спасти. Но не стали, - повторил канцлер.

- Одо, тебе ли не помнить, что я лечил ее, и достаточно успешно, но...

- Но вы действительно отстали от времени и даже не поняли, что именно убивает ее величество! - не утерпела я.

- А, ты о той опухоли... - Оллен посмотрел на меня. - Я мог ее убрать. Мог не убирать. Конец все равно один - вы сами в этом удостоверились.

- Теперь-то легко говорить, ведь уже не проверишь! Может, с помощью магии вы сумели бы сделать операцию аккуратнее, чем обычными инструментами, и тогда...

- Помолчи, глупая девчонка, - он поднял руку, и я вдруг поняла, что не могу вымолвить ни слова. - Так-то лучше... А ты не смотри на меня зверем, Химмелиц. Я пытался исполнить клятву, данную его величеству, и спасти Дагнару. Не вышло. Эва - о ней уже все сказано, а двойники... ты имел удовольствие наблюдать за тем, что творилось с ними. Эта - единственная, в ком прижилась память Эвы, и то фрагментарно. И эти провалы никак нельзя было заполнить, ни напугав как следует, ни подсунув близкого... очень даже близкого друга. Не вышло у меня идеальной копии...

«Бомбист и Эд», - сообразила я. Если бы могла, спросила, что случилось с Эдом, но увя, не было у меня такой возможности.

- Начала она не так уж плохо. Все эти... мелкие подачки простому люду могли со временем перерасти в нечто большее. Но я предупреждал тебя, Химмелиц, что будет, если ты предпочтешь копию оригиналу, - сказал вдруг мэтр Оллен.

- Да. Вы нас убьете. Вот только вы не сказали, что делать, если оригинала не будет. И зачем... ради чего все это! Будто мало родни у королевской семьи!..

- Вот теперь они и вступят в дело, - холодно произнес маг. - Ты оказался крепче, чем я полагал. Я не рассчитывал, что ты сумеешь удержать трон для Эвы... Но теперь уже все равно. Это - не Эва. Посторонняя девица, и любой достаточно сильный маг легко убедится в этом. И где ты окажешься, Химмелиц?

- Вы забыли о том, как королеву любят в народе.

- Ее, не тебя. Да и ее... как полюбили, так и разлюбят. Избранников Богини, а тем более Безымянной боятся.

- Так это не ваших рук дело?

- Нет, Химмелиц, и это-то самое странное в этой истории, - маг растянул губы в ухмылке.

- И вы не боитесь пойти против воли Двуетиной? И не хмурьтесь так: именно Двуетиной.

- А разве я иду против Ее воли? Если Ей угодно видеть эту девушку на троне Дагнары, пусть так и будет. Только consorta ей будешь выбирать не ты. Она уже совершеннолетняя, ты ей не указ.

- Ее мнения вы не спросите, конечно же?

- Будто ты спрашивал.

Они молчали, а я смотрела на Данкира - тоже лишённого дара речи, иначе он уже забросал бы всех присутствующих вопросами, уж настолько-то я его знала. А использовать невербальную магию против мэтра он не сумеет: говорил же, что сил не хватит даже себя самого зачаровать...

Что же выходит?

Мэтр Оллен печется о благе Дагнары, равно как и канцлер, но они видят это благо по-разному. Одо стремится сохранить привычный уклад, потому что людям не придется по нраву серьезные перемены. Они ворчат, даже когда мои дамы объявляют набор на курсы для девушек! Тут нужно действовать осторожно, не спеша, это даже мне понятно.

Сложно сказать, чего именно добивается маг, но раз гибель королевской семьи ничуть его не опечалила, то, значит, он сторонник совсем иных перемен. Насколько резкие и глубокие, что они оставят на теле Дагнары шрамы не хуже, чем Лугра или... или даже последняя война.

А я как была, так и останусь просто чужой игрушкой, куклой на веревочках, которую можно наряжать и показывать публике в праздники: она будет благосклонно кивать, махать рукой, даже танцевать, только управляет ей кто-то, невидимый за ширмой. И лучше уж Одо, который по-своему честен, чем мэтр Оллен! Ведь тот наверняка станет использовать магию, и я шагу без его разрешения не ступлю! А ещё он хотел меня... исследовать...

- Утешь девушку, Одо, - снисходительно сказал маг. - Испугалась до смерти, дурочка. Думала, только и придется танцевать на балах и тратить деньги на дурацкие прожекты?

Канцлер не снизошел до ответа, потянул меня за собой: еще полшага в сторону и едва заметный поворот - теперь я стояла спиной к мэтру Оллину.

Может, он хочет задействовать портал? Но что толку? Мэтр выследит обоих где угодно, в Химмелице или Лариде, в моем приюте и за морем... Да и не такой Одо человек, чтобы взять и трусливо сбежать, бросив всё!

И вдруг он - вот тут я едва не лишилась чувств - преклонил предо мною колени, как перед настоящей королевой. Более того, обнял вдруг меня за талию и притянул к себе ближе прежнего и ещё немного развернул. Вернее, одна рука оказалась на талии, вторая чуть ниже, в складках юбок... Я дернулась, но рука тут же исчезла. И тут меня осенило - я вспомнила, как Данкир просил загородить его этими самыми юбками!

- Какая трогательная сцена, - притворно вздохнул мэтр Оллен, когда я, не зная, куда девать руки, несмело опустила их на плечи Одо, а он прильнул ко мне.

Мне было до ужаса неловко, но я притворялась, будто сотрясаюсь в рыданиях. Впрочем, почему притворялась?

- Я так и думал, что ты не устоишь. Пускай тебя и называют каменным, но сердце у тебя живое, и именно это тебя погубило, Одо. Думал, наверно, ничего страшного, двойник и есть двойник, говорящая кукла? - мэтр Оллен словно мои мысли прочел. - А она оказалась живой и довольно своенравной, совсем как Эва, только не капризной. Вдобавок ее ты никогда не видел ребенком, и всякие глупости вроде отцовских... ладно, пусть будут чувства старшего брата... Словом, они твою голову не посещали. Похожа, да не та! Сознайся, ты ведь в самом деле намеревался на ней жениться? Очень удобно: она всегда под рукой, а ты по окончании регентства остаешься при дворе не на птичьих правах, а на более чем законных...

- Теперь уже не имеет значения, - глухо ответил канцлер.

- Тогда, Одо, попрощайся заодно, что время понапрасну терять? И не переживай: она вскоре тебя забудет - за этим я прослежу особенно. Девушки влюбчивы, и... да, младший иссенский принц - недурная кандидатура. Во всяком случае, он ненамного старше нашей новой Эвы и заметно выигрывает у тебя по всем статьям. Согласись: есть ведь разница между симпатичным принцем и довольно потасканным экземпляром вроде тебя? Тем более, и герцог-то ты только во втором поколении, а Мейнард... одно название,

а не владения. А твой Химмелиц – тем более так себе приданое, я бы и с приплатой не взял.

- Я своими землями не торгую, – негромко ответил Одо, и крепче притиснул меня к себе, видимо, чтобы не дернулась.

И правильно сделал: грохот оглушил – я насчитала пять выстрелов, – что-то с шумом упало...

- Не оборачивайтесь. Не смотрите туда, – Одо быстро поднялся на ноги и притиснул меня к себе. – Крайне неаппетитное зрелище... Данкир! Вы отмерли? Тогда не стойте столбом, проверьте, сохла ли эта тварь! Если даже после пули в голову мэтр выжил... Добейте.

- Так точно, ваше превосходительство! – секундой позже отрапортовал тот. – В смысле, мертвее мертвого. Ишь ты, недаром я вас опасался! Кто пули-то зачаровывал?

- Он сам и зачаровывал. Давно. И не для меня, для отца.

- Неужели забыл?

- Вряд ли. Скорее, не думал, что я о них знаю. Или не верил, что рискну... Хватит болтать, уберите отсюда эту пададь!

- Сию минуту, ваше превосходительство... Кстати, я могу считать себя новым придворным магом, раз уж вы... гм... так решительно и бесповоротно уволили прежнего?

- Можете. Будто у меня большой выбор.

- Прозвучало обидно, но так и есть, – вздохнул маг и чем-то зашуршал.

- Сударыня, – Одо немного отстранил меня. – Приношу глубочайшие извинения за подобное поведение, но иначе я никак не мог выстрелить. Даже не успел бы вынуть оружие. Я все-таки не профессиональный стрелок на скорость, мне нужно время для маневра.

- Ну да, и мэтр не стал бы швырять в вас диваном, потому что Эвина ему еще нужна была, – добавил Данкир. – И он хоть немного, но отвлекся на этот ваш спектакль. Словом, из Эвины получился отличный щит, я бы лучше не придумал! Но актер вы ужасный, ваше превосходительство, не сочтите за обиду... И вообще это не ваше амплуа, скажу прямо.

- Кто вам сказал, что я играл? – спросил Одо и добавил невпопад: – А ещё я прострелил вам платье, сударыня.

И вот тогда я наконец-то потеряла сознание.

ГЛАВА 25

Следующие несколько дней миновали, будто в тумане. Теперь мне, как совершеннолетней правительнице, приходилось исполнять куда больше обязанностей, нежели прежде, и это угнетало. Заседания правительства, где едва ли не каждый смотрел на меня, как на неразумного ребенка, я не любила особенно, но деваться было некуда. Хорошо еще, председателем был Одо, а он умел заставить умолкнуть кого угодно. Только сам он теперь сделался... да, наподобие заводной игрушки: ходил, говорил, занимался привычными своими делами, но казалось, если вдруг остановится на мгновение – рухнет и больше уже не встанет. Пока ему доставало сил самому обновлять завод, но что, если однажды он не сможет повернуть ключик? Что я стану делать одна? Я еще не разобралась толком в хитросплетениях придворных интриг... на это целая жизнь нужна, причем прожить ее нужно в самом центре этой паутины! Я просто не справлюсь с таким грузом ответственности, меня этому не учили! Должно быть, только эта мысль и заставляла Одо день за днем подниматься и делать свое дело: все-таки он чувствовал ответственность не только за всю Дагнару, но и за меня. Кто, как не он, втянул меня в эту историю?

Когда я поделилась своими мыслями с Данкиром, он только рукой махнул:

- Предупреждал ведь, не лезьте к нему. Ничего с ним не делается. Просто... Вот, скажем, вы, Эвина, как переживаете горе?

- Не знаю, – растерялась я. – Мне никогда не приходилось горевать по-настоящему. Расставание с друзьями – это немного не то, наверно?

- Совсем не то. Ну тогда попробую объяснить... Хотя ведь говорил уже: я пил, чтобы забыть, чтобы даже сил не оставалось думать о той трагедии. Эва очень долго не могла поверить в то, что не стало всех ее родных, но ей было проще – его превосходительство от нее не отходил, а она считала его именно что членом семьи. Кажется, она так до конца и не поверила, что других нет, не считая всяких там многоюродных кузенов... А сам он... - Данкир тяжело вздохнул. - Вот такой. И ничего вы не поделаете. Не растопите ледяную броню его сердца или как там пишут в книжках?

- Подите вы!.. Я вовсе не о том!

- Знаю я, но вас хотя бы безопасно дразнить – вы мебелью не швыряетесь.

- Я о чем-то не знаю? Помню только люстру...

- Был еще стул. Два, – подумав, уточнил Данкир. – Но я сам виноват, забыл, что докладывать нужно по всей форме, а не как я привык – полковнику на это как-то плевать. #286005265 / 31-июл-2019 Наверно, его превосходительству доставляет огромное удовольствие вот так измываться над беззащитным молодым магом: я же не мэтр Оллен, в которого просто так чем-нибудь не швырнешь – как бы самого в стул не превратил или во что похуже...

- Не отвлекайтесь!

- Так я по делу говорю. Эвина... – он помолчал. - Еще раз повторяю: не трогайте его. Он точно таким же был, когда случилось крушение, ему пришлось организовывать похороны, объявлять траур, да ещё такая стая стервятников слетелась... Если бы Эва не отыскалась, не знаю, что было бы. Смута, наверно... до тех пор, пока кто-нибудь из родни не завладел бы короной. Не его превосходительство, нет: он в короли никогда не метил. Он по другой части.

- Его бы и не приняли.

- Ну да. Кто он такой сам по себе? – Данкир невесело усмехнулся. – Высочка, не чета отпрыскам древних семейств... Кто же думает о том, что род Химмелиц, пожалуй, постарше нынешней династии раза этак в два! А что без титулов – зачем им титулы в том славном местечке? В Вартице есть князь, а остальные – просто владетельные господа. Но в случае чего князь живо заменит один из этих господ. Эвина, я вам краткую выжимку из книг излагаю, если что. Сам его превосходительство никогда об этом не упоминает, имейте в виду, – спохватился он.

- Ничего, я ведь люблю читать, вот и выяснила случайно. Но вы опять отвлеклись.

- Да я договорил уже. Некоторые люди - как костер. Вспыхнули, дрова прогорели, угли золой подернулись, и все. А его превосходительство - угольная куча.

- Что?.. - опешила я.

- Не знаете, как углежоги работают? Впрочем, откуда вам... Складывают дрова определенным образом, снаружи покрывают землей, кажется, разводят огонь... Ну и потом сутками напролет следят, чтобы этот огонь был не слишком слабым, не слишком сильным, где-то открывают продушины, где-то закрывают - иначе уголь выйдет паршивый, кто его купит? Словом, целая наука.

- Вам-то об этом откуда известно?

- Пришлось вникнуть: кое-кто повадился так от трупов избавляться. Близко к углежогам не подходят - очень уж грязная работа, - а что запашок какой-то не такой... Говорю же - плохой мастер, не следит за кучей. А может, дрова слишком сырые. Там ещё и кое-какие вещества использовали, чтобы очень уж откровенно жареным не пахло, вот и...

- Я думала, такое только в книжках бывает.

- И это говорит девушка, видевшая Богиню!

- Откуда вам знать, что я видела? Вас там и близко не было.

- Слухом земля полнится, - ухмыльнулся Данкир. - Но теперь вы меня отвлекли. Говорю: его превосходительство такой - пока внутри всё не перегорит, как положено, лучше не соваться, если не умеючи. А я таких... хм... опытных углежогов не знаю.

Данкир покосился на меня с намеком, но я отвернулась. Расспрашивать дальше показалось мне не то чтобы неприличным, а... недостойным, что ли? В одном маг прав - лезть в чужое сердце без спроса нельзя. Мало ли, какие чудовища там скрываются...

Больше мы не говорили об этом, да и времени не представилось: меня ждал визит в Лугру, и, клянусь, если я доживу до старости, и тогда не забуду увиденного... В книгах любят писать, что старые солдаты порой до самой смерти просыпаются с криками, увидев во сне поле боя. А это было не поле боя. Намного хуже... Даже слов враз не подберешь: какой-то совершенно чуждый, нездешний пейзаж! Наверно, так могли бы выглядеть далекие миры, описанные в фантастических книгах, но только не Дагнара!

Неподалеку - в соседней долине - кипела жизнь, а здесь... Здесь даже стервятники не летали, поняли уже, что выудить что-то из густой грязи им не под силу. Солдаты и добровольцы копали, маги помогали, но ясно было, что такими темпами они и до осени не управятся, даже с помощью ларидийских волонтеров и иссенских рабочих. Хоть так... Может, весной очередной паводок смоет грязь? И на склонах вновь вырастет трава? Лишь бы не повторился потоп!

Диверсии не было - это заявили независимые эксперты. Данкир сам лазил в горы посмотреть, что там да как, и сказал: следов чужого вмешательства не обнаружил, хотя если это был мэтр Оллен... Но о нем мы старались не вспоминать. Куда именно он исчез, никто не спрашивал, а появление Данкира объяснили просто: должен же кто-то исполнять обязанности придворного мага, пока он занят какими-то высокими материями?

Мне запомнился мальчик из лагеря, который обустроили неподалеку: люди Боммарда и Норинца хорошо знали свое дело. Мальчику было лет семь, вряд ли больше, и он лишился семьи в то утро.

- Мамка пошла коз доить, - сказал он, когда я спросила, где его близкие. Ни меня, ни пышной свиты он ничуть не смущался и тем более не страшился. Видимо, отбоялся на всю жизнь. - Нет больше мамки. А папка еще в позатом году помер. И малых нет. Спали они. Как волна пошла, я как раз корову выгонял. Побег к дому, а не успел...

Свитские дамы смотрели на него с ужасом.

- Нас с Дичкой уволокло. Я за нее хватался, - мальчик кивнул на тощую дворнягу, которая жалась к его ноге. Одну лапу она держала на весу. - Хорошо, мамка ещё ночью велела ее с цепи спустить - больно уж выла. А то и Дички бы не было.

- Как же ты выжил, бедный ребенок? - выговорила баронесса Эррен, прижав руки к обширной груди.

- Да не знаю, госпожа. Думал, утоп. Потом очухался - не, вроде живой и даже целый, только весь побитый и ободранный. И Дичка лицо облизывает, скулит. Нас там вон, под скалой завалило, - он показал рукой. - Я пробовал откопаться, да какое там... Так и лежали. Она меня грела. Дышать уж трудно было, думал, так и помрем вдвоем. Ну так... в один год родились... А она вдруг как завоет! А сверху как закричат - есть кто живой? Я чуть наружу не выпрыгнул! Откопали нас, - закончил он и погладил собаку. Та вильнула хвостом. - То есть сперва меня. Но я сказал - без Дички не полезу. А то знаю я: человека возьмут, а скотину или там собаку - нет. У старого Луца вола вот не стали вытаскивать, мол, все равно вот-вот сдохнет и ноги переломаны... Но я на такое был несогласный. Я бы без нее не выплыл или вовсе замерз потом. Поэтому Дичке спину подставил - она в дыру и выскочила. А там уже и меня вытянули.

- И... что ты станешь делать? - после долгой паузы спросила баронесса.

- Чего делать, чего делать... то есть ваше благородие, - подумав, добавил он и почесал одной босой ногой другую. - Раз не помер, дальше жить буду. Пока тут вот помогаю - сбегать, отнести. А как потеплее станет и у Дички лапа совсем заживет, пойду через перевал. Вроде там какой-то папкин родич живет. Или не пойду: вдруг не пустит с собакой? Тут работы хватит. У меня руки нужным концом приставлены, а Дичку все знают - она сама может скот пасти. Не пропаду.

Я невольно протянула руку, но мальчик отстранился:

- Это... запачкаетесь, ваш-велич...

- Вроде бы мэтр Боммард ввел тут режим жесткой санитарии? - шепнул Данкир и пояснил для мальчика: - Всех отмывают и насекомых уничтожают. И выгребные ямы копают, да?

- А как же. Я помогал, - невозмутимо отозвался тот. - То есть тачку-то неполную могу увезти, я сильный. И копать могу. Только лопаты по росту не нашлось, а моя сгинула...

Собака оказалась не такой серьезной, как хозяин: подошла, ткнулась холодным носом в руку, лизнула, позволила потрепать по острым ушам. Кажется, в ближайшей родне у нее были волки, если судить по желтым глазам. А может, это местная порода такая, откуда мне знать?

- Док-Бом - вот уж человек, что надо! - сказал вдруг мальчик. - Его бы прямо наградить надо, ваш-велич! Он даже Дичке лапу полечил, хоть этот его помощник, Бим, ругал - нечего на собаку время тратить. А док-Бом - он понимает...

- Непременно наградим, - сказала я.

- Я бы при нем остался. Ну, одного Бима мало. Там столько убирать нужно, мыть, чистить... Только он же уедет, а куда с собакой?

- Так ты у него самого спроси, - предложил Данкир. - Может, доктор вовсе не против собаки, если ее немного отмыть и откормить?

- Не, это я так... замечтался маленько, - сконфуженно сказал мальчик. - Доктор Бом в городе живет, а Дичке чего там делать? Чего вынюхивать? Тут она хоть кого поймает, а там, говорят, камень не вроде нашего - никакой норы не найдешь...

- Послушай-ка, - произнесла вдруг графиня Эттари, которая все это время сосредоточенно о чем-то размышляла. - Говоришь, у твоей собаки хороший нюх? И она подала знак, когда наверху слышались голоса?

- Ага... то есть, госпожа... Я бы не услышал, наверно. Я спал все время - во сне не так есть хочется. А она завыла.

- Это должно работать в обе стороны, - заявила графиня. - Она может искать живых под завалами... и тела тоже. Ну, если ты сумеешь ей объяснить, что нужно делать.

- Э...

- Лугра - первая серьезная природная катастрофа за последние двадцать лет, но это в Дагнаре. Такое случается везде и повсюду, - в глазах графини загорелся опасный огонек. - Где-то вулканы, где-то наводнения, обвалы и лавины... Магов не хватает, поэтому пригодились бы особым образом обученные собаки! Вот что, молодой человек, не уходи никуда из лагеря. Кажется, я придумала подходящее занятие тебе и твоей собаке! А если у нее будут щенки, а ты сумеешь их выучить так же, как Дичку...

- Она сама выучит, - насупился мальчик. - И чужих тоже. Будто не подкладывали ей чужих...

- Тем лучше. Идем-ка, я тебе объясню, что от нее потребуется... - графиня цепко взяла его за плечо, не опасаясь испачкать перчатки, и увлекла в сторону.

Дичка похромала следом, любопытно насторожив уши.

- Что, очередной проект? - полюбопытствовал канцлер, когда я сказала ему об этом.

- Похоже на то. Благотворительный, конечно же, - поспешила я добавить.

- Хорошо.

Вот и весь разговор.

Время шло - уже миновала середина лета. Мне казалось, Одо начал понемногу оттаивать, хотя... Больше он не вступал со мной в беседы кроме как по делу. Да и где поговорить с глазу на глаз? Я переселилась во дворец, и теперь кругом было столько людей, что улизнуть хотя бы ненадолго при помощи портала в тот же Химмелиц вышло бы только глухой ночью. Но ночью мне приказано было спать, и я спала: не потому, что не смела послушаться приказа, нет... Просто к вечеру я с ног валилась, хотя, казалось бы, ничего особенного не делала.

- Это у вас от непривычки к умственному напряжению, - сказал мне как-то Данкир, и я уже привычно бросила в него учебником. Конечно же, не попала, не целилась даже. - Ничего. Привыкнете. Раз до сих пор не сломались, точно привыкнете, окончательно войдете во вкус и поставите Дагнару с ног на голову.

- Мне не нравится ваша интонация. Случилось что-то, о чем я не знаю?

- Да, но... пусть лучше его превосходительство вам скажет.

- Нет, сперва вы! А то знаю я, как он скажет: из него каждое слово приходится клещами тянуть!

Данкир помолчал, потом проговорил:

- Эд объявился.

- Неужели!..

- Да. И погодите радоваться. Он явно не в себе, но вот тем, кто его окружает, так не кажется. Они тоже уверены, что королева - не настоящая.

Я сцепила пальцы на коленях.

- Ведь тот юноша, что крикнул из толпы... Он был один?

- В том и беда, что не один. В смысле, именно этот просто подвернулся под руку. Сейчас он усердно трудится в Лугре, нареканий не поступало....

Данкир сжал губы, и я отметила: он становится похож на Одо. Еще лет десять, и не то

что манера говорить, даже выражение лиц станет неотличимым. Проклятие высокой должности, иначе не назовешь!

- Их все больше, - сказал он. - Наверно, это затеял мэтр Оллен. При жизни он как-то держал эту банду в руках, а потом... покатилося. Ничего дурного о вас сказать нельзя, но слухи - слухи распространяются с бешеной скоростью. И о том, что случилось во время праздника... обоих праздников, будем точными, и о ваших словах - вы ведь упоминали Безымянную, и не раз. Поговаривают даже, что Лугра - это жертва для нее, а все эти восстановительные работы - просто для прикрытия. А хуже всего - в это поверили и многие высокопоставленные чиновники. В том числе члены кабинета министров. Так что со дня на день грянет, Эвина. Будьте готовы.

- Что грянет?..

- Не знаю. Я тоже впервые... взлетел так высоко. И с придворным магом не всякий захочет говорить по душам... Хотя когда я кого-то спрашивал? - ухмыльнулся Данкир. - Что именно они планируют, я не знаю, но уверен: непременно затеяли какую-то пакость.

- Вы Одо-то сказали? - едва смогла я выговорить.

- Я ему докладную записку подал на сорока листах, но так и не дождался ответа. То ли он и сам все знает, то ли не придал этому значения, поди пойми его! Я-то ладно, - вздохнул маг, - я могу уйти со службы, а вам с ним жить, пока смерть не разлучит вас.

- Подите вы с вашими шуточками!..

Вот только он даже не думал шутить.

- Одо, вы прочли доклад Данкира? - спросила я, с трудом остановив канцлера после очередной встречи с иссенцами: они собирались поставить нам землеройные машины для Лурги и заодно испытать их в деле. Наверно, эти агрегаты были не такими секретными, как те, что предназначались для шахт, поскольку цена была чисто номинальной, ну и сама возможность испытания в рабочей обстановке дорогого стоила.

- Да.

- И что же? К чему готовиться?

- Если бы я знал, непременно бы сказал, сударыня, - ответил он в кои-то веки не односложно. Сейчас это был почти прежний Одо.

- Не называйте меня так, - напомнила я. - Лучше вообще никак не называйте. Вам ли не знать, что и у стен есть уши, а вы никогда не...

- Во-первых, если Данкир не закрыл этот зал от прослушивания, я ему не просто голову оторву, - перебил он. - К слову, у меня еще остались те пули, если вы понимаете, о чем я. Во-вторых, я обращался к Эве именно так, когда у нас случались размолвки. А сейчас нам с вами выгодно быть в серьезной ссоре.

- По какой же причине?

- Хм... Пускай так: вы вошли в роль единовластной хозяйки, а я как человек немолодой, нудный и предусмотрительный отказываюсь выделять лишние средства на восстановление Лугры, их и так уже ушло предостаточно. Тем более, у нас хватает других проблем. Вы же упрямо добиваетесь своего.

- Не годится. По-моему, каждый уличный мальчишка знает, что деньги и помощь пострадавшим вещами и продовольствием собирают всей страной. Даже из-за границы два эшелона пришло.

- Значит, на другой проект, который существует покамест только в вашей голове. Придумайте сами, какой именно.

- Осушение тех самых шахт и возобновление их разработки подойдет?

- Вполне. Совершенно некстати, не вовремя, требует бешеных денег, участия

иссенцев... и все ради того, чтобы вернуть рабочие места жалкой горстке шахтеров и выковырнуть из земли не менее жалкую горстку угля сомнительного качества?

Я только вздохнула, но не стала возражать, а вместо этого спросила:

- Эда нашли?

- Я ждал, когда вы наконец поинтересуетесь, - Одо нахмурился. - Да, нашли. Необходимо отдать должное полковнику Аннарду: он недурно натаскал Данкира, а уж в связке они работают превосходно.

- А мне он ни слова не сказал!..

- Правильно, я ведь запретил.

- Я ему это припомню... - пробормотала я, но отвлекаться не стала. - Слышала, кроме Эда, в рядах этих... как их... Безымянных хватает смутьянов из благородных семей?

- Да, сударыня, именно так - предостаточно отпрысков знатных фамилий. Младших в большинстве своем. И не тратьте слов понапрасну: все, кто попал нам в руки, уже допрошены и дали показания. Данкир и другие маги уверяют, что околдован был только Эд и еще двое-трое зачинщиков. Остальные поддались их убеждению, болваны!

- Но почему?..

- Не догадываетесь?

Одо обошел массивный стол для совещаний и сел в кресло. Они предназначались для свитских дам, поэтому мне в моем пышном платье тоже хватило места в кресле напротив. По привычке я скинула туфли и подобрала под себя ноги - все равно под юбкой не видно, это ведь не мое куцее старое платьишко...

- Не совсем. Как-то странно: мне казалось, молодые дворяне, напротив, должны... ну...

- Поклоняться юной королеве? - правильно понял меня Одо. - Ну что вы так краснеете?

- Будто я нарочно...

- А, вы решили, что я опять напомню о дурацких романах? Нет, на этот раз не стану: вы совершенно правы - многие молодые люди носят ваш портрет у сердца и выбирают спутниц жизни, чем-то похожих на ее величество Дагну-Эвлору. И им везет, если не характером, - бросил канцлер в сторону, и я невольно улыбнулась. - Но речь о других юношах. Догадаетесь, каких именно?

Голова варила неважно после долгих переговоров, но я все-таки напряглась и вспомнила, о чем сама говорила когда-то, кажется - давным-давно, а на самом деле... Ведь и года не прошло!

- Те, кому выгодно, так?

- Точно так, сударыня. Развейте мысль, будьте любезны.

- Эти молодые люди каким-то образом связаны с претендентами на трон Дагнары, а может, сами ими являются, - без запинки ответила я. Тут уже гадать не приходилось. - Может быть, дальние родственники хотя бы и по женской линии, может, те, кто надеется взять в жены сестру или дочь будущего правителя. Не меня, нет - разве вы подпустите такого кандидата? А значит... значит, я была и остаюсь помехой. И вы тем более, но вы... Простите, Одо, вы уже даже не регент, просто канцлер, и титул у вас... не самый громкий, влиятельной семьи за спиной нет, поэтому, случись что, от вас избавятся без колебаний, пускай даже в вас тоже течет капля королевской крови...

Молчание было тяжелым и каким-то... плотным, хоть ножом режь. Наконец Одо сказал:

- Все именно так. Вы молодец - быстро учитесь мыслить, как подобает королеве. До совершенства вам ещё далеко, ну да какие ваши годы...

- Я могу и не дожить до старости. Даже скорее всего не доживу, если... если мы не избавимся от этих заговорщиков! Но, Одо, я не представляю, как это сделать, чтобы не осталось слухов, чтобы ещё кто-то не начал болтать, будто я... не та... Почему они вообще твердят об этом, а не просто обвиняют меня в приверженности Безымянной?!

- У мэтра Оллена спросите, - желчно ответил Одо. - Я никогда не был в состоянии оценить полет его мысли. Вероятно, он полагал, что сочетание двух факторов даст большой результат. Ну а после его исчезновения новоиспеченные адепты переиначили все на свой лад. Поскольку же все они примерно одного положения и воспитания, то версия вышла относительно непротиворечивой. Вот если бы в их ряды затесался матросик с океанского парохода или хотя бы дрессировщик из Лугры - тогда я полюбовался бы результатом...

- Какой ещё дрессировщик? - не поняла я.

- Протеже графини Эттари, мальчик с собакой.

- О!.. Да, он или хотя бы Бим. Молчу уж о Боммарде.

- С легкой руки того мальчика его иначе как док-Бомом и не называют, - сообщил Одо и... клянусь, едва заметно улыбнулся. Самой обычной улыбкой, какая и раньше не часто мелькала на его лице, а теперь и подавно. - Но он не возражает. Кажется, они с Норинцем совершенно счастливы, разгребая грязь, проводя ампутации в условиях полной антисанитарии и наводя эту самую санитарию там, куда сумеют дотянуться.

Он умолк, я тоже не подавала голоса и, честное слово, так хорошо было немного помолчать наедине, без всех этих придворных! Может, Данкир подслушивал, но хотя бы на глаза не показывался...

- Что прикажете делать с задержанными? - спросил вдруг Одо. - Учтите, ситуация осложнена тем, что многие из них - родственники наших министров или хотя бы их супруг, пускай и не самые близкие.

- Хотите сказать, за них будут ходатайствовать?

- Непременно. Но я все равно настаиваю на виселице.

- Одо!..

- Шучу. Кто же вешает потомственных дворян? Расстрел, разумеется. Могу исполнить приговор лично - рука не дрогнет.

- Мне не нравятся ваши нынешние шутки, - после паузы выговорила я.

- Может, потому, что я вовсе не шучу? Нельзя оставлять эту заразу. Расползется, как плесень, - не вытравишь!

Я молчала. Потом спустила босые ноги на пол и встала перед Одо.

- Это очень просто - взять и застрелить. Но что толку? Мы только обозлим их родню, и уже не плесень, а... сель, как в Лугре, или снежный ком покатится дальше. Газетчики сочинят что-нибудь о невинно убиенных мальчиках, о кровавом режиме, о том, что королева - марионетка в руках канцлера...

- И что вы предлагаете? - Одо тоже встал. Он никогда не сидел в присутствии стоящей женщины, неважно, высокородной или простолюдинки.

- Отправьте их в Лугру, - мстительно сказала я. - Пусть своими глазами посмотрят, что там происходит, и убедятся, бутафория ли это! Сдайте Норинцу - думаю, он с ними совладеет. И направьте на самые грязные работы - вдруг что-нибудь дойдет? Надо же, взять и казнить... А работать кто будет? Нет уж, пускай намозолят руки, тогда, быть может, я с ними поговорю... Только пусть Данкир на них какие-нибудь магические кандалы навесит, чтобы не удрали.

- Это уж само собой. Но как быть с Эдом? Он наиболее непредсказуем.

- Данкир не может его... ну... расколдовать?

- Говорит, что не может. Да и не осталось уже следов заклятия, это в голове у него что-то перемкнуло. Возможно, Оллен слишком сильно... хм... воздействовал.

- Значит... - Я вспомнила, как Эд наваливался на меня всем телом, жарко дышал в лицо, хватал, и передернулась. - Придется им пожертвовать. Пусть он будет главой этой, с позволения сказать, организации.

- А мотив? - сощурился Одо.

- Банальный: ревность. Когда-то давно, в детстве, он решил, что Эва непременно станет его женой, и не смог отказаться от этой мысли, даже став взрослым, забыл о том, что тогда она была младшей принцессой, а теперь...

- Да, годится, - перебил он. - Вдобавок его одолело умственное расстройство. Одержимость идеей или что-то вроде - Данкир и Боммард подскажут правильные термины.

Мы снова замолчали. Я отошла к окну. Старалась не думать о том, что Эда расстреляют... Я вовсе его не знала, а тот эпизод - ведь он был не в себе! Но что же, признать его душевнобольным, посадить в какую-нибудь крепость? Оттуда сбегают, бывали прецеденты.

«Зато это будет быстро», - сказала я себе, вспомнив мэтра Оллена. Совсем не то же самое, что гнить в каменном мешке годами...

- Все это не решает основной проблемы, - сказал Одо у меня за спиной.

- Которой именно? - я обернулась и очутилась с ним лицом к лицу.

- Министры выражают недоверие главе страны. Не правительства - я это как-нибудь переживу, благо не впервой, - а именно страны. Вам.

- Почему вы говорите мне об этом только сейчас?

- Думал, удастся смирить их порыв. Но нет. То ли я старею, то ли они успели отрастить зубы, когда я ненадолго отвлекся...

- И... что мне делать? - чтобы смотреть ему в глаза, мне приходилось сильно запрокидывать голову, и Одо отстранил меня на вытянутых руках.

- Я пока не представляю, что они предложат. Но догадываюсь. Это... конец всему. Не Дагнаре, нет: Она будет жить, даже когда нас с вами не будет, - но нашему делу.

- Значит, скоро узнаем, - я коснулась его руки.

Холодная. У него всегда холодеют руки, когда он волнуется всерьез. И пульс нехороший - слишком частый и неровный.

- Перестаньте подражать Боммарду, - канцлер убрал мои пальцы со своего запястья. - Ну что вы, в самом деле?.. Прекратите, прошу! Ах ты... Ладно...

«Данкир, если подслушиваешь, сама тебе голову оторву!» - мелькнуло в мыслях, когда я позорно расплакалась на груди Одо.

Заседание состоялось не завтра и даже не через неделю, но все это время только и пересудов было, что об участии изловленных членах секты Безымянных. В газетах со скорбью упоминали об участии Эддара Лорая, виконта Гальси, павшего жертвой какого-то зловредного мага и лишившегося рассудка. Эда застрелили при попытке к бегству - я надеялась, что так и было. Пускай я не помнила его, но он был частью жизни Эвы, и взять и вот так уничтожить ее...

Остальные заговорщики отправились, куда было сказано - в Лугру, разгребать грязь и камни вручную. «И не блевать, если наткнетесь на труп! - жизнерадостно добавил

старый Норинц, ради такого дела явившийся в столицу, чтобы лично отконвоировать арестантов на место. – Сначала попытайтесь разобраться, мужчина это, женщина, ребенок или вообще животное. А если не можете сдержаться, травите в сторонку, а потом зовите тех, у кого желудки покрепче!»

Они с Боммардом действительно нашли общий язык, а баронесса Эррен довольно улыбалась: двоюродный дедушка воспрянул к жизни! Вот уж, наверно, огорчились его прямые наследники: с такими заботами генерал мог и внуков пережить... Или, того хуже, привлечь их к своей деятельности. Вроде бы самый младший изъявил желание помочь, за что был нещадно бит веером маменьки, газетой папеньки, после чего благословлен на труды тяжелой рукой дедушки и отправлен дрессировать собак вместе с тем мальчишкой, хозяином Дички. К стыду своему, я не могла запомнить его имя...

«Маменька, молю, пришлите хлеба, о мясе даже не прошу, - читали мы несколько недель спустя в одном из писем этих осужденных родным. - Не мне - я вовсе не голодаю, поскольку осужденным положен свой паек, а работа не более тяжела физически, чем верховая езда и фехтование. Но как я смею смотреть в глаза людям, потерявшим дом, которые весь день работают не чета нам, а получают не в пример меньше?»

- Если окажется, что люди Лугры голодают...

- Ни в коем случае, - перебил канцлер. - Им выдают привычный их рацион. Если спросите, скажут - слишком богато кормят, недолго и привыкнуть. Просто этот юноша до сих пор видел отнюдь не такие порции. Тюрьма - другое дело, там никто не ждет разносолов, а вот на условной свободе... Только не просите написать об этом в газетах, не поймут.

Я только кивнула. Хотела сказать: помню еще, как довольствоваться кусочком хлеба или жидкой кашей на завтрак, таким же жидким супом на обед, но не стала. Нас так кормили не от жадности госпожи Увве - на большее не хватало средств. Хотя я слыхала, даже в некоторых пансионах побогаче стол был куда хуже... Но этим занята графиня Ларан, с нее теперь и спрос. А вот о пайке рабочих нужно будет поговорить, непременно...

Но все эти разговоры были в будущем, пока же на меня обрушились министры с тем самым обвинением, о котором упоминал Одо.

- Как же мне доказать, что я настоящая? - спросила я, когда высказался самый громкоголосый, граф Гаддари. - Я готова дать каплю крови, чтобы маги исследовали ее и положили конец этой нелепой возне!

- Ваше величество, мы все понимаем: если вы все-таки не настоящая и зачарованы мэтром Олленом, то ни один маг, ни один, никогда не найдет свидетельства обмана.

- И что вы предлагаете, раз уж маги вас не устраивают?

- Королевскую лестницу, - сказал он, и зал притих.

Лицо Одо сделалось... не белым, но почти.

- Что же она даст? - я помнила, что перед коронацией монарх должен подняться по этой самой лестнице, но не более. - Я ведь уже всходила по ней!

- Вдруг вы - не та, что это сделала? - негромко произнес старый герцог Урдаш. Он даже с виду был таким древним, что тронь - рассыплется. - А если та, то, конечно, бояться нечего.

Ну да... и возразить им тоже было нечего. Да и зачем возражать? Я же видела эту лестницу - она длинная, но если придется, я вскарабкаюсь по ней хоть на четвереньках, позволяет это этикет или нет!

- Пусть будет по-вашему, - сказала я. - Скоро осенний праздник, вот и повод.

- Ваше величество, нельзя подвергать сомнению ваше...

- Нет уж! - я встала и выпрямилась. - Желаете представления? Будет вам

представление! Одо! Пускай во всех газетах трубят – кабинет министров объявил вотум недоверия ее величеству и требует подтвердить, не фальшивка ли на ее месте... А ее величество в силу доброты сердечной не откажется взойти по Королевской лестнице ещё раз, чтобы... чтобы ни одна собака не посмела гавкнуть в мою сторону! Хотя о чем я: собаки намного добрее и мудрее...

Я вышла, с грохотом опрокинув кресло, и только за дверью позволила себе выдохнуть. Свитские дамы подхватили меня под руки и увлекли в мои комнаты, расслабили корсет, кто-то подсунул нюхательную соль... Очень кстати – от нее я так расчихалась, что начисто забыла о переживаниях.

- Ваше величество... Ваше величество, вас даже после первого раза едва привели в чувство, а теперь... – на графине Ларан лица не было.

- Прикажете терпеть и выслушивать эту чушь? – я снова чихнула. - Ничего со мной не сделается, а посрамить этих старых... апчхи!.. необходимо. Иначе не избежишь от пересудов... Ну что вы умолкли?

- Никто никогда не восходил по Королевской лестнице дважды, – негромко сказала баронесса Эррен и добавила зачем-то: – Самозванцы – пытались, но ни один не дошел даже до середины.

«Выходит, это будет быстро, – подумала я. – Но хотя бы не больно... надеюсь».

- Значит, я стану первой, – прозвучало это двусмысленно. – Прикажете готовить подобающий наряд.

- Ох... Прежний церемониальный будет вам мал, – всплеснула руками баронесса. – Сию минуту прикажу шить новый...

Вот и прекрасно. Если я умру на этой лестнице, то хотя бы не в старом платье королевы, а в своем собственном. Узнать бы еще, что случилось с самозванцами, и....

- Покиньте нас, сударыни, – негромко произнес Одо, и дамы исчезли, как не бывало, а он взял меня за плечи и хорошенько встряхнул. – Что вам в голову взбрело?!

Краем глаза я увидела в дверях Данкира и поняла: он не позволит нас услышать, а потому говорить можно без обиняков.

- Ничего не взбрело! Может, они еще передумают и не захотят рисковать королевой, хоть плохонькой, хоть с таким несносным канцлером, но живой, а не сажать себе на шею невесть кого. А если нет... если все-таки решатся... Вы сказали, что не сдержите обещание. Ну ничего – оно выполнится само собой, я ведь самозванка. Я только боюсь, – я невольно всхлипнула, – что будет больно...

- Самозванцы всегда умирали мгновенно, – сказал Одо. – Но не имею представления, чувствовали они что-то в этот момент или нет.

- Вы умеете утешить!

- Не умею и не пытаюсь. Говорю, как есть. Эва...

- Я не...

- Вас так звали в пансионе. Госпожа Увве, другие учительницы и ваши подружки. Разве нет?

- Вы-то при чем? У вас была совсем другая Эва.

- Но вы еще здесь... – на этот раз руки у него были горячими. – Я тоже. Это ненадолго, но... Вы почему так скукожились?

Я ничего не смогла ответить, просто замерла, чтобы не сделать хуже.

- Опять ваши клятые романы... – с облегчением выговорил Одо. – Не собираюсь я проделывать с вами ничего... словом, ничего. Или вы только об этом думать и способны? Разочарован... Думал, у вас в голове помещается хотя бы чуточку больше, нежели у

других девиц. Даже у первой Эвы.

Руки мои сами собой поползли вверх. Нет, ничего такого, я просто погладила Одо по шершавой щеке, коснулась коротких волос... и закрыла глаза. Не знала, как быть дальше, тем более, если он осмелится...

- Глупая девчонка... - повторил он и, хотя обнял крепче прежнего, ничего большего себе не позволил.

- Отчего же глупая? Вдруг уже никогда... - голос оборвался. - С этой лестницей... Я даже не влюблялась ни разу и тем более не целовалась. Эд не считается, он силой...

- Вдвойне глупая.

- Девочки вот любили портрет его величества и принцев тоже, - продолжала я, не слушая. - Забрасывали записочки за раму, ну, пожелания на удачу, - при уборке их столько выгребали... А я нет. Ну как это - влюбиться в нарисованного человека? А вы...

- Я настоящий, - Одо вдруг отстранился. Глаза его были холоднее обычного. - Я никогда не позволю себе воспользоваться вынужденной ко мне привязанностью и страхом девушки перед всем миром, которые она принимает за нечто большее, чтобы получить ее тело. Не нужно так оскорблять меня, сударыня. Поцелуй без обязательств можете попросить у Данкира, он не откажет, я полагаю, а на что-то иное претендовать не рискнет.

У девочек из пансиона крепкие руки - как иначе? Кажется, я промахнулась и вместо того, чтобы влепить пощечину, разбила Одо нос. Не видела - он быстро вышел, прикрыв лицо платком. Я же осталась думать о том, что он, конечно же, прав, и, наверно, нужно было как-то иначе объяснить... Что он мог подумать? Ведь у меня действительно никого больше нет во всем мире, мне страшно перед испытанием... Только я желала вовсе не того!.. Но было поздно.

«Ничего, справлюсь, - сказала я себе, вытерев слезы. - Справлюсь или умру, выбор невелик...»

ГЛАВА 26

Об испытании объявили на всю Дагнару – я ведь потребовала, чтобы сделали именно так, а ещё огласили имена тех министров, кто настаивал на этом. Умру я или нет, еще неизвестно, а вот от них и их челяди уже начали шарахаться на улицах.

Прибыли и соседи: не всякий раз увидишь второе Восхождение...

Жаль только, никто не мог растолковать мне, что это такое – Королевская лестница. Я знала лишь, что во время коронации наследник престола должен взойти по ней в полном облачении, и только. Думала ещё – как же это тяжело, лестница такая длинная... Но Дагна-Эвлора как-то справилась, пускай даже была слаба после болезни. Наверно, законным наследникам это сделать проще.

И еще: когда Одо привел меня в охотничий домик, а я разглядела вдалеке Лестницу, он велел мне не смотреть туда – дескать, мне там делать нечего.

Ох, как же он ошибался...

- Не знаю я, что это такое! – жалобно ответил Данкир, которого я засыпала вопросами. – Лестница, вот и все. Согласно легендам, сама Богиня спустилась по ней в Дагнару и что-то там сотворила – то ли жизнь, то ли наоборот, потом вернулась домой, а несколько ступеней остались. Ими и испытывают будущих монархов.

- Несколько? – я прищурилась на сияющую вдалеке Лестницу. – Их там не меньше тысячи, неужели не видите?

Данкир присмотрелся и покачал головой.

- По-моему, обычная лестница между площадью и храмом Богини на холме. Другим храмом, не тем, где вы уже бывали: в этот входят только перед коронацией, – добавил он.

- Что, даже пыль со статуи Богини не смахивают? – вырвалось у меня.

- Откуда я знаю? Не интересовался... Словом, лестница довольно длинная, но вряд ли длиннее той, что у главного храма.

- Вот как...

- Да, вот еще: я наблюдал, как это было с Эвой – она медленно-медленно поднималась, останавливалась на каждой ступени и возносила молитву, потом двигалась дальше. Это заняло около часа, и все это время люди стояли молча, смотрели... Почему так вышло, не понимаю: а к Эве меня тогда, сами понимаете, не подпускали, не то я расспросил бы. Я пытался выискать следы чар, но ничего не обнаружил. Можно было бы подойти поближе – узнал бы больше.

- А почему нельзя?

- Не получается, – был ответ. – Как отворачивает что-то.

- А в других странах есть нечто подобное?

- Да, в Лариде, но там не лестница, а озеро. Нырнул, вынырнул живым – вот тебе и корона. А в Иссене какой-то провал в земле, но они не особенно об этом распространяются. И не использовали его уже очень давно, с самой смены династии. Видимо, опасаются, что новых правителей этот... хм... артефакт не воспримет как настоящих.

Я умолкла. Значит, и тут магия... При чем такая, что Данкир не может ее распознать, следовательно, она завязана на кровь. Я не прямой потомок королевской династии, но достаточно близкий родственник, потому и вижу эту лестницу во всей ее красе... и длине. А Данкир, пускай он маг, – только часть ее. Интересно, мэтр Оллен различал больше или нет?

- Чего ждать там, – сказал вдруг он, кивнув на Лестницу, – понятия не имею. Но дам подсказку.

- Ну же?..

- Вы можете выбрать спутника. Только одного и безоружного: почему так, не знаю. Может, предполагается, что по пути ждут опасности, с которыми нужно справиться голыми руками?

- Как это обнадеживает, - пробормотала я.

- Да уж, предки были большие затейники! Ну и... Вы же догадываетесь, кого взяла с собой Эва?

- Я, пожалуй, не стану менять коней на переправе.

- Так и знал, что вы это скажете... - Данкир едва заметно улыбнулся. - Какая вы все-таки...

- Какая?

- Смелая. И сильная. Вот так идти на верную смерть...

- Я страшная трусиха, Данкир, - ответила я. - И ни капли я не сильная. Если бы вы не сказали, что можно взять с собой кого-то, я бы, наверно, всю ночь перед испытанием редела в подушку.

- Это не страшно: издалека опухшие веки не видны, - утешил он. - А за то, что не выбрали в спутники меня - нижайшая моя благодарность. Не то чтобы я отказался посмотреть на Лестницу, так сказать, изнутри, но... Знаете, тут графиня Эттари представила ко двору такую милую племянницу какого-то из своих бывших мужей. Вы не заметили, наверно, а я еще как - я ведь ещё не женат. Словом...

- Да замолчите же вы, Данкир! - сказала я, поймала его за воротник, заставив пригнуться, и поцеловала в щеку. - Прощайте.

- Прощайте, Эва, - тихо ответил он...

В начале церемонии страшно не было. К собравшейся толпе я уже привыкла, к ее молчанию - тоже. Не иначе, люди ожидали, что на этот раз выкинет королева, поэтому прикусили языки. Или понимали: раз правительницу вынуждают второй раз подняться по Лестнице и подтвердить право на корону, то дело неладно, и что может случиться... Хорошо, если просто поменяется правитель, а если налоги поднимут? Или война будет?

Предварительный ритуал был древним и, к счастью, коротким: всего несколько вопросов. Ты такая-то? Желаешь подняться по ступеням к дому Богини добровольно? Кому позволишь пойти с тобой?

- Герцогу Мейнарду, - ответила я. - Я не знаю человека вернее его.

Он молча встал за моей спиной. Жаль, я не догадалась спросить Данкира, что случается со спутниками самозванцев. Наверно, они тоже погибают... Но, возможно, для Одо Химмелица это было лучшим выходом из возможных.

Королевская лестница сияла перед нами. Я протянула Одо руку, как было сказано, и сделала первый шаг наверх...

Первые несколько десятков ступеней дались довольно легко. Признаюсь, мои дамы сжульничали: платье на мне было совершенно невесомое. Ну хорошо, не совсем - все-таки на дворе стояла осень, а не жаркое лето, - но намного легче тех, в которых мне приходилось показываться при дворе. Жаль, нельзя было избавиться от корсета, но и его затянули не так туго, как обычно: понимали, что не выйдет ничего хорошего, если я не смогу дышать полной грудью во время Восхождения. Только вот шлейф мешал, и, заметив это, Одо поднял его и перекинул через руку. Может, не совсем прилично, но... даже если кто-нибудь разглядит мои нижние юбки, я не расстроюсь. В конце концов, я их уже демонстрировала в день покушения...

- Мы всю ночь будем подниматься, - сказала я, чтобы не молчать. Снаружи нас не должны были слышать: все, кого я спрашивала, уверяли, что с Лестницы не доносится ни звука.

- Вам лучше знать.

- Почему?

- Потому что я всего лишь спутник, - ответил Одо. - Я не вижу, где заканчивается Лестница. Просто иду за вами.

- Вот как...

- И время здесь течет иначе. В прошлый раз мне казалось, что прошла вечность, а оказалось, что снаружи миновало не более часа.

- Верно, Данкир так и сказал... А что же ваши знаменитые часы? Неужели вы не засекали время?

- Засек, конечно же. Вот только они здесь не идут. Можете убедиться сами, - Одо показал мне циферблат.

Стрелки действительно замерли, но мне казалось, будто они подрагивают, в любой момент готовые сорваться с места.

«Так!» - звонко щелкнула крышка часов, и я поднялась еще на несколько ступеней.

Наверно, сейчас мы были на высоте примерно пяти этажей - выше мне никогда бывать не приходилось, поэтому точнее я определить не могла. Внизу разливалось человеческое море - вся площадь у холма была заполнена. И, конечно же, все фонари, деревья, карнизы и окрестные крыши тоже были облеплены людьми - не только мальчишками и девочками, а и вполне взрослыми, солидными даже горожанами. Я их понимала - не всякий раз такое увидишь! И, если честно, очень бы хотела поменяться местами с кем-нибудь на коньке крыши или даже на ненадежной макушке дерева.

- Не торопитесь, - негромко произнес Одо. - Не то растратите силы в самом начале пути. Если вы говорите, что Лестница очень длинная, лучше не спешить. Останавливаться ненадолго не возбраняется. Во всяком случае, Эва отдыхала каждые несколько минут - она была еще не вполне здорова.

«Данкир сказал, она останавливалась чуть не на каждой ступени и возносила молитву, - вспомнила я. - Значит, и правда - снаружи все это выглядит совершенно иначе. Спасибо, не надо отбиваться от каких-нибудь чудовищ... Но вдруг мужчинам приходится? Иначе откуда условие про отсутствие оружия? И ведь не спросишь, же у кого. Хотя...»

- Никто не помнит подробностей Восхождения, - предвосхитил мой вопрос Одо. - Или, возможно, не желает о них вспоминать. В любом случае, в хрониках нет никаких упоминаний о деталях. Я искал тщательно, можете мне поверить.

Наверно, он перерыл все архивы и довел ученых мужей до бешенства, лишь бы отыскать то, что могло бы помочь Дагне-Эвлоре справиться с испытанием. И раз уж ничего не нашел, то этого либо вовсе не существовало, либо оно спрятано настолько надежно, что даже Одо не под силу доискаться. А ведь тогда ему ещё помогал мэтр Оллен, и раз уж он ничего не нашел... Или не пожелал разглашать колдовские тайны?

- Вот что странно, - снова нарушил молчание Одо. - В прошлый раз лестница была очень крутой. Конечно, будь Эва здорова, она взбежала бы по ней, даже не запыхавшись, но... Каждая ступенька давалась ей очень тяжело. И мне тоже, что странно: я намного выше и сильнее, поэтому не должен был замечать такой ерунды. И если вы скажете, что я засиделся в кабинете...

- И не собиралась! Только вы не закончили: теперь-то лестница какая, по вашим ощущениям?

- Пологая. И, по-моему, винтовая. Во всяком случае, мы повернули уже раза три, никак не меньше, вы не заметили?

- Нет, - удивленно ответила я. - Она разве что немного извивается, как лента, если ее бросить на пол. В самом начале... да, показалось, что она круче, чем дворцовая или та, другая храмовая, а теперь вроде бы стала обычной. И я просто не вижу, где она заканчивается. Как будто упирается в небо, а там уже ничего не разглядеть - луна, звезды, ступени тоже сияют. Жаль, вы не видите: очень красиво. И внизу тоже - целое море огней. Наверно, с самой высоты будет видно всю столицу, как думаете?

- Возможно, - Одо посмотрел под ноги, но сияния явно не заметил. Пробормотал едва слышно: - Ну что ж, оценим вид сверху... если доберемся.

«Короткая лестница с крутыми ступенями, - мелькнула в голове. - Как... как жизнь Эвы? А моя тогда на что же похожа? Одо говорит - закручена винтом, и в самом деле - разве не дала она крутой поворот? Но я-то вижу совсем иное. Ах, хватит рассуждать, иди вперед!..»

Только не думать о дурном никак не получалось, и я сказала:

- Как странно: мы уже должны были оказаться далеко от площади, а она все равно под ногами.

- Магия, - обронил Одо. - Чрезвычайно полезна и чрезвычайно опасна. И я не доверяю тем, кто ею владеет.

- Только не нужно устраивать гонения на магов, очень вас прошу! Тот же Данкир - вполне хороший человек, и вообще...

- Что - вообще? Он вам нравится?

- Одо, я вас в тот раз не очень больно ударила? - кротко осведомилась я, и он вдруг засмеялся - впервые на моей памяти. - Что забавного я сказала?

- Ничего. Вы сами делаетесь очень забавной, когда злитесь, потому что не умеете.

- Злиться не умею?..

- Ну да. Я это сразу заметил. Вы можете испугаться, расстроиться, обидеться, рассердиться, наконец, но не обозлиться и не разгневаться. Удивительное свойство для девушки, выросшей в приюте.

- Пансионате, когда же вы запомните!

- Ну вот, я же говорил. Вы сейчас не злитесь. Немного сердитесь, не более того.

- Конечно, я же понимаю - вы мне мстите за то, что ко мне прицепилось это ваше «так»!

- Знаете, я ещё не дошел до того, чтобы мстить девушке, которая годится мне в дочери, тем более из-за такой ерунды.

Я помолчала, потом сказала:

- Воспитанницы пансиона не имеют права на такие чувства, Одо. Что получится, если гувернантка или учительница всерьез обозлится и примется кричать на хозяина, его жену и детей и бить посуду?

- Перед гувернанткой Орны трепетал весь дом, включая моего отца: она умела гневаться шепотом, и это впечатляло. Словом, не нужно обобщать. Конечно, вас учат держать чувства в узде, но они от этого не пропадают вовсе. Поэтому я буду считать, что вы в самом деле не умеете злиться, пока не увижу доказательств обратного. И довольно болтать, поберегите дыхание.

Ступенька за ступенькой ложились под ноги, а конца-края лестницы все не было видно. Кажется, мы не добрались еще и до середины. Именно там кара наступает самозванцев...

- Пить хотите? - спросил вдруг Одо, придерживая меня за локоть.

- Откуда вы...

- Запрещено брать с собой оружие, но никак не фляжку с водой.

- И не леденцы с орехами, - я показала ему полную горсть сладостей: в дамских платьях довольно объемные карманы, хотя многие об этом не догадываются. И фляжка у меня тоже была, только я не стала говорить. - Графиня Эттари сказала, они могут поддержать силы.

- Прекрасно, припасов у нас достаточно, - едва заметно улыбнулся Одо.

- Да, но побережем их. Я ещё не хочу есть, а пить... один глоток, хорошо?

- Хоть десять. Это только для вас.

- Одо...

- Вы полагаете, для себя я ничего не припас? Не первый раз ведь иду.

Я чуть не поперхнулась от такого признания. И от удивления тоже: Одо был как-то странно весел. Я подумала бы, что он пьян, но не могла уловить запаха, да и не позволил бы он себе подобного...

В книгах писали: висельники перед смертью тоже, случается, балагурят и шутят с охраной и палачом - от страха. Неужели даже Одо боится? Не за свою Эву - ее нет больше, не за судьбу Дагнары, просто - за себя самого?

«Что же он, не человек?» - подумала я тогда и снова пошла вверх. Приостановилась еще на мгновение и сбросила туфли. Пропадут - и пес с ними...

- Что это вы вдруг?

- Вы когда-нибудь пробовали ходить на каблуках по лестнице?

Ответа не последовало.

Не знаю, сколько мы шли. Пробовала считать минуты, но сбилась. Ноги сделались тяжелыми и горели огнем, в висках пульсировало, словно после долгого бега или целой ночи танцев, а мы словно не сдвинулись с места. Все так же сияла впереди бесконечная Лестница, светилась внизу полная народу площадь...

«Может быть, это и есть кара для самозванцев? - промелькнуло в голове. - Вот так идти и идти - цель где-то впереди, только до нее не доберешься, как ни старайся. А потом упадешь без сил и умрешь: если время здесь идет по-своему, снаружи никто и не поймет, что ты поднимался несколько суток, а не жалкий час...»

- Интересно, кто снимает отсюда тела самозванцев? - это вырвалось само собой.

- Пишут, они оказываются внизу сами собой.

- Удобно... Одо, давайте остановимся. Дышать трудно. Присесть ведь нельзя?

- Не знаю. Я бы не стал рисковать. Лучше так...

Он взял меня в охапку, приподнял - совсем невысоко, но и того хватило, чтобы немного дать отдых ногам. Я обхватила его за шею и, глядя вниз на столицу, думала: Одо ведь донес бы меня на руках, если бы мог. Вот только не имел права - ведь это мое Восхождение...

- Зря вы сняли туфли, - сказал вдруг он.

Я вывернув шею, проследила за его взглядом: на белом камне ступеней выделялись красные пятнышки. Надо же, я и не заметила, что стерла ноги в кровь... И как это вышло? Ступени такие гладкие, что гляди не поскользнься!

Одо отпустил меня и приказал:

- Дайте сюда ногу.

- Которую?

- Откуда я знаю, какую именно вы поранили?

- Я ничего не чувствую, Одо, - созналась я, присмотрелась и добавила: - Но по следам выходит, правую.

- Вот ее и давайте.

Он снова склонился передо мной, - ох, как неудобно делать это на лестнице! - поставил мою ногу себе на согнутое колено, осторожно ощупал ступню, мрачно взглянул, когда я невольно хихикнула от щекотки. Потом вынул платок, смочил уголок из фляжки и протер кожу - щипало ужасно, и я не сразу сообразила, что это другая фляжка, и в ней вовсе не вода, - и наконец перевязал мне ногу тем же платком и встал.

- Если что, нижних юбок у меня хватит на повязки для обоих, - храбро сказала я. Идти было неудобно, узел немного мешал, но, право, это не имело никакого значения. - Снаружи ведь никто не увидит этого безобразия, верно?

- Надеюсь. К тому же я не собираюсь снимать сапоги. Идемте.

Мы шли и шли, и я понимала, что скоро упаду без сил, не дождавшись той пресловутой середины Лестницы, на которой гибли самозванцы. Даже Одо дышал тяжелее обычного и не возражал, когда я просила приостановиться на минуту.

- Будто что-то тянет назад, - выговорил он во время очередного «привала». - Вначале было не так.

- Но что? Не фляжка же ваша с огненным пойлом, - не удержалась я.

- Нет, в тот раз она тоже была при мне, - не принял Одо шутки. - Оружия нет. Что вы так смотрите?

- Просто... хотела напомнить вам об обещании, которое вы решили не сдерживать. Но передумала: какой смысл, если у вас нет ни револьвера, ни даже ножа?

- У меня пока что обе руки на месте, поэтому, если иного выбора не останется, я просто сверну вам шею, - ладонь Одо легла мне на затылок, и я невольно вжала голову в плечи. - А обо мне не беспокойтесь. Я не боюсь ни смерти, ни боли. Странно, что вы ее боитесь. Вас что, избивали в этом вашем... пансионате?

- Нет. То есть... иногда, - созналась я. От его горячей руки дурнота и ломота в висках отступали, и мне не хотелось шевелиться. - Но это такая ерунда... Я потому и боюсь, что не знаю настоящей боли и даже представить не могу, насколько это страшнее розог или там ударов линейкой по пальцам...

- Интересные у вас выверты сознания. Идемте, Эва. Я не хочу ночевать на этой клятой Лестнице.

«Верно, скорее бы все закончилось. Хоть как-нибудь», - подумала я, а Одо вдруг произнес:

- Вот оно.

- Что?

- То, что тянет меня вниз.

Он сдернул с шеи цепочку с красно-бурым камешком, покачал его на ладони... выронил на ступени - подвеска рассыпалась пылью, которую тут же унес невесть откуда взявшийся ветерок.

- Одо! Зачем вы?.. Это же память Эвы - и память о ней!

- Нет. Просто колдовская игрушка. А все, что мне нужно помнить, у меня вот тут, - он

коснулся виска. Потом встряхнул головой и подобрал мой треклятый шлейф. - Кажется, в самом деле стало легче. Идемте.

«Пожалуйста, пусть это закончится! - взмолилась я, когда мы снова остановились. - Хоть как-нибудь. Я не могу больше идти!»

И вдруг мне вспомнилась госпожа Тассон: словно ее тень встала рядом со мной.

«Что значит - «не можете»? - проговорила она невозмутимо, как обычно, и ткнула меня своей тростью в спину. - Вы так же скажете его величеству, если вам вдруг каким-то чудом удастся попасть ко двору? Я не умею делать реверанс, потому что ленилась? Нет? Значит, вы просто не желаете потрудиться. Повторяем, девушки. Через «не могу». И - раз! И - два!.. Соберитесь, Эвина, и продолжайте упражнения!»

- Вы не солдат, откуда вдруг этот счет? - спросил Одо.

- Идите молча!..

Верно, сейчас я солдат. Лево́й-право́й, лево́й-право́й... Не думать ни о чем, только бы дойти... Дойти...

«Эвина, ты совершенно не стараешься! - госпожа Увве зашагала со мной бок о бок, то и дело подбадривая розгой. Это было совсем не больно - поди достань до тела сквозь все юбки, - но обидно. - Я полагаю, ты используешь дарованный тебе судьбой шанс. Думала, сумеешь выйти в люди, стать достойной дамой, невзирая на происхождение... а ты позоришь звание нашей воспитанницы. Запомни: ты не имеешь права на слабость. Другие могут себе это позволить, но не ты. Ну же, не хнычь. Что за глупая девчонка!»

Госпожа Увве, я все смогу, честное слово!.. Я взберусь на эту проклятую лестницу, а наш пансион станет лучшим в Дагнаре, обещаю!

«Миленькая госпожа Эва, - это Мика сильно подтолкнула меня в спину широкой натруженной ладонью, - вот не думала, что скажу вам, а все же... Самая вы моя любимая девочка были, с тех пор, как я в пансион работать пришла. Добрая всегда и к нам приветливая. Очень я по вам скучаю. Никто больше не придет так вот, когда мы в каникулы или выходные шьем или стираем, ничего не расскажет. От этих ваших сказок даже зимой тепло становилось. А что Лика смеялась, дурында, так это все равно. Я-то знаю, она потом ночью плакала. Думала, наверно: к ней принц не прискачет - хоть и красивая, да больно уж к людям злая!»

Мика. Мика, ты всёгда ворчала, но я-то знала, что ты никогда меня не обидишь. И еще: ты наверняка находила потеки воска на моих простынях, а то и прожженную искрой дырочку, но ни разу не сообщила госпоже Увве, что я читаю по ночам...

«Эва, Эва! - Сэль и Юна схватили меня под руки и потащили вперед. Мы всегда так ходили по коридорам на переменах и бегали на прогулках, если удавалось, пускай за это ругали. - Вот ведь настоящее чудо, как в книжке! Посмотреть бы на твоего жениха... Пришли карточку, если сможешь! В свадебном платье ты будешь настоящей королевой, это точно!»

Буду, девочки. Обязательно буду, стисну зубы и сделаю еще шаг... и еще...

«Эвина, сосредоточьтесь, - мягкая пухлая рука господина Агсона подталкивает меня под локоть. - Вы знаете все правила назубок. Вы можете решить эту задачу. Успокойтесь, вдохните поглубже и пишите, не то будете пересдавать осенью!»

Конечно, знаю и помню, только как мне помогут эти правила сейчас, на Королевской лестнице?

«Давай-ко, иди, не оглядывайся. Будто моих рассказов не слыхала», - старый истопник, выпрямившись во весь свой гигантский рост, прикладывает широченную ладонь к виску...

«Ничего не бойтесь. Страх - вот главный враг», - а это Данкир. Очень в его духе: пафосно и всеобъемлюще!

«Живы? Тогда вперед!» – вот и генерал Норинц. И Боммард с Бимом здесь же, но им не до разговоров – опять штопают кого-то. Прямо на Лестнице, да...

«А мы это, ваш-велич, теперича главные в цельном училище, – гордо говорит мальчик. Иво, вспомнила я наконец его имя. Дичка хватает меня зубами за подол и тащит за собой наверх, прочь из смертельной ловушки. – Других собак учим, то есть. Ну и людей, куда без них – оно, конечно, собака и сама копать может, да медленно, а лопату не удержит».

«Вы обещали навестить наше поместье и взглянуть на розы», – вот и баронесса Эррен.

«Кажется, мы хотели обсудить один из проектов моего супруга», – куда же без графини Эттари!

«Вы так повзрослели...» – графиня Ларран рассеялась облачком, а я нечаянно взглянула в другую сторону.

Успела рассмотреть высокого худого мужчину со шрамом на виске, действительно как две капли воды похожего на Одо, разве что последний не носил бакенбарды. А ещё девочку лет десяти со светлыми косичками – ей не терпелось бежать вперед, и она изо всех сил тянула старшего брата за руку. Были и другие тени: я узнала даже его величество и двух принцев, и близняшек-принцесс. Эва появилась напоследок: она демонстративно прошла мимо, постояла, дождалась, покуда Одо поравняется с ней, и только тогда сильно толкнула его в спину, и сразу же исчезла...

Он споткнулся так, что едва не упал. Устоял все-таки, а я, обернувшись назад, с ужасом увидела алые пятна на белом камне, и виной тому были вовсе не мои стертые ноги.

– Одо?..

На темной ткани мундира выделялось ещё более темное пятно.

– Я дойду, – шепотом сказал он. – Не теряйте времени...

Я сорвала с себя шарф, прижала к его груди – он намокал катастрофически быстро. Как же так?! Снаружи не должно быть видно ничего, так каким же образом...

Наверно, я думала вслух, потому что Одо сказал, перехватив мою руку:

– Не у одного меня есть зачарованные пули. Идемте. Скорее. Если упаду... идите одна. И вот...

Он снял перстень, силой надел мне на палец, а меня осенило:

– Богиня, что же мы медлим! Вашим порталом – к Боммарду, скорее!..

– Нет. Здесь не действуют порталы, проверял. Думал, Эва не дойдет... – Одо дышал коротко и часто. – Решил: плевать на корону. Не прощу себе, если умрет... Нет, не вышло. Даже этот портал не пробьет защиту...

– А пули пробрили?!

– Они же снаружи прилетели, глупая вы девчонка, – он улыбнулся. – Ну? Сколько там осталось?

Я посмотрела вверх и опешила.

– Одо, всего ничего! Ступеней десять... или двадцать...

О том, насколько они крутые по сравнению с прежними, я говорить не стала.

– Ах вот как... – Одо улыбнулся шире. Мундир его промокал на глазах, ступени под ногами делались из белых алыми. – Вот почему стреляли... Хотели остановить Восхождение – если середину миновали, то...

– После разберемся. Дайте руку, и... и запомните: без вас я отсюда не выйду. Даже если

придется ползти и тащить вас волоком, я так и сделаю! – на глазах вскипели злые слезы. И почему это Одо сказал, что я не умею злиться? – Не доводите до такого! Ну же!..

- Сам доползу, - ответил Одо, но руку мне на плечи все-таки закинул.

Он старался не наваливаться на меня всем телом, но что толку, если Одо уже валился с ног – кровь было не остановить моим жалким кружевным шарфом.

- Бросайте, Эва... - выговорил он.

- Нет!

- Я сказал – бросьте меня! – Одо все-таки вырвался, отступил на пару ступенек, едва не опрокинувшись назад. Не мне бороться со взрослым мужчиной, пускай даже раненым. – Пожалуйста... Идите, Эва... я свое дело сделал... Вы умница, вы справитесь и без меня...

Его шатало – ещё немного, и в самом деле упадет, покатится вниз, вниз, и я приму эту добровольную жертву...

Что? Какую ещё жертву?

- Да никогда! – я ринулась за ним, обхватила за пояс и потащила вверх, туда, где уже видел был выход, а там можно дозваться доктора Боммарда, там ждет Данкир... – Никогда... Не дождетесь... И не смейте умирать, Эва вам не простит!

Казалось, у меня вот-вот сломается спина от тяжести, но я обещала доползти хоть на четвереньках – значит, доползу. Только знал бы кто, как неудобно делать это в треклятых длинных юбках...

Вдруг сделалось легче. Я покосилась на Одо – его обняла высокая, едва ли не выше него женщина в простом светлом одеянии. Безымянная, поняла я, когда она взглянула на меня.

- Отдай! – голос у меня сорвался. - Отдай, он не твой!..

Я бы кинулась на нее, чтобы отбить Одо – в ход пошли бы кулаки, ногти и даже шпильки, – но меня удержали, и вырваться я не сумела. Увидела только, извернувшись, что держит меня очень похожая женщина.

- Не буду никогда тебе молиться, – выговорила я в лицо Богине. - Зачем ты с нами так?.. Пусты меня, пусть сейчас же, я успею, я вытащу Одо, и доктор...

Она не ответила, повлекла меня все выше, выше, выше... Я отбивалась, как умела, но разве под силу сладить с Ней?..

Не помню, как я оказалась наверху, на площадке возле храма. Баронесса Эррен держала меня на коленях, а графина Эттари совала под нос клятые нюхательные соли – у нее они были такие, что мертвый бы восстал.

- Одо!..

Я резко села и увидела Данкира буквально в двух шагах от себя.

- Не надо кричать мне в ухо, ваше величество, – проворчал он. – Жив ваш ненаглядный канцлер.

- Син, он...

Мне наплевать было, что там подумают придворные, глядя, как я на коленях подползаю к Данкиру и Одо, пачкаясь в крови.

- Да говорю же, жив! Даже без Боммарда обойдемся, ничего жизненно важного не задето, – вовсе уж неприлично отпихнул меня маг. - А зачарованные пули все-таки по моей части.

- Те же, от Оллена?

- Да. Стрелка взяли. Наверно, он тоже из Безымянных, а откуда ему те пули перепали - от Эда или еще кого, потом выясним.

- Непременно выясните, - выговорила я.

- Его превосходительству несказанно повезло, - добавил Данкир. - Чуть влево или вправо, и пуля могла войти в легкое, в ребро, или того хуже, в позвоночник. А так навывлет прошло. Подумаешь, дырка в организме - крови много, толку мало...

Я вспомнила вдруг тень Эвы на Лестнице. То, как она выжидала, а потом толкнула Одо в спину. Может, если бы не это, он не отделался бы сквозным ранением? Или целились в меня, а она сделала Одо щитом? Ведь не возвращаться же, чтобы спросить...

- Да не рыдайте вы! Ну или хотя бы не на груди у его превосходительства рыдайте, ему же больно! - Данкир силой оторвал меня от Одо. - Подумайте, что люди скажут!

- Наплевать, - всхлипнула я. - После Восхождения никто ничего не посмеет сказать. И вообще...

- Расскажите, что там было? - жадно спросил он.

- Да. Непременно расскажу и прикажу внести это во все хроники, - опомнилась я. - Чтобы любой претендент знал, на что идет...

Он выразительно взглянул на мои босые ноги - правая перевязана грязным платком, - потом на залитое кровью платье, растрепанные волосы, зареванное лицо.

Ничего... Главное, Одо жив - я держала его за руку и чувствовала пульс, слабый, но ровный. Он же Химмелиц, а Химмелиц - скалы, которые не сдаются просто так, сам сказал...

- Кажется, королевский крап снова войдет в моду, - задумчиво проговорила баронесса Эррен, разглядывая забрызганную кровью юбку.

- Ничего, будет, что снять с модников в пользу бедных, - усмехнулась графиня Эттари.

Я не успела ответить: Одо наконец открыл глаза - словно после страшного сна, он силился выговорить что-то, но не мог, и только хватался за мою руку...

- О, кажется, теперь его превосходительство не сможет заснуть без своей Эвы - его будут мучить кошмары, - не удержалась от шпильки графиня Эттари.

- Мы вышли, - шепнула я ему на ухо. - Вышли. Двухединя вывела. Данкир вас заштопал, так что вставайте... Нужно встать - у нас еще столько дел!..

- Я бы предпочел Боммарда, - едва слышно ответил он, приподнявшись на локте.

- Непременно вызовем, но сначала нужно показаться людям.

- Что, вот так? Вы себя со стороны видели? Пугало огородное, а не королева...

- Какую заслужили, - мстительно ответила я и протянула ему руку. - Вставайте. Данкир сказал, что в ближайшее время вы не скончаетесь, так что нечего симулировать!

Канцлер встал на ноги сам. Нет, я думаю, Данкир помог, но... ненавязчиво, он это умеет, когда хочет.

- Идемте. Покажемся, - Одо вынул из-за обшлага ещё один платок и тщательно вытер мне лицо. - В самом деле, час поздний, люди ждут... Ну а теперь-то зачем плакать?

- Какое же вы невыносимое бревно, Мейнард... - процедила графиня Ларан и отвернулась.

- О, да вас можно поздравить, ваше величество? - тут же встряла графиня Эттари.

Я прижала руку к груди, но прятать перстень было поздно: все свитские уже наверняка его разглядели.

- Да, - я сглотнула. - Мы хотели объявить о помолвке сразу после Восхождения, но, кажется, ее придется отложить, пока Одо не... не... оправится после испытания. И я тоже.

- Как это скромно с вашей стороны... - Одо взял меня за руку. - Идем. Покажем людям королеву, которую они заслужили...

Ну да, именно такую: грязную, босоногую, растрепанную, с замурзанным лицом. Ту, что падая и спотыкаясь, тащила на себе верного человека по этой треклятой лестнице, когда его подстрелил какой-то мерзавец. Ту, которую под руки внесла наверх Двуетина, - так это выглядело со стороны.

- Я же не сделала ничего особенного... - прошептала я, когда нас оглушил рев толпы. Одо еще снял мундир, оставшись в одной окровавленной рубашке: это выглядело эффектно.

- Это вам так кажется. Но не огорчайтесь: ещё будет и сложнее, и страшнее, и... Хотя не представляю, что может быть страшнее помолвки с вами.

- Мы ее не подтвердили, можете разорвать.

- Не могу, - Одо смотрел в упор. - Я снял перстень добровольно. Я говорил вам, как это бывает. А вы... ну, попробуйте, верните его мне.

Конечно, я попыталась. Какое там: перстень, казалось бы, большой, мужской, сидел как влитой.

- Это нечестно, Одо, - сказала я. - Вы хотели спасти меня и Дагнару, пускай даже ценой собственной жизни. А я теперь просто не хочу вас отпускать, потому... потому что я глупая девчонка, как вы говорите, и мне без вас... я не смогу без вас! Это неравноценно!

- Я не сумел отдать перстень той Эве, как ни старался. На этом - точка, - произнес он и покосился вниз, на толпу. - Говорите, вы никогда не целовались?

- Я... что?..

Пожалуйста, никогда не проделывайте этого впервые на глазах у тысячной толпы. Очень неловко, клянусь Двуетиной.

Об авторе

Страница автора: <http://feisovet.ru/Авторы/Измайлова-Кира?ref-book=173726>

Блог автора: <http://feisovet.ru/Блоги/Измайлова-Кира?ref-book=173726>

Книги автора в магазине: <http://feisovet.ru/магазин/Измайлова-Кира/?ref-book=173726#books>

Все книги автора

- «Наследство. Кира Измайлова» : <http://feisovet.ru/магазин/Наследство-Измайлова-Кира?ref-book=173726>
- «Рассказы о семье Миртис. Кира Измайлова» : <http://feisovet.ru/магазин/Рассказы-о-семье-Миртис-Кира-Измайлова?ref-book=173726>
- «Снежная Дева. Кира Измайлова» : <http://feisovet.ru/магазин/Снежная-Дева-Кира-Измайлова?ref-book=173726>
- «Собачье счастье. Кира Измайлова» : <http://feisovet.ru/магазин/Собачье-счастье-Кира-Измайлова?ref-book=173726>
- «Странники. Кира Измайлова» : <http://feisovet.ru/магазин/Странники-Кира-Измайлова?ref-book=173726>
- «Скоро сказка сказывается. Кира Измайлова» : <http://feisovet.ru/магазин/Скоро-сказка-сказывается-Кира-Измайлова?ref-book=173726>
- «Отчим. Кира Измайлова» : <http://feisovet.ru/магазин/Отчим-Кира-Измайлова?ref-book=173726>
- «Жилец. Кира Измайлова» : <http://feisovet.ru/магазин/Жилец-Кира-Измайлова?ref-book=173726>
- «Колдунья. Кира Измайлова» : <http://feisovet.ru/магазин/Колдунья-Кира-Измайлова?ref-book=173726>
- «Одиночка. Кира Измайлова» : <http://feisovet.ru/магазин/Одиночка-Кира-Измайлова?ref-book=173726>
- «Древние мифы на новый лад. Кира Измайлова» : <http://feisovet.ru/магазин/Древние-мифы-на-новый-лад-Кира-Измайлова?ref-book=173726>
- «Городская магия. Кира Измайлова» : <http://feisovet.ru/магазин/Городская-магия-Кира-Измайлова?ref-book=173726>
- «Затерянный остров. Кира Измайлова» : <http://feisovet.ru/магазин/Затерянный-остров-Кира-Измайлова?ref-book=173726>
- «Драконьи сказки. Том 1. Кира Измайлова» : <http://feisovet.ru/магазин/Драконьи-сказки-Том-1-Кира-Измайлова?ref-book=173726>
- «Страж перевала. Кира Измайлова» : <http://feisovet.ru/магазин/Страж-перевала-Кира-Измайлова?ref-book=173726>
- «Драконьи сказки. Том 2. Кира Измайлова» : <http://feisovet.ru/магазин/Драконьи-сказки-Том-2-Кира-Измайлова?ref-book=173726>
- «Школа Спящего дракона. Кира Измайлова» : <http://feisovet.ru/магазин/Школа-Спящего-дракона-Кира-Измайлова?ref-book=173726>
- «Феи. Том 1. С феями шутки плохи... Чудовища из Норвуда. История Розы. Кира Измайлова» : <http://feisovet.ru/магазин/Феи-Том-1-С-феями-шутки-плохи-Чудовища-из-Норвуда-История-Розы-Кира-Измайлова?ref-book=173726>
- «Феи. Том 2. Одиннадцать дней вечности. Безобразная Жанна. Кира Измайлова» : <http://feisovet.ru/магазин/Феи-Том-2-Одиннадцать-дней-вечности-Безобразная-Жанна-Кира-Измайлова?ref-book=173726>
- «Феи. Том 3. Алийское зеркало. Страж Перевала. Кира Измайлова» : <http://feisovet.ru/магазин/Феи-Том-3-Алийское-зеркало-Страж-Перевала-Кира-Измайлова?ref-book=173726>
- «Злые зеркала. Кира Измайлова» : <http://feisovet.ru/магазин/Злые-зеркала-Кира-Измайлова?ref-book=173726>

«Дикий дракон Сандеррина. Кира Измайлова» : <http://feisovet.ru/магазин/Дикий-дракон-Сандеррина-Кира-Измайлова?ref-book=173726>

«Тайна третьей невесты. Кира Измайлова» : <http://feisovet.ru/магазин/Тайна-третьей-невесты-Кира-Измайлова?ref-book=173726>

«Случай из практики. Караванная тропа. Кира Измайлова» : <http://feisovet.ru/магазин/Случай-из-практики-Караванная-тропа-Кира-Измайлова?ref-book=173726>

«Случай из практики. Цветок пустыни. Кира Измайлова» : <http://feisovet.ru/магазин/Случай-из-практики-Цветок-пустыни-Кира-Измайлова?ref-book=173726>

«Коммуналка. Кира Измайлова, Эрл Грей» : <http://feisovet.ru/магазин/Коммуналка-Кира-Измайлова?ref-book=173726>

«В - значит "виктория". Кира Измайлова» : <http://feisovet.ru/магазин/В-значит-виктория-Кира-Измайлова?ref-book=173726>

«Странники. За кадром. Кира Измайлова» : <http://feisovet.ru/магазин/Странники-За-кадром-Кира-Измайлова?ref-book=173726>

«Под иными небесами. Кира Измайлова» : <http://feisovet.ru/магазин/Под-иными-небесами-Кира-Измайлова?ref-book=173726>

«Случай из практики. Осколки бури. Кира Измайлова» : <http://feisovet.ru/магазин/Случай-из-практики-Осколки-бури-Кира-Измайлова?ref-book=173726>

«В рассветный час. Кира Измайлова» : <http://feisovet.ru/магазин/В-рассветный-час-Кира-Измайлова?ref-book=173726>

«Старое платье королевы. Кира Измайлова» : <http://feisovet.ru/магазин/Старое-платье-королевы-Кира-Измайлова?ref-book=173726>

КНИГА КУПЛЕНА В ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИНЕ WWW.FEISOVET.RU

ПОКУПАТЕЛЬ: Yulia (nesterova1596@mail.ru) ЗАКАЗ: #286005265 / 31-июл-2019

КОПИРОВАНИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ТЕКСТА ДАННОЙ КНИГИ В ЛЮБЫХ ЦЕЛЯХ ЗАПРЕЩЕНО!

Уважаемый читатель! Обращаем Ваше Внимание! Данный текст является коммерческим контентом сайта feisovet.ru. Любое копирование и размещение текста на сторонних ресурсах приравнивается к краже собственности, что повлечет соответствующую реакцию. А именно:

Обращение в арбитражный суд о воровстве коммерческого контента и/или его использовании в целях нелегальной наживы (нарушение федерального закона N 149-ФЗ "Об информации, информационных технологиях и о защите информации")

Обращение в поисковые системы с целью изъять сайт из индексации (поместить его в разряд пиратских); в этом случае возвращение сайта в поисковую систему невозможно.

Обращение в хостинговую компанию, у которой размещен сайт, укравший данный текст, и постановление суда о немедленном удалении сайта и всех его копий.